

Федеральное государственное научно-исследовательское учреждение
«Институт законодательства и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации»

На правах рукописи

Кресс Вячеслав Викторович

**СИСТЕМА ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ
РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

Специальность 5.1.3.
Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. ИСТОРИКО-РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ.....	20
§ 1.1. Дореволюционный период развития элементов системы объектов гражданских прав	20
§ 1.2. Эволюция объектов гражданских прав в советском законодательстве... ..	35
§ 1.3. Развитие системы объектов гражданских прав в российском праве.....	51
§ 1.4. Понятие объектов гражданских прав.....	62
Глава 2. ФОРМИРОВАНИЕ НЕТРАДИЦИОННЫХ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ.....	84
§ 2.1. Место «прав ожидания» в системе российского права.....	84
§ 2.2. Эволюция понимания нематериальных благ в науке гражданского права.....	97
§ 2.3. Понятие, свойства и классификация информации как объекта гражданских прав	120
§ 2.4. Теоретические аспекты определения места энергии (энергетических ресурсов)	130
Глава 3. ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА СИСТЕМУ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА.....	150
§ 3.1. Виртуальное (цифровое) имущество как объект гражданских прав	150
§ 3.2. Гражданско-правовой режим виртуальных (цифровых) объектов	174

§ 3.3. Вопросы правового статуса субъектов цифровых правоотношений	195
§ 3.4. Связь оборота цифрового контента и цифровизации гражданского оборота	221
Глава 4. ТРАДИЦИОННЫЕ ОБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В СИСТЕМЕ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	238
§ 4.1. Проблемы понятия имущества как гражданско-правовой категории	239
§ 4.2. Правовой режим недвижимого имущества: проблемы формирования и отражения в российском законодательстве	253
§ 4.3. Особенности имущественных прав как объектов гражданских прав	271
§ 4.4. Результаты работ и оказание услуг в системе объектов гражданских прав	291
§ 4.5. Правовой режим результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации как объектов гражданских прав	301
§ 4.6. Систематизация объектов гражданских прав в российском законодательстве	318
Глава 5. ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В ИНОСТРАННЫХ ПРАВОПОРЯДКАХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ	330
§ 5.1. Международно-правовые инструменты унификации и гармонизации правового режима объектов гражданских прав	330
§ 5.2. Общие черты и специфика правового режима объектов гражданских прав в государствах континентально-правовой системы	357
§ 5.3. Объект гражданских прав как «иностраннный элемент» частноправовых отношений и определение применимого к ним правопорядка	371
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	389
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	395

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Современная наука гражданского права преимущественно концентрируется на изучении локальных вопросов правового регулирования: право собственности, юридические лица, интеллектуальная собственность, обязательства, гражданско-правовая ответственность т.д. Научная и практическая значимость этих исследований не вызывает сомнений, но все они сводятся к вопросу о юридической сущности объекта гражданских прав. Изучение проблемы объектов гражданских прав и связанных с этим вопросов их неоднородного правового режима имеет первостепенное значение для юридической науки, законотворчества, правоприменительной практики.

В своем развитии социально и экономически ориентированное гражданское законодательство требует опоры на инструментарий и методологию юридической науки. Этим определяется объективная потребность в разработке современного научно-практического учения об объектах гражданских прав, их системе и видах, концепции правового регулирования объектов гражданских прав, реализуемой при совершенствовании законодательства. При высоких темпах изменения социально-экономической реальности и при отсутствии научно систематизированных и обоснованных представлений о качестве и признаках объектов гражданских прав невозможно ожидать эффективных и стабильных законодательных решений. Подходы российского законодателя к определению объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) не отличаются устойчивостью и выверенностью юридической классификации и квалификации, что подтверждается регулярными изменениями редакции ст. 128 ГК РФ за 30-летний период ее действия.

Условия современности (внедрение и повсеместное использование совершенствующихся технологий, недокомпенсация при защите

гражданских прав и гражданско-правовой ответственности, разрыв экономического содержания и правовой формы товарообмена) ставят перед правоведением задачи поиска оптимальной правовой формы возникающих отношений по обеспечению оборотоспособности и правовой охраны новых объектов гражданских прав. Приоритетной задачей науки гражданского права видится моделирование новых правовых режимов и принадлежности объектов гражданских прав, не существовавших в доцифровой экономике. Ее решение невозможно без выстраивания логики законодателя в формировании перечня объектов гражданских прав, правовой режим которых не является однородным.

В этой связи перед современной юридической наукой стоит задача модернизации учения об объектах гражданских прав и формирования научно-практической концепции их правового регулирования.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, связанные с формированием видов и системы объектов гражданских прав.

Предмет исследования – институты права, нормы российского и зарубежного законодательства, регулирующие общественные отношения, составляющие объект научного исследования, правоприменительная практика, а также отечественная и зарубежная доктрина по теме исследования.

Цель и основные задачи исследования. Целью диссертационного исследования является формулировка и обоснование нового научно-практического знания о понятии и системе объектов гражданских прав в современном гражданском праве.

Исходя из указанных целей диссертационного исследования поставлены следующие задачи:

- определить функциональное назначение и закономерности формирования системы объектов в действующем российском гражданском законодательстве;

- определить квалифицирующие признаки объекта гражданских прав;
- выявить нетрадиционные объекты гражданских прав;
- проследить и обосновать особенности формирования цифрового гражданского оборота как среды формирования новых объектов гражданских прав, адаптивных для цифровой экономики;
- определить специфику гражданско-правового режима цифрового имущества;
- предложить варианты разрешения проблемы понятия имущества как гражданско-правовой категории;
- выявить и предложить разрешение проблемы формирования и отражения в российском законодательстве правового режима недвижимого имущества;
- обосновать специфику имущественных прав как объектов гражданских прав;
- выявить специфику результатов работ и оказания услуг в системе объектов гражданских прав;
- проанализировать вопросы правового режима результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации как объектов гражданских прав;
- определить критерии систематизации объектов гражданских прав в российском гражданском законодательстве;
- оценить релевантность зарубежного опыта регулирования объектов гражданских прав при совершенствовании российского права;
- сформулировать предложения по формированию концепции гражданских прав в российском законодательстве.

Степень научной разработанности темы исследования. Сама проблематика объектов гражданских прав и их системы поставлена в современной науке гражданского права, но следующие из нее научно-практические вопросы, имеющие первостепенное значение для современного правоведения и развития законотворчества так и не решены: качественные

признаки объекта гражданских прав, функциональное назначение системы объектов гражданских прав, критерии систематизации объектов гражданских прав различной юридической природы.

В дореволюционный период разработкой теории объекта права и правоотношения в науке гражданского права занимались такие ученые, как К.Н. Анненков, В.Г. Виноградов, Ю.С. Гамбаров, Д.Д. Grimm, В.Г. Кукольник, Д.И. Мейер, К.П. Победоносцев, Г.Ф. Шершеневич и др.

В советской теории гражданского права вопросы объектов гражданских прав исследовали М.М. Агарков, С.С. Алексеев, К.О. Берновский, О.С. Иоффе, Я.М. Магазинера, Ю.К. Толстой, Р.О. Халфина и др.

На этапе становления частноправовых отношений в России теорию и практику объекта гражданских прав разрабатывали В.А. Дозорцев, А.Л. Маковский, Е.А. Суханов, В.Ф. Яковлев, А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой, В.А. Белов, В.А. Лапач, В.И. Сенчищев и др.

На современном этапе существенный вклад в исследование проблематики объектов гражданских прав внесли Г.А. Гаджиев, А.В. Егоров, А.А. Иванов, Н.В. Козлов, С.Ю. Филиппова и Т.С. Яценко.

Вместе с тем следует отметить, что большинство имеющихся публикаций по проблемам объектов гражданских прав и их системы не разрешают вопросов, поставленных в настоящей работе. В российской теории и практике гражданского права наблюдается правовая неопределенность относительно понятия и принципов систематизации объектов гражданских прав и квалифицирующих их признаков.

Методологическую основу диссертационного исследования составляют общие и специальные методы научного познания, использование которых позволило автору провести исследование и подготовить научно-квалификационную работу по проблемам объектов гражданских прав.

Использование общенаучных методов (анализ, синтез, обобщение, дедукция, диалектический метод) позволило систематизировать знания,

сформулировать и структурировать суждения, взятые за основу положений, вынесенных на защиту.

В ходе исследования также были применены специальные методы юридического познания – формально-юридический, технико-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой. С использованием метода сравнительного анализа был рассмотрен опыт зарубежных стран в формировании системы объектов гражданских прав. При анализе систематизации объектов гражданских прав на различных этапах развития российского общества применялся историко-правовой метод, позволивший выявить контекст и предпосылки законодательных решений, сложившихся в определенные периоды развития государства и права.

Теоретическую основу исследования составили научные труды ведущих российских и зарубежных ученых, разрабатывавших практические и теоретические вопросы признаков, системы, видов объектов гражданских прав.

Нормативная база исследования представлена российскими законодательными и иными нормативными правовыми актами, регулирующими общественные отношения в области формирования видов и систематизации объектов гражданских прав, а также соответствующими актами зарубежных стран.

Эмпирическую базу исследования составляет практика применения положений норм российского и зарубежного гражданского законодательства, определяющих различные аспекты формирования системы объектов гражданских прав.

Научная новизна исследования заключается в формулировке авторской концепции системы и видов объектов гражданских прав, разработанной с учетом современных вызовов социального и экономического развития общества.

Основу концепции составляет тезис о необходимости пересмотра принципов систематизации объектов гражданских прав, для каждого из

которых вводится и действует индивидуальный правовой режим. В развитие этого положения сформулированы теоретическое определение и признаки объектов гражданских прав; обусловлена целесообразность введения в законодательство термина «виртуальное (цифровое) имущество»; на основе выявленных универсальных признаков включаемых в его состав объектов сформулировано теоретическое определение виртуального (цифрового) имущества; поскольку положение виртуальных (цифровых) объектов в системе объектов гражданских прав не определено, предложено исключить из перечня объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) цифровые права, одновременно включив в него непосредственно виртуальное (цифровое) имущество; обоснована целесообразность отказа в контексте ст. 128 ГК РФ от обобщающей категории «имущество», и сформулированы сопутствующие такому отказу предложения.

Проведенное исследование позволило сформулировать научно-теоретические положения, а также рекомендации по совершенствованию действующего российского законодательства, соответствующие критериям новизны, выносимые на защиту:

1. Индивидуальные квалифицирующие признаки объекта гражданских прав определяются совокупностью факторов: экономических (наличие спроса и предложения на рынке в отношении товара), социальных (обеспечение правовой защищенности социальным ценностям) и юридических (возможность распоряжения, установление и действие специального режима оборотоспособности) факторов.

Построение системы объектов гражданских прав в действующем российском законодательстве не подчинено правовой логике и последовательности, качественным признакам и критериям, что могло бы обеспечить определенность, стабильность и предсказуемость российского законодательства в целом, а также эффективные межотраслевые связи в системе российского права и законодательства. Фрагментарное и ситуативное законодательное признание отдельных товаров и благ объектами

гражданских прав ведет к смешению формы и содержания в правовом регулировании, разрушению правовой логики правовых решений.

2. С позиций философии частного права объект права целесообразно раскрывать через ключевое понятие «явления действительности», рассматриваемые как объективная реальность – совокупность существующего как результата закономерного развития природы, общества и духовной культуры в ее объективном значении. При этом под овеществленными явлениями действительности следует понимать предметы (вещи), а под неовеществленными – духовные начала. Таким образом, объекты права – это предметы и иные явления объективной действительности, овеществленные и неовеществленные, которые на различных этапах общественного развития меняют как содержательные характеристики, так и правовые формы опосредования.

В основу систематизации объектов гражданских прав может быть положен критерий определения правовой природы абстрактных предметов и явлений действительности, характеризующийся совокупностью их признаков. Совокупность физических и функциональных признаков объекта предопределяет устанавливаемый в его отношении правовой режим.

Исходя из данного критерия и на основе проведенного анализа перечисленных в ст. 128 ГК РФ объектов гражданских прав считаем возможным предложить следующую их систему: 1) вещи (включая документарные ценные бумаги и наличные денежные средства); 2) бестелесное имущество (в том числе результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, виртуальное (цифровое) имущество, энергоресурсы, доля в праве собственности); 3) нематериальные блага; 4) имущественные права и обязанности (обязательственные права, исключительные права, иные интеллектуальные права имущественного характера, бездокументарные ценные бумаги, безналичные денежные средства, цифровые рубли); 5) имущество как

совокупность вещей и (или) имущественных прав и обязанностей (в том числе имущественный комплекс и единый недвижимый комплекс); 6) результаты работ и оказание услуг.

Для определения возможности «вписания» нового объекта гражданских прав в их систему следует уяснить его правовую природу, проанализировав его физические и функциональные признаки.

3. В отличие от закрепления в законодательстве принципов права выделение объекта гражданского права предполагает синхронное определение его индивидуального правового режима как обязательного условия достижения цели гражданско-правового регулирования, то есть номинирования конкретной разновидности объекта гражданских прав в законодательно установленном перечне (ст. 128 ГК РФ) еще недостаточно для возникновения его характеристик как объекта гражданских прав – для этого требуется синхронное нормативное определение конкретных режимов его оборота и (или) правовой охраны.

Гражданско-правовой режим объектов гражданских прав устанавливается и определяется индивидуально в отношении каждого вида объектов гражданских прав (индивидуально-определенные вещи, исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, корпоративные активы, обязательственные и иные права с имущественным и неимущественным содержанием). Вместе с тем невозможно установление общего (единого) режима для нескольких групп разновидовых объектов гражданских прав. Это показывает правовую неопределенность понятий «иное имущество», «другое имущество», употребляемых в законодательстве и правоприменительной практике.

Индивидуальность гражданско-правового режима объекта гражданских прав формирует особенности взаимосвязи прав и обязанностей субъектов гражданского права в структуре гражданского правоотношения.

4. Легитимированная законодательством система объектов гражданских прав является ведущим конститутивным признаком

обеспечения законности и правопорядка в статике и динамике гражданского оборота конкретной правовой системы и юрисдикции, являясь составной частью экономического порядка государства.

5. Последовательный и постепенный переход к цифровой экономике предопределяет формирование двух связанных, но предметно обособленных друг от друга плоскостей формирования и развития гражданских правоотношений и, соответственно, вовлечения и участия в них качественно различающихся систем объектов гражданских прав. Цели, предмет, метод правового регулирования гражданских правоотношений для них будут кардинально различаться в том числе с точки зрения правовой охраны частных и публичных интересов.

В цифровой экономике объективно возникает новая организационно-правовая среда как пространство реализации имущественных интересов по поводу дематериализованных объектов гражданских прав, оборот и переход прав на которые не связаны с материальным носителем и не имеют аналогов в праве традиционной (доцифровой) экономики. Таким образом складывается новая инфраструктура рынка – цифровой имущественный оборот, в котором формируются новые правила оборотоспособности и признаки объектов гражданских прав.

В цифровом гражданском обороте родовым признаком объектов гражданских прав выступает качество и свойство цифрового (виртуального) имущества, а его отдельными видами являются криптоактивы, доменные имена, криптокошельки, информационный код и др.).

Цифровое (виртуальное) имущество представляет собой особый нематериальный объект гражданских прав, обладающий экономической или потенциальной стоимостью и существующий в рамках определенной информационной системы (неотделим от нее без потери его основных свойств, определяющих его ценность) в соответствии с установленными администратором или владельцем такой системы правилами, определяющими механизмы создания, функционирования и

оборотоспособности такого объекта. Имплементированные в предложенное определение признаки позволяют отграничить входящие в его состав объекты уже существующих в цифровой форме объектов, в отношении которых в настоящее время установлен правовой режим (базы данных, программы ЭВМ и т.д.).

Предложено исключить из перечня объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) цифровые права, одновременно включив в него непосредственно виртуальное (цифровое) имущество, распространив на него гражданско-правовой режим цифровых прав с учетом наполнения содержания последнего, без которого в настоящее время данная дефиниция имеет абстрактный (неопределенный) характер.

6. Выявлено, что первичным, исходным принципом правового регулирования отношений, возникающих в сфере принадлежности и оборота цифровых (виртуальных) объектов, является принцип “the Code is the Law” (код – это закон), который должен быть сочленен с национальным законом.

Цифровой суверенитет каждой правовой системы предполагает наполнение цифрового кода общеобязательными для соблюдения запретами и ограничениями, условиями оборотоспособности конкретных разновидностей цифрового имущества.

7. Нематериальные блага органически входят в систему объектов гражданских прав как обязательное условие возникновения в их отношении гражданско-правового отношения. В сфере гражданско-правового регулирования нематериальные блага подчинены дифференцированному правовому режиму: для передаваемых нематериальных благ устанавливается режим их оборотоспособности (переход прав на средства индивидуализации и др.), в отношении непередаваемых (право на честь и достоинство, деловую репутацию и др.) – будут применяться правоохранительные механизмы компенсации и возмещения.

Принимая во внимание то, что некоторые нематериальные блага могут выступать объектом гражданско-правовых сделок, в основе предложенной в работе классификации нематериальных благ использован критерий оборотоспособности. На его основе перечисленные в ст. 150 ГК РФ нематериальные блага целесообразно классифицировать на имеющие имущественное содержание и не имеющее такового.

К первой группе нематериальных благ, имеющих имущественное содержание, предложено отнести деловую репутацию, имя (псевдоним) гражданина, его изображение. Их характеризуют следующие отличительные признаки: 1) возможность денежной оценки; 2) ограниченная оборотоспособность – при установленных в законе условиях нематериальные блага могут быть объектом гражданско-правовых сделок.

По остаточному принципу иные нематериальные блага составляют вторую группу нематериальных благ. Таким благам, не имеющим материального содержания, присущи признаки отсутствия экономического содержания и непередаваемость.

Общими (универсальными) признаками нематериальных благ являются: 1) приобретение от рождения или в силу закона; 2) невещественный характер; 3) неотчуждаемость.

8. Информация, имеющая коммерческую ценность, является особым объектом гражданских прав, в отношении которого возможны заключение сделок и исполнение гражданско-правовых обязательств, выявление правомерных и неправомерных действий.

Аргументирован вывод о том, что информация является опосредованным объектом гражданских прав, поскольку по своей природе она является частью (содержанием) прямо поименованных в ст. 128 ГК РФ объектов гражданских прав (нематериальных благ или результатов интеллектуальной деятельности), что создает конструкцию объекта внутри объекта. В этой связи высказано предположение условно именовать указанный в законе объект гражданских прав (нематериальное благо или

результат интеллектуальной деятельности) объектом первого порядка (уровня), а составляющие его часть (содержание) сведения (информацию) – объектом гражданских прав второго порядка (уровня).

Таким образом, правовой режим информации как объекта гражданских прав второго порядка (уровня) будет определен объектом гражданских прав первого порядка (уровня), частью (содержанием) которого она является.

9. Методы дозволения и правонаделения в гражданском праве обеспечивают возможность включения в гражданский оборот новых объектов по мере усложнения и развития экономических отношений. Универсальным и родовым признаком формирования системы объектов гражданских прав является отсылка законодателя к «иному имуществу», прямо не поименованному законом.

Отсылка законодателя к «иному имуществу» на ранних этапах становления в России рыночной экономики обеспечивала адаптационное свойство гражданского законодательства и вместе с тем его стабильность, допуская формирование судебно-правовых позиций как направлений актуализации гражданского законодательства. Введение законодателем общего термина «имущество» означает совокупность или любые потенциально возможные вариации сочетания форм принадлежности предусмотренных гражданским законодательством видов объектов гражданских прав правообладателю.

В работе обоснован вывод о целесообразности отказа в контексте ст. 128 ГК РФ от обобщающей категории «имущество», что в первую очередь обусловлено невозможностью установления единого (общего) правового режима в отношении данного объекта гражданских прав, а также приведением к единообразию использования в гражданском законодательстве категории «имущество».

В работе сформулированы следующие предложения:

- понятие «иное имущество», под которое в настоящее время по остаточному принципу подводят новые объекты гражданских прав, заменить

категорией «бестелесное имущество», что с учетом тенденции к дематериализации объектов имущественных отношений позволит сохранить зарезервированное место в системе объектов гражданских прав для новых нематериальных объектов;

- вещи и имущественные права как объекты гражданских прав с позиции установленного в их отношении правового режима имеют самостоятельное значение, вследствие чего их искусственное объединение лишено практического смысла. Вместе с тем оправданным представляется использование в гражданском законодательстве понятия «имущество» как совокупности вещей и (или прав). В связи с этим предложено ст. 128 ГК РФ дополнить самостоятельным объектом гражданских прав – «имущество», при этом автором диссертации сформулировано следующее его определение: имущество – это совокупность или различные сочетания принадлежавших субъекту перечисленных в ст. 128 ГК РФ объектов гражданских прав, включая права требования и обязанности, обособленных самим субъектом или законодателем для каких-либо целей, в том числе для введения в гражданский оборот. При этом по смыслу ст. 132, 133.1 ГК РФ с учетом предлагаемого нами содержательного наполнения понятия «имущество» считаем имущественный комплекс и единый недвижимый комплекс разновидностью имущества.

10. В работе сформулирован вывод об отнесении к объектам недвижимости только таких объектов, которые неразрывно и функционально связаны с использованием земельного участка как объекта застройки: здания, сооружения, единые недвижимые комплексы, помещения (жилые и нежилые), машино-места. В этом смысле объекты незавершенного строительства, воздушные и морские суда не соответствуют данному критерию и не входят в категорию объектов недвижимости. Показано, что в правовых системах современности законодательные подходы к определению недвижимости обусловлены национальной спецификой развития земельных отношений.

11. Потребностями гражданского оборота и развитием форм инвестирования и капитализации инспирирована необходимость уточнения признаков и правового режима доли в праве общей собственности: она имеет нематериальный характер; в праве выражается математической формулой в виде дроби – части по отношению к целому; в праве не тождественна по своему правовому режиму вещи и праву собственности на нее, то есть наличие долей в праве не предполагает деления права собственности (ни по правомочиям, ни по объему); ее размер влияет лишь на имущественные выгоды и обременения ее обладателя, в том числе в отношениях между сособственниками.

12. Имущественное право может выступать объектом распоряжения при совпадении нескольких условий: коммерческая ценность самого права, а не его объекта; возможность распоряжения им по модели купли-продажи или цессии.

Обоснован вывод о том, что право собственности в контексте ст. 128 ГК РФ не является объектом гражданских прав. В настоящее время обязательственные и исключительные права как отвечающие сформулированным в доктрине признакам имущественных прав (связь с имуществом; оборотоспособность и возможность денежной оценки) являются отдельными объектами гражданского права, в связи с чем из ст. 128 ГК РФ предложено исключить категорию «имущественные права» и включить в качестве самостоятельных объектов обязательственные и исключительные права.

13. Внесение изменений в гражданское законодательство в части расширения перечня объектов недвижимых вещей обусловлено комплексом причин – в первую очередь сохранением господствующей роли государственной собственности на землю, а также современным социально-экономическим состоянием рынка недвижимости, что не свидетельствует об отказе законодателя от внедрения в отечественную правовую систему концепции единого объекта недвижимости. Об этом свидетельствуют

новации гражданского законодательства о реализации принципа приращения – право собственности на созданные здание, сооружение, объект незавершенного строительства, помещение, машино-место возникает у собственника земельного участка, на котором расположены указанные объекты.

При этом в работе сформулирован вывод о целесообразности сокращения перечня объектов недвижимых вещей за счет исключения из текста ст. 130 ГК РФ указания на участки недр, объекты незавершенного строительства, а также воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания. В результате к недвижимым вещам предложено относить земельные участки и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, единые недвижимые комплексы, а также помещения (жилые и нежилые) и машино-места в редакции ст.130 ГК РФ.

14. Аргументировано, что самостоятельными объектами гражданских прав в контексте ст. 128 ГК РФ могут выступать исключительные права и иные интеллектуальные права имущественного характера.

В целях решения практических проблем признания конкретного «иного интеллектуального права» имущественным следует проанализировать его с точки зрения наличия или отсутствия у него имущественного признака. К числу таких признаков могут быть отнесены возможность денежной оценки интеллектуального права, а также допустимость перехода интеллектуального права от одного лица к другому или возможность распоряжения им.

Научная и практическая значимость исследования состоит в формировании нового научно-практического знания о признаках, видах и системе объектов гражданских прав, реализуемого не только в новых категориях и направлениях развития академической науки, но и в возможности разработки на основе выполненного исследования концепции правового регулирования объектов гражданских прав.

Полученные результаты могут быть использованы в законотворческом процессе, образовательной деятельности, правоприменительной практике как слагаемые концепции правового регулирования системы и видов объектов гражданских права.

Апробация результатов исследования. Основные выводы и предложения, сформулированные диссертантом, отражены в опубликованных трудах в рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. Положения диссертации обсуждены и одобрены на заседании центра частного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Структура работы обусловлена поставленными целями и сформулированными задачами проведения исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, включающих в себя 21 параграф, заключения и списка использованных источников.

Глава 1. ИСТОРИКО-РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

§ 1. Дореволюционный период развития элементов системы объектов гражданских прав

Для рассматриваемого этапа развития цивилистической мысли характерно несколько взаимосвязанных особенностей, каждая из которых, с одной стороны, показывает этапы и направления развития доктрины гражданского права с формированием позиций научных школ, с другой – является ответом на запросы реальной социально-экономической жизни соответствующего периода.

Едва ли не первой монографической работой по теории объекта гражданских прав явилось исследование Д.Д. Гримма, который констатировал крайне неудовлетворительное состояние разработки рассматриваемого вопроса как в теории, так и на практике¹. Сложившиеся представления были основаны на противопоставлении объекта права субъекту. Они же сохранились и в более поздние периоды, что подтверждается изложением основ общей части гражданского права позиционированием и противопоставлением субъекта и объекта, которые в отрыве друг от друга существовать не могут². Возможно видеть, что научные представления об объекте гражданских прав дореволюционных ученых основывались на широкой интерпретации римского *rem*³. Римская категория вещей была собирательна, она включала в себя как явления материального мира, так и юридические отношения и права⁴. К категории вещей римляне

¹ См.: Гримм Д.Д. Энциклопедия права: лекции. СПб., 1895. С. 176.

² См.: Обязательство по советскому гражданскому праву / М.М. Агарков. М., 1940.

³ См.: Мейер Д.И. Русское гражданское право: в 2 ч. М., 2003. С. 159.

⁴ См.: Римское частное право: учебник / В.А. Краснокутский, И.Б. Новицкий, И.С. Перетерский и др.; под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М., 2004.

относили классические материальные вещи, права требования из договоров, рабов, а в более поздний период и иски. Эта мысль выражена в работах основоположников российской цивилистики, где вещь была воспринята в тройном значении: 1) в пространном – вещь означает все то, что не есть лицо; 2) тесном – под вещью подразумевается все то, что не есть ни лицо, ни тяжба; 3) теснейшем – вещь означает все то, что не есть ни лицо, ни тяжба, ни деяние⁵. Это понимание не только сохранилось, но и выражено в трудах современных российских авторов, отметивших, что вся природа (весь мир, натура) находится за пределами права, а следовательно, право представляет собой идеальную, а не фактическую сферу, поэтому когда право называет вещью определенный объект, это означает совсем не то, что эта вещь существует физически, а только то, что такая вещь становится предметом прав и обязанностей⁶.

Верификация в праве объекта как самостоятельной категории была обусловлена влиянием философии и метафизики на право и получила описание в германском праве, сосредоточенном на формировании и развитии понятий и категорий права в системы и ряды. В этом контексте объект права понимался как все «то, что через посредство юридических отношений подчиняется нашей воле»⁷, одновременно перед самим собой ставилась задача определить те предметы, на которые может воздействовать (иными словами, распространять свое господство) воля. В результате к таким предметам Ф.К. Савиньи относит «то, что мы должны назвать внешним миром по отношению к “желающему”», который, по мнению ученого, состоит частично из «несвободной природы», а частично из чужих лиц. Так называемую собственную персону, трактуемую в доктрине того периода как

⁵ См.: Кукольник В.Г. Начальные основания римского гражданского права для руководства в преподавании оного на публичных курсах. СПб., 1810.

⁶ См.: Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд., перераб. М.: Статут, 2010.

⁷ Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права: в 8 т. Т. II / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М., 2012.

исконное право (первоправо, т.е. человек имеет право на самого себя, которое неизбежно возникает с момента рождения человека и прекращается его смертью), ошибочно относить к объектам права, считает ученый.

Так, правомерность власти человека над самим собой не вызывает сомнений. Более того, именно эта власть ставится во главу угла при приобретении всех истинных прав, поскольку собственно обязательства приобретают для человека истинную ценность только как искусственное распространение наших собственных и личных сил, как новые органы, которые искусственно добавляются к нашему естественному существу. Однако в данном случае Ф.К. Савиньи подчеркивает, что такая власть человека над самим собой не нуждается в признании и ограничении со стороны позитивного права. Кроме того, по мнению ученого, защита естественной власти человека над самим собой от посягательств третьих лиц представляет собой исходные начала для многих отдельных институтов. В гражданском праве существует значительное число прав, целью которых является защита чести от оскорбления, защита от обмана и насилия, а также, следовательно, владельческие жалобы. В результате Ф.К. Савиньи резюмирует, что такие права образуют абсолютно позитивные институты права с особым содержанием. Если же их представить как права над собственной персоной, то этим будет скрыт их истинный характер.

Владение несвободной природой понимается Ф.К. Савиньи не как целое, а как ограниченная таким образом часть ее, которую он именуется вещью (Sache), а оттого к ней относится первый вид возможных прав – право на вещь (das Recht an einer Sache), которое в своей самой чистой и самой совершенной форме называется собственностью (Eigenthum).

Возможное отношение к чужому лицу может быть двояким. Первый вариант заключается в полном подчинении нашему господству чужого лица, подобно вещи, которым на самом деле является римское рабство. Второй

вариант состоит в господстве на отдельные действия чужого лица, которое именуется обязательством (Obligation)⁸.

Г.Ф. Пухта (один из учеников и последователей Ф.К. Савиньи) в своих исследованиях также использовал источники римского права, на основании которых он под категорией вещи понимает различные по правовой природе и режиму предметы правового господства⁹.

Основательный анализ существующих на том историческом этапе теорий объекта права, предложенных европейскими учеными, провел Д.Д. Гримм, который пришел к выводу о том, что в западной доктрине под правовое определение объекта права подпадает не только элемент конкретного отношения или абстрактного типа. Объект права в данном случае заключается также в результате, на достижение которого направлено данное конкретное отношение или который может быть достигнут установлением соответствующего абстрактного типа¹⁰. При этом Д.Д. Гримм критикует доктринальный подход к рассмотрению категории объекта права, основанный на абстрактных типах, называя его ненаучным. Объектами прав в техническом смысле ученый называет только объекты конкретных отношений, это могут быть только явления, доступные внешнему восприятию и внешнему воздействию. С учетом сформулированных таким образом признаков объектов права, он считает допустимым относить к ним лица и предметы внешнего мира, то есть явления, заключенные в известные пространственные границы¹¹.

⁸ Там же.

⁹ В их числе Г.Ф. Пухта называет такие, как собственная личность управомоченного (владение), вещь (вещные права), действия других лиц (обязательства), другие личности вне управомоченного (брачно-семейные отношения) и личности, соединившиеся с личностью управомоченного (наследственные права) (см.: Гримм Д.Д. К учению об объектах прав // Вестник права. Журнал Санкт-Петербургского юридического общества. 1905. Кн. 7. С. 161–162).

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

Применительно к конкретным видам объектов прав Д.Д. Гримм аргументирует вывод о том, что в качестве объектов права не может существовать бестелесных вещей или благ¹².

Эти подходы были заимствованы, а впоследствии развиты российской цивилистикой, в значительной степени ориентированной на культивацию германской правовой мысли.

В отечественной дореволюционной литературе первым, кто использовал правовую категорию «объект права», стал Д.И. Мейер. В своих лекциях ученый не просто использовал интересующий нас термин, но и дал его определение. Под объектом права им предложено понимать то, что подлежит господству лица как субъекта права. Однако следует отметить, что Д.И. Мейер практически сразу меняет предложенный им термин «объект права» на понятие «предмет»¹³.

В отношении лица (личности) как объекта права Д.И. Мейер непреклонен – поскольку гражданское право «знается только с имущественными правами», а прав имущественного характера на лица быть не может, он делает вывод, что правам на лица нет места в отечественном гражданском праве, а следовательно, объект гражданского права составляют лишь вещи и чужие действия. Причем и вещи, и действия охватываются, по

¹² Так, по его мнению, объектами прав на имя является собственная личность в смысле определенной индивидуальности, отличающейся известными чертами и признаками, характеризующими ее происхождение. Не считает ученый возможным отнести к объектам права также электрический ток, равно как и действие лица. Такие явления неотделимы от материального субстрата, вне которого они не могут существовать в принципе. Электрический ток потому и не является самостоятельным объектом права, что он не объект, а эффект, который достигается при помощи технических приспособлений. Именно последние и являются, по его мнению, объектом права (см.: Гримм Д.Д. Указ соч.).

¹³ При перечислении возможных явлений, подлежащих господству лица, Д.И. Мейер предпочел именовать их совокупным словом «предмет», к которому он отнес лица, вещи и чужие действия (действия других лиц), при этом соответственно права по их объекту представляются или правами на лица, или правами на вещи, или правами на чужие действия (см.: Мейер Д.И. Русское гражданское право: чтения Д.И. Мейера, изданные по запискам слушателей / под ред. А. Вицына. 5-е изд. М., 1873. С. 130).

мнению ученого, общей категорией «имущество», которое и составляет в конечном счете объект гражданского права¹⁴.

Опираясь на труды римских ученых, а также на идеи Д.И. Мейера, правоведы на том историческом этапе развития юридической мысли в своих рассуждениях предпочитали пользоваться понятиями «вещи» и «имущество», которые они противопоставляли субъектам, то есть «лицам»¹⁵. Наиболее явно это прослеживается в трудах В.Г. Кукольника, по мнению которого «под именем вещи следует разуметь то, что не есть лицо и что может составлять имущество частных граждан, Государственной казны или особенных обществ»¹⁶.

Аналогичным образом рассматривает понятие объекта, а также его виды Е.В. Васьковский, который рассматривает объект гражданского права как предмет власти, предоставленной отдельному лицу, его частной жизни. При этом ученый к объектам гражданского права относит «чужую личность», «чужое действие» и «физические вещи»¹⁷. Нетрудно заметить, что ученый копирует перечень объектов гражданского права, предложенный Д.И. Мейером. Вместе с тем Е.В. Васьковский подчеркивает, что человеческая личность могла быть «предметом частного господства» в периоды существования рабовладельческого строя. Называя современные на том историческом этапе государства цивилизованными, он прямо указывает, что человек не может быть объектом права, он может выступать только в качестве субъекта¹⁸.

Более детально раскрывает виды объектов права Н. Александров, который относит к объекту права любую вещь, взятую из физического мира и способную подчиниться господству лица физического или юридического,

¹⁴ Там же.

¹⁵ См., например: Вельяминов-Зернов В. Опыт начертания российского частного гражданского права. Ч. 2. СПб., 1823. С. 1–2.

¹⁶ Кукольник В.Г. Начальные основания российского частного гражданского права. СПб., 1813. С. 135.

¹⁷ Васьковский Е.В. Учебник гражданского права. М., 2003. С. 115.

¹⁸ Там же.

которая может служить для удовлетворения жизненных потребностей, равно как и вещь, созданную «трудом, искусством или ремеслом человека». К объектам права ученый также относит «действия других лиц, приобретаемых способом договорным»¹⁹. Неоспоримым достоинством данных выводов, на наш взгляд, является не просто представленный перечень объектов права, а попытка ученого сформулировать через признаки вещи общие критерии отнесения ее непосредственно к объекту права.

По мнению Д.Д. Гримма, использование правовой категории «объект права» допустимо в следующих ситуациях: 1) при упоминании конкретного объекта как видовой разновидности абстрактного типа объекта прав; 2) при обозначении соответствующих абстрактных типов объектов прав; 3) при указании на результат, на достижение которого направлено конкретное отношение или который должен быть достигнут установлением соответствующего абстрактного типа²⁰.

Русский цивилист К.П. Победоносцев²¹ предпочел обойтись без категории объектов прав, заменяя ее понятием внешних благ: «внешние блага – суть так называемые имущества (*bona, facultates*), составляющие, по отношению к личности человеческой, внешнюю ее принадлежность, внешнее ее дополнение, или ее имущество»²². Вещественным имуществом, то есть предметом обладания, по мнению ученого, могут быть все наличные вещи (существующие по существу, независимо от человека во внешней природе), способные служить человеку для его хозяйственных целей.

От вещественного имущества К.П. Победоносцев отличает иное имущество: «внутренние, органические силы, в самом человеке пребывающие, когда направляются к внешней деятельности и к отдельным предметам внешней природы... становятся тоже имуществом, которому

¹⁹ Александров Н. Краткое руководство к наглядному ознакомлению с гражданским правом, или Азбука этого права. Одесса, 1869. С. 8.

²⁰ См.: Гримм Д.Д. Указ соч. С. 158–161.

²¹ Курс гражданского права: в 3 ч. // Сочинения К. Победоносцева. СПб., 1868–1880.

²² Там же.

принадлежит особое, личное свойство, отличающее его, в сфере имущественных прав человека, от наличной, материальной вещи»²³.

Заслуживают внимания выводы К.П. Победоносцева в отношении правовой природы прав требования. Ученый, с одной стороны, отделяет права на вещь от прав требования по поводу вещи, а с другой – подводит все под единую категорию имущества: «Имея власть над вещью, я имею вещь приобретенную, я приобрел саму вещь; имея требование по поводу вещи, я имею только право на приобретение вещи». Первое ученый определяет в качестве осуществленного права на вещь, второе же рассматривает как осуществимое право на вещь. В результате вещь, по утверждению ученого, именно вещь является главным предметом всякого права, а требование также следует понимать как имущество, поскольку оно преимущественно является способом к приобретению вещи.

Н.Л. Дювернуа демонстрирует классический римский подход к определению рассматриваемой правовой категории. Он определяет вещи как обособленные объекты внешнего мира, некоторые свойства которых оказывают влияние на их значение как «предметы обладания людей». И в этом смысле ученый выделяет отличия объектов права в экономическом и юридическом смыслах. В юридическом смысле данный термин, прежде всего, выражает связь некоторого объекта с лицом, в его состав входят не только активы, но и пассивы таких имуществ, что иллюстрируют, например, нормы о конкурсной массе. Для экономистов же вещи, имущество есть богатство, достояние, а не сфера исключительного личного обладания. Экономический результат состава такого имущества, соотношение его пассива и актива решает вопрос о состоятельности или несостоятельности

²³ Такие личные силы получают значение ценности, имущества и отдельного права, когда другое лицо приобретает возможность управлять и распоряжаться ими в силу заключенного соглашения. В этом случае личная сила объективируется, приобретает внешнее значение, материальную ценность, составляющую содержание положительного права требовать личного отношения в форме договора или обязательства (См.: Курс гражданского права: в 3 ч. // Сочинения К. Победоносцева).

субъекта, но никоим образом не изменяет силой этого обстоятельства вопрос о юридической принадлежности такого имущества конкретному лицу²⁴.

В.Ф. Вельяминов-Зернов при описании категории объектов права разграничивает понятия «вещь» и «имущество» следующим образом: в юридическом смысле вещами именуют все телесные существа, за исключением человека, причем это могут быть как неодушевленные, так и одушевленные существа. Под имуществом или имением он предлагает понимать состав вещей, включая права и все предметы «...подверженные и не подверженные внешним нашим чувствам, действительно вошедшим в чью-либо собственность»²⁵.

Примечательно, что, говоря об имуществе, В.Ф. Вельяминов-Зернов отождествляет данный термин с понятием «имение». Последнему, в частности, отдает предпочтение также Л.А. Цветаев, полагая, что под «именем вещи» должны пониматься предметы, составляющие имение²⁶. Д.И. Мейер считает целесообразным использовать понятие «имущество» вместо вещи, так как считает, что данное понятие «гораздо счастливее слова вещь, потому что характеризует самое свойство вещей и чужих действий как объектов гражданского права»²⁷.

Однако не все исследователи разделяли данный подход. Так, выдающийся дореволюционный правовед Г.Ф. Шершеневич под имуществом в противоположность вещи понимает «отдельный предмет материального мира», его суть сводится к «совокупности имущественных юридических отношений, в которых находится известное лицо»²⁸.

П.П. Цитович утверждает, что все учение об объектах сводится непосредственно к учению о вещах или имуществе. При этом под

²⁴ См.: Дювернуа Н.Л. Чтения по гражданскому праву. Т. 1. Введение и часть общая. Вып. 1. СПб., 1902.

²⁵ Вельяминов-Зернов В.Ф. Указ соч.

²⁶ Цветаев Л.А. Основания права частного гражданского. М., 1825.

²⁷ Мейер Д.И. Русское гражданское право. 10-е изд. Пг., 1915. С. 94.

²⁸ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. 3-е изд. Казань, 1901. С. 121.

имуществом ученый понимает массу разнообразных ценностей, приуроченных к стяжавшему их лицу, подчеркивая, что объектом права могут быть любые ценности различного вида, состояние принадлежности и процесс приобретения (стяжания) которых является предметом правовой охраны и регламентации²⁹.

Поддерживая вывод Г.Ф. Шершеневича о недопустимости смешения данных понятий, К.Н. Анненков, являясь сторонником классического римского подхода и определяя понятие «объекты имущественных гражданских прав по праву римскому», критикует предложение Д.И. Мейера о замене рассматриваемых понятий. По мнению К.Н. Анненкова, в этом случае частное понятие отдельной вещи будет заменено на более общее понятие – имущество, под которым римские ученые понимали совокупность вещей, находящихся в обладании частного лица³⁰.

Примечательно, что К.Н. Анненков также не поддерживает идеи Д.И. Мейера об отнесении к объектам права действий лица. Цитируя Д.И. Мейера, который «...вводит чужие действия в разряд таких же непосредственных объектов прав, как и вещи, и чем подрывает его же определение вещных прав», К.Н. Анненков приходит к выводу о том, что подобное смешение разнородных объектов может быть оправданно только с экономической точки зрения, но с юридической – недопустимо. Ученый отмечает, что римское право относит чужие действия к объектам обязательственных прав, но выделяет их из категории вещей как объектов прав, признавая за последними только все то, что представляет собой известное единство и имеет имущественную ценность³¹.

Подобный подход в первую очередь демонстрирует Г.Ф. Шершеневич, который отличает вещи как «наличное имущество» от «личных сил или

²⁹ См.: Цитович П.П. Русское гражданское право. Общая часть: конспект лекций. Киев, 1894. С. 26.

³⁰ См.: Анненков К.Н. Система русского гражданского права. 2-е изд. СПб., 1899. Т. I. С. 264.

³¹ Там же. С. 266.

действий», которые могут быть рассмотрены в значении имущества или отдельного права в случае принятия на себя одним лицом обязанности их совершения в будущем в пользу другого лица. При этом последний приобретает только право требования их совершения первым. По мнению ученого, поскольку вещи и чужие действия составляют экономические блага, именовать их имуществом возможно исключительно с экономической точки зрения. С такой точки зрения к объектам права ученый относит имущество. Однако используется этот термин в широком смысле (в качестве собирательного понятия), поскольку он охватывает вещи и чужие действия³².

При этом ученый несколько иначе раскрывает содержание объектов права с позиции юриспруденции: оно выражается, с одной стороны, в совокупности принадлежащих лицу вещей или прав на чужие действия (это актив имущества), а с другой – в совокупности лежащих на лице обязательств и не принадлежащих ему вещей, временно находящихся в его обладании (пассив имущества)³³.

Л.И. Петражицкий изначально определяет право как систему правовых эмоций. Столь неординарный подход не мог не повлиять на дальнейшие рассуждения ученого об объекте права³⁴. Прежде всего, ученый обращает внимание не одну и ту же ошибку, которую, по его мнению, допускают все исследователи: они ищут объект права не в надлежащей сфере³⁵.

³² См.: Шершеневич Г.Ф. Указ соч.

³³ См.: Шершеневич Г.Ф. Избранное / вступ. слово, сост. П.В. Крашенинников. М., 2017. Т. 5. С. 137–138.

³⁴ Рассмотрение права как субъективных психических переживаний привело ученого к нетипичным выводам непосредственно об объекте права. По его мнению, в этом качестве следует понимать предмет таких переживаний. Переживание обязанности невозможно представить без какого-либо поведения, к которому обязан данный субъект. Обязанное лицо связывает свое поведение с представлением о своем должном поведении. Л.И. Петражицкий приходит к выводу о том, что объектом прав является поведение или, точнее, поведенческий акт или деяние обязанного лица, которое может выражаться в действии, бездействии либо претерпевании (*facere, non facere, pati*) (см.: Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 340).

³⁵ См.: Петражицкий Л.И. Указ. соч. С. 338.

Неоднозначное предположение в отношении рассматриваемого понятия сформулировано Н.С. Суворовым, который раскрывает его через категорию «предметы», которые «...дают материальное содержание правоотношению между управомоченным и обязанным субъектами, или, иначе, по поводу которых существует это правоотношение... все то, что составляет благо и имеет или может в будущем иметь интерес для управомоченного субъекта»³⁶. Вместе с тем в ходе последующих размышлений ученый меняет свою позицию и говорит уже о чужих действиях³⁷.

Нестандартный подход в определении объектов права демонстрирует П.Г. Виноградов, относящий к рассматриваемой категории «абстрактные интересы», под которыми понимает «притязания на употребление человеческой силы и пользование человеческой деятельностью». Материальные вещи, по его мнению, можно отнести к объектам права лишь постольку, поскольку «...касающиеся их интересы разрешаются и признаются законом...». Абстрактные интересы интерпретируются ученым как бестелесные вещи³⁸.

Рассуждения отечественных ученых о «бестелесных вещах» основаны также на римских источниках, в которых вещи подразделяются на телесные (*res corporales*) и бестелесные (*res incorporales*). Согласно учению одного из самых влиятельных римских юристов Гая к *res corporales* относятся материальные (осязаемые) вещи (*quae tangi possunt* – вещи, которых можно коснуться) – такие, как земельный участок, раб, золото, серебро³⁹.

Развивая в своих исследованиях указанные выводы, дореволюционные правоведы приходят к выводу о том, что данная Гаем классификация представляет собой не что иное, как классификацию прав, а не вещей

³⁶ Суворов Н.С. Лекции по энциклопедии права. М., 1907. С. 99.

³⁷ Там же. С. 99–104.

³⁸ Виноградов П.Г. Очерки по теории права. М., 1915. С. 52–53.

³⁹ См.: Гай. Институции. М., 1997. URL: <https://ancientrome.ru/ius/i.htm?a=1446002000>

(объектов), что в первую очередь обусловлено отождествлением права собственности с его объектом.

Как отмечает Д.Д. Гримм, в повседневной жизни никто не утверждает, что у него есть право собственности на эту книгу, говорят «это моя книга»⁴⁰. С этим высказыванием следует согласиться. Ю.С. Гамбаров также обращает внимание на подмену понятий собственности и вещи, которая составляет ее предмет. По его мнению, собственность настолько отождествляется с вещью, что мы говорим о вещи даже тогда, когда следует говорить о правах на нее⁴¹.

К подобным умозаключениям приходит и доктор римского права В.М. Хвостов, по мнению которого Гай отождествляет право собственности с его объектом и именует их *res corporales*, в противоположность таким правам Гай говорит о *res incorporales*. Таким образом, слово *res* употребляется им, по мнению В.М. Хвостова, не в смысле вещи, а в смысле права⁴².

Вместе с тем ученые говорят о бестелесных вещах («бестелесное имущество»), которые ничего не имеет общего с *res incorporales*⁴³, под которыми подразумевают не имеющие «телесного бытия» блага, но защищаемые объективным правом⁴⁴. Такие блага Ю.С. Гамбаров обозначает новым термином – «нематериальные блага» (*immateriale Güter*), к которым относит «...научные, художественные, промышленные и другие духовные продукты нашей деятельности, которые, проявляясь во вне, получают известную самостоятельность и имущественную ценность, сообщающую им способность быть предметом права и юридической защиты – если не того же содержания, как защита телесных вещей, то в близкой к ней форме абсолютных исков, действующих против всех и каждого»⁴⁵. В связи с этим ученый рассматривает объект гражданских прав в узком смысле, относя к

⁴⁰ Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2002. С. 102.

⁴¹ См.: Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. Часть общая. СПб., 1911. Т. 1. С. 577.

⁴² См.: Хвостов В.М. Система римского права / учебник. М., 1996. С. 125.

⁴³ См.: Синайский В.И. Русское гражданское право. М., 2002. С. 124.

⁴⁴ См.: Гамбаров Ю.С. Указ. соч. С. 577.

⁴⁵ Там же.

ним только физически осязаемые предметы, и в широком – причисляя к объекту права «все, что не есть субъект права, или все те материальные и идеальные блага, которые служат удовлетворению защищенных общественной властью интересов»⁴⁶.

Таким образом, можно констатировать, что дореволюционная доктрина не привнесла революционных достижений в развитие теории об объектах права. Фундаментальные работы монографического характера, посвященные рассматриваемой правовой категории, на том историческом этапе не появились. Учения об объектах гражданских прав преимущественно сводились к публикациям в рамках подготовки курсов, лекций и учебников по гражданскому праву. Причем изложенный в них материал повторяет ранее выработанные положения о понятии объекта прав и основан на римских источниках, а также на исследованиях европейских ученых и Д.И. Мейера.

Все существующие на тот период времени выводы можно условно объединить в два основных направления: монистическое и плюралистическое. Ученых, определяющих в качестве объекта только одну категорию (благо, или интерес, или действия и т.д.), можно отнести к сторонникам монистического направления. Плюралистическое направление в качестве объектов права признавало множество разнообразных явлений.

Специфика понимания римскими учеными рассматриваемой категории, особенностей римской классификации объектов права на телесные и бестелесные, а также хаотичное использование терминологии в дореволюционном законодательстве отразились на дореволюционной доктрине – наряду с понятием «объект права» появились такие, как «объект субъективного права», «объект юридической обязанности», «объект правоотношения», «объект гражданского оборота», как следствие термин «объект права» употребляется в нескольких значениях: в качестве объекта

⁴⁶ Там же. С. 572.

нормы права (предмет правового регулирования), и как объект субъективного права или объект правоотношения.

Примечательно также, что в большинстве публикаций дореволюционного периода при характеристике объекта права ученые преимущественно говорят о присущей объектам права имущественной ценности, а также о способности их участия в гражданском обороте, что тоже свидетельствует об отсутствии четкого разграничения таких категорий.

Помимо перечисленных признаков при характеристике объектов права авторы указывают также на свойства подвластности⁴⁷ (возможность осуществления господства над вещью), а также признак полезности⁴⁸.

Вместе с тем нельзя недооценивать вклад дореволюционных юристов в развитие теории объекта права, поскольку данное понятие является едва ли не самым спорным вопросом в теории гражданского права – и в советский период, и в настоящее время в российской доктрине наблюдается смешение правовых категорий (говоря «объект гражданских прав», имеют в виду «объект гражданского правоотношения»⁴⁹, подчеркивая, что категория объекта гражданских прав совпадает с понятием объекта гражданских правоотношений⁵⁰).

В отличие от исследований понятия объекта права, ученые все также преимущественно обращаются к вопросам объекта правоотношения, и те

⁴⁷ Указанный признак является ключевым в данном Д.И. Мейером определении объекта права – ученый отмечал, что объектом права технически называется то, что подлежит господству лица как субъекта права (см: Мейер Д.И. Русское гражданское право. М., 1873. С. 119).

⁴⁸ Особое внимание указанному признаку при отнесении явлений к объектам гражданских прав уделял Г.Ф. Шершеневич. По мнению ученого, все существование вещи в юридическом смысле находится в неразрывной связи с интересом ее обладателя (см.: Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. 11-е изд. М., 1914. Т. 1. С. 134).

⁴⁹ См., например: Гатин А.М. Гражданское право: учебное пособие. М., 2007.

⁵⁰ См., например: Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 212; Гражданское право: учебник в 2 т. / отв. ред. Е.А. Суханов; 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002. Т. 1. С. 294; Иванчак А.И. Гражданское право Российской Федерации: общая часть. М., 2014; Гражданское право: учебник. Ч. 1 / под ред. А.Г. Калпина, А.И. Масляева. М., 2001. С. 67; Сенчищев В.И. Объект гражданского правоотношения // Актуальные проблемы гражданского права / под ред. М.И. Брагинского. М., 1998. С. 110.

немногие работы, которые посвящены анализу категории «объект права», основаны, прежде всего, на трудах дореволюционных ученых.

Проведенное исследование показывает отсутствие единства формирования признаков и системы объектов гражданских прав в российской юридической науке и ее оторванность от потребностей экономического и социального быта. Формирование категории объекта гражданских прав как категории науки в российской цивилистике было, во-первых, не увязано с направлениями развития гражданско-правовой политики как направляющей силы закона в социально-экономических преобразованиях в обществе и экономике, во-вторых (как следствие первого), понимание объекта гражданских прав и формирование соответствующей теории были отнесены к разделам только научного знания и воспитания юридических кадров, где изложение содержания зарубежных источников фактически заменяло собой включение новых категорий и инструментов права в реальную общественную жизнь.

§ 2. Эволюция объектов гражданских прав в советском законодательстве

Применительно к проблематике объектов гражданских прав рассматриваемый период развития науки отечественного гражданского права может характеризоваться также несколькими взаимосвязанными особенностями, которые предопределили сложившиеся научно-практические подходы и сам круг вопросов дискуссии. Вместе с тем полученные результаты не были связаны с ходом преобразований и социально-экономических реформ в стране и непосредственно не решали ни одну из проблем развития экономики, социальной политики. Такое отчуждение от социально-экономической реальности проблем разработки теории и практики объектов гражданских прав не могло не отразиться на темпах и

результатах планируемых и реализованных социально-экономических преобразований.

По справедливому мнению советского и российского правоведа Д.А. Керимова, в процессе исследования правового объекта вполне допустимо получить не одно, а множество абстрактных понятий. Более того, им подмечена прямая зависимость увеличения количества понятий, в которых нуждается правовой объект, от сложности и многогранности самого правового объекта⁵¹.

Вопрос об объекте права является одним из самых спорных и недостаточно разработанных не только в теории правоотношения, но и в общей теории права в целом. В поиске сущности объектов гражданских прав ученые-цивилисты сталкиваются с теми же проблемами, которые поставлены в общей теории права. Причем советская цивилистика рассматривает вопрос об объекте права в контексте разработки проблем общей части гражданского права, и прежде всего в контексте анализа правоотношений⁵².

На данную проблематику обращали внимание все авторы, которые так или иначе касались вопросов объекта права или объекта правоотношения. По утверждению Ю.К. Толстого, «здесь все подвергается сомнению: начиная от того, нужна ли вообще такая категория, как объект правоотношения, и кончая вопросом, что же следует понимать под объектом правоотношения»⁵³. На то же обстоятельство указывает и Халфина О.Р. спустя 15 лет⁵⁴.

Налицо методологический пробел, обусловленный непроработанностью вопросов соотношения рассматриваемых правовых категорий в общей теории права. Это приводит к тому, что представители

⁵¹ См.: Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2000.

⁵² См., например: Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940; Халфина Р.О. Указ. соч. 1974; Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву / О.С. Иоффе // Избранные труды по гражданскому праву: из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М., 2000 и т.д.

⁵³ Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л., 1959. С. 48.

⁵⁴ См.: Халфина Р.О. Указ. соч. М., 1974. С. 202–203.

каждой отраслевой науки при анализе объектов права и объектов правоотношения применительно к «своей» отрасли права не могут использовать единственно верную, признанную общей теорией права позицию в части их соотношения (ввиду ее отсутствия), в силу чего они используют различные исходные позиции. На это прямо указывает Б.А. Галкин⁵⁵.

После Октябрьской революции 1917 г. теоретические размышления об объектах права получили новое развитие, обусловленное марксистско-ленинской философией. Признаваемая единственно верной идеологией на том историческом этапе, она служила отправной точкой в любых исследованиях, в том числе правовой направленности: «Как предмет регулирования гражданско-правовых норм отношения гражданского права не могут по своему содержанию не соответствовать выраженной в этих нормах воле социалистического государства. Объективная воля, воля социалистического государства уже потому должна получить свое отражение в конкретных правоотношениях, что только в силу признания со стороны государства, придающего им юридически обязательную силу, общественные отношения становятся правовыми отношениями»⁵⁶.

Наиболее наглядно данный тезис проиллюстрирован также К.О. Берновским. По результатам проведенного им исследования ученый приходит к выводу об отсутствии объекта «в конкретной действительности», при этом признавая существование объекта только в контексте гражданского, государственного, административного и другого права. В свою очередь, по

⁵⁵ Соответствующий параграф об объектах права и правоотношения так и начинается: «Разрешение вопроса об объекте уголовно-процессуального права представляет определенные трудности, во-первых, потому, что этот вопрос не получил еще должной разработки в теории государства и права. Различный смысл вкладывается в понятие “объекта”, в результате чего неясно, различны или тождественны понятия “объект права” и “объект правоотношения”. Противоречивы мнения о том, что является объектом правоотношения: то, по поводу чего возникают правоотношения, или то, что подлежит регулированию» (Галкин Б.А. Советский уголовно-процессуальный закон. М., 1962. С. 108).

⁵⁶ Иоффе О.С. Указ. соч.

мнению ученого, объект таких прав может существовать исключительно через объект конкретных правоотношений⁵⁷. К.О. Берновский ставит понятие объекта права в зависимость от общественного и государственного строя, вкладывая в понятие «вещь» различный смысл, когда говорит о товарном или капиталистическом, империалистическом или социальном обществе. При этом ученый подчеркивает, что, утверждая о вещи как объекте в социалистическом обществе, очень часто не принимают во внимание то, что вещь – товар – в социалистическом обществе качественно отличается от вещи – товара – как объекта в буржуазном праве⁵⁸.

К.О. Берновский также классифицирует теории объекта прав на монистические (признающие наличие единственного объекта права) и многоэлементные (признающие многообразие объектов права)⁵⁹.

Действительно можно признать существование нескольких теорий объекта права: в качестве объекта допустимо рассматривать как вещи, так и действия (причем первые являются объектами вещных прав, вторые – обязательственных) – дуалистическая теория; представители монистической теории объекта-действия исходят из того, что объектом любого правоотношения в собственном смысле слова являются только действия; сторонники монистической теории объекта вещи признают соответственно вещи.

Несомненной заслугой К.О. Берновского в исследовании объектов права является уточнение вопроса о том, что же является предметом анализа ученых. Им очень верно подмечено, что ученые не определились в отношении искомого ими права. Это приводит к тому, что они анализируют совершенно различные категории: объект субъективного права, объект правовых норм, объект субъективной обязанности или правового

⁵⁷ Берновский К.О. Объект права. Харьков, 1931. С. 9.

⁵⁸ Там же. С. 124.

⁵⁹ Там же. С. 5.

отношения⁶⁰. Примечательно, что данное заключение К.О. Берновского актуально и для современной правовой доктрины.

В юридической литературе советского периода можно встретить предположения об отождествлении объекта права с объектом правоотношения. Так, рассуждая о применении терминов «объект права» и «объект правоотношения», Р.О. Халфина прямо говорит о «задвоении» терминологии, когда одно и то же явление именуется сразу двумя терминами⁶¹.

Исследования одних авторов об объектах права сводятся преимущественно к объектам субъективного права, другие ученые, наоборот, рассматривают объект права в контексте объективного права (относительно объекта правового регулирования). В связи с этим логичным представляется предложение Р.О. Халфиной, согласно которому прежде всего следует уточнить применение термина «объект», который в научной доктрине употребляется в различных вариациях: как объект права, объект правового регулирования, объект правоотношения. Однако, как подчеркивает О.Р. Халфина, в данном случае необходимо различать данные категории, для их обозначения целесообразно использовать различные термины⁶².

Считаем возможным согласиться с данным уточнением, поскольку и в советский период, и в настоящее время понятие «объект» включает правовые явления, имеющие различное правовое содержание, что порождает неопределенность самого термина. На это обращают внимание многие авторы, однако при этом они ограничиваются лишь указанием на данную проблему.

Для диссертационного исследования представляют интерес также труды советского правоведа М.М. Агаркова, который провел масштабное исследование категории «правоотношение», сделав выводы об объекте права:

⁶⁰ Там же. С. 5, 100 и далее.

⁶¹ Халфина Р.О. Указ. соч. С. 215.

⁶² Там же. С. 212–213.

происходит неоправданное смешение двух различных значений рассматриваемого понятия при использовании его в качестве критерия для разграничения вещных и обязательственных прав⁶³, поскольку объекты прав прежде всего приобретают значение для вещного права, в то время как содержание таких прав составляет учение об обязательствах⁶⁴. Основываясь на данном выводе, М.М. Агарков считает несостоятельной идею объекта-действия. Вещь как объект права ученый противопоставляет категории субъекта, поскольку именно на нее должно быть направлено поведение обязанного лица⁶⁵. Вместе с тем традиционность данного вывода не укладывается в конструкцию обязательственных правоотношений.

Следует отметить, что вещно-правовая теория объекта, в соответствии с которой объектами признаются исключительно вещи, но не действия, получила достаточно широкое распространение. Ее сторонниками помимо М.М. Агаркова являются С.Н. Братусь, Г.Н. Полянская⁶⁶, П.И. Стучка⁶⁷ и др. Так, определяет объект в зависимости от вида гражданско-правовых отношений И.Б. Новицкий, в итоге к объекту обязательства он относит действие или воздержание от его совершения, а к объекту вещного права – вещь⁶⁸.

Принимая во внимание труды римских ученых, а также дореволюционных правоведов, авторы советского периода также говорят в данном случае про бестелесные вещи. Однако М.М. Агарков пошел по иному пути и сделал предположение о том, что в обязательствах вещи «могут служить для характеристики и определения содержания соответствующих

⁶³ См.: Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. С. 24, 30–31.

⁶⁴ Там же. С. 93.

⁶⁵ Там же. С. 23, 28.

⁶⁶ См.: Пергамент А. К вопросу об объекте правоотношения по советскому гражданскому праву (доклад И.Л. Брауде) // Советское государство и право. 1950. № 9. С. 86.

⁶⁷ См.: Стучка П.И. Курс советского гражданского права. М., 1929. Т. 2. С. 204–205.

⁶⁸ См.: Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. М., 1950. С. 43–44.

прав и обязанностей»⁶⁹. В данном случае ученый специально использует слова «могут служить», так как, по его мнению, если объектом выступает вещь, то ее характеристики во многом определяют права и обязанности обязанного лица. В тех же случаях, когда действия обязанного лица не направлены на какую-то конкретную вещь, такое обязательство следует признать безобъектным. В данном случае не направленные на вещь действия обязанного лица могут быть квалифицированы в качестве объекта с точки зрения выполняемой в правоотношении функции.

В результате М.М. Агарков приходит к выводу, что «может быть, было бы правильно считать объектами в гражданском праве лишь то, в отношении чего возможны акты распоряжения»⁷⁰. Выводы профессора нашли отражение и развитие во многих трудах ученых советского периода.

Так, развивая идеи М.М. Агаркова о функции объекта правоотношения, Д.М. Генкин выводит объект-функционал из поля правоотношения, обозначив его предпосылкой правоотношения, поскольку такой объект является внешним по отношению к системе правоотношения фактором, который предопределяет существование этой системы – ее возникновение, развитие, изменение и прекращение⁷¹. Н.Г. Александров считает невозможным в принципе без имущественного объекта описать имущественные отношения, поскольку действия субъектов находятся в неразрывной связи с имущественным объектом. В неимущественных правоотношениях, по мнению ученого, объекта нет, в таких отношениях «интерес, защищаемый субъективным правом, удовлетворяется непосредственно поведением обязанного лица как таковым»⁷².

К весьма неожиданным выводам в отношении изучения категории

⁶⁹ Там же. С. 29.

⁷⁰ Там же. С. 30.

⁷¹ См.: Гражданское право: учебник / под ред. М.М. Агаркова, Д.М. Генкина. М., 1944. Т. 1. С. 71–72.

⁷² Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955. С. 117–118, 120–121.

объекта приходит В.Н. Протасов. По его мнению, такого понятия, как «объект правоотношения», в принципе нет, поскольку отсутствует общее явление, подпадающее под его понятие. Вместе с тем ученый считает возможным признание двух объектов: объекта правовой деятельности субъектов и объекта их интересов. Такие объекты смогут совпадать, однако, как отмечает В.Н. Протасов, данные явления не следует отождествлять⁷³.

Вместе с тем против безобъектности правоотношений справедливо, на наш взгляд, возражают В.П. Мозолин⁷⁴, А.П. Дудин⁷⁵ и др. Идеям профессора М.М. Агаркова противоречат также рассуждения О.С. Иоффе.

Критикуя позицию М.М. Агаркова и его последователей о существовании безобъектных правоотношений, О.С. Иоффе отмечает, что дальнейшие рассуждения о безобъектных правоотношениях заставляют говорить об отсутствии у субъектов таких правоотношений объекта правомочий и обязанностей. Однако ученый уверен, что если права не имеют конкретного объекта, то есть такие права ни на что не направлены, то они априори не имеют для его носителя никакой ценности, лишены смысла, а поэтому не могут являться правами в действительном значении этого слова⁷⁶.

К объектам права О.С. Иоффе относит вещи и действия⁷⁷. Аналогичным образом классифицируют объекты права С.А. Голунский и М.С. Строгович – вещи и иные ценности, действия и воздержание от действий. Однако при формулировании определения объекта права как всего того, по поводу чего субъекты вступают в правоотношения, они отождествляют объект права с содержанием прав субъектов⁷⁸. С этим категорически не согласен О.С. Иоффе, который совершенно справедливо

⁷³ См.: Протасов В.Н. Правоотношение как система. М., 1991. С. 103.

⁷⁴ См.: Мозолин В.П. Гражданское право. М., 1969. Т. I. С. 87–90.

⁷⁵ См.: Дудин А.П. Объект правоотношения (вопросы теории). Саратов, 1980. URL: https://ukrreferat.com/chapters_book/istoriya-derjprava-books/dudin-ap-1980-obekt-pravootnosheniya-voprosy-teorii-kniga.html

⁷⁶ См.: Иоффе О.С. Указ. соч.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ См.: Теория государства и права / С.А. Голунский, М.С. Строгович. М., 1940. С. 277.

критикует данное утверждение, отмечая, что при таком подходе вещи будут составлять содержание прав субъектов правоотношений. Поскольку с этим нельзя согласиться, остается или исключить из перечня объектов права вещи, или отказаться от идеи отождествления объекта права с его содержанием⁷⁹.

Сторонником монистической теории объекта-действия является профессор Я.М. Магазинер. Ученый рассматривает в качестве объекта права чужое действие, обосновывая свою позицию сутью любого правоотношения – в каждом из них одно лицо имеет права на действия другого лица⁸⁰. Его позиция распространяется также и на вещи, которые составляют «не правовой, а экономический объект». Свойства же вещи, по его мнению, не могут преобразовать вещь в объект права, их следует квалифицировать как правообразующие юридические факты⁸¹.

Р.О. Халфина пытается обосновать место объекта в структуре правоотношения. Для этого она анализирует концепции объекта, сформированные к тому времени в научной доктрине, с позиции их «внедрения» в схему правоотношения, под которым понимает идеологическое правоотношение. В результате такого анализа ученый приходит к выводу о том, что теория объекта-вещи не вписывается в идеологическое правоотношение по причине отнесения вещей к предметам материального мира (в отличие от правоотношения). По этой же самой причине Р.О. Халфина отрицает возможность рассмотрения в качестве объекта правоотношения фактического поведения субъектов (теория объекта-действия). Поведение субъектов правоотношения она считает элементом структуры правоотношения, а не его объектом. По ее мнению, нет необходимости в искусственном расширении понятия объекта для того, чтобы только подвести под него фактическое поведение субъектов⁸².

Более простым путем пошел В.И. Сенчищев. Он предлагает

⁷⁹ См.: Иоффе О.С. Указ. соч.

⁸⁰ См.: Магазинер Я.М. Советское хозяйственное право. Л., 1928. С. 174.

⁸¹ Там же.

⁸² См.: Халфина Р.О. Указ. соч. С. 102.

рассматривать в качестве объекта права все то, что поименовано в гражданском законодательстве как объекты гражданских прав. В свою очередь, под объектом правоотношения им понимается правовой режим⁸³.

Сторонники концепции объекта – правового режима определяют объект прав в качестве явления, способного к правовому воздействию, делая вывод о том, что отвечать на правовое воздействие может только правовой режим как совокупность правовых предписаний, установленных в отношении явлений объективной деятельности, к которым относятся вещи, действия и т.д.

В числе объектов прав С.А. Голунский и М.С. Строгович называют вещи, иные ценности, действия и воздержание от совершения действий. В отношении понятия категории объектов права указанные авторы придерживаются наиболее распространенного мнения о том, что объектом прав является все то, по поводу чего субъекты прав вступают в правоотношение и что составляет содержание их взаимных прав и обязанностей⁸⁴.

О.С. Иоффе критикует общераспространенную теорию объекта права, в силу которой к объекту прав относят все то, по поводу чего субъекты вступают в правоотношения. Рассматривая объект права с позиции философии, при этом ссылаясь на идеологию К. Маркса, О.С. Иоффе говорит об объекте, который «в философии диалектического материализма определяется как внешний противостоящий субъекту предмет, на который направляется сознание и деятельность субъекта»⁸⁵.

В этом вопросе О.С. Иоффе солидарен с позицией проф. М.М.

⁸³ «Рассмотрение вопроса о любом объекте гражданских прав означает, практически, рассмотрение вопроса о гражданско-правовом режиме некоторой категории явлений объективной действительности, относимых действующим законодательством к числу объектов гражданских прав» (Сенчищев В.И. Объект гражданского правоотношения: общее понятие // Актуальные проблемы гражданского права: сборник статей. М., 1998. С. 110–111, 139, 153–154).

⁸⁴ См.: Голунский С.А., Строгович М.С. Теория государства и права. М., 1949. С. 277.

⁸⁵ Иоффе О.С. Указ. соч.

Агаркова, поскольку под объектом явления последний понимает предмет его воздействия, а под объектом права – то, на что воздействуют обязанные лица. При этом О.С. Иоффе делает весьма важное уточнение: «... вопрос об объекте правоотношения не имеет ничего общего с вопросом об объекте, на который направляется поведение обязанных лиц, а должен ставиться как вопрос об объекте правомочий и обязанностей, составляющих содержание правоотношения»⁸⁶.

Следует отметить, что многие авторы советского периода использовали подход, суть которого заключается в противопоставлении объекта субъекту: объектом является все то, что противостоит субъекту в его деятельности⁸⁷.

С.Ф. Кечекьян свою теорию объекта выстроил на основе умозаключения, в соответствии с которым «объект права – это нечто отличное от содержания права или содержания правоотношения... объект права – это искомый правовой эффект, это предмет того правового контроля, который достигается содержанием права (или содержанием правоотношений)»⁸⁸. При этом ученый все же предполагает возможность совпадения объекта права с объектом правоотношения, но только в случае, когда объектом права становятся действия (или бездействие) обязанного лица⁸⁹.

Оригинальной представляется позиция Ю.К. Толстого, который, проанализировав существующие в советской правовой науке теории объекта, пришел к выводу о том, что объектом является не что иное, как фактическое общественное отношение, которое включает в себя фактические действия его субъектов или помимо действий субъектов еще и вещи, именуемые

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Как отмечено в научной доктрине, «...учение об обществе, его подсистемах (в частности, о социально-исторических общностях) и индивидах в философском аспекте выступало учением о субъекте, т.е. носителе целенаправленного действия. Объектом оказывалось то, на что действие было направлено» (Любути́н К.Н., Пивоваров Д.В. Диалектика субъекта и объекта. Екатеринбург, 1993. С. 103–104).

⁸⁸ Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С. 139.

⁸⁹ Там же. С. 140, 142.

«специальными объектами»⁹⁰.

С.С. Алексеев раскрывает понятие объекта права через формулировку «право на “что”», делая общий вывод: «вот это “что”», то есть предмет или явление, в отношении которого объективное право предоставляет лицу возможность (право), и является объектом этой возможности»⁹¹.

Н.И. Матузов соглашается с С.С. Алексеевым в том, что объектом субъективного права является социальное благо, при этом ученый аргументирует данный вывод: обладание субъективным правом означает вести себя определенным образом, пользоваться определенным социальным благом не только гипотетически, но и фактически. Обращает на себя внимание отсутствие в данном случае слов об «имеющейся возможности», которые пропущены неслучайно. Их отсутствие показывает, что субъективное право как возможность пользоваться каким-либо благом приравнена к самому пользованию – иными словами, к фактически совершаемым действиям.

При этом Н.И. Матузов указывает на возможность критики данного предположения, суть которого может быть сведена к тому, что в этом случае речь должна идти о реализации субъективного права, а не о самом праве. Предупреждая подобные возражения в свой адрес, ученый считает их необоснованными, поскольку обладание субъективным правом и пользование на его основе конкретным социальным благом неразрывны⁹².

Несколько иначе трактует формулу, данную С.С. Алексеевым, А.П. Дудин – как право на совершение определенных действий (или на воздержание от действий)⁹³. Ученый последовательно обосновывает несостоятельность присущего многим ученым философского подхода в отношении объектов правоотношения и критикует нашедшие отражение в

⁹⁰ Толстой Ю.К. Указ. соч. С. 64–66.

⁹¹ Алексеев С.С. Об объекте права и правоотношения. В кн.: Вопросы общей теории советского права: сборник статей / под ред. С.Н. Братуся. М., 1960. С. 288–289.

⁹² См.: Матузов Н.И. Субъективные права граждан СССР. Саратов, 1966. С. 39.

⁹³ См.: Дудин А.П. Указ. соч.

советской литературе подходы к безобъектным правоотношениям, а также к нескольким объектам одного правоотношения⁹⁴. По его мнению, в ходе исследования вопросов объекта одни авторы руководствуются его общефилософским пониманием⁹⁵, другие, напротив, указывают, что проблема объекта правоотношения есть специальная проблема, так как в юридической науке рассматриваемое понятие в отличие от одноименной общефилософской категории связывается не с субъектом, а с правоотношением в целом или с субъективными правами и обязанностями⁹⁶. Третьи, признавая необходимость использования общефилософской категории «объект», предупреждают об опасности ее механического перенесения в область права⁹⁷. В связи с этим А.П. Дудин справедливо отмечает, что таким образом в исследуемое понятие объекта можно вложить какой угодно смысл, кому какой больше нравится.

При этом автор подчеркивает: «это не что иное, как стремление понять категорию объекта правоотношения из нее самой, а не из обозначаемого ею предмета, прием, позволяющий выдать желаемое за действительное, получить тот результат, который кажется правильным».

О нескольких объектах правоотношения говорят, в частности, О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский. В любом правоотношении указанные авторы видят всегда два объекта – юридический и волевой. При этом они выделяют также материальный объект (третий). По их мнению, если исходить из того, что правоотношение имеет только материальный объект, то придется признать, что различные по характеру правоотношения будут иметь один и тот же объект. Свою позицию авторы подкрепляют примером о хищении государственного имущества, которое, выступая материальным объектом

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ См., например: Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 229–230.

⁹⁶ См.: Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Свердловск, 1964. Вып. 2. С. 138.

⁹⁷ См.: Юрченко А.К. Объект изобретательского права. В кн.: Очерки по гражданскому праву. Л., 1957. С. 235.

уголовного преступления, одновременно продолжает оставаться материальным объектом права государственной собственности и права оперативного управления того государственного органа, в обладании которого оно находилось⁹⁸. С подобными выводами категорически не согласен А.П. Дудин⁹⁹.

В целом же против идеи о разграничении объекта правоотношения на юридический и материальный выступили Ю.Г. Басин, В.П. Мозолин, А.Ф. Клейнман, А.В. Мицкевич¹⁰⁰, С.С. Алексеев и ряд других советских ученых. Так, С.С. Алексеев в принципе не видит смысла в подобном разграничении объектов по причине того, что «...какое-либо общественное явление приобретает значение юридического объекта, по-видимому, только потому, что оно является объектом права. Но в этом случае всякий объект права является юридическим»¹⁰¹.

На объекты первичного и вторичного порядка подразделял объекты субъективных прав Ф.В. Тарановский. По его мнению, поскольку в правоотношении субъективное право коррелируется с обязанностью, следовательно, следует говорить о выделении объекта обязанности (ученый именует его объектом первого порядка) и объекта права (соответственно, объект второго порядка). В качестве объекта первого порядка выступают виды поведения, которые соответствуют закреплению за управомоченным соответственного поведения обязанного (например, право на передачу приобретенной вещи), что выражается через употребление глаголов

⁹⁸ См.: Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Указ. соч. С. 232.

⁹⁹ А.П. Дудин справедливо указывает на то, что «уголовное преступление» есть не правоотношение, а юридический факт, влекущий возникновение правоотношения. В свою очередь, право государственной собственности и право оперативного управления также не представляют собой правоотношений. Это или нормы права (правовые институты), или субъективные права участников правоотношения, то есть в последнем случае составные части правоотношения (См.: Дудин А.П. Указ. соч.).

¹⁰⁰ См.: Басин Ю.Г. Вопросы советского жилищного права, Алма-Ата, 1963. С. 139; Общая теория советского права / под ред. С.Н. Братуся и И.С. Самощенко. М., 1966. С. 310; Гражданское право. М., 1969. Т. I. С. 89; Клейнман А.Ф. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права. М., 1967. С. 24.

¹⁰¹ Алексеев С.С. Об объекте права и правоотношения. С. 299.

«делать», «не делать» и т.д. В свою очередь, глагол предполагает определение предмета, в отношении которого он используется. Такой предмет и является объектом второго порядка (например, приобретенная вещь). К их числу ученый относит вещи, нематериальные блага и действия людей¹⁰².

Опираясь на нормы советского гражданского права, следует отметить, что под объектами субъективного права собственности понимаются вещи (имущество). Это следует из содержания ряда статей Гражданского кодекса РСФСР 1922 г.¹⁰³, а также из названия и содержания ст. 95, 100, 103 и 105 Гражданского кодекса РСФСР¹⁰⁴. Буквальное толкование перечисленных норм позволяет сделать вывод о том, что законодатель использует прием простого перечисления вещей (имущества) для определения объектов государственной, колхозной и иных форм собственности.

Однако в советской юридической литературе не раз указывалось на некорректное название указанных статей. Например, по мнению Н.Г. Александрова, речь в статьях идет не об объектах права (не в смысле объектов правового воздействия или регулирования), а об объекте поведения субъектов правоотношений¹⁰⁵. В качестве объекта правоотношения трактует их и О.С. Иоффе, по мнению которого в перечисленных нормах речь идет о внешних объектах правоотношений¹⁰⁶.

В заключение отметим, что понятие «объект права» не имеет однозначного понимания в доктрине, не говоря уже об определении данного понятия. В советской доктрине сложилось три основных направления в решении вопроса о сущности объекта права и о тех явлениях, которые следует отнести к правовым объектам. В юридической литературе

¹⁰² См.: Тарановский Ф.В. Энциклопедия права. 3-е изд. СПб., 2001.

¹⁰³ ГК утратил силу (СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904).

¹⁰⁴ ГК утратил силу (Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407).

¹⁰⁵ См.: Александров Н.Г. Указ. соч. С. 116.

¹⁰⁶ См.: Иоффе О.С. Спорные вопросы учения о правоотношениях. В кн.: Очерки по гражданскому праву. Л., 1957. С. 52.

наибольшее распространение получила позиция, согласно которой к объектам права следует относить действия, вещи (имущество), личные нематериальные блага. Достаточно широкое распространение получила теория, сторонники которой к объектам права причисляют исключительно (или прежде всего) вещи, при этом отрицая возможность отнесения к объектам права действий. И лишь некоторыми авторами отстаивается точка зрения, в соответствии с которой объектами права могут быть исключительно действия обязанных лиц, на которые может притязать управомоченный.

При этом одни ученые придерживаются общеправового понимания объекта, другие отрицают его философское значение, третьи допускают использование философского понимания категории «объекта», однако с оговоркой об опасности механического перенесения философской категории в правовое поле¹⁰⁷.

Примечательно, что все перечисленные теории объекта права выглядят достаточно убедительно с точки зрения определения явлений, подпадающих под категорию объекта права в зависимости от того смысла, который сторонники той или иной теории вкладывают в значение объекта прав.

Вместе с тем именно советский период учения об объектах гражданских прав в значительной мере способствовал развитию догматики права. Перед юридической наукой были поставлены вопросы не столько юридического, сколько философского порядка: соотношение понятий предмет правоотношения, объект права и правоотношения. Разные цели в правовой визуализации объектов гражданских прав не ставилась.

¹⁰⁷ Как справедливо отметил С.С. Алексеев, «поочередное, механическое использование определений, выработанных в гносеологии, политической экономии, психологии для объяснения явлений, относимых к праву, даст нам несовпадающие результаты, за исключением того, что в каждом случае объектом окажется нечто внешнее к субъекту» (Алексеев С.С. Указ. соч. С. 286).

§ 3. Развитие системы объектов гражданских прав в российском праве

Российский законодатель использует понятие «объект гражданских прав» в действующем ГК РФ¹⁰⁸. Речь в первую очередь идет о названии подразд. 3 «Объекты гражданских прав», а также одноименной ст. 128 «Объекты гражданских прав» и ряда иных статей. Однако следует констатировать, что формальное включение данного термина в ГК РФ не проясняет ситуацию в отношении его содержания. По аналогии с Гражданским кодексом РСФСР 1964 г. в современном гражданском законодательстве данная категория раскрывается посредством простого перечисления явлений материального и нематериального мира, входящих в его состав.

Как следствие в научной доктрине наблюдается не просто отсутствие единства в понимании объектов гражданских прав. Совершенно верно Л.В. Щенникова отмечает, что идея объекта гражданских прав, когда-то ставшая предметом научного исследования, привела к серьезным теоретическим разногласиям, по сути став тупиковой¹⁰⁹. На неудовлетворительное состояние теоретических наработок в отношении рассматриваемой категории обратил внимание также В.А. Белов, который провел практически исчерпывающий анализ теоретического состояния данной проблемы¹¹⁰.

¹⁰⁸ Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 октября 2023 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

¹⁰⁹ См.: Щенникова Л.В. Значение категории «объект гражданских прав» для практического гражданского законодательства // Законодательство. 2004. № 11.

¹¹⁰ Основная причина продолжающейся уже длительное время дискуссии заключается в обилии разнообразных и произвольных построений, необоснованных попытках свести множественность объектов гражданских прав к какому-либо одному их виду, игнорирование предписаний позитивного права и требований юридической практики и т.п. (см.: Белов В.А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий // Объекты гражданского оборота: сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2007. С. 6–77).

Как и в советский период, ученые обращаются преимущественно к вопросу о соотношении объекта права, объектов гражданских прав с объектами гражданских правоотношений. Дискуссия продолжается. Одни авторы указанные понятия разграничивают, другие делают вывод об их идентичности.

Так, А.Б. Венгеров поддерживает вывод С.С. Алексеева о разграничении рассматриваемых понятий и понимании объекта права как общественных отношений, а под объектом правоотношения им предложено понимать различные блага, которые стремятся получить управомоченные субъекты¹¹¹.

Указанный вывод об объекте права поддержал В.А. Лапач, по мнению которого в данном случае более привычным для использования является «предмет правового регулирования»¹¹².

Примечательно, что, цитируя работы В.А. Лапача и Л.А. Чеговадзе, В.В. Кудашкин делает вывод, что на современном этапе труды по гражданскому праву убедительно доказывают теоретическую и практическую значимость разделения понятий «объект гражданских прав» и «объект гражданских правоотношений»¹¹³.

По мнению ряда ученых правовое регулирование допустимо исключительно в части поведения субъектов. На основе данного вывода они приходят к умозаключениям о необходимости разграничения понятий

¹¹¹ См.: Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 1998. С. 482.

¹¹² При этом Лапач В.А. считает понятия «объект правового регулирования» и «объект права» равнозначными (см.: Лапач В.А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб., 2002. 544 с.)

¹¹³ В доказательство В.В. Кудашкин цитирует Л.А. Чеговадзе, по мнению которого «...став объектом права конкретного субъекта, любое из ... явлений социальной действительности попадает в еще одно измерение – систему правоотношения, но попадает не буквально, не в виде предмета, а правовым состоянием в качестве объекта... поэтому объектом воздействия гражданского правоотношения как правовой конструкции... может быть фактическое взаимодействие его сторон, результатом чего становится то, что это взаимодействие, осуществляемое в пределах правовой конструкции, приобретает еще одну сторону – правовую» (Кудашкин В.В. Правовые основы военно-технического сотрудничества: в 3 т. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2018. Т. 1).

«объект права» и «объект правоотношения» – объектом правоотношения выступает поведение субъектов, а объектом поведения людей являются материальные и нематериальные блага¹¹⁴.

В.В. Кулаков, ссылаясь на труды М.М. Агаркова, акцентирует внимание на том, что в ст. 128 ГК РФ «перечисляются не объекты правоотношения, а объекты гражданских прав»¹¹⁵. Вместе с тем он допускает отождествление объектов гражданских прав с объектами правоотношений по причине того, что по поводу указанных в названной норме объектов субъекты вступают в общественные отношения.

С.П. Гришаев подчеркивает, что данные категории нередко рассматриваются в качестве синонимов, при этом однозначных выводов по поводу соотношения данных правовых категорий не делает. Более того, давая общую характеристику объектам гражданских прав по законодательству Российской Федерации», он поочередно говорит о тех или иных аспектах то объектов гражданских права, то объектов гражданских правоотношений¹¹⁶. Соглашаясь с позицией, согласно которой объектом гражданского правоотношения является то, по поводу чего возникают гражданские правоотношения, ученый приходит к выводу, что «такое определение может быть применено к любому объекту гражданских прав»¹¹⁷.

Н.И. Матузов и А.И. Малько указывают на существенное отличие объекта права от объекта правоотношения – оно заключается в степени его конкретизации¹¹⁸. В качестве примера указанные авторы приводят земельный участок. При рассмотрении земельного участка в качестве объекта права речь идет, по их мнению, об универсальном явлении, которое отражает

¹¹⁴ Гражданское право: учебник: в 2 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2000. Т. I. С. 295.

¹¹⁵ Кулаков В.В. Обязательство и осложнения его структуры в гражданском праве России: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 46.

¹¹⁶ См.: Гришаев С.П. Эволюция законодательства об объектах гражданских прав // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М., 2004. С. 403.

определенную часть реального мира. При этом субъекты вступают в правоотношения, объектом которого выступает уже не абстрактный, а конкретный земельный участок, который становится объектом любых (конкретных) отношений: конституционных, гражданских, земельных, налоговых и т.д.¹¹⁹

В развитие данного вывода В.Н. Чебаев подчеркивает динамичность объекта права¹²⁰.

Аналогичной позиции, суть которой заключается в конкретизации объекта права в правоотношениях, но с использованием иных квалифицирующих слов, придерживается Р.Ф. Галеева, которая разграничивает «формальный» и «фактический» объекты¹²¹.

В.А. Белов приходит к выводу о тождественности понятий «объект гражданского права» и «объект гражданского правоотношения», а точнее объект права включается, по его мнению, в понятие объекта правоотношения. Вместе с тем весьма нестандартными представляются его размышления о теоретической значимости понятия «объект гражданского правоотношения», которую ученый ставит под сомнение¹²².

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Отмечается, что объект права имеет общий, статичный характер, в то время как объект правоотношения всегда конкретен, динамичен. Вместе с тем, делается весьма важное уточнение: объект права, имеющий статичный характер, есть «целое» и «возможное», а объект правоотношения как динамичное явление представляет собой «часть», «действительное» (Чебаев В.Н. Статус объекта права: монография. М., 2014. С. 20–23).

¹²¹ Категория «объекта гражданских прав» отражает существо формального объекта гражданского правоотношения, а явления объективной действительности, признаваемые в качестве такового, по поводу которых возникли конкретные гражданские правоотношения, составляют фактический объект гражданского правоотношения (см.: Галеева Р.Ф. Сущность объектов гражданских прав // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 151. Казань, 2009. Кн. 4. С. 91–98).

¹²² Теоретическая значимость понятия «объект гражданских правоотношений» вызывает сомнение по причине того, что правовое отношение – это идеальная модель общественного отношения, следовательно, его объектом может быть лишь то, на что она оказывает непосредственное воздействие. Единственной сферой, в которой субъективное право и правоотношение могли бы как-то проявить себя в качестве воздействующей субстанции, является область социальных отношений. Этот вывод, который В.А. Белову представляется единственно верным, по его мнению, не получит признания только лишь потому, что «проблема объекта правоотношения ставилась в юридической науке с совершенно иными целями» (Белов В.А. Указ соч. С. 55, 57).

Следует отметить, что данные выводы нашли поддержку в отечественной современной доктрине¹²³. В частности, Р.Н. Яхонтов отождествляет рассматриваемые правовые категории, при этом данную позицию он аргументирует со ссылкой на содержание правоотношения, которое составляют права и обязанности. В свою очередь, объект субъективного права одновременно представляет и объект юридической обязанности, что в единстве своем и выступает объектом правоотношений¹²⁴.

Некоторые авторы раскрывают определение объектов права через категорию «идея». Так, А.В. Габов считает, что объект гражданских прав «это прежде всего определенная идея, которая появляется путем абстрагирования признаков различных явлений (объектов) внешнего мира, не относимых к субъектной его части, с “маркированием” определенной группы объектов каким-то единым родовым понятием (к примеру, “земля”»¹²⁵.

В.А. Лапач, проведя исследование объектов гражданского права, приходит к выводу, что «объекты гражданских прав есть правовая идея самого высокого уровня обобщения, входящая в систему основных категорий частного права, отображающая систему признаваемых или допускаемых в данной правовой общности имущественных и неимущественных благ (ценностей), характеризующихся признаками дискретности, юридической привязки и системности, по поводу которых складываются общественные отношения как предмет гражданского права, а также устанавливаются правовые связи в ходе урегулирования данных отношений»¹²⁶.

¹²³ См., например: Рыженков А.Я. Объекты гражданских прав: теоретические и философские аспекты // Гражданское право. 2017. № 6. С. 19–22.

¹²⁴ См.: Яхонтов Р.Н. Соотношение объекта права и объекта правоотношения в гражданском праве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России 2022. № 1 (93). С. 82–88.

¹²⁵ Габов А.В. Цифровой рубль Центрального банка как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 4. С. 55–65.

¹²⁶ Лапач В.А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб., 2002. 544 с.

Диссертант не разделяет данную позицию, однако следует признать, что несомненным достоинством приведенного определения является отражение в нем выявленных ученым признаков объектов гражданских прав, что имеет принципиальное значение с позиции квалификации объекта гражданских прав тех или иных новых явлений действительности.

А. Юшков раскрывает понятие объекта гражданских прав через благо, «по поводу которого субъекты гражданского права вступают между собой в правовые отношения»¹²⁷.

По мнению Н.М. Зайченко, под объектом следует понимать «...совокупность всех объектов прав, в отношении которых возникают соответствующие договорные обязательства. С точки зрения теории гражданского права в качестве таких объектов выступают товары, обладающие экономической стоимостью и отвечающие признакам оборотоспособности»¹²⁸. Примечательно, что объектами гражданских прав ученый называет исключительно материальные блага¹²⁹.

Объект гражданского права – юридически пассивное материальное или идеальное явление, в отношении которого могут совершаться односторонние юридически значимые действия – к такому выводу приходит в своих рассуждениях в отношении объекта гражданского права А.Я. Рыженков¹³⁰. Более того, идея юридической пассивности называется им основополагающей¹³¹.

¹²⁷ Юшков А. Залог денежных средств: проблемы и решения // Хозяйство и право. 2006. № 6. С. 127.

¹²⁸ Зайченко Н.М. Предмет договора энергоснабжения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 12.

¹²⁹ Там же. С. 11.

¹³⁰ См.: Рыженков А.Я. Указ. соч.

¹³¹ Свою позицию А.Я. Рыженков подкрепляет отношением отечественного законодателя к животным, отнесенным в силу закона к имуществу, а не к субъектам права, хотя животные обладают активностью в чисто телесном смысле. Из чего, по мнению автора, вытекает еще одна особенность объекта, имеющая фундаментальное значение, – его односторонность, то есть объект права является им потому, что не способен оказать на субъекта ответное воздействие (см.: Рыженков А.Я. Указ. соч.).

Отдельные ученые полагают, что объектами гражданских и семейных прав являются материальные и нематериальные блага, по поводу которых субъекты вступают в правовые и иные связи между собой и (или) с третьими лицами и которые становятся основаниями возникновения, изменения либо прекращения гражданских и семейных прав и обязанностей. Объекты прав порождают различные юридические факты, влекут возникновение соответствующего правоотношения¹³². Представленное общее определение объектов гражданских и семейных прав далее детализируется – объектами гражданских прав выступают материальные и нематериальные блага, по поводу которых субъекты вступают в различные связи – как правило, с целью удовлетворения своих потребностей¹³³. На наш взгляд, единое определение объекта для гражданского и семейного права лишено не только практического, но и юридического смысла. В части определения объектов гражданских прав остается неясным, о каких связях между субъектами идет речь и почему такие связи устанавливаются, *как правило*, с целью удовлетворения своих потребностей. По мнению диссертанта, и на это регулярно указывается в научной доктрине, целью гражданских правоотношений всегда является интерес субъекта, который связан с удовлетворением потребностей.

Через категорию блага раскрывает понятие объектов гражданских прав и Ю.Ю. Ветютнев, по мнению которого логика законодателя состоит в разграничении благ на материальные и нематериальные. Упоминание в ст. 128 ГК РФ нематериальных благ означает, что все иные перечисленные в ней блага следует относить к материальным благам. Такие блага способны удовлетворить потребности их обладателя¹³⁴.

¹³² См.: Объекты гражданских и семейных прав по законодательству Российской Федерации: монография / отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. М., 2019. С. 12.

¹³³ Там же. С. 15.

¹³⁴ См.: Ветютнев Ю.Ю. Идея блага и ее отражение в современном праве // Правоведение. 2012. № 6. С. 36–45.

Как верно отмечает С.А. Свирков, при исследовании правовой категории «объект гражданских прав» упускается из вида существование принципиальных различий таких понятий, как «объективное право» и «субъективное право»¹³⁵.

Некоторые ученые в развитие теории О.С. Иоффе раскрывают понятие объекта как явления, способного к правовому регулированию. Такого подхода, в частности, придерживается М.М. Валеев¹³⁶.

Ряд авторов высказывают мнение, что объектом гражданских прав выступает правовой режим таких категорий, как имущество, работы, услуги, нематериальные блага и т.д.¹³⁷

Вместе с тем следует отметить, что в научной доктрине была также представлена позиция, суть которой сводится не просто к нецелесообразности использования практического гражданского законодательства категории объекта права. Такой позиции придерживается, в частности, Л.В. Щенникова, по мнению которой рассматриваемая категория «...оказывается не только формально лишней, но и вредной, затрудняющей на деле как познание права, так и его применение»¹³⁸. Такой подход представляется спорным по причине того, что в первую очередь он используется законодателем, а также в правоприменительной практике, следовательно, требует теоретического осмысления.

¹³⁵ Восполняя данный доктринальный пробел, применительно к рассматриваемой категории С.А. Свирков указывает, что в объективном понимании объект права представляет собой совокупность общественных отношений, которые представляют собой предмет (объект) регулирования права (в объективном смысле), в то время как субъективные права имеют объектами различные виды имущества, работы и услуги, иные блага (ст. 128 ГК РФ). При этом определение самих объектов гражданских прав ученый раскрывает через термин «субстанции» материального или идеального мира, которые характеризуются направленностью на них интересов участников соответствующих правоотношений, а также соответствуют требованиям оборотоспособности, а следовательно установлением для них в законодательстве определенных правовых режимов (см.: Свирков С.А. К вопросу об объектах гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 1. С. 102–116).

¹³⁶ См.: Валеев М.М. Вещи как объекты гражданских правоотношений: автореф. дис. канд. юрид. наук. Екатеринбург 2003.

¹³⁷ См.: Гражданское право: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2003.

¹³⁸ Щенникова Л.В. Указ. соч. С. 12.

В современной юридической литературе ученые не только анализируют правовую категорию объектов (гражданского) права, но и систематизируют и классифицируют относящиеся к объектам гражданского права явления.

Подчеркивая необходимость систематизации объектов гражданских прав, А.В. Габов делает совершенно правильный вывод о том, что «...рациональная, адекватная, логичная система объектов гражданских прав – это одна из основ для построения релевантной системы гражданского права в целом»¹³⁹.

Под системой объектов гражданских прав В.А. Лапач понимает «необходимое, целесообразное, структурно упорядоченное, относительно самостоятельное, гомоморфное системе гражданского права и объективной действительности объединение по содержательным основаниям частей (правовое целое), представляющих собой обобщения юридически значимых признаков, свойств и качеств предметов и явлений объективной и правовой действительности, выступающих в качестве объектов субъективных прав и материальных объектов правовых отношений»¹⁴⁰.

Не будем давать оценку представленного определения. В понимании системы как базовой категории считаем возможным ограничиться словарным определением, в котором под системой понимается множество связанных друг с другом элементов, образующих некоторую целостность, единство¹⁴¹.

Применяя данное определение в отношении объектов гражданских прав, можно сделать вывод о том, что их система представляет собой структуру, объединяющую отличные друг от друга элементы (определенные виды объектов), которые одновременно находятся между собой во

¹³⁹ «Такая система – отраженных в системе правовых понятий явлений внешнего мира – позволяет объяснить разность субъективных прав, которые возникают у субъектов (вещные, обязательственные и исключительные), создав систему таких прав; разные возможности субъектов; систему ограничений; систему защиты прав и т.д.» (Габов А.В. Указ. соч.).

¹⁴⁰ Лапач В.А. Указ. соч.

¹⁴¹ См.: Большой российский энциклопедический словарь. М., 2003. С. 1437.

взаимосвязи. Такая взаимосвязь предполагает наличие единых (общих) характеристик, присущих каждому элементу (*именно это и позволяет объединить их в систему*).

В отношении систематизации (классификации) объектов гражданских прав следует отметить, что современная доктрина преимущественно исходит из толкования ст. 128 ГК РФ, в которой законодатель использует прием простого перечисления входящих в объект гражданских прав его отдельных элементов.

В частности, апеллируя к содержанию ст. 128 ГК РФ, Д.В. Кожемякин выделяет четыре группы объектов гражданских прав: 1) имущество, к которому относятся вещи, иное имущество, безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, а также имущественные права; 2) работы и услуги; 3) результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации; 4) нематериальные блага¹⁴².

Более правильный подход к классификации объектов гражданских прав, по мнению диссертанта, демонстрирует С.П. Гришаев, который предлагает несколько критериев их деления. В частности, объекты подразделяются им на материальные и нематериальные. Критерием такой классификации является экономический аспект. Соответственно, материальные объекты обладают экономической стоимостью, нематериальные – нет¹⁴³.

¹⁴² См.: Кожемякин Д.В. Доменное имя в системе объектов гражданских прав: монография. М., 2019.

¹⁴³ К материальным объектам С.П. Гришаев относит вещи, в том числе наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права (к ним ученый относит также исключительные права), результаты работ и оказание услуг; к нематериальным – сами результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, а также нематериальные блага (см.: Гришаев С.П. Указ. соч.).

По этому же основанию предлагает классифицировать объекты гражданских прав Е.А. Суханов¹⁴⁴.

М.Л. Шелютто в числе объектов гражданских прав называет: вещи; имущество; работы и услуги; информацию и результаты интеллектуальной деятельности¹⁴⁵. В данном списке отсутствуют нематериальные блага, такие как жизнь, честь и здоровье. По мнению М.Л. Шелютто, они не могут быть признаны самостоятельными объектами гражданско-правовой охраны, в связи с чем предложено считать нематериальные блага абстрактными объектами права¹⁴⁶.

Таким образом, несмотря на то, что отечественный законодатель использует понятие объекта гражданских прав в ГК РФ, при отсутствии легального определения данной правовой категории неудивительно, что доктринальные позиции российских ученых в отношении рассматриваемой категории весьма многообразны. При этом наиболее распространенные дефиниции основаны на одном из трех подходов: 1) объектом гражданских прав является то, на что направлены права и обязанности субъектов гражданских правоотношений; 2) объектом права признается то, по поводу чего возникает гражданское правоотношение; 3) объектом права является то, на что правомочие и обязанность оказывают или могут оказать воздействие.

Еще одна теоретическая позиция заключается в отказе от использования рассматриваемой правовой категории, что объясняется непригодностью для практических целей.

¹⁴⁴ К группе материальных объектов гражданских прав ученый относит объекты, имеющие экономическую форму товара, вещи, результаты работ и услуги (имеющие материальную вещественную форму), деятельность по созданию и улучшению вещей; к нематериальным благам – результаты творческой деятельности и другие права, сходные по природе (права на товарный знак, промышленный образец), а также личные неимущественные права (см.: Гражданское право: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. проф. Е.А. Суханов. М., 1998. С. 295–297).

¹⁴⁵ См.: Шелютто М.Л. Гражданское право России / под ред. О.Н. Садикова. М., 2001. С. 261–267.

¹⁴⁶ См.: Шелютто М.Л. Гражданско-правовая защита деловой репутации юридических лиц // Журнал российского права. 1997. № 12. С. 34.

В отношении конкретных видов объектов гражданских прав большинство ученых придерживаются концепции «объект-благо». Наименьшей поддержкой пользуются также теории «объект – идея», «объект – поведение» и «объект – правовой режим», а также теория о безобъектности субъективных прав.

§ 4. Понятие объектов гражданских прав

Современная правовая доктрина ищет решение проблемы объектов гражданских прав и гражданских правоотношений. Сохраняет актуальность отмеченное Д.Д. Гриммом отсутствие значимых достижений в определении объекта правоотношения¹⁴⁷, по-прежнему не наблюдается единства в понимании обозначенных категорий и их соотношения.

Анализ научной доктрины дореволюционного и советского периодов позволил выявить ряд проблем, препятствующих получению положительных результатов. Разнообразие использования категории «объект» явилось следствием отсутствия устоявшейся терминологии, обусловленной спорами о происхождении значения самого слова «объект», обозначающего совершенно различные явления.

Решению обозначенной проблемы не способствует также принятое в научном сообществе рассмотрение категории «объект права» в объективном и субъективном смыслах¹⁴⁸. Не представляется целесообразным анализировать объективный и субъективный смыслы данных категорий. Ранее в доктрине отмечалось, что в объективном понимании объект права представляет собой совокупность общественных отношений, которые представляют собой предмет (объект) правового регулирования¹⁴⁹, при этом

¹⁴⁷ См.: Гримм Д.Д. К учению об объектах прав // Вестник гражданского права. 2007. № 1. С. 157–196.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ См., например: Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л., 1959. С. 64–66.

субъективные права имеют в качестве объектов конкретные виды имущества, работ, услуг и иных благ в контексте ст. 128 ГК РФ¹⁵⁰.

Вследствие идеологического влияния как на дореволюционные наработки, так и на научные труды советского периода возникает методологическая проблема сопоставимости полученных научных результатов. Д.Д. Гриммом отмечалось, что «общий недостаток современной доктрины – отсутствие разграничения конкретных отношений и абстрактных типов...»¹⁵¹. В связи с этим представляется верным утверждение А. Шопенгауэра: «понятия образуют своеобразный, присущий только человеческому духу класс, отличный *toto genere* от... наглядных представлений»¹⁵².

Рассматриваемая категория с точки зрения содержания претерпевает перманентные изменения, прослеживаемые в сравнении научных разработок советского и современного периодов, основанных в том числе на нормах права, что является одной из причин доктринального многообразия понятий объекта права.

Следует отметить, что причина отсутствия единства в понимании категории объекта права также состоит в том, что правильность любой из предложенных в юридической литературе теорий не может быть верифицирована практикой, поэтому выводы правоведов в отношении правовой сущности и содержания категории объекта права имеют преимущественно теоретическую значимость. Прикладное значение такие наработки приобретают с позиции теоретических поисков критериев отнесения к объектам права новых явлений действительности, внедрения их в систему объектов права в целях установления правового режима.

Обобщая представленные в современной науке понятия объектов права, следует констатировать, что преимущественно под объектом права

¹⁵⁰ См.: Свирков С.А. Указ. соч. С. 115.

¹⁵¹ Гримм Д.Д. Указ. соч.

¹⁵² Шопенгауэр А. Собрание сочинений: в 6 т. / пер. с нем.; под общ. ред. А. Чанышева. М., 1999. Т. 1. С. 48.

понимается «то, на что направлено правоотношение (право)». Данный подход, именуемый философским, основан на противопоставлении объекта права его субъекту¹⁵³. Субъект и объект в данном случае рассматриваются как категории, описывающие функциональное отношение между действующим (активным) субстратом (субъектом) и пассивной субстанцией, подвергающейся воздействию активного субстрата (объекта)¹⁵⁴. Он был положен в основу исследований категории объекта права в трудах М.М. Агаркова, О.С. Иоффе, А.Ф. Черданцева¹⁵⁵ и др.

Другой подход (обозначенный в доктрине как специально-юридический) состоит в том, что объект прав характеризуется как «то, по поводу чего эти права (правоотношения) возникают». Подобным образом раскрывается категория объекта прав в современной юридической литературе¹⁵⁶. Среди дореволюционных ученых данный подход характерен для трудов Ф.В. Тарановского¹⁵⁷, Е.Н. Трубецкого¹⁵⁸, Ю.С. Гамбарова¹⁵⁹ и др.

Объект права рассматривается также как «то, на что может быть оказано воздействие». Данная теория не получила в научной доктрине особой поддержки. Как средство осуществления правового интереса

¹⁵³ См.: Краткий словарь по философии / под ред. И.В. Блауберга, П.В. Копнина, И.К. Пантина. М., 1970. С. 313. О.С. Иоффе приводит еще одну философскую трактовку понятия объекта, который «...в философии диалектического материализма определяется как внешний противостоящий субъекту предмет, на который направляется сознание и деятельность субъекта» (Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву. М., 2000. С. 588).

¹⁵⁴ См.: Указ. соч. С. 6–77.

¹⁵⁵ См.: Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву. М., 2002. Т. 1. С. 195; Иоффе О.С. Указ. соч. С. 589; Черданцев А.Ф. Теория государства и права. М., 2002. С. 300.

¹⁵⁶ См.: Гражданское право: учебник / под ред. Е.А. Суханова. 2-е изд.-е. М., 1998. Т. 1. С. 295; Гражданское право: учебник. Ч. 1 / под ред. А.Г. Калпина, А.И. Масляева. М., 2002. С. 134.

¹⁵⁷ См.: Тарановский Ф.В. Энциклопедия права. СПб., 2001. С. 159.

¹⁵⁸ См.: Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб., 1998. С. 179–180.

¹⁵⁹ См.: Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть. М., 2003. С. 583.

субъекта прав понимают объект права Н.М. Коркунов¹⁶⁰ и Г.Ф. Шершеневич¹⁶¹.

Условность формулировок «то, на что», «то, по поводу чего», «все то, что» неоднократно становилась предметом дискуссии в современной юридической доктрине. В частности, на данное обстоятельство обращала внимание Л.В. Щенникова, подчеркивая, что при определении объектов прав авторы используют один и тот же прием, в котором и «заключается загадка»¹⁶². Если следовать концепции первого подхода, то необходимо выявить «направленность» прав и обязанностей. Можно было бы рассматривать направленность стратегическую или тактическую, однако вопрос истинной направленности всегда останется спорным. С позиции второго подхода необходимо акцентировать внимание на категории «повод», вместе с тем им охватываются самые разнообразные явления окружающего мира. Третий подход предполагает поиск объекта воздействия, что также не приводит к единым результатам, поскольку одни ученые утверждают, что воздействовать возможно только на поведение людей, другие же включают в данную категорию и телесные предметы (вещи)¹⁶³.

По мнению Р.С. Бевзенко, отсутствует существенная разница в используемых в обозначенных подходах словосочетаниях «то, на что направлено право» и «то, по поводу чего возникает право». С точки зрения ученого «по поводу» следует понимать как предлог в значении «относительно», «насчет». Таким образом, Р.С. Бевзенко приходит к выводу, что «указание на целенаправленность субъективного права, устремленность его к объекту» является объединяющим началом в данных формулировках¹⁶⁴.

Полагаем нецелесообразным отождествление словосочетаний «на что направлено правоотношение (право)» и «по поводу чего» в силу их

¹⁶⁰ См.: Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 195.

¹⁶¹ См.: Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. С. 590.

¹⁶² Щенникова Л.В. Указ. соч.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ См.: Бевзенко Р.С. Объекты гражданских правоотношений. М., 2010. С. 11–12.

различного значения. Как отмечалось ранее, под понятие объекта подпадают совершенно различные явления. В большинстве толковых словарей одно из значений слова «направлено» раскрывается как устремление к какой-либо цели¹⁶⁵, а устремление характеризуется как намерение, стремление к чему-либо. Вступая в правоотношения, любое лицо преследует определенные намерения: приобрести право собственности на какое-либо имущество, открыть счет в банке, получить определенную услугу и т.д. Именно это и является тем, что нас побуждает к вступлению в правоотношение. Таким образом, в случае раскрытия категории объекта права через понятие направленности правоотношения необходимо признать, что объектом права может быть не что иное, как мотив, цель, намерение, желание, стремление к чему-либо конкретного субъекта, то есть интерес. Как справедливо отметил В.П. Грибанов, «потребности, принимающие форму сознательных побуждений, определяющих целенаправленность и волевой характер деятельности человека» приобретают в науке значение категории интереса¹⁶⁶.

Вместе с тем вызывает сомнения то, что отечественный законодатель придерживается данной позиции относительно объектов гражданских прав.

Несколько иная ситуация складывается, когда под объектом права подразумевается «все то, по поводу чего возникает правоотношение (право)». Отметим нецелесообразность обращения к этимологии слова «повод», так как словосочетание «по поводу» придает ему несколько иной смысл. Согласно толковым словарям оно употребляется преимущественно в значении «относительно», «насчет»¹⁶⁷. Применительно к объектам права это

¹⁶⁵

URL:

<https://znachenie-slova.ru/%D0%BD%D0%B0%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9>; <https://slovar.cc/rus/ushakov/415341.html>.

¹⁶⁶ Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 239.

¹⁶⁷

URL:

<https://kartaslov.ru/%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0/%D0%BF%D0%BE+%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%83>;
<https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/214875/%D0%9F%D0%BE>.

означает, что права возникают именно в отношении всего того, что подпадает под категорию объекта права – материальные и нематериальные блага и т.д.

Вместе с тем между последними двумя подходами в определении объекта права прослеживается взаимосвязь, довольно убедительно аргументированная Р.Ф. Галеевой. По мнению ученого, интерес представляет собой осознанную потребность, побуждающую субъектов к вступлению в правовые отношения. Основой воплощения данного интереса в конкретном отношении является воля. Вследствие чего Р.Ф. Галеевой выстраивается цепочка «потребность – интерес – воля – результат»¹⁶⁸. Применительно к деятельности субъекта по отношению к объекту ученым предлагается следующая схема: «цель – способ – средство», где цель – удовлетворение потребностей субъекта (их индивидуальных интересов), способ – осуществление субъективного права как меры возможного (дозволенного) поведения управомоченного лица, корреспондирующей ей обязанности другого лица и обеспеченной государством, средства – разнообразные материальные и нематериальные блага¹⁶⁹. Как указывал Г.Ф. Шершеневич, объект прав – это «все то, что может служить средством осуществления интереса»¹⁷⁰.

Субъективный интерес сам по себе в отрыве от средства (благ) не представляет никакой ценности. Именно блага имеют ценность для субъекта, поскольку он может реализовать свои интересы только их посредством.

Таким образом, диссертантом поддерживается позиция ученых, которые раскрывают определение объектов права через формулировку «все то, по поводу чего возникает право (правоотношение)».

Вместе с тем замечания Л.В. Щенниковой заслуживают поддержки. Ученым подчеркивается, что во всех вышеперечисленных подходах объект

¹⁶⁸ Галеева Р.Ф. Указ. соч. С. 92.

¹⁶⁹ Там же. С. 92–93.

¹⁷⁰ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. С. 121.

права определяется через непонятную абстракцию «нечто» («то, что», «все то, на что» и т.д.), что не может расцениваться в качестве определения, поскольку не соответствует основополагающим требованиям к правовым дефинициям. Последние должны быть полными и при этом отражать только существенные признаки обобщаемых явлений, каждый из этих признаков должен иметь правовое значение. Дефиниция должна адекватно отображать сущность определяемого явления, при этом не может содержать противоречивых суждений¹⁷¹.

Поддерживая требование о том, что «дефиниция не должна содержать термины, употребляемые в определяемом понятии, то есть не допускать тавтологии, иначе... никакой пользы от нее не будет»¹⁷², полагаем нецелесообразным раскрывать понятие объекта гражданских прав через категорию «благо» многих авторов. Подобная дефиниция не будет отвечать требованиям в связи с тем, что термин «благо» используется в названии одного из видов объектов гражданских прав – «нематериальные блага» (ст. 2, 128, 150, 151, 208, 1112 ГК РФ), что исключает возможность определения правовой категории «объект права» через категорию «благо» независимо от трактовки понятия блага.

Не менее важным является соблюдение требования о полноте дефиниции, предполагающего отражение всех присущих конкретным объектам права единых признаков.

Раскрывая понятие объекта права, ученые, отражающие в числе признаков их оборотоспособность или имущественную ценность, говорят о существовании исключений из данных характеристик объектов права вплоть до необходимости исключения из перечня предусмотренных в законе объектов гражданских прав, например, категории неимущественных прав, не имеющих денежной оценки и не вовлеченных в гражданский оборот. Так, по

¹⁷¹ См.: Законодательная техника / под ред. Ю.А. Тихомирова. М., 2000. С. 81; Дудырин Д.С. Требования к правовой дефиниции. URL: <https://journal.mrsu.ru/wp-content/uploads/2015/06/dudyryn-d.pdf>.

¹⁷² См.: Дудырин Д.С. Указ. соч.

мнению М.Л. Шелютто, они не могут быть признаны самостоятельными объектами гражданско-правовой охраны, в связи с чем она предлагает считать нематериальные блага абстрактными объектами права¹⁷³.

Неслучайно в научной литературе в противопоставление нематериальным благам были сделаны попытки внедрения еще одной категории – материальных благ, под которыми А.В. Красюков, в частности, понимает «объект реального или идеального мира, в силу своей ограниченности обладающий экономической ценностью и способный при условии его приобретения удовлетворить определенные потребности и интересы своего владельца, в том числе и путем отчуждения третьим лицам»¹⁷⁴. При этом Н.М. Зайченко под объектом гражданских прав понимает только материальные блага, так как таким объектам всегда присущи экономическая стоимость и возможность вовлечения в гражданский оборот¹⁷⁵.

По мнению авторов постатейных комментариев к гл. 6–12 ГК РФ, материальные блага не могут выступать в качестве объектов гражданских правоотношений, то есть они не могут являться объектом субъективных гражданских прав. Следовательно, права на такие блага нельзя рассматривать как субъективные гражданские права, «эти права принадлежат всем и каждому от рождения, они гарантированы Конституцией РФ и являющейся составной частью российской правовой системы Конвенцией о правах человека, т.е. это конституционные, конвенционные права граждан»¹⁷⁶. В качестве обобщающего вывода авторы утверждают, что ошибочно сохранение нематериальных благ в числе объектов гражданских прав.

¹⁷³ См.: Шелютто М.Л. Гражданско-правовая защита деловой репутации юридических лиц // Журнал российского права. 1997. № 12. С. 34.

¹⁷⁴ Красюков А.В. Определение объекта налогового обязательства как средство конкретизации и защиты прав его сторон // Налоги. 2019. № 1. С. 11–14.

¹⁷⁵ См.: Зайченко Н.М. Указ. соч. С. 11.

¹⁷⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 6–12 / Д.Х. Валеев, А.В. Габов, М.Н. Илюшина и др.; под ред. Л.В. Санниковой. М., 2014.

Примечательно, что подобный вывод сделан ими и в отношении деловой репутации¹⁷⁷.

Данные предложения и аргументация представляются весьма спорными. Следует отметить, что нематериальные блага способствуют реализации неимущественных интересов по поводу их использования и охраны, тем самым выступая в роли объекта гражданского правоотношения.

Исходя из изложенного полагаем невозможным раскрывать понятие объектов гражданских прав посредством словосочетаний «все то, что», «все, по поводу чего» и аналогичных формулировок.

Поддерживая сформулированную в научной доктрине теорию объекта – блага, важно отметить недопустимость определения понятия объекта права через термин «благо», поскольку данная правовая категория используется законодателем в ином смысле (в контексте перечня объектов гражданских прав, к которым относятся нематериальные блага).

Если предположить, что объектом гражданских прав являются действия субъектов (теория объекта – действия), то объект правоотношения совпадет с его содержанием, поскольку содержание формального правоотношения составляет совокупность субъективных прав и корреспондирующих им обязанностей как меры возможного и должного поведения. Содержанием реально возникающего правоотношения являются конкретные действия его субъектов. Очевидно, что и в том и в другом случае его содержание составляет поведение сторон. Совпадение отдельных элементов правоотношения противоречит его отлаженной структуре, в которой каждый элемент призван выполнять определенную функцию.

Сложно согласиться также с предположениями ученых о том, что объектом права выступает правовой режим. Безусловно категории правового режима и объектов гражданских прав взаимосвязаны посредством закрепления правового режима за благами, по поводу которых субъекты

¹⁷⁷ Там же.

вступают между собой в гражданско-правовые отношения. Ввиду отсутствия единого мнения о понятии правового режима можно выделить несколько основных подходов к его определению¹⁷⁸. Позиция С.С. Алексеева представляется нам более предпочтительной: правовой режим это особая система регулятивного воздействия, характеризующаяся специфическими способами регулирования¹⁷⁹. Категория «правовой режим» в указанном значении исключает возможность его отождествления с объектами гражданских прав.

В соответствии с требованиями к научным дефинициям объект права предлагается раскрывать через ключевое понятие – явления действительности, рассматриваемые как объективная реальность – совокупность существующего как результат закономерного развития природы, общества и духовной культуры в ее объективном значении. Под овеществленными явлениями действительности подразумеваются предметы, а под неовеществленными – духовные начала. Таким образом, объекты права – это предметы и явления объективной действительности¹⁸⁰.

Полагаем целесообразным представить свою позицию в части соотношения понятий «объект права» и «объект правоотношения», прежде чем перейти к формулированию определения объектов гражданских прав.

В Гражданском кодексе РФ используется термин «гражданское правоотношение», но его объект не конкретизирован, что обусловило продолжение доктринальной дискуссии в части соотношения указанных правовых категорий. Одними учеными объект права отождествляется с объектом правоотношения¹⁸¹, другими рассматриваются их отличительные

¹⁷⁸ См.: Беляева Г.С. Правовой режим: понятие и признаки // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2021. Т. 25. № 1. 281–293.

¹⁷⁹ См.: Алексеев С.С. Общая теория права: курс в 2-х томах. М., 1981. Т. 2. С. 245.

¹⁸⁰ При этом мы исходим из утверждения о том, что все явления действительности имеют двучленное деление («там, где заканчивается субъект, начинается объект»), следовательно, объект – это все то, что не является субъектом.

¹⁸¹ См., например: Яхонтов Р.Н. Указ. соч. С. 82–88.

признаки и соотношение¹⁸². Весьма убедительной представляется аргументация В.А. Белова, полагающего, что объект является составляющей объекта правоотношения¹⁸³. Как справедливо подчеркивается указанным автором, «не может понятие, сводимое к совокупности содержательных характеристик, воздействовать на что-либо иное, чем на то, на что воздействует само его содержание»¹⁸⁴.

Соглашаясь в целом с возможностью отождествления объекта права и объекта правоотношения, отметим следующее: объект субъективного права будет всегда составлять и объект соответствующей обязанности, поскольку субъективное право не может существовать в отрыве и вне наличия юридической обязанности. Такое право существует, пока есть корреспондирующая ему обязанность. Субъективное право и противопоставленная ему обязанность являются содержательными характеристиками любого правоотношения, следовательно, объект права и объект правоотношения следует рассматривать как тождественные понятия.

Вместе с тем полагаем уместным вспомнить о подмеченном Д.Д. Гриммом общем недостатке научной доктрины того периода, суть которого сводится к отсутствию разграничения конкретных отношений и абстрактных типов¹⁸⁵.

Внимание современных ученых сосредоточено на необходимости разграничения общественных отношений на реальные (конкретные) и формальные (идеальные)¹⁸⁶. Формальное (идеальное) общественное отношение представляет собой санкционированную модель возможного поведения субъектов права. Реальные общественные отношения – это

¹⁸² См., например: Матузов Н.И., Малько А.В. Указ. соч.; Чебаев В.Н. Соотношение понятий «объект права» и «объект правоотношения»: вопросы теории // Евразийский союз ученых (ЕСУ). 2015. № 6 (15). С. 50–52.

¹⁸³ См.: Белов В.А. Указ. соч. С. 6–77.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ См., например: Свирков С.А. Указ. соч. С. 102–116; Матузов Н.И., Малько А.В. Указ. соч.; Галеева Р.Ф. Указ. соч. С. 91–98.

взаимодействие между конкретными субъектами, соответствующее формальной модели общественного отношения. По мнению Р.Ф. Галеевой, «...использование “идеального” правоотношения как средства перевода реальных общественных отношений в плоскость правовую вызывает к жизни собственно правоотношение»¹⁸⁷.

Деление общественных отношений на указанные типы послужило основанием для подразделения объектов права на формальные и фактические. Гражданское законодательство содержит перечень формально установленных объектов гражданских прав, то есть тех, которые входят в сферу правового регулирования и потенциально могут стать объектом фактических отношений. Признание законодателем того или иного предмета или явления объективной действительности формальным объектом гражданского права обеспечивает последнему определенный правовой режим. Переходя в плоскость фактического правоотношения, формальный объект гражданского права конкретизируется (индивидуализируется) и становится фактическим объектом реального общественного правоотношения.

В качестве иллюстрации данного вывода рассмотрим жилое помещение как объект гражданских прав. С формальной точки зрения оно представляет собой объект недвижимого имущества, в отношении которого законодатель установил ряд особых правил (как в части регистрации самого объекта, так и относительно прав на него и т.д.). В процессе возникновения реального общественного отношения (например, при заключении договора купли-продажи жилого помещения), соответствующего формальному правоотношению, абстрактная правовая категория «жилое помещение» конкретизируется посредством указания на индивидуализирующие признаки объекта недвижимого имущества, указанные в законе (наименование, размер (площадь), адрес и местоположение, кадастровый номер).

¹⁸⁷ Галеева Р.Ф. Указ. соч. С. 95.

Основная цель теоретического осмысления правовой категории объекта гражданских прав состоит в обобщении всех разрозненных входящих в его состав элементов и формулировании его общего понятия, их охватывающего. Таким обобщающим свойством являются признаки объектов гражданских прав.

На основании изложенного представляется необходимым проанализировать доктринальные признаки объекта гражданских прав в целях выявления критериев для признания им того или иного предмета или явления объективной действительности и предложения авторского теоретического определения данного понятия.

Понятие объекта в праве, по мнению В.А. Белова, «не онтологическое и даже не гносеологическое, но чисто функциональное»¹⁸⁸. Развивая идею функционального подхода, А.Я. Рыженков предлагает определить общее понятие объектов гражданских прав через характер оказанного воздействия, проанализированного с позиции нормативных предписаний¹⁸⁹. Толкование положений п. 1 ст. 129 ГК РФ дает возможность предположить, что таким родовым свойством объектов гражданских прав является признак отчуждаемости¹⁹⁰. Однако сама законодательная формулировка уже свидетельствует о том, что данный признак не может служить обобщающим искомым критерием, поскольку относится не ко всем объектам гражданских прав. Скорее он является основополагающим признаком иной группы объектов права – объектов гражданского оборота, которую не следует отождествлять с общим понятием объектов гражданских прав.

¹⁸⁸ Белов В.А. Указ. соч. С. 58.

¹⁸⁹ См.: Рыженков А.Я. Указ. соч. С. 19–22.

¹⁹⁰ Искомый критерий оборотоспособности как отличительный признак объектов прав указан во многих работах (см., например: Сенчищев В.И. Объект гражданского правоотношения // Актуальные проблемы гражданского права / под ред. М.И. Брагинского. М., 1999. С. 112). Более того, по мнению М.И. Брагинского, «...объект гражданских прав характеризуется с необходимостью двумя следующими свойствами: во-первых, принципиальной возможностью находиться в гражданском обороте и, во-вторых, тем, что такой объект допущен в оборот» (Брагинский М.И. Актуальные вопросы гражданского права / Исследовательский центр частного права. Российская школа частного права. М., 1998. С. 112).

В научной литературе в качестве одного из признаков указывают возможность установления господства в отношении объекта права¹⁹¹. Вместе с тем сложно представить установление господства над такими объектами гражданских прав, как, например, нематериальные блага или оказание услуг. Следовательно, указанный признак в большей степени подходит для объектов материального мира и не может быть обобщающим.

В связи с этим предприняты попытки использования понятия «принадлежность», указывающего на определенную связь субъекта с объектом права. Данный признак также не может выступать в качестве обобщающего, поскольку в данном случае «выпадает» оказание услуг как объект гражданских прав по причине невозможности установления такой связи, так как оказание услуги не может никому принадлежать.

В.А. Лапач в числе признаков объектов гражданских прав наряду с юридической привязкой, понимаемой им как возможность правового закрепления объекта за субъектом гражданского права, называет дискретность и системность¹⁹². Дискретность представляет собой физическую или учетную определенность и обособленность объектов гражданских прав. Физическая (или пространственная) обособленность свойственна материальным объектам – вещам, имуществу. В тех же случаях, когда пространственное обособление объектов права не представляется возможным в силу их нематериальной формы, дискретность проявляется в обособленном учете таких объектов. В качестве примера приводится бездокументарная ценная бумага, не имеющая физических параметров, однако ее дискретность выражается в наличии записи в соответствующем реестре. В отношении объектов авторского права дискретность проявляется

¹⁹¹ См., например: Мейер Д.И. Русское гражданское право. СПб., 1864. С. 119; Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права // Труды по философии права. СПб., 2001. С. 398; Кашанин А.В. Кауза гражданско-правового договора как выражение его сущности // Журнал российского права. 2001. № 4. С. 97.

¹⁹² См.: Лапач В.А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб. 2008. 544 с.

не в учете и не в физических параметрах, но во внешнем проявлении, объективной форме произведения, а для объектов промышленной собственности дискретность заключается в содержательных характеристиках, раскрываемых посредством указания определенных признаков. Представляется, что дискретность нематериальных благ выражается в неотделимости от субъекта. Полагаем, данный признак применим ко всем объектам гражданских прав.

Критерий системности предполагает «вписание» любого объекта гражданских прав в систему права, обладающую внутренней упорядоченностью. Под системой понимается множество связанных друг с другом элементов, образующих некоторую целостность, единство¹⁹³. На наш взгляд, указанный критерий не может быть воспринят как обобщающий для всех элементов, охватываемых понятием объектов гражданских прав. Представляется некорректным ставить в зависимость от возможности «вписания» или «невписания» в существующую систему объектов прав появление нового элемента (предмета или явления объективной действительности) и отнесение его к объектам гражданских прав.

Одним из доктринальных признаков объекта права является способность удовлетворить интерес его обладателя¹⁹⁴. По мнению Ю.К. Толстого, к объектам гражданских прав не могут быть отнесены блага, не имеющие полезных свойств или полезные свойства которых еще не выявлены на том или ином этапе развития человеческой цивилизации¹⁹⁵.

Считаем, что данный признак нельзя отнести к общим квалифицирующим критериям всех объектов гражданских прав, поскольку в случае невозможности удовлетворения потребностей субъекта права посредством его использования сам по себе объект права не утрачивает своих иных качеств, которые позволяют относить его к объектам права. В

¹⁹³ См.: Большой российский энциклопедический словарь. М., 2003. С. 1437.

¹⁹⁴ См., например: Ветютнев Ю.Ю. Указ. соч.

¹⁹⁵ См.: Гражданское право // под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. 3-е изд., перераб. и доп. Ч. 1. М., 1998. С. 205.

связи с этим представляется справедливой позиция Е.Н. Трубецкого, согласно которой «...существует множество объектов права, не связанных с интересами их обладателей и даже находящихся в противоречии с этими интересами. Никому не нужная деловая переписка, старая рукопись, литературное упражнение наследодателя, зараженная оспенным ядом одежда – все эти предметы, очевидно, такие же объекты права, как какое-нибудь доходное имение»¹⁹⁶.

Не всем объектам гражданских прав присущ также признак возможной их денежной оценки¹⁹⁷. Имеющиеся исключения из данной характеристики большинства объектов гражданских прав лишают данный признак свойства универсальности.

Полагаем, что все объекты гражданских прав наряду с дискретностью объединены еще одним общим признаком – нормативным закреплением, поскольку все предметы и явления объективной действительности приобретают характер объектов гражданских прав только при включении их в правовую сферу. Представляется закономерным, что, например, самовольная постройка, которая по физическим свойствам и ряду формальных признаков могла бы быть отнесена к объектам недвижимого имущества, право на которую не было признано в установленном порядке, не является объектом гражданских прав¹⁹⁸.

Другим примером нашего предположения является ситуация с объектами незавершенного строительства (далее – ОНС). До внесения соответствующих изменений в ГК РФ и признания формально ОНС объектом недвижимого имущества вопрос о возможности признания ОНС

¹⁹⁶ Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права // Труды по философии права. СПб., 2001. С. 398.

¹⁹⁷ См., например: Максимов В.А. Система охраняемых законом интересов в гражданском праве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2 (82). С. 114–123); Мартышин О.В. Проблема ценностей в теории государства и права // Государство и право. 2004. № 10. С. 4–6).

¹⁹⁸ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2021) (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 7 апреля 2021 г. (п. 12) // БВС РФ. 2021. № 7.

самостоятельным объектом правовых отношений долгое время оставался дискуссионным. В научной доктрине высказывались предложения об отнесении ОНС к недвижимости, а также к движимому имуществу как совокупность строительных материалов. В частности, авторы комментариев части первой ГК РФ для предпринимателей, отсылая к положениям ст. 219 ГК РФ, связывающей возникновение права собственности на вновь создаваемое недвижимое имущество с моментом его государственной регистрации, делали вывод о том, что до государственной регистрации ОНС не является недвижимостью, а представляет собой лишь известную совокупность строительных материалов и конструкций, в которую также вложен труд строителей¹⁹⁹.

Неоднозначной была и судебная практика, что потребовало разъяснений со стороны высших судебных органов. По мнению Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ, «...не завершённые строительством объекты не относятся к движимому имуществу, если они являются предметом действующего договора строительного подряда». В иных случаях Пленум их рассматривает в качестве недвижимости²⁰⁰, несмотря на то, что формально по действовавшему на тот момент законодательству ОНС не были отнесены законом к объектам недвижимого имущества.

Текущее развитие российского гражданского законодательства об объектах гражданских прав не основано на четкой концепции и последовательных этапах ее правотворческой реализации. Именно этим можно объяснить нелогичность расширения и сужения перечня объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) за последние четверть века, оторванность гл. 6 ГК РФ от глав и параграфов, регламентирующих системообразующие

¹⁹⁹ См.: Комментарий части первой Гражданского кодекса Российской Федерации для предпринимателей. М., 1995. С. 241.

²⁰⁰ Позиция по данному вопросу была высказана Пленумом Высшего Арбитражного Суда РФ в п. 16 постановления от 25 февраля 1998 г. № 8 «О некоторых вопросах практики разрешения споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (документ утратил силу) (Вестник ВАС РФ. 1998. № 10). Впоследствии указанной позиции следовали и суды нижестоящих инстанций.

подотраслевые правоотношения гражданского права: обязательственное, корпоративное, интеллектуальное право. Действительно, обзор гл. 6 ГК РФ дает представление об установлении общих правил об оборотоспособности объектов гражданских прав при включении их в оборот и рынок (ст. 129 ГК РФ), довольно подробной систематизации вещей и положений о недвижимости (ст. 130–137, 140, 141), и это применимо по большей части к вещному и обязательственному праву. Такой детализации объектов гражданских прав не предусматривается для корпоративного и интеллектуального права, многогранность объекта гражданских прав не раскрывается и применительно к обязательствам. Учитывая, что гл. 6 не определяет никаким образом особенностей объектов обязательственных, корпоративных и интеллектуальных прав, а легальные положения закона о цифровых правах (ст. 141¹ ГК РФ) не только создают коллизии с нормами закона о бездокументарных ценных бумагах, но и правовую неопределенность в отношении правовой природы, объектов, оборота, форм распоряжения и защиты цифровых прав, возникает вопрос о роли и значении гл. 6 ГК РФ и ее соотношении с общими нормами основных подотраслей гражданского права. Это вопрос о соотношении общих и специальных норм в самом ГК РФ, концепции модернизации общей части ГК РФ. Их еще только предстоит разрешить концептуально. Этим круг возможных обсуждений никак не ограничивается.

Насущной потребностью является определение в координатах объектов гражданских прав индивидуального и родового в отношении объектов обязательственного права, в российском законодательном приложении которого никак не определяется особенностей для правовой идентификации деятельности, поведения, действий в отношении должника, третьих лиц и самого кредитора. При отсутствии общей части корпоративного права в самом ГК РФ возникают трудности с определением и вычленением объекта корпоративных прав, сущность которого самостоятельна и не может отождествляться с обязательством.

Принятая российским законодательством модель регулирования объектов гражданских прав сосредоточена только на их отдельном качестве – оборотоспособности (системная предопределенность ст. 128 и ст. 129 ГК РФ) и никак не учитывает иные правовые режимы, которые могут идентифицировать особенности и индивидуальность объектов гражданских прав. Так, возможно выделить правовую охрану и компенсационно-восстановительные средства оценки и возмещения для объектов, находящихся вне гражданского оборота, а следовательно, в отношении которых невозможно говорить об установлении их оборотоспособности в полном смысле и распоряжение которыми не является безусловным (объекты личных прав, в том числе нематериальные блага). Другой важной и самостоятельной характеристикой является правовое значение отдельной категории объектов гражданских прав, которое состоит не в меновых экономических транзакциях, а в границах осуществления гражданских прав, установленных в частных (отдельные субъекты гражданского права), общих (интересы гражданского оборота в целом), публичных (законность, правопорядок) интересах.

Совершенно верно отмечено, что нормы об объектах гражданских прав необходимо толковать и понимать не только буквально, но и на основе межотраслевых связей гражданского законодательства. Такие связи норм права в их истолковании и применении необходимы²⁰¹, и это важный компонент обеспечения целостности и эффективности норм права в их действии и назначении. Нормативистский подход в интерпретации системы объектов гражданских прав и их видов²⁰² не менее важен, но его использование не приводит к пониманию смысла формирования приоритетов правового регулирования в отнесении конкретного явления к объектам гражданских прав.

²⁰¹ См.: Объекты гражданских прав: научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации / под ред. Г.А. Гаджиева. М., 2025. С. 21.

²⁰² См.: Козлова Н.В., Филиппова С.Ю. Объекты гражданских прав: основы авторской концепции. М., 2025. С. 21.

На основе проведенного в настоящей главе анализа понятия объекта гражданских прав предлагаем следующую теоретическую дефиницию: объекты гражданских прав – это определенные в законе обладающие признаком дискретности абстрактные предметы и явления действительности, подчиненные установленным правовым режимам, конкретизируемые в субъективных правах.

Индивидуальные квалифицирующие признаки объекта гражданских прав определяются совокупностью экономических (наличие спроса и предложения на рынке в отношении товара), социальных (обеспечение правовой защищенности социальным ценностям) и юридических (возможность распоряжения, установление и действие специального режима оборотоспособности) факторов.

Построение системы объектов гражданских прав в действующем российском законодательстве не подчинено правовой логике и последовательности, качественным признакам и критериям, что могло бы обеспечить определенность, стабильность и предсказуемость российского законодательства в целом, а также эффективные межотраслевые связи в системе российского права и законодательства. Фрагментарное и ситуативное законодательное признание отдельных товаров и благ объектами гражданских прав ведет к смещению формы и содержания в правовом регулировании, разрушению правовой логики правовых решений.

С позиций философии частного права объект права целесообразно раскрывать посредством ключевого понятия – явления действительности, рассматриваемые в качестве объективной реальности – совокупности существующего как результата закономерного развития природы, общества и духовной культуры в ее объективном значении. Если речь идет об овеществленных явлениях действительности, подразумеваются предметы (вещи), а если о неовеществленных – духовные начала. Таким образом, объекты права – это предметы и явления объективной действительности,

которые на различных этапах общественного развития меняют как содержательные характеристики, так и правовые формы опосредования.

В основу систематизации объектов гражданских прав может быть положен критерий определения правовой природы абстрактных предметов и явлений действительности, характеризующийся совокупностью их признаков. Совокупность физических и функциональных признаков объекта предопределяет устанавливаемый в его отношении правовой режим.

Исходя из данного критерия и на основе проведенного анализа перечисленных в ст. 128 ГК РФ объектов гражданских прав считаем возможным предложить следующую их систему: 1) вещи (включая документарные ценные бумаги и наличные денежные средства); 2) бестелесное имущество (в том числе результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, виртуальное (цифровое) имущество, энергоресурсы, доля в праве собственности); 3) нематериальные блага; 4) имущественные права и обязанности (обязательственные права, исключительные права, иные интеллектуальные права имущественного характера, бездокументарные ценные бумаги, безналичные денежные средства, цифровые рубли); 5) имущество как совокупность вещей и (или) имущественных прав и обязанностей (в том числе имущественный комплекс и единый недвижимый комплекс); 6) результаты работ и оказание услуг.

Система объектов гражданских прав не является одномерной и не определяется только признаком оборотоспособности конкретных разновидностей имущества. Этот признак формирует только задачи организации имущественного оборота в решении экономической задачи «присвоение – отчуждение». Самостоятельной ветвью или подразделом системы объектов гражданских прав является номинирование тех объектов, которые не предназначены для непосредственного отчуждения, не выступая предметом сделок, но ценность которых признается правопорядком и

правовой системой и выражается в стоимости при определении возможных возмещений и компенсаций при применении механизмов защиты гражданских прав, гражданско-правовой ответственности.

Для определения возможности «вписания» нового объекта гражданских прав в их систему следует уяснить его правовую природу, проанализировав его физические и функциональные признаки.

Правовая система и правопорядок идентифицируют объект гражданских прав не за счет и посредством его указания в перечне, а только при условии установления в нормах национального права его правового режима. Система объектов гражданских прав определяется как нормативно установленная основа единого экономического пространства и главная предпосылка формирования правовой модели рынка, предпринимательства.

Глава 2. ФОРМИРОВАНИЕ НЕТРАДИЦИОННЫХ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

§ 1. Место «прав ожидания» в системе российского права

Стабильность и предсказуемость в современной структуре общественных отношений приобретают все большую ценность ввиду очевидно возрастающей энтропии. Наличие лиц, осуществляющих в отношении объектов гражданских прав права собственника и полномочия по его оперативной эксплуатации, будь то объекты недвижимости, денежные средства или цифровая платформа, – ключевое условие общественного развития.

Вместе с тем разделение функций собственника и управления – фрагментация полномочий собственника, разделение их на функции владения, а также функции управления и контроля – происходило в течение всей второй половины XX в. одновременно с акционированием крупных компаний²⁰³ и продолжается до настоящего времени²⁰⁴. Исследователями отмечается включение в сферу регулирования все более широкого круга общественных отношений за счет делегирования функций государства субъектам международного права, органам местного самоуправления²⁰⁵, юридическим лицам самых различных организационно-правовых форм и, как следствие, увеличение количества участников правовых отношений – субъектов права, что влечет за собой своего рода эффект Рингельмана, когда количество исполнителей снижает эффективность как каждого из них в

²⁰³ См.: Инясевский С.А. Ресурсные характеристики менеджеров как социально-профессиональной группы современного российского общества: дис. ... канд. социал. наук: М., 2009. С. 3.

²⁰⁴ Особенно наглядно фрагментация прав и обязанностей проявляется в сфере интеллектуальной собственности (см.: Tarasco Antonio Leo Proprietary Fragmentation And Public-Private Management Of UNESCO Sites Owned By The Italian State // Правоведение. 2020. № 1. С. 184–195).

²⁰⁵ См.: Василькова С.В. Правовые аспекты обеспечения продовольственной безопасности в контексте национальной и экономической безопасности государства // Экономика. Право. Общество. 2023. № 1 (33). С. 120–125.

отдельности, так и общего результата, который оказывается отличным от изначально запланированного инициаторами процесса.

Нестабильность норм российского права отразилась в научных исследованиях, *locus comunis*²⁰⁶ которых стало перманентное изменение федерального законодательства, о чем наглядно свидетельствует внесение существенных поправок в текст нормативного правового акта в период с момента его принятия до вступления в юридическую силу.

Современное правовое регулирование испытывает на себе влияние не только федеральных законов, нормы которых часто абстрактны, носят бланкетный характер и априори диспозитивны, но и эффективности исполнения норм права и регулирования им общественных отношений. Очевидно, что эффективность исполнения нормы не тождественна ее эффективности в смысле достижения ей целей.

Краеугольным камнем стабильности рыночной экономики является право собственности как основа благополучия. Его неприкосновенность и свобода усмотрения собственника ограничены лишь нормами права. Именно собственник как обладатель наиболее полного набора правомочий в отношении имущества более всего заинтересован в его сохранении и улучшении. Однако современная экономика часто подтверждает фразу Аристотеля о том, что богатство состоит не столько в обладании, сколько в пользовании. Развивается так называемая шеринговая экономика, происходит цифровизация общества, предполагающая возможность использования одного и того же цифрового объекта неопределенным количеством пользователей, продолжается процесс разделения фигуры собственника объекта и лица, осуществляющего непосредственное управление им. Неслучайно Конституционный Суд РФ толковал норму об ограничении свободы усмотрения собственников земельных участков и природных объектов расширительно, указав, что конституционная норма

²⁰⁶ Здесь «общим местом» (лат.).

распространяется не только на собственников земельных участков, но и на обладателей иных прав на них. В современных условиях целесообразно избежать фрагментации прав на объекты (как это происходит с земельными участками в силу существующего фактически разрыва между правами на объект недвижимости и на земельный участок, занятый им²⁰⁷), равно как и сверхконцентрации полномочий в отношении них в руках одного лица.

В данных условиях в отношении объектов гражданских прав получают развитие и иные помимо собственности полномочия лиц. Первый вопрос состоит в отнесении указанных полномочий к категории ограниченных вещных прав, второй – в выяснении того, являются ли права ожидания элементом действующего правопорядка или о них можно говорить исключительно *de lege ferenda*.

Если Ю.Н. Алферова считает права ожидания институтом действующего правопорядка²⁰⁸, то Р.С. Бевзенко категорически отрицает их существование в российском правопорядке²⁰⁹.

Очевидно, что ответ на эти вопросы связан с тем, что подразумевается под «правом ожидания».

Состояние неопределенности сообщает дополнительную актуальность и обязательственно-правовым конструкциям условных сделок, предварительного договора, опционного договора (опциона на его заключение), репо и договора в пользу третьего лица.

Под «правами ожидания»²¹⁰ в научной доктрине также подразумевается совокупность прав и обязанностей покупателя в период с момента передачи ему товара до момента перехода к нему права собственности на него. Сутью

²⁰⁷ И *vis-à-vis* с природными объектами и объектами недвижимости, использование которых невозможно вне использования земельных участков.

²⁰⁸ См.: Алферова Ю.Н. Оговорка о сохранении права собственности за продавцом: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015. С. 14.

²⁰⁹ См.: Бевзенко Р.С. Очерк теории титульного обеспечения // Вестник гражданского права. 2021. № 2. С. 9–87.

²¹⁰ Термины «ожидаемые права» и «права ожидания» в российской научной доктрине употребляются как синонимы.

прав ожиданий Е.А. Останина называет «отличную от правоспособности возможность приобретения субъективного гражданского права»²¹¹.

По мнению И.А. Емелькиной, право ожидания суть родовое по отношению к другим аналогичным правоотношениям²¹². Указанный автор отмечает проблему неопределенности «переходного» статуса лица, заключившего сделку по переходу к нему прав собственника (иного вещного права), в будущем – трудности определения прав и обязанностей такого лица в отношении имущества, по поводу которого заключена сделка. Обращается внимание на то, что в отношении недвижимых вещей эта проблема усугубляется отсутствием публичной информации о наличии у лица «ожидаемого права» в данных кадастра объектов недвижимости, что позволяет осуществлять продажи одного и того же объекта разным покупателям²¹³. Наличие же «права ожидания» исключит возможность правообладателя снова распорядиться недвижимостью²¹⁴.

А.Г. Карапетов, рассматривая обязательственно-правовую ипостась прав ожидания, задается вопросом, является ли сделка совершенной до наступления предусмотренного сторонами условия или только после его наступления. Если условие касается отдельных прав и обязанностей сторон такой сделки, то они возникают в момент совершения волеизъявления (до наступления соответствующего условия). Но если речь идет об условии, определяющем возникновение (изменение, прекращение) всех прав и обязанностей по сделке, вопрос о моменте возникновения (изменения,

²¹¹ Останина Е.А. О соотношении понятий «секундарное право» и «право ожидания» // Вестник ЧелГУ. 2011. № 29. С. 50.

²¹² См.: Емелькина И.А. Право ожидания и право приобретения чужой недвижимой вещи как вещные права // Вещные права: постановка проблемы и ее решение: сборник статей. Серия «Анализ современного права». 2011. С. 232–253.

²¹³ См.: Емелькина И.А. Вещные «ожидаемые права» в гражданском праве России и зарубежных стран // Вестник гражданского права. 2010. № 6. С. 35–57.

²¹⁴ См.: Жужжалов М.Б. Требование о государственной регистрации перехода права собственности // Проблемы регистрации прав, фиксации и удостоверения юридических фактов гражданского права: сборник статей / А.Д. Батуева, Ю.В. Виниченко, С.А. Громов и др.; отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2013.

прекращения) прав и обязанностей неразрешим²¹⁵. Им предлагается *de lege ferenda* признание вещного права ожидания перехода (возврата) права собственности, которое обременяет имущество и следует за ним, в том числе при продаже с торгов.

Согласно позиции В.А. Белова, права ожидания отождествляются с гарантийными правоотношениями и являются юридически обеспеченной возможностью активного субъекта рассчитывать на совершение контрагентом (пассивным субъектом) действий, направленных на достижение определенной цели, но не требовать их совершения и корреспондируют с обязанностью последнего совершить их при отсутствии требования²¹⁶.

А.Б. Бабаев, развивая концепцию В.А. Белова, отождествляет права ожидания с секундарными правами – правовыми возможностями создания, изменения или прекращения правоотношений, в одностороннем порядке приводящих к возникновению субъективного права. Сравнительно-правовые исследования «прав ожиданий» в вещно-правовом аспекте проводились в отношении права ФРГ (в частности, Ю.В. Байгушевой²¹⁷).

Суть проблемы «прав ожидания» состоит в неопределенности прав и обязанностей их обладателя. Понятие «прав ожидания» достаточно синкретично – в эту категорию включают и право преимущественной покупки, сделки с незавершенным юридическим составом, владения имуществом со сроком давности, владения объектом недвижимости на чужом земельном участке, институт условных сделок и титульного обеспечения, обусловленного исполнения обязательств и права лиц на объекты гражданских прав, не подпадающие под определение вещных прав.

²¹⁵ См.: Карапетов А.Г. Условные права и обязанности: обзор проблемных вопросов применения статей 157 и 327 ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 6. С. 77.

²¹⁶ См.: Белов В.А. Юридическая природа прав ожидания (гарантийных правоотношений) // Законодательство. 2008. № 7. С. 13–26.

²¹⁷ См.: Байгушева Ю.В. Обязательственный договор представителя без полномочия до одобрения представляемого // Закон. 2020. № 10. С. 50 - 59.

В постановлении от 2 марта 2023 г. № 7-П Конституционный Суд РФ признал за нерожденным ребенком (*nasciturus*) право на получение компенсации морального вреда, причиненного смертью одного из родителей. Формально это право не относится к категории вещных.

У обладателей «ожидаемых прав» возникают сложности юридического определения прав и обязанностей в отношении объекта этих прав, по отношению к собственнику этого объекта и (или) обладателям иных прав на него, равно как и по отношению к неопределенному кругу лиц.

Представляется уместным привести противоположные позиции Р.С. Бевзенко и А.О. Рыбалова по обозначенным вопросам.

Первый, опираясь на судебную практику, отмечает закрытый характер перечня вещных прав, указывая на невозможность заключения договора о создании не предусмотренного законом вещного права. По мнению Р.С. Бевзенко, «выбор у сторон договора об установлении не поименованного в законе вещного обеспечения относительно невелик – тот набор вещных прав, который известен соответствующему правопорядку»²¹⁸. Аналогичная позиция предоставлена в трудах М.М. Агаркова²¹⁹ и Е.А. Суханова²²⁰.

Необходимость закрытого перечня, по мнению Р.С. Бевзенко, продиктована тем, что «вещные права абсолютны, т.е. противопоставимы всем третьим лицам», поэтому «и их содержание... должно быть заведомо знакомым всем участникам оборота, т.е. типизированным», что «достигается за счет создания законодателем закрытого их перечня и детального регулирования содержания всех поименованных в законе вещных прав»²²¹.

В соответствии с позицией А.О. Рыбалова на открытый характер перечня вещных прав в ч. 1 ст. 216 ГК РФ указывает предваряющие его слова

²¹⁸ Бевзенко Р.С. Указ. соч.

²¹⁹ См.: Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. М., 2002. Т. 1.

²²⁰ См.: Гражданское право: учебник / под ред. Е.А. Суханова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2008. Т. 1.

²²¹ Бевзенко Р.С. Указ. соч.

«в частности». Вместе с тем он выступает против включения в перечень вещных прав на интеллектуальную собственность и вообще любых бестелесных вещей, ограничившись именно вещами в строгом смысле этого слова²²² в силу сложности конструирования легального определения вещного права в случае необходимости охватить и указанные категории²²³. Очевидно, что взгляд А.О. Рыбалова на характер, например, цифровых прав аналогичен, то есть в его понимании не все абсолютные права являются вещными.

Даже если отвергнуть буквальное толкование нормы ч. 1 ст. 216 ГК РФ, закрепляющее открытый перечень вещных прав, и обратиться к ее содержанию, то нельзя не заметить того, что в ней указано всего пять ограниченных правовых титулов на недвижимое имущество, два из которых возможны исключительно в отношении земельных участков, причем перечень их потенциальных обладателей крайне ограничен (ч. 2 ст. 39.9 ЗК РФ), как и их гражданский оборот, еще два не могут быть установлены в отношении земельных участков (и других природных объектов), перечень их обладателей ограничен государственными и муниципальными предприятиями, их отчуждение также обусловлено согласием собственника имущества. Полагаем, что существующие модели взаимодействия обладателей вещных прав с собственником с одной стороны и с неопределенным кругом лиц с другой не соответствуют потребностям современного общества, не говоря уже о потребностях рынка, обладающих большей спецификой. Очевидно, например, наличие вещно-правового элемента (абсолютных прав по отношению к неопределенному кругу лиц) в праве аренды, которая формально относится к сфере обязательственных, а не вещных правоотношений.

Сторонниками концепции закрытого перечня вещных прав часто приводится определение Верховного Суда РФ от 14 ноября 2014 г. № 305-

²²² См.: Интервью с Рыбаловым А.О. Нам нужно учение о вещном праве, а не изменения в Гражданский кодекс // Закон. 2023 № 7. С. 8-18.

²²³ Там же.

ЭС14-442 по делу № А40-17110/2013, согласно которому вещные права могут быть созданы исключительно законодателем. Однако данное определение не является заменой юридической доктрины. При детальном ознакомлении с его текстом становится очевидно, что сентенция о закрытом перечне вещных прав (сделанная к тому же *obiter dictum*²²⁴) носит явно случайный характер, так как направлена исключительно на опровержение выводов судов предыдущих инстанций о возникновении права хозяйственного ведения земельным участком, что действительно юридически невозможно²²⁵.

Никто не отрицает возможности существования вещного права, не предусмотренного ч. 1 ст. 216 ГК РФ, но закрепленного федеральным законом. Из этого логически следует другой вопрос: должны ли правоотношения быть указаны в законе в качестве вещных *expressis verbis* или они могут выявляться путем толкования? В пользу второго варианта говорит расплывчатость формулировки нормы ч. 1 ст. 216 ГК РФ и отсутствие легального определения вещного права.

Подобно тому, как разработчики Конституции РФ, указав на иные формы собственности, нежели государственная, частная и муниципальная, намеренно оставили возможность для развития имущественных отношений, не ограничивая российского законодателя защитой и гарантией лишь трех очевидных форм собственности²²⁶, авторы ГК РФ оставили такую же возможность для развития новых форм вещных правоотношений. Очевидно, что и в первом, и во втором случаях они руководствовались многоукладным характером российской экономики.

²²⁴ Попутно (лат).

²²⁵ То же самое можно сказать и в отношении остальных решений судов, в которых данная формулировка воспроизведена дословно (см., например, постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 21 октября 2021 г. № 10АП-13943/2021, 10АП-13942/2021 по делу № А41-78704/2019).

²²⁶ См.: Право и экономическая деятельность (экономическое право): учебник / Р.А. Курбанов, Ю.А. Крохина, Р.А. Гарагурбанлы и др.; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова. М., 2023.

Представляется необходимым учитывать существование аутентичного толкования – толкования положения нормативного акта органом, издавшим его. В пользу изложенной точки зрения свидетельствует такой способ преодоления сложившейся практики судов в английской системе правосудия, как *distinguishing* – выявление обстоятельств, не существовавших в условиях, в которых было вынесено решение, ставшее прецедентным²²⁷. Такой подход существенно снижает значимость действительной воли законодателя.

Не вызывает сомнений возможность предусматривать ограниченные вещные права в федеральных законах, но ответа о возможности вывода о вещном характере того или иного правоотношения путем толкования формально не дано, как и легального определения вещного права, которое могло бы послужить ориентиром для понимания его границ.

Ситуация, когда перечень вещных прав является открытым, по крайней мере для законодателя, при отсутствии дефиниции вещного права, является катализатором: а) для характеристики правоотношений самого различного рода в качестве вещных; б) изобретения новых правовых титулов, производных от права собственности.

Практика Верховного Суда РФ активно пополняет перечень последних, избегая прямой характеристики тех или иных правоотношений в качестве вещных. Именно они и приобретают в доктринальных источниках характер «прав ожиданий», «ожидаемых прав», «прав требования», «секундарных прав» и т.д.

Например, Пленум Верховного Суда РФ п. 18 постановления от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» легализовал право бывших членов семьи собственника жилого помещения на пользование им после перехода права собственности на него к иному лицу. Суды общей

²²⁷ См.: Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации: монография / Т.Я. Хабриева, А.И. Ковлер, Р.А. Курбанов; отв. ред. Т.Я. Хабриева; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М., 2023. С. 78.

юрисдикции подчеркивают в своих постановлениях бессрочный и самостоятельный характер данного права пользования²²⁸, иногда даже прямо называя его вещным²²⁹.

Нередко с категорией «ожидаемых прав» отождествляется и право фактического владельца объекта гражданских прав при незавершенном юридическом составе сделки по переходу прав на него, например, при отсутствии государственной регистрации перехода права собственности и сделки с ним.

Существование прав ожидания основано на том, что юридический факт, входящий в еще не заверченный юридический состав, влечет возникновение субъективных прав на стороне приобретателя вещи.

По мнению О.С. Иоффе, «...подавляющее большинство правоотношений возникает не из единичных юридических фактов, а из определенной их совокупности. Вследствие этого само образование субъективного права выливается в более или менее длительный процесс, разобщенный во времени по отдельным стадиям, каждый из которых вызывает свои обособленные, хотя и далеко не заверченные юридические последствия...»²³⁰. О.А. Красавчиков, не отрицая принципиально утверждение О.С. Иоффе, указывал, что один или несколько фактов, входящих в незавершенный юридический состав, влекут юридические последствия исключительно в случаях, предусмотренных законом²³¹.

Действительно ситуации незавершенного юридического состава качественно различаются.

²²⁸ См.: определение Верховного Суда РФ от 16 февраля 2016 г. № 22-КГ15-3; определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. №11-КГ12-2; постановление Конституционного Суда РФ от 24 марта 2015 г. № 5-П; определение Санкт-Петербургского городского суда от 19 декабря 2011 г. № 33-18724/2011.

²²⁹ См.: кассационное определение Новосибирского областного суда от 7 февраля 2012 г. по делу № 33-787/2012; определение Иркутского областного суда от 31 января 2011 г. по делу № 33-531/11.

²³⁰ Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. М., 2000. С. 290.

²³¹ См.: Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М., 1959. 183 с.

В качестве примера можно привести дело № А40-180355/2021, ставшее предметом рассмотрения в Экономической коллегии Верховного Суда РФ. Задержка Росреестром государственной регистрации перехода права собственности на коммерческую недвижимость повлекла за собой упущенную выгоду со стороны покупателя – отсутствие у него зарегистрированного права собственности обусловило невозможность взимания арендной платы, которую арендаторы продолжали платить собственнику недвижимости, хотя цена договора купли-продажи была выплачена и недвижимость фактически была передана покупателю. Верховный Суд РФ определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ № 305-ЭС23-2969 отправил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции²³². По мнению диссертанта, именно неопределенность правового положения сторон договора купли-продажи относительно недвижимого имущества стала причиной возникновения убытков на стороне ее покупателя. В данном случае незавершенный юридический состав образовал право ожидания, поскольку сторона сделала все от нее зависящее для получения права собственности.

Гражданский кодекс РФ также предусматривает право ожидания при незавершенном юридическом составе. В отношении предприятия при наличии в договоре купли-продажи условия о переходе права собственности к покупателю исключительно после оплаты покупной цены за него (иных обстоятельств) последний уже с даты подписания данного договора и до даты перехода к нему права собственности на него получает абсолютное право – право распоряжения имуществом и правами, входящими в состав переданного предприятия в той мере, в какой это необходимо для целей приобретения предприятия (ч. 3 ст. 564 ГК РФ).

232

URL:

https://polileo.ru/wp-content/uploads/2023/08/vs_otvetstvennost_za_nesvoevremennuyu_peredachu_nedvizhimosti_01.08.23_a40-180355-2021.pdf.

К категории незавершенного юридического состава относится и проблема правомочия владельцев объектов, в отношении которых не была завершена процедура приватизации. Верховный Суд РФ допустил наследование жилого помещения исключительно в случаях, когда наследодатель, намеревавшийся приватизировать жилое помещение, подав заявление о приватизации и все необходимые документы, умер до оформления договора на передачу жилого помещения в собственность или до государственной регистрации права собственности²³³. Верховный Суд оставил в силе решение суда первой инстанции, отказавшего в приватизации наследнику на основе незавершенного юридического состава, отменив определение суда апелляционной инстанции, который посчитал волеизъявлением наследодателя заключение им договора на выполнение работ по технической инвентаризации квартиры, получение технического и кадастрового паспортов и выдачу доверенности на имя наследника на право совершения действий, связанных с приватизацией квартиры. Однако Верховный Суд РФ не согласился с такой оценкой доказательств, разграничив намерение лица и его волеизъявление²³⁴.

Как представляется, это имеет особое значение для прав ожидания. Выражаясь языком гегелевской диалектики, суд признал недостаточным простой факт накопления количественных изменений, указав, что именно волеизъявление претендента на него является моментом перехода количественных изменений в качественное²³⁵, то есть позиция суда состоит в том, что ожидаемое право не может быть предполагаемым, но должно быть юридически неминуемым.

²³³ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 1 (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 16 февраля 2017 г. (п. 10)) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1.

²³⁴ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26 июля 2016 г. № 13-КГ16-9 // СПС «КонсультантПлюс».

²³⁵ Этот момент Гегель называл *Aufheben* («снятие»).

Судебная практика признает также право ожидания в форме давностного владения. Вместе с тем такой подход представляется не вполне верным. Давностное владение не может быть признано правом ожидания в силу незавершенности юридического состава. Его переход в категорию права собственности невозможен без вступления в законную силу решения суда о признании права собственности. С момента его вступления в силу и до фактического исполнения (государственной регистрации права собственности на имущество, если объектом является недвижимое имущество) данное право является ожидаемым.

Таким образом, отсутствие легального определения вещных прав и формально открытый их перечень (ч. 1 ст. 216 ГК РФ) порождает дискуссии, во-первых, об объеме понятия вещного права, во-вторых, о характере ограниченных вещных прав – должны ли они быть поименованы в законе путем прямого указания на них как на вещные права или их существование может выводиться из смысла и содержания закона путем его толкования.

В связи с этим возникает вопрос о месте категории ожидаемых прав в системе абсолютных и относительных правоотношений.

Полагаем, что наличие у лица ожидаемого права означает юридически неизбежное превращение его преимущественно в право собственности или иное ограниченное вещное право. Признание вещно-правовой природы данного права в большей степени способно защитить его обладателя в случае нарушения его прав, во-первых, в силу их абсолютности, а, во-вторых, поскольку именно вещному праву свойственен принцип приоритета, при конфликте двух ограниченных вещных прав преимущество будет на стороне первоначального права. Реализовать такое правило в отношении ожидаемого права на объект недвижимого имущества возможно исключительно при соблюдении принципа публичности, то есть при закреплении процедуры государственной регистрации ожидаемого права. Введение в российское право института предварительной регистрации права ожидания (или его

аналога) de jure наделяет его обладателя (еще не являющегося обладателем ожидаемого субъективного права) защищаемым законом статусом.

§ 2. Эволюция понимания нематериальных благ в науке гражданского права

Регулируя взаимоотношения между людьми, право оперирует определенными формальными характеристиками, предъявляемыми им в отношении субъекта правоотношения. Такая совокупность характеристик (признаков) в зависимости от характера правоотношения и правовых связей образует правовой статус лица. Как неоднократно было отмечено в юридической литературе различных периодов, право в стремлении урегулирования различных отношений и разрешения споров в целях оценки фактического поведения субъектов создает фигуру «абстрактного человека» с заранее предполагаемым стандартом поведения – это идеальный образ добросовестного и разумного человека, бережливый и заботливый по отношению к своему имуществу и надлежащим образом исполняющий свои обязательства должника²³⁶. Подобный подход однозначно не учитывает личность человека, его субъективные поведенческие особенности. Такие понятия, как свобода, равенство, жизнь, честь, достоинство и т.д., важны и необходимы для любого человека во все времена, поэтому осознание социальной значимости личных прав и гарантий их защиты определяет положение человека в обществе, а следовательно, и уровень развития самого общества.

²³⁶ И.А. Покровский считает, что «...такое оперирование с фигурой абстрактного, “гражданского” человека представляет естественный вспомогательный прием при построении норм гражданского права. Но этот прием может быть полезен лишь при одном непременном условии – чтобы не затерялось в памяти подлинное значение этого приема как только вспомогательного. Другими словами: чтобы за этим абстрактным, “гражданским” человеком не был забыт конкретный человек, живая человеческая личность» (Покровский И.А. Абстрактный и конкретный человек перед лицом гражданского права // Вестник гражданского права. 1913. № 4. С. 33).

Как справедливо отмечают К.И. Голубев и С.В. Нарижный, «...развитие общества сопровождается институционализацией такой характеристики, как гуманизация социальных отношений. И прежде всего данный процесс находит отражение в становлении и развитии законодательно оформленной системы прав человека и его нематериальных благ»²³⁷. Неслучайно на различных этапах развития общества правовое понимание нематериальных благ и возникающих на них субъективных прав претерпевало существенные изменения, при этом нематериальные блага не всегда занимали одно из центральных мест в структуре общечеловеческих ценностей.

Традиционно рассмотрение тех или иных аспектов в исторической ретроспективе ученые начинают с анализа норм Древнего мира, которые свидетельствуют о том, что нематериальные блага и прообразы их защиты были известны еще в античности. При этом такие понятия, как честь и достоинство, соизмерялись с уважением к личности, соотносились с моралью и правом в их понимании древними людьми.

Одним из таких памятников являются Законы Хаммурапи, в соответствующих нормах которых был заложен принцип талиона. При этом данный принцип равновозмездной ответственности касался только полноправных граждан Вавилона, а в отношении потерпевшего – человека более низшей касты он заменялся на выплату штрафа²³⁸.

Используемый в Законах Хаммурапи принцип талиона был положен также в основу соответствующих правил в иных памятниках права более позднего периода: в документах Древнего Рима, а именно в Законах XII таблиц (45 – 451 гг. до н.э.) и Дигестах (опубликованы в 533 г. н.э.).

Период действия Законов XII таблиц характеризуется переходом Древнего Рима от родового строя к рабовладельческому государству, в том

²³⁷ Голубев К.И., Нарижный С.В. Компенсация морального вреда как способ защиты неимущественных благ личности. СПб., 2004. С. 11.

²³⁸ См.: Правовые памятники Древнего мира: учебные материалы по Всеобщей истории государства и права для слушателей военно-юридического факультета / под ред. Ю.М. Бирюкова. М., 1969. С. 17.

числе в части деликтов. Соответствующие нормы названного памятника права не содержали положения о личных правах и материальных благах, последние рассматривались в качестве синонима обязательственных прав, которые противопоставлялись вещным правам. В силу этого многими авторами был сделан вывод об отсутствии в римском праве правил о нематериальных благах (в современном их понимании). Это нашло отражение в работах З.М. Черниловского²³⁹, Е.А. Флейшиц²⁴⁰ и ряда иных ученых.

Тем не менее при отсутствии единой концепции личных прав в Древнем Риме были предприняты попытки защиты отдельных видов нематериальных благ. Изначально причинение вреда жизни или здоровью лица приводило к мести потерпевшего или его родственников, которая при определенных обстоятельствах могла быть заменена на уплату штрафа. Постепенно с укреплением римской государственности возможность замены мести на «выкуп» была санкционирована, однако как такового имущественного обязательства еще не возникало, поскольку за потерпевшим было сохранено право на месть в случае невыплаты выкупа. Позднее месть была прямо запрещена, а установленная единственно возможная ответственность – штраф – фактически узаконила понятие «долга вследствие причинения вреда»²⁴¹. Более суровое наказание – смертная казнь – было предусмотрено в

²³⁹ В римском праве «место конкретного лица – римского гражданина, вольноотпущенника, иностранца и т.д. – занимает просто “собственник”, просто “товаровладелец”, абстрактная личность, выступающая как одна из сторон правоотношения». Такая личность, по мнению ученого, не имела личных прав (Черниловский З.М. Всеобщая история государства и права. М., 1996. С. 94).

²⁴⁰ Е.А. Флейшиц прямо утверждала, что «...личной свободе и равенству надо было искать позитивно-правовое закрепление вне римского права. И мы видим, как естественно-правовые начала свободы и равенства людей утверждают себя не путем приспособления римско-правовых институтов, а путем создания юристами конца XVI и XVII–XVIII веков перечней личных прав, призванных практически выражать и закреплять эти начала» (Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран // Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Серия «Классика российской цивилистики». М., 2015. Т. 1. С. 113).

²⁴¹ При этом право гражданина на возмещение вреда понималось в широком смысле слова как право на восстановление нарушенных прав и как право получить с нарушителя

целях защиты чести римских граждан: Законы XII таблиц «...предусмотрели смертную казнь за небольшое число преступлений и в том числе установили ее применение на случай, когда кто-нибудь сложит или будет распевать песню, которая содержит клевету или позорит другого»²⁴².

Позднее в книге II Институций Гая римлянами была определена сфера применения понятия личных прав – понятие *iure personarum* применяется уже не к обязательствам, а к правовому положению личности, при этом предприняты попытки закрепления личных прав на такие нематериальные блага, как жизнь и здоровье. Примечательно, что в названном памятнике права немало статей посвящено личной свободе человека. Вероятнее всего, это связано с тем, что в Древнем Риме с учетом существующего рабовладельческого строя степенью личной свободы во многом определялся не только правовой статус гражданина, но и устанавливалось имущественное положение²⁴³. Именно поэтому на том историческом этапе развития римского общества личная свобода требовала особой правовой защиты в качестве самостоятельного социального блага²⁴⁴. Вместе с тем, несмотря на принадлежность личных прав и личной свободы лишь представителям отдельных (наиболее привилегированных) сословий, в некоторых случаях защита таких прав предоставлялась и рабам²⁴⁵.

вознаграждение (см.: Калинин В.М. Комментарий законодательства о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью военнослужащих. М., 2004.).

²⁴² Ульбашев А.Х. Общее учение о личных правах. М., 2019.

²⁴³ По мнению К. МакКруддена, нематериальные блага (главным образом *dignitas hominis*) в римском праве были атрибутом правового статуса гражданина и даже социальных институтов в целом, а не человека *per se*. Однако впоследствии, ссылаясь на работы Цицерона, он приводит примеры использования *dignitas hominis* в качестве универсальной характеристики всякого человека (см.: McCrudden Ch. Human Dignity and Judicial Interpretation of Human Rights // The European Journal of International Law. 2008. Vol. 19. № 4. P. 656–657; Cancik H. “Dignity of Man” and “Personal” in Stoic Anthropology: Some Remarks on Cicero, De Officiis I // Concept of Human Dignity in Human Rights Discourse / ed. by D. Kretzmer, E. Klein. Netherlands, 2002. P. 105–107).

²⁴⁴ См.: Levy E. Natural Law in the Roman Period // Natural Law Institute Proceedings. University of Notre Dame. 1949. Vol. 2. P. 43–72.

²⁴⁵ См.: Shumway E.S. Freedom and Slavery in Roman Law // Law Review. University of Pennsylvania. 1901. № 49. P. 640.

Нематериальные блага известны также античной Греции. Так, Аристотель в «Никомаховой этике» описывает человека чести – «по праву гордый» человек высокого роста (ибо «красота бывает в большом теле, а малорослые изящны и хорошо сложены, но не прекрасны»), спокойно говорящий и неспешный в движениях («ибо не станет торопиться тот, кому мало, что важно, а герой считает важным очень немногое»), никому не позволяющий задевать себя, при этом пренебрегающий незаслуженным бесчестьем, щедрый человек, оказывающий благодеяния, но избегающий принимать их от других²⁴⁶.

Следует отметить, что нормы Древнего Рима о нематериальных благах во многом были похожи на правовые нормы Древней Руси, которые также закрепляли принцип талиона и заменяющую его имущественную ответственность за причинение вреда жизни или здоровью. Однако в отличие от правил Древнего Рима на Руси в условиях общинного строя применялась коллективная ответственность, которую виновный нес не только перед потерпевшим, но и перед князем (казной).

В более поздние периоды начиная с XII в., особенно в XV–XVII вв., правила римского права о деликтах и естественных правах были заимствованы и воспроизведены в своих нормативных актах многими западноевропейскими государствами. При этом в древнерусском праве понятия чести и достоинства считались элементами статусности и принадлежали представителям правящих сословий – родовой и военнотрудовой аристократии, в силу чего им уделялось особое внимание²⁴⁷.

Период феодальной раздробленности большинства стран, в том числе и средневековой Руси, характеризуется усилением наказания за преступления

²⁴⁶ Аристотель. Политика. М., 1990. С. 116.

²⁴⁷ Так, Д.С. Лихачев, анализируя нравы и нормы морали высших сословий Киевской Руси на примере известного литературного памятника русского Средневековья «Слова о полку Игореве», отмечает: «Феодализм выработал своеобразный кодекс морали – понятия о дружинной и княжеской чести и славе» (Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978. С. 117, 118–126).

против жизни и здоровья – вместо права выкупа к виновному применяют телесные наказания, в том числе казнь. В частности, в соответствии со сборником законов периода сословной монархии в России – Судебником Ивана IV Грозного 1550 г. – имущественная ответственность как самостоятельный вид наказания применялась только за оскорбление и бесчестие, во всех остальных случаях имущественные санкции назначались в качестве дополнительной меры ответственности, что соответствовало экономическим и политическим устоям крепостной России.

Наибольший для нас интерес представляют некоторые положения Судебника 1589 г., в который законодатель включил нормы о бесчестье, под которым понималось оскорбление словом и действием. Примечательно, что защита от бесчестья распространялась на всех подданных, за исключением «татей, разбойников и зажигальников», поскольку «на них бесчестья нет», ибо «они лихие люди»²⁴⁸. Данные правила по истине можно считать демократическими, несмотря на то, что размер штрафа как ответственности за бесчестье варьировался строго в зависимости от социального статуса потерпевшего.

В ряде статей законодатель весьма широко трактовал понятие бесчестья, рассматривая его как нарушение собственной чести боярами и детьми боярскими. В данном случае к бесчестью приравнивалось взяточничество представителей высших сословий, за что был предусмотрен штраф в двойном размере полученной взятки²⁴⁹. Данная норма неслучайна. На том историческом этапе взяточничество, особенно в судебных ведомствах, получило весьма широкое распространение, на что было указано в

²⁴⁸ Чупова М.Д. Забытые Судебники (1589 и 1606/07) // Lex russica. 2017. № 2. С. 184–207.

²⁴⁹ Под бесчестьем понимаются действия представителей высших сословий, назначенных государем на ответственные должности, заключающиеся в том, что они самоуправно «емлют больше» назначенного им жалованья. Детям боярским, получившим от государя кормление, назначено жалованье ровно столько, сколько записано «по книгам». В том случае, если они берут сверх положенного, то такие их действия приравниваются к бесчестью, с них взыскивается вдвое (того излишка, который они взяли сверх назначенного жалованья, ст. 41–42) (см.: Чупова М.Д. Указ. соч.).

политической публицистике XVI в. не только соотечественниками, но и иностранцами²⁵⁰.

В период XVIII – начала XX в. с развитием российского общества нематериальным благам уделяется особое внимание²⁵¹.

Дореволюционной отечественной доктриной к числу основных благ человека были отнесены жизнь, здоровье, свобода, имя, честь, достоинство и т.д., но их содержание не всегда соответствовало современному²⁵². При этом неоднократно подчеркивался идеальный характер благ, неразрывно связанных с понятием личности, в силу чего оценка в денежном эквиваленте не представлялась возможной²⁵³.

Считается, что в отечественной доктрине в работах М.М. Агаркова впервые появилась правовая категория «личные блага», он отнес к таким благам, неотделимым от личности, жизнь, телесную неприкосновенность,

²⁵⁰ См.: Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга // Утверждение династии. М., 1997; Барберини Р. Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 г. // Московское государство XV – XVII вв. Л., 1986; Олеарий А. Описание путешествия в Московию. М., 1996; Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника // Источники истории. Рязань, 2005.

²⁵¹ Так «...средний “гражданский” человек рисуется как существо, живущее только интересами имущественными... Но жизнь выросла уже из этого представления; нынешний, даже средний, шаблонный человек уже ценит известные неимущественные блага – имя, честь и т.д. – и требует для них какой-нибудь, хотя бы и несовершенной, охраны. И чем далее, тем более эти запросы будут расти» (Абстрактный и конкретный человек перед лицом гражданского права / И.А. Покровский. СПб., 1913).

²⁵² Так, понятие «честь», основанное на законах Римской империи, дореволюционными юристами рассматривалось в трех основных формах: во-первых, в качестве неразрывно связанного с личностью его носителя блага, которое защищается законом от посягательств всех третьих лиц; во-вторых, как необходимое условие приобретения и пользования определенными правами, что было обусловлено сословной принадлежностью индивида; в-третьих, честь рассматривалась как объект санкции, что опять же объяснялось государственным устройством, поскольку лишение лица чести являлось синонимом современного правового понятия «поражение в правах» для осужденных за совершение преступлений. Очевидно, что понятие чести в современном его понимании существенно отличается от представлений о ней в Российской империи.

²⁵³ См.: Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть: лекции. 1897–1898 гг. С. 509–510; Его же. Гражданское право. Часть общая. СПб., 1911. Т. 1. С. 84, 417–421.

здоровье, честь, достоинство, имя, авторство²⁵⁴. Ю.С. Гамбаров под личными благами понимал блага, составляющие содержание прав личности²⁵⁵.

На законодательном уровне в период кодификации принцип охраны прав личности был закреплен в 1811 г. в австрийском кодексе ABGB. Однако соответствующая норма, провозглашающая только принадлежность каждому человеку от рождения его неотъемлемых прав, была подвергнута критике. При отсутствии четких законодательных критериев, позволяющих однозначно установить содержание личных прав, законодатель просто переложил решение данного вопроса на усмотрение суда²⁵⁶.

Такой прием имеет как положительные стороны, так и отрицательные. Одним из его достоинств является отсутствие правового пробела в части правовой охраны всего многообразия возможных личных прав. Так, на ранних этапах становления советского гражданского законодательства И.А. Покровский подчеркивал, что «закон должен защищать любые проявления человеческой индивидуальности, любые не противоправные интересы данной человеческой личности»²⁵⁷. Данный подход был поддержан Е.А. Флейшиц, по мнению которой в гражданское законодательство следует включить в общей форме норму об охране личных интересов граждан, что позволит защищать «те бесконечно разнообразные индивидуальные интересы личности, которые поименовать и перечислить в законе невозможно и которые именно вследствие своей нетипичности и не могут

²⁵⁴ См.: Нохрина М.Л. Гражданско-правовое регулирование личных неимущественных отношений, не связанных с имущественными. СПб., 2004. С. 28.

²⁵⁵ В их числе ученый называл «...личные блага, служащие “условием самого существования личности, – таковы, напр., ее жизнь, свобода, честь”, возникающие вместе с самой личностью; “менее важные личные блага, как, напр., имя, почетные отличия, марки и т.д.”, возникающие в силу закона; блага, представляющиеся “условием либо результатом какой-нибудь личной деятельности, напр., литературной, художественной, музыкальной и т.д.”, возникающие в силу индивидуальных действий» (Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. Часть общая. СПб., 1911. Т. 1. URL: <http://www.lib.rus.ec/>).

²⁵⁶ См.: Карнер Э. Права человека и защита прав личности в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2014. Т. 14. № 4. С. 258–261.

²⁵⁷ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Пг., 1917. С. 110.

отлиться в объект особых субъективных прав»²⁵⁸. Однако в научной литературе того периода была представлена и иная позиция. В частности по мнению С.Н. Братуся, юридической защите подлежат не все личные блага, а только те, которые признаны социально значимыми с государственной точки зрения²⁵⁹.

Считаем, что такой подход не выдерживает критики²⁶⁰, поскольку законодатель должен исходить из максимально возможных непротивоправных интересов индивида, которые являются объектом личных прав, что мы и наблюдаем в действующем законодательстве: перечень объектов нематериальных благ, перечисленных в ст. 150 ГК РФ, является открытым.

В юридической литературе так и не выработано единого понимания нематериальных благ. В советской правовой доктрине личные блага трактовались как «непротивоправные проявления индивидуальных черт, способностей, стремлений человека»²⁶¹, как объекты отношений, в которых «происходит индивидуализация личности посредством выявления и оценки ее морально-политических и других социальных качеств»²⁶². Наибольшее распространение получила трактовка личных благ, сформулированная З.В. Ромовской, суть ее сводится к отсутствию экономического содержания таких благ²⁶³. Наиболее удачное, на наш взгляд, определение на том этапе дано Е.А. Флейшиц. Сформулировано оно на основе суждений И.А. Покровского: нематериальными благами являются «проявления личных черт, способностей и стремлений, иначе говоря, проявления личных интересов в самом

²⁵⁸ Цит. по: Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. М., 1963. С. 84.

²⁵⁹ См.: Братусь С.Н. Указ. соч. С. 85.

²⁶⁰ Вместе с тем с учетом идеологии советского периода на том этапе данную позицию можно было бы признать единственно верной.

²⁶¹ Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран. М., 1941. С. 9.

²⁶² Собчак А.А., Егоров Н.Д. Основы гражданского законодательства: проблемы совершенствования // Советское государство и право. 1988. № 10. С. 42.

²⁶³ См.: Ромовская З.Л. Личные неимущественные права граждан СССР: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1968. С. 8.

непосредственном смысле слова»²⁶⁴. Обращает на себя внимание тот факт, что указанный автор отмечает совпадение объекта личных прав с охраняемым этим правом интересом. Следует отметить, что советское гражданское законодательство в качестве объектов защиты признавало лишь некоторые нематериальные блага, в их числе честь, достоинство личности, личное изображение и др. Защита жизни и здоровья осуществлялась посредством компенсации понесенных материальных расходов.

С принятием ГК РФ впервые в истории отечественного законодательства нематериальным благам и их защите была посвящена отдельная глава, при этом в ст. 150 приводится примерный перечень нематериальных благ, которые относятся к основным правам и свободам, гарантированным Конституцией РФ.

До реформы гражданского законодательства в 2013 г. редакция ст. 150 ГК РФ была предметом острой дискуссии, суть которой заключалась в неправомерном отнесении законодателем к нематериальным благам возникающих на них прав²⁶⁵. На это указывали С.Н. Бакунин, В.В. Долинская, О.Н. Ермолова, М.Н. Малеина, В.П. Мозолин²⁶⁶ и др. В то же время в научной доктрине личные неимущественные права рассматривались

²⁶⁴ Флейшиц Е.А. Указ. соч. С. 224.

²⁶⁵ До реформы 2013 г. ст. 150 ГК РФ была изложена в следующей редакции: «Жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, право свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства, право на имя, право авторства, иные личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом. В случаях и в порядке, предусмотренных законом, личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежавшие умершему, могут осуществляться и защищаться другими лицами, в том числе наследниками правообладателя».

²⁶⁶ См., например: Долинская В.В. Предмет гражданского права: тенденции и проблемы развития // Цивилист. 2011. № 4. С. 19; Ермолова О.Н. Нематериальные блага и их защита: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. С. 7, 10; Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М., 2000. С. 14.

также в качестве разновидности нематериальных благ²⁶⁷, а некоторые авторы допускали их тождественный (синонимичный) характер²⁶⁸.

Внесенные в ст. 150 ГК РФ в 2013 г. изменения разрешили данную дискуссию в части соотношения нематериальных благ и личных неимущественных прав, однако не способствовали прояснению их сущности, что привело к отсутствию единства в современной правовой литературе как в понимании данных объектов гражданских прав, так и в использовании их названия²⁶⁹.

В современной доктрине сформулировано множество определений нематериальных благ, при этом юристы делают акцент на их признаках, что с учетом открытого законодательного перечня нематериальных благ представляется вполне обоснованным. В частности, такие определения и выявленные признаки нематериальных благ в юридической литературе были

²⁶⁷ См., например: Зинченко С.А., Галов В.В. Собственность и производные вещные права: теория и практика. Ростов н/Д, 2003. С. 79; Гражданское право: учебник: в 3 т. 6-е изд., перераб. и доп. / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 2003. Т. 1. С. 379–380; Ершов В.А., Сутягин А.В., Кайль А.Н. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс». 2009.

²⁶⁸ См., например: Комментарий к Гражданскому кодексу РФ, части первой (постатейный) / под ред. О.Н. Садикова. М., 2005. С. 394–397 (автор главы – К.Б. Ярошенко); Голубев К.И., Нарижный С.В. Компенсация морального вреда как способ защиты неимущественных благ личности. 2-е изд., доп. СПб., 2001. С. 53.

²⁶⁹ Так, перечисленные в ст. 150 ГК РФ нематериальные блага одни юристы предлагают именовать личными нематериальными благами, что позволит отграничить их от других нематериальных благ, которые могут быть отделены от субъекта путем их воплощения в каком-либо материальном объекте. В качестве примера таких благ называют товарный знак, произведения литературы и др. (см.: Ситдикова Л.Б. Правовое регулирование отношений в сфере оказания информационных и консультационных услуг в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009). Другие авторы используют термин «личное благо», поскольку именно оно «представляет собой социальное условие существования и выражения качеств субъекта как личности» (Белов В.А. Гражданское право: Общая и Особенная части: учебник. М., 2003. С. 338–339). В доктрине также было предложено переименовать нематериальные блага в неимущественные блага, поскольку, например, по мнению Р.П. Тимешова, именно этот термин «...позволит четче подчеркнуть правовую природу и сущность нематериальных благ, регулируемых и охраняемых законом» (Тимешов Р.П. Нематериальные блага в гражданском праве и их защита: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010).

предложены С.С. Алексеевым²⁷⁰, И.Ш. Файзутдиновым²⁷¹, Д.В. Сараевым²⁷², Н.Д. Егоровым²⁷³, Н.А. Темниковой²⁷⁴ и др.

Изложенное как нельзя лучше иллюстрируют выводы И.А. Покровского, согласно которым «...на более высоких ступенях развития усиливаются сознание самобытности и особенности каждой отдельной личности и вместе с тем начинает чувствоваться потребность в праве на эту самобытность, в праве на индивидуальность. Возникает новая задача права: помимо охраны человека в его “общей, родовой сущности”, в его типичных интересах, дать охрану конкретной личности “во всем богатстве его своеобразных особенностей и творческих проявлений”. И действительно, чем далее, тем определеннее наблюдается движение по пути охраны человеческой личности как таковой во всей совокупности ее индивидуальных интересов и особенностей»²⁷⁵.

²⁷⁰ При этом С.С. Алексеев подчеркивает, что нематериальные блага принадлежат гражданину от рождения или в силу закона, являются неотъемлемыми и неотчуждаемыми (см.: Гражданское право: учебник / отв. ред. С.С. Алексеев. 2-е изд., перераб. и доп. М.; Екатеринбург, 2009. С. 94 (автор главы – С.С. Алексеев)).

²⁷¹ И.Ш. Файзутдинов отождествляет нематериальные блага с идеальными и перечисляет их следующие признаки: отсутствие материального содержания, невозможность имущественной оценки, неразрывная связь с личностью и неотчуждаемость от нее (см.: Гражданское право: учебник / под ред. О.Н. Садикова. М., 2006. Т. 1. С. 151, 152 (автор главы – И.Ш. Файзутдинов)).

²⁷² Д.В. Сараев раскрывает понятие нематериальных благ как предмета регулирования и охраны личного неимущественного права – разновидности объектов гражданских прав, характеризующихся неэкономическим и невещественным характером, которые присущи конкретному юридическому или физическому лицу и могут носить переменный характер (см.: Сараев Д.В. О соотношении понятий «нематериальные блага» и «личные неимущественные права» // Юрист. 2002. № 7. С. 3–6).

²⁷³ Н.Д. Егоров под нематериальными благами понимает «способные удовлетворить потребности человека предметы нематериального (идеального) мира, которые невозможно ощущать в силу их нематериального характера» (Гражданское право: учебник / под ред. Ю.К. Толстого: в 3 т. М., 2013. Т. 1. С. 372 (автор главы – Н.Д. Егоров)).

²⁷⁴ Н.А. Темникова нематериальными благами считает «не имеющие денежной оценки объективно необходимые для каждого индивида условия его существования, физиологической и социальной жизнедеятельности, удовлетворяющие человеческие потребности в нематериальной сфере, отвечающие интересам, целям и устремлениям людей» (Темникова Н.А. Реализация и защита личных неимущественных прав ребенка в семейном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 6–7).

²⁷⁵ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Серия «Классика российской цивилистики». М., 2013. С. 122.

Действительно научные представления о нематериальных благах свидетельствуют об их изменении и усложнении в зависимости от потребностей и запросов на том или ином этапе развития общества. Закономерности истории подтверждают, что в современном демократическом социальном государстве возрастает роль человеческой личности, повышается и признается значимость нематериальных благ, связанных с физическим и психическим благополучием гражданина, его свободой и автономией личности, с его честью, достоинством и деловой репутацией. Все это находит непосредственное отражение в гражданском законодательстве как регуляторе имущественных отношений (в первую очередь отношений собственности и гражданского оборота) – индивидуальные права и свободы человека, признаваемые изначально только на уровне естественного права, получают все большее подкрепление на уровне позитивного права.

Учитывая открытый перечень перечисленных в ст. 150 ГК РФ нематериальных благ, особую актуальность приобретают их квалификационные признаки, позволяющие однозначно отнести те или иные явления объективной действительности к нематериальным благам. В каждом конкретном случае перед законодателем ставится вопрос о существовании объективно самостоятельного нематериального блага, требующего специальной регламентации.

Так, например, целью принятия Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»²⁷⁶ обозначено «обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных, в том числе защиты прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну» (ст. 2), в силу чего в научной доктрине персональные данные относят к разновидности нематериальных благ,

²⁷⁶ СЗ РФ. 2006. № 31. (ч. I). Ст. 3451.

направленных на защиту неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны²⁷⁷. Данный вывод представляется не столь однозначным.

Из всех предложенных в научной литературе законодателем было поддержано два признака нематериальных благ – неотчуждаемость и нематериальный характер²⁷⁸.

Обозначенные исследователями²⁷⁹ и вытекающие из содержания ст. 150 ГК РФ признаки неотчуждаемости и непередаваемости традиционно в доктрине дополняются еще двумя – неимущественным (нематериальным) характером нематериальных благ и принадлежностью гражданину от рождения или в силу закона. Указанные признаки не только общепризнаны в научной доктрине, но и поддержаны судебной практикой. Так, в одном из постановлений Федеральный арбитражный суд Московского округа прямо перечислил признаки нематериальных благ: отсутствие имущественного содержания, невозможность оценки в денежном выражении, неразрывная связь с личностью их носителя, что означает невозможность их отчуждения или иной передачи другим лицам ни по каким основаниям, то есть

²⁷⁷ См.: Малеина М.Н. Право на тайну и неприкосновенность персональных данных // Журнал российского права. 2010. № 11. С. 18–28.

²⁷⁸ Такие доктринальные признаки, как индивидуализация личности и переменность их содержания (см.: Гражданское право: учебник / под ред. Ю.К. Толстого: в 3 т. М., 2013. Т. 1. С. 372 (автор главы – Н.Д. Егоров), на наш взгляд, справедливо не нашли отражения в законодательстве, поскольку из всего перечня нематериальных благ, перечисленных в ст. 150 ГК РФ, в той или иной степени немногие нематериальные блага действительно индивидуализируют личность (к таким нематериальным благам можно отнести только имя, честь, достоинство и деловую репутацию). Иные блага не позволяют отграничить одного человека от другого. Что касается такого предложенного признака в доктрине, как переменность содержания нематериальных благ (см.: Темникова Н.А. Реализация и защита личных неимущественных прав ребенка в семейном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 6–7), считаем, законодатель не придал им значения по причине того, что данный критерий не имеет правового значения при охране и защите нематериальных благ. Закономерно не нашли поддержки у отечественного законодателя и такие признаки, как общая направленность на обеспечение существования личности, наличие объективной потребности в них человека (см.: Гришаев С.П. Эволюция законодательства об объектах гражданских прав // СПС «КонсультантПлюс»), которые не являются отличительными чертами исключительно нематериальных благ, а могут характеризовать также и материальные блага. Так например, в первую очередь на обеспечение существования и удовлетворение потребностей человека направлены жилое помещение, предметы одежды, быта и т.д.

²⁷⁹ См.: Ульбашев А.Х. Указ. соч. С. 105.

неспособность быть объектами гражданского оборота²⁸⁰. Рассмотрим их более подробно.

Термин «нематериальные» для характеристики указанных благ используется законодателем без конкретизации его смысла, что послужило поводом к доктринальной дискуссии о его содержательном наполнении: речь идет о его форме (о невозможности овеществленного воплощения блага) или же о невозможности оценки блага в деньгах.

По мнению М.Н. Малеиной, нематериальный характер личных неимущественных прав проявляется в отсутствии их экономического содержания, в силу чего отсутствует возможность точной денежной оценки нематериальных благ, для них нехарактерна возмездность²⁸¹. Иной позиции придерживается Н.Д. Егоров, рассматривающий нематериальные блага как предметы идеального мира, в силу нематериального характера которых их невозможно ощущать²⁸². Вместе с тем большинство исследователей придерживаются позиции, согласно которой содержание признака нематериальности составляют оба элемента: как невещественная форма, так и отсутствие стоимостной оценки²⁸³.

²⁸⁰ См., например: Постановление ФАС Московского округа от 19 ноября 2008 г. № КГ-А40/8332-08 по делу № А40-26824/07-27-240 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁸¹ См.: Гражданское право. Ч. 1 / отв. ред. В. П. Мозолин, А. И. Масляев. М., 2003. С. 233 (автор гл. 9 «Личные неимущественные права, не связанные с имуществом, и их охрана» – М. Н. Малеина). М.Н. Малеина говорит о нематериальном характере личных неимущественных прав, однако диссертант полагает, что автор распространяет эту характеристику и на объекты указанных прав – на нематериальные блага.

²⁸² См.: Гражданское право: учебник / под ред. Ю. К. Толстого. 7-е изд. М., 2009. Т. 1. С. 372.

²⁸³ Так, выделяя специфические черты нематериальных благ, С.П. Гришаев говорит об отсутствии «...экономического (материального) содержания: указанный вид благ представляет собой ценности, относящиеся к духовной сфере и имеющие идеальную природу. Они не подлежат стоимостной оценке как товар и не попадают под понятие “имущество” (Гришаев С.П. Указ. соч.). Т.А. Фадеева при рассмотрении признаков нематериальных благ отождествляет понятия «материального» и «имущественного» содержания (см.: Гражданское право: учебник: в 3 т. / отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. М., 2005. Т. 1. С. 378). Таким же образом трактуют признаки нематериальных благ В.С. Витко, Е.А. Цатурян (см.: Витко В.С., Цатурян Е.А. Юридическая природа договоров аутсорсинга и аутстаффинга. М., 2012) и Е.Г. Дюбко (см.: Дюбко Е.Г. Нематериальные блага и личные неимущественные права граждан и юридических лиц: теоретические и практические проблемы их защиты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015).

Полагаем возможным поддержать доктринальную позицию ученых, раскрывающих понятие «нематериальный» с позиции формы объекта. Понятие «нематериальный» применительно к благам противопоставляется законодателем именно материальным объектам, имеющим вещественную форму, то есть материальное (вещественное) противопоставляется духовному, о чем свидетельствует и правоприменительная практика²⁸⁴.

Представляется недопустимым в одном термине смешивать два совершенно разных признака.

Следует отметить, что в научной доктрине неоднократно подвергался сомнению один из основополагающих признаков нематериальных благ – отсутствие вещественного содержания. Так, учеными было сделано предположение о материальном характере таких благ, как, например, здоровье, определяемое как целостность организма человека, и окружающая среда²⁸⁵. Материальное воплощение имеют такие блага, как жизнь и здоровье; внешний облик, голос проявляются в теле человека как материальном объекте, поскольку «...названные в литературе и законодательстве нематериальные блага, кроме имени и псевдонима, не являются продуктом духовной деятельности и потому не могут считаться

и др.

²⁸⁴ В частности, в письме Рособразования от 22 октября 2007 г. № 13342/16-03-09 «О разъяснении норм Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ применительно к отношениям, связанным с арендой имущества» указано: «В обязательствах об оказании услуг результат деятельности исполнителя носит нематериальный характер, не имеет вещественного содержания. Само оказание услуг создает желаемый результат исполнения договора. Блага, предоставляемые исполнителем заказчику на основании договора возмездного оказания услуг, представляют собой непосредственно деятельность или действия, а не вещи. При этом нематериальная услуга неотделима от личности исполнителя, так как потребляется заказчиком в процессе ее оказания, то есть деятельности исполнителя» Официальные документы в образовании. 2007. № 33).

²⁸⁵ См., например: Голубев К.И., Нарижний С.В. Компенсация морального вреда как способ защиты неимущественных благ личности. С. 39; Дюбко Е.Г. Нематериальные блага и личные неимущественные права граждан и юридических лиц: теоретические и практические проблемы их защиты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.

“предметами нематериального (идеального) мира”, как их определяет Н.Д. Егоров»²⁸⁶.

И.В. Бакаева также критически оценивает материальность духовных благ, по ее мнению, употребление понятий «жизнь», «здоровье», «деловая репутация» «...лишь отчасти касается духовных благ, и преимущественно они затрагивают материальную основу человеческого бытия. В этом смысле не природа благ, а их аксиологическая интерпретация, осознание личной и социальной ценности позволяют отнести их к нематериальным благам»²⁸⁷.

Полагаем, подобные рассуждения не выдерживают критики. Нематериальные блага безусловно всегда связаны с их носителем – человеком. Возможно предположить, что именно через человека как субъекта права нематериальные блага получают материальную основу человеческого бытия. Однако нематериальность базируется на свойствах визуализации и отражаемости наблюдаемого мира. Даже если человек будет смотреться в зеркало, он не визуализирует здоровье или деловую репутацию – свое отражение в зеркале, свой облик он сможет только образно связать с такими нематериальными благами, поскольку нельзя отрицать, что нематериальные блага оказывают влияние на формирование человека как персоны, что тем не менее не влияет на нематериальный (овеществленный) характер таких благ.

Таким образом, одним из неоспоримых признаков нематериальных благ является их невещественный характер.

Отсутствие экономического содержания нематериальных благ, по нашему мнению, является отдельным самостоятельным признаком, означающим невозможность их точной денежной оценки. Следствием этого подхода является отрицание оборотоспособности нематериальных благ.

²⁸⁶ Нохрина М.Л. Понятие и признаки нематериальных благ: законодательство и цивилистическая наука // Правоведение. 2013. № 5 (310). С. 151.

²⁸⁷ Бакаева И.В. Понятие и признаки нематериальных благ: законодательство, теория и практика // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 4. С. 9–13.

Вместе с тем в научной доктрине данный признак неоднократно ставился под сомнение в отношении деловой репутации лица²⁸⁸. Более того, по мнению Т.А. Фадеевой, многие из нематериальных благ изначально предназначены для включения в гражданский оборот в целях извлечения прибыли²⁸⁹. В обоснование данного вывода приводится практика зарубежных правовых порядков, рассматривающих деловую репутацию в качестве экономически ценного объекта, нередко являющегося основным имущественным активом компании²⁹⁰. Примечательно, что в России деловая репутация долгое время также являлась реальным активом, отражаемым в финансовой отчетности²⁹¹.

Данная позиция заслуживает поддержки. Действительно в современных условиях развития деловых связей и гражданского оборота в целом такие нематериальные блага, как деловая репутация и личные качества, приобретают все большее значение, сложно переоценить их влияние на конечный результат деятельности физического или юридического лица. Их нарушение способно повлечь существенные экономические потери для их обладателя, поскольку распространение не соответствующих действительности сведений, оскорбляющих честь, достоинство и деловую репутацию субъекта гражданского оборота, приведет к оттоку клиентов и контрагентов лица, чье право было нарушено.

²⁸⁸ См.: Рожкова М.А. Понятие деловой репутации, содержание прав на деловую репутацию // Защита деловой репутации в случаях ее диффамации или неправомерного использования (в сфере коммерческих отношений): научно-практическое пособие / под общ. ред. М.А. Рожковой. М., 2015. С. 23–40.

²⁸⁹ См.: Гражданское право / под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. Ч. 1. СПб., 1996. С. 272.

²⁹⁰ См.: Рожкова М.А. § 1.2. Указ. соч.

²⁹¹ Согласно ст. 4 утратившего силу Положения по бухгалтерскому учету «Учет нематериальных активов (ПБУ 14/2007)», утвержденного приказом Министерства финансов РФ от 27 декабря 2007 г. № 153н, деловая репутация подлежала учету в составе нематериальных активов, под которыми подразумевались активы, имеющие стоимость, но не имеющие натуральной вещественной формы, не являющиеся физическими объектами. Характерно, что в указанном положении была также установлена и методика ее расчета. Российская газета. 2008. № 22.

Вместе с тем Е.Г. Дюбко отмечает, что такое влияние нарушения нематериальных благ на экономическое положение субъекта «...не умаляет присущего этим благам свойства нематериальности: сущность этих благ изначально нематериальна, они не имеют вещественного воплощения и не могут быть измерены в каких-либо единицах»²⁹². Полагаем, в данном случае допущена подмена понятий. Признак нематериальности характеризует исключительно форму объекта права, в то время как стоимостная оценка представляет собой самостоятельный, не связанный с предыдущим признак.

Доктринальные выводы о возможности денежной оценки деловой репутации основаны на нормах действующего законодательства, прямо допускающих возмездную передачу деловой репутации субъекта для использования другим лицом. Так, в соответствии с п. 2 ст. 1027 ГК РФ договор коммерческой концессии предусматривает использование комплекса исключительных прав, деловой репутации и коммерческого опыта правообладателя. Очевидно, что в данном контексте включаемая в объект сделки в составе комплекса передаваемых прав деловая репутация приобретает имущественный характер²⁹³.

Деловая репутация также может выступать объектом договора простого товарищества: п. 1 ст. 1042 ГК РФ определяет, что товарищ может внести вклад в виде не только денег, иного имущества, но и в виде профессиональных и иных знаний, навыков и умений, а также в виде деловой

²⁹² Дюбко Е.Г. Указ. соч.

²⁹³ Как справедливо связи с этим отмечает А.О. Эрделевский, «...деловая репутация гражданина обладает двойственной правовой природой – она указывается в законе в числе нематериальных благ и в то же время способна являться объектом денежной оценки в отношениях между любыми лицами (ст. 1042 ГК), а также объектом использования по договору с участием коммерческих организаций и граждан-предпринимателей (ст. 1027 ГК)». В результате ученый называет деловую репутацию гражданина особым нематериальным благом, которая с точки зрения классификации объектов гражданских прав, перечисленных в ст. 128 ГК РФ, относится не только к нематериальным благам, но и «...к составу имущества в широком смысле в виде иного имущества в той мере, в какой деловая репутация может допускать ее денежную оценку». Более того, А.О. Эрделевский не признает деловую репутацию юридического лица в качестве нематериального блага в смысле ст. 150 ГК РФ (см.: Эрделевский А. О правовой природе деловой репутации // СПС «КонсультантПлюс»).

репутации и деловых связей. Очевидно, внесение деловой репутации в качестве вклада априори предполагает ее денежную оценку.

В числе нематериальных объектов, перечисленных в ст. 150 ГК РФ, признаком оборотоспособности и, как следствие, денежной оценки обладает имя, а также псевдоним физического лица, которые согласно абз. 2 п. 4 ст. 19 ГК РФ могут быть использованы с согласия этого лица другими лицами в их творческой деятельности, предпринимательской или иной экономической деятельности перечисленными в законе способами.

Примечательно, что еще дореволюционные ученые не видели противоречий в том, что имя может являться объектом сделки. По мнению М.М. Агаркова, заключению сделки в отношении имени физического лица не препятствует его неотчуждаемость²⁹⁴. В советское время законодательно была установлена возможность заключения сделок с иным нематериальным благом – изображением человека (ст. 514 ГК РСФСР 1964 г.). К настоящему времени сложилось несколько научных направлений, объясняющих объект сделки по использованию имени физического лица²⁹⁵.

Современная мировая тенденция коммодификации, то есть постепенного преобразования в товар различных аспектов человеческой жизни, находит отражение в коммерциализации использования некоторых

²⁹⁴ См.: Агарков М.М. Право на имя // Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. М., 2012. Т. 1. С. 195.

²⁹⁵ Во-первых, одно из научных направлений непосредственным объектом сделки признает само нематериальное благо – имя. Во-вторых, представители другого направления полагают, что имя гражданина неотчуждаемо, что, однако, не исключает возможности передавать право на его использование третьим лицам. Так, А.Е. Шерстобитов разграничивает неотделимые от личности носителя личные блага и личные права, которые их охраняют. Поэтому если первые не являются оборотоспособными, то вторые в ряде случаев могут использоваться в гражданском обороте. Использование личных прав, в том числе права на имя, может стать предметом договора между правообладателем и пользователем, который строится по модели лицензионного. В-третьих, предлагается уточнить понятие нематериальных благ с учетом легализации сделок с отдельными их видами и выработать новую концепцию, объясняющую возможность вовлечения данных благ в гражданский оборот. Так, А.И. Савельев отмечает «постепенное движение от личных неимущественных благ к имуществу особого рода» (цит. по.: Яценко Т.С. Имя физического лица как предмет сделки: от критики до признания в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2022. № 3. С. 118–144).

нематериальных благ²⁹⁶. Как отмечают В. Колосов и М. Шварц, в иностранной доктрине допускается использование элементов индивидуальности личности (имени, голоса, изображения) в коммерческих целях²⁹⁷. При этом право на изображение может передаваться на основании лицензии (как исключительной, так и неисключительной), что обусловлено тем, что внешность и образ создаются самим человеком, а следовательно, имеют цену²⁹⁸.

В отечественной практике сделки с именем и псевдонимом гражданина получили распространение задолго до законодательного признания в 2012 г.²⁹⁹ По мнению Т.С. Яценко, основанному на зарубежном опыте коммерциализации имени³⁰⁰, «...в активизации оборота человеческих имен может быть заинтересован широкий круг лиц: сами правообладатели, иные субъекты, желающие, например, продвигать свой товар на рынке через использование положительных ассоциаций, возникающих у потребителей в связи с конкретным человеком, его именем и образом, и др.»³⁰¹.

Таким образом, признак отсутствия экономического содержания не является универсальным, свойственным всем нематериальным благам, перечисленным в ст. 150 ГК РФ. Обоснование возможности денежной оценки ряда нематериальных благ также ставит под сомнение признак

²⁹⁶ См.: Radin M.J. Contested Commodities: The Trouble with Trade in Sex, Children, Body Parts and Other Things. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996; Напко М.Д. Коммодификация как современный тип рациональности // Народное образование. 2020. № 3. С. 35; Фишман Л.Г. Коммодификация как фактор морального и политического прогресса // Полития. 2019. № 2 (93). С. 7.

²⁹⁷ См.: Колосов В., Шварц М. Право на изображение в российском праве с учетом зарубежного опыта // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2008. № 3. С. 10.

²⁹⁸ Там же.

²⁹⁹ Чаще всего они заключались по поводу использования в рекламе имен и образов известных в стране людей – певцов, актеров, спортсменов. Распространение подобных сделок даже привело к развитию новой терминологии, которая включает, например, «имиджевые права спортсменов» или «исключительное право на использование имиджа» (см.: Яценко Т.С. Указ. соч.).

³⁰⁰ Например, ежегодный доход от использования имени Мэрилин Монро составляет около 27 млн дол. США в год (см.: Шебанова Н.А. «Модное» право: монография. М., 2018).

³⁰¹ Яценко Т.С. Указ. соч.

непередаваемости. Следует отметить, что отсутствие уточняющих изменений в ст. 150 ГК РФ приводит к неопределенности в применении соответствующих норм о возможности использования третьими лицами деловой репутации, имени и псевдонима гражданина.

Вместе с тем установленная в законе возможность предоставления временно или на неограниченный срок третьим лицам некоторых нематериальных благ не свидетельствует об их отчуждаемости: нематериальные блага являются индивидуализирующими характеристиками конкретного субъекта, образуя с ним неразрывную связь, которая сохраняется даже после смерти человека³⁰².

В соответствии со ст. 150 ГК РФ нематериальные блага принадлежат гражданину от рождения или в силу закона. Материальные блага, принадлежащие гражданину от рождения, свидетельствуют об их естественно-правовой природе, нематериальные блага признаются «в силу закона» и получают охрану законодательством³⁰³.

Следует отметить, что основание возникновения нематериального блага служит критерием классификаций нематериальных благ, предложенных в научной доктрине. Не останавливаясь подробно на их анализе³⁰⁴, полагаем

³⁰² В соответствии с абз. 3 п. 2 ст. 150 ГК РФ в случаях и порядке, которые предусмотрены законом, нематериальные блага, принадлежавшие умершему, могут защищаться другими лицами.

³⁰³ См.: Ситдикова Л.Б. Условия применения ответственности за причинения нематериального вреда // Российская юстиция. 2015. № 11. С. 11–14.

³⁰⁴ В отечественных публикациях предложены различные критерии классификации нематериальных благ, но они посвящены отдельным категориям таких благ, а также во многом не соответствуют теории классификации. В частности, Т.В. Трофимова выдвигает идею ценностного подхода при систематизации личных неимущественных прав и нематериальных благ (см.: Трофимова Т.В. Правовая природа договора, посредством которого даритель освобождает одаряемого от имущественной обязанности // Цивилист. 2013. № 4. С. 60–64). Некоторые авторы предлагают классифицировать нематериальные блага как блага, имеющие «биологическое начало (жизнь, здоровье, внешний облик), и блага, имеющие социальное начало (честь, достоинство, деловая репутация, имя, личная неприкосновенность, тайна частной жизни и др.)» (см.: Нестеров А.В. Правовая категория нематериальных (существующих) благ и их систематизация // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 19–30). А.Х. Ульбашев считает, что «...всякое личное право имеет своей целью (1) обеспечение индивидуальной свободы (человеческой "самости", индивидуальности); защиту (2) достоинства личности и/или (3) физической и социальной

целесообразным при решении данного вопроса исходить из особенностей установления правового режима нематериальных благ. В первую очередь, гражданское законодательство регулирует имущественные отношения, особое внимание уделяя гражданскому обороту.

Учитывая способность некоторых нематериальных благ выступать в качестве объекта гражданско-правовых сделок, представляется возможным использовать критерий оборотоспособности и предложить классифицировать перечисленные в ст. 150 ГК РФ нематериальные блага в зависимости от наличия имущественного содержания на имеющие его и не имеющие такового.

К первой группе предлагаем отнести деловую репутацию, имя (псевдоним) гражданина, его изображение. Им свойственны следующие отличительные признаки: 1) возможность денежной оценки; 2) ограниченная оборотоспособность – при установленных в законе условиях нематериальные блага могут быть объектом гражданско-правовых сделок.

По остаточному принципу иные нематериальные блага составляют вторую группу, их характеризуют признаки отсутствия экономического содержания и непередаваемость.

При этом общими (универсальными) признаками нематериальных благ являются: 1) приобретение от рождения или в силу закона; 2) невещественный характер; 3) неотчуждаемость.

Таким образом, одна из особенностей предлагаемой нами классификации состоит в ее динамичности, что обусловлено развитием общества и признанием особой ценности человека, а также тенденцией

неприкосновенности». По мнению А.Х. Ульбашева, практическое предназначение подобной систематизации нематериальных благ состоит в том, что данная классификация позволяет сконструировать единое понятие субъективного личного права, выявить регулятивное значение личных прав, а также в случае обнаружения возможного пробела в праве ответить на вопрос, является ли соответствующее благо объектом личных прав или нет (см.: Ульбашев А.Х. Указ. соч.).

постепенного вовлечения в гражданский оборот отдельных нематериальных благ³⁰⁵.

§ 3. Понятие, свойства и классификация информации как объекта гражданских прав

В период с 1 января 1995 г. по 31 декабря 2007 г. информация являлась самостоятельным объектом гражданских прав³⁰⁶.

В связи с вступлением в силу с 1 января 2008 г. части четвертой ГК РФ информация была исключена из перечня объектов гражданских прав, содержащегося в ст. 128 ГК РФ³⁰⁷. По мнению П.В. Крашенинникова,

³⁰⁵ В специальной литературе связи с этим подчеркивается, что нелегитимность рыночного обмена отдельных благ обусловлена, как правило, не спецификой их природы, а культурной интерпретацией, поэтому благо способно стать предметом оборота, если его признает в качестве товара общество. Как результат с изменением социальных предпочтений в обществе разные блага могут превращаться в товар или утрачивать данное качество. С этой точки зрения неотчуждаемость блага становится условным свойством: «товары могут легко обмениваться на рынке и в это же время отсылать к неотчуждаемому и несоизмеримому» (Бердышева Е.С. От критики к аналитике: коммодификация жизненно важных благ как актуальная исследовательская проблема в новой экономической социологии [Berdysheva E.S. From Criticism to Analytics: Commodification of Vital Goods as an Actual Research Problem in the New Economic Sociology] (in Russian) // Economic Sociology. 2012. Vol. 13. No. 1. P. 70, 74, 76).

³⁰⁶ Как отметила Е.Н. Насонова, возможность закрепления информации как объекта гражданских прав возникла благодаря развитию общества в целом, а конкретнее – его коммуникационных связей, имеющих различную физическую природу. По ее справедливому утверждению, информация получила статус реальной величины, которая может оказывать влияние на имущественное положение субъекта (см.: Насонова Е.Н. Информация как объект гражданского права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 13).

³⁰⁷ Как было отмечено в научной литературе, «...одной из причин выведения информации за пределы объектов гражданских прав стало уяснение того, что информационный обмен – это процесс, который характеризует весь гражданский оборот», «...информация является неотъемлемым свойством любых отношений, составляющих предмет гражданско-правового регулирования; информация обеспечивает индивидуализацию каждого участника гражданского оборота, позволяет дать характеристику действиям таких участников, а также описать любой объект материального мира. Иначе говоря, информационный обмен, характеризуя различные явления и процессы, формирующиеся (и существующие) в экономическом базисе, не воспринимается гражданским правом в отрыве от таких явлений и процессов. Так, например, правовые конструкции, обеспечивающие индивидуализацию субъектов гражданского права (за счет имени, места жительства и т.д.), позволяют каждому из нас иметь представление о лице, которое нам противостоит. И если в вводной части договора указываются лица, являющиеся сторонами договора, это означает и то, что сам договор стал источником

объектом гражданских прав является только информация, подпадающая под признаки секрета производства (ноу-хау) и относящаяся к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности³⁰⁸. Раскрывая данную мысль, А.Г. Тухватулина говорит о нивелировании границ между информацией и результатами интеллектуальной деятельности: «...что, собственно, и стало причиной исключения информации из перечня объектов гражданских прав»³⁰⁹.

Таким образом, в настоящее время информация получает правовую защиту лишь при условии отнесения ее к какому-либо из объектов, обозначенных в ст. 128 ГК РФ. Однако вопрос о самостоятельности информации как объекта гражданских прав и возможности включения ее в гражданский оборот является предметом доктринальной дискуссии на протяжении длительного периода, по итогам которой можно выделить четыре подхода.

Сторонниками первого подхода информация рассматривается в качестве объекта гражданских прав и договорных отношений. При этом информация имеет неразрывную связь с товаром – вещью, вследствие чего предлагается распространить на нее все правила об объектах вещного права. И.Л. Бачило, аргументируя указанную позицию, рассматривает информацию в качестве материального объекта (с отнесением ее к категории вещей) и предлагает распространить на нее право вещной собственности³¹⁰. Некоторыми учеными при определенных условиях допускается рассмотрение

информационного обмена» (см.: Соломин С.К., Соломина Н.Г. Юридические факты и иные жизненные обстоятельства: цивилистический очерк: монография. М., 2022).

³⁰⁸ См.: Крашенинников П.В. Вступительное слово // Объекты гражданских прав: Постатейный комментарий к главам 6, 7 и 8 Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2009.

³⁰⁹ См.: Тухватулина А.Г. Информация как объект гражданских прав // Вестник молодых ученых и специалистов Самарского университета. 2020. № 2 (17). С. 245–250.

³¹⁰ См.: Бачило И.Л. О праве собственности на информацию // Труды Института законодательства и сравнительного правоведения. 1992. № 52. С. 32.

информации в качестве самостоятельного товара³¹¹, способного выступать в качестве объекта договора купли-продажи³¹². По мнению О.Ю. Сидоровой, информация, обладая рядом свойств как общего, так и гражданско-правового характера, может выступать объектом нескольких гражданско-правовых сделок: купли-продажи, мены, дарения, соглашения о передаче информации в пользование, на выполнение НИОКР и др.³¹³ В целях антимонопольного регулирования информацию предлагает признать товаром А.Ю. Чурилов³¹⁴. В условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий и включения в коммерческий оборот больших объемов информации последняя приобретает свойства товара, отмечает М.Е. Черемисинова³¹⁵.

При анализе геологической информации авторы одного из комментариев к Закону Российской Федерации от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах» пришли к выводу о ее принадлежности к объектам гражданских прав, на которые распространяется право собственности³¹⁶.

³¹¹ Так, по мнению Г.А. Лобанова, «...очень важно определить точно требования к предоставляемой информации. Ее объем, перечень вопросов, на которые она должна отвечать, т.е. количественные и качественные параметры информации. В противном случае, если представленная информация не будет соответствовать условиям договора, то, видимо, можно ставить вопрос о применении гражданско-правовой ответственности к недобросовестному контрагенту». Автор делает вывод, что «...информация как объект купли-продажи уверенно “пробивает дорогу” в рамках ИНТЕРНЕТА, поскольку такие сделки купли-продажи информации уже совершаются. По всей видимости, не за горами то время, когда возникнут споры, касающиеся имущественной ответственности продавца информации, предоставившего “товар” не того качества и количества» (см.: Лобанов Г.А. Информация как объект гражданских правоотношений // Бизнес-адвокат. 1998. № 6. С. 74).

³¹² См.: Кириченко О.В. Информация как объект гражданских правоотношений // Современное право. 2014. № 9. С. 77–81.

³¹³ См.: Сидорова О.Ю. Информация как объект абсолютных и относительных гражданских правоотношений: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. С. 11–13.

³¹⁴ См.: Чурилов А.Ю. Правовое регулирование интеллектуальной собственности и новых технологий: вызовы XXI века: монография. М., 2020.

³¹⁵ См.: Защита данных: научно-практический комментарий к судебной практике / Э.В. Алимов, Д.Р. Алимова, Х.И. Гаджиев и др.; отв. ред. В.В. Лазарев, Х.И. Гаджиев. М., 2020.

³¹⁶ Данный вывод сделан ими на основе ч. 8 ст. 27 указанного закона, которая определяет обладателя геологической информации о недрах, полученной пользователем недр за счет собственных и (или) привлеченных средств (см.: Комментарий к Закону Российской Федерации от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах» // СЗ РФ. 1995. № 10. Ст. 823.

Сторонниками обозначенного подхода отмечается, что информация становится имуществом с момента приобретения экономической ценности³¹⁷.

По мнению В.А. Дозорцева, именно информация, обладающая имущественной ценностью для экономического оборота, и может являться объектом гражданских прав³¹⁸.

В научной доктрине предложения о признании информации вещью, имуществом, товаром, а также о распространении на нее режима права собственности подверглись справедливой критике³¹⁹. Так, А.Н. Латыев указывает на невозможность восстановления положения, существовавшего до нарушения прав, связанных с информацией, так как даже в случае восстановления доступа невозможно ее стереть из памяти лица, незаконно получившего доступ³²⁰.

Полагаем невозможным поддержать предложения о распространении на информацию (как объект гражданских прав) правового режима вещи или иного вещного права в силу ее нематериальной сущности, не позволяющей обеспечить реализацию традиционной для вещного права триады правомочий собственника – права владения, пользования и распоряжения. Владение и пользование информацией возможно посредством мыслительных и психических процессов, не подлежащих законодательной регламентации. В

³¹⁷ См., например: Рожкова М. А. Информация как объект гражданских прав, или Что надо менять в гражданском праве // Закон.ру. 2018. 6 ноября. URL: // https://zakon.ru/blog/2018/11/6/informaciya_kak_obekt_grazhdanskih_prav_ili_chto_nado_menyat_v_grazhdanskom_prave

³¹⁸ См.: Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: сборник статей. М., 2003.

³¹⁹ Большинство цивилистов оспаривают возможность распространения на информацию как на нематериальные объекты института права вещной собственности (см.: Ефремов А.А. Понятие и виды конфиденциальной информации. URL: // www.russianlaw.net; Суханов Е.А. Объекты права собственности // Закон. 1995. № 4. С. 94–98 и т.д.). Согласно классическим подходам объектом вещного права может быть только вещь, предмет материального мира. Более того, в соответствии с еще более узким подходом объектом права собственности является исключительно индивидуальное имущество. Вещи, которые определяются родовыми признаками, а также нематериальные блага объектами вещного права не являются (см.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть 1 / под ред. О.Н. Садикова. М., 1997. С. 415).

³²⁰ См.: Латыев А.Н. Вещные права в гражданском праве: понятие и особенности правового режима: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 24.

то же время пользование вовне и распоряжение информацией возможны путем ее предоставления и распространения³²¹. Законодательная регламентация пользования и распоряжения информацией осуществляется, в частности, с помощью установления различных запретов на совершение действий с информацией, полученной незаконным путем, на распространение информации без согласия управомоченного лица и т.д.³²²

Таким образом, сущность информации, ее отображение в человеческом сознании, а также невозможность применения вещно-правовых способов защиты лишают целесообразности распространение в отношении нее режима вещного права.

Согласно второму подходу информация отнесена к интеллектуальной собственности в силу наличия сходных черт с результатами интеллектуальной деятельности: по своей природе они нематериальны и воплощены на материальном носителе, являются результатом мыслительной деятельности, характеризуются непосредственной связью с личностью субъекта.

Данной позиции придерживаются, в частности, А.П. Сергеев³²³, В.О. Пучков³²⁴, А.А. Инюшкин полагает допустимым возникновение связанных с информацией гражданских правоотношений даже при ее отсутствии в

³²¹ Это действия, направленные на получение информации неопределенным кругом лиц или передачу информации определенному (в случае предоставления) и неопределенному (в случае распространения) кругу лиц (см.: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 12 декабря 2023 г.) // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448).

³²² В настоящее время, например, установлен законодательный запрет на распространение информации, которая направлена на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды, а также иной информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность. Вместе с тем согласно п. 1 ст. 5 Федерального Закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» последняя может свободно использоваться любым лицом и передаваться одним лицом другому лицу, если федеральными законами не установлены ограничения доступа к информации либо иные требования к порядку ее предоставления или распространения.

³²³ См.: Сергеев А.П. Авторское право России. СПб., 1994. С. 39.

³²⁴ См.: Пучков В.О. Информация – объект гражданского права? // Арбитражные споры. 2020. № 2. С. 135-144.

составе объектов гражданских прав при условии законодательной связи информации с интеллектуальной собственностью, обеспеченной путем использования информации в объекте интеллектуальной собственности либо соотнесения цели использования информации с регулируемым гражданским законодательством отношениями³²⁵.

По мнению С.П. Гришаева, в настоящее время информация получает правовую охрану только при условии ее коммерческой ценности и в составе секретов производства (ноу-хау), правовой режим которых установлен в части четвертой ГК РФ³²⁶.

Данная точка зрения не нашла поддержки в научной литературе в силу различия правомочий на ноу-хау и на информацию³²⁷ и как следствие – во взаимоотношениях по их передаче³²⁸. Кроме того, она не теряет ценности для ее обладателя при предоставлении третьим лицам.

³²⁵ См.: Инюшкин А.А. Информация в системе объектов гражданских прав и ее взаимосвязь с интеллектуальной собственностью на примере баз данных // Информационное право. 2016. № 4. С. 4–7.

³²⁶ См.: Гришаев С.П. Эволюция законодательства об объектах гражданских прав // СПС «КонсультантПлюс».

³²⁷ «Правомочия на ноу-хау традиционно строятся по модели исключительных прав. Они направлены на использование данных, составляющих ноу-хау. Запрет разглашения устанавливается только для того, чтобы само право продолжало существовать. Корни ноу-хау уходят в патентную систему, когда одновременно с патентной лицензией передавались некоторые дополнительные данные, касающиеся осуществления изобретения. Это так называемая смешанная лицензия. И лишь следующей разновидностью является лицензия, по которой правообладатель передает производственные секреты и даже обязывается оказывать помощь в осуществлении решения. По ноу-хау одна только информация вне использования вообще никому не нужна. Содержанием права на передачу информации является только сообщение данных. Никаких прав на использование, практическое применение этих данных оно не включает. Передача данных, знания отсечена от права использования, обособлена от него. При этом речь идет именно о передаче данных на конфиденциальной основе, а не об их опубликовании, которое исключает само право на передачу данных» (Кириченко О.В. Информация как объект гражданских правоотношений // Современное право. 2014. № 9. С. 77–81).

³²⁸ Ноу-хау предполагает передачу на основе выданного разрешения на использование (лицензии, лицензионного соглашения), в то время как передача информации не сопровождается никакой передачей прав – происходит простая фактическая передача сведений. В юридической доктрине также в качестве отличительных признаков указано на то, что режим ноу-хау предполагает отсутствие у третьих лиц свободного доступа к охраняемым сведениям, она имеет ценность ввиду ее неизвестности третьим лицам, что весьма спорно в отношении, например, персональных данных хотя бы потому, что эти

Аргументируя отсутствием у информации характерного для произведений признака творческого начала, В.А. Дозорцев негативно оценивает отнесение информации как к интеллектуальной собственности в целом, так и к авторскому праву в частности³²⁹. В юридической литературе отмечается, что «...авторское право охраняет форму, а не содержание произведения, в то время как для защиты персональных данных имеет значение именно содержание (Ф.И.О. лиц, конкретные вкусовые предпочтения, конкретные геолокации и т.п.)»³³⁰.

Согласно третьему подходу информация признается объектом гражданских прав только в случае ее отражения (закрепления) на материальном носителе³³¹. Так, О.А. Городов подчеркивает, что товарными свойствами обладают одновременно два элемента: и информация, и ее носитель³³².

На материальный носитель как необходимое условие отнесения информации к объектам гражданских прав указывает также Е.Н. Насонова³³³.

сведения доступны самому субъекту персональных данных как источнику этих данных, так и на законном основании другим лицам (см.: Рожкова М.А. Право в сфере Интернета: сборник статей / М.З. Али, Д.В. Афанасьев, В.А. Белов и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2018.).

³²⁹ Более того, по мнению В.А. Дозорцева, «...право на распространение информации коренным образом отличается от содержания традиционного исключительного права. Это просто другое право, имеющее другое содержание. Различия относятся ко всем основным элементам правового режима: к объекту, субъектам, содержанию прав и обязанностей, порядку их осуществления и т.п.» (Дозорцев В.А. Указ. соч. С. 234).

³³⁰ Рожкова М.А. Указ. соч.

³³¹ При этом в информации как объекте права усматриваются как элементы вещного права, так и положения, регулирующие особенности обращения результатов интеллектуальной деятельности, где вещный аспект свойствен объекту, используемому для фиксации информации, а информации характерны свойства произведения.

³³² См.: Городов О.А. О нетрадиционных объектах гражданских прав // Правоведение. 2013. № 6. С. 96–107.

³³³ Информация признается объектом гражданских прав в случаях, при которых сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах находят отображение на материальных объектах в виде символов, образов, сигналов и технических решений; кроме того, информация может быть вовлечена в оборот в виде информационных продуктов, информационной продукции, коммерческой тайны, результатов интеллектуальной деятельности (интеллектуальной собственности) и приравненных к ним средств индивидуализации продукции, выполненных информационных работ и услуг (см.: Насонова Е.Н. Указ. соч. С. 8–10).

Сходной позиции придерживается Е.М. Косьяненко, отмечая, что информация может рассматриваться в качестве объекта правоотношения только после объективизации ее человеком либо после фиксации ее на каком-либо носителе³³⁴.

Полагаем, ценность информации и целесообразность признания ее объектом гражданских прав заключается непосредственно в ней, а не в материальном носителе, в котором она выражена, поскольку он не отражает сущности информации. С этой позиции информация не может входить в состав имущества как объекта гражданских прав.

В соответствии с четвертым подходом информация отнесена к нематериальным благам (при условии, что она не является общедоступной³³⁵). Основная аргументация сторонников данного подхода сводится к сходству признаков информации и нематериальных благ (нематериальная природа, неотчуждаемость и т.д.)³³⁶.

³³⁴ Свойство неисчерпаемости может быть отнесено к источнику информации только в семантическом понимании, но в юридическом смысле информационные ресурсы должны быть конечными (имеется в виду воспринятая и обработанная человеком информация). При этом также предлагается введение в научный терминологический оборот новой категории «информационное благо», которая включает непосредственно информацию и комплекс объектов, имеющих информационную природу, выражающуюся в их информационно ценном содержании, и способных вовлекаться в систему общественных отношений, урегулированных нормами гражданского права (см.: Косьяненко Е.М. Информация как гражданско-правовая категория: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 7–11).

³³⁵ Так, по мнению В.М. Богданова, выделение информации в качестве объекта гражданского оборота сопряжено с наличием у нее характерных признаков: ограниченный доступ и необщезвестность (См.: Богданов В.М. Информация как объект гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 11–12).

³³⁶ Кроме того, в доктрине отмечено, что права на информацию, содержащиеся в ч. 4 ст. 29 Конституции РФ (в соответствии с ч. 4 ст. 29 Конституции РФ «каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом»), следует признать нематериальным благом в соответствии со ст. 150 ГК РФ, поскольку указанные в ней отношения являются общерегулятивными и осуществляются каждым человеком самостоятельно и свободно независимо от каких-либо условий. Для обеспечения их осуществления праву достаточно защищать это нематериальное благо от посягательств и нарушений. Аналогичная ситуация с личной и семейной тайнами (см.: Гунин Д.И. Информация как объект правового регулирования // Российский юридический журнал. 2008. № 4. С. 182–184).

Различия в подходах к квалификации информации в качестве объекта гражданских прав как нельзя лучше демонстрируют отсутствие весомых оснований для ее исключения из ст. 128 ГК РФ, поскольку представляется некорректным рассматривать информацию исключительно в составе интеллектуальной собственности. В условиях информационного развития и цифровизации общества в научной литературе рассматривается возможность формального возврата информации в состав объектов гражданских прав. Вместе с тем в современных условиях это может привести к нестабильности гражданского оборота.

Информация безусловно является объектом гражданских прав³³⁷, однако ее включение в ст. 128 ГК РФ в качестве самостоятельного объекта прав представляется нецелесообразным по ряду оснований.

Закрепление в ст. 128 ГК РФ информации без определения ее правового режима приведет к созданию конкурирующих норм и нестабильности гражданского оборота в целом. Вместе с тем установление единого (универсального) правового режима для информации не представляется возможным.

Информация выступает в правоотношениях как объект в виде нематериальных благ (в контексте ст. 150 ГК РФ) или результатов интеллектуальной деятельности (интеллектуальной собственности). В первом случае информация является объектом в отношениях по охране чести и достоинства личности, имени человека, деловой репутации и др. Более того, большинство из перечисленных в ст. 150 ГК РФ нематериальных благ могут быть квалифицированы как информация. Во втором случае информация составляет сведения о том или ином результате интеллектуальной деятельности (ноу-хау, в частности). Очевидно, что в

³³⁷ Согласно п. 2. ст. 3 ГК РФ гражданское законодательство состоит из ГК РФ и принятых в соответствии с ним иных федеральных законов. Одним из таких законов является Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в соответствии с п. 1 ст. 5 которого информация может являться объектом гражданских правовых отношений.

отношении перечисленных объектов гражданских прав не может быть установлен общий (универсальный) правовой режим. Таким образом, выбор тех или иных законодательных правил в отношении информации зависит от ее содержания и обусловлен объектом, в виде которого информация вступает в правоотношения.

Данные выводы могут быть проиллюстрированы на примере персональных данных³³⁸, представляющих собой информацию по своей правовой природе в соответствии со ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 6 февраля 2023 г.) «О персональных данных»³³⁹. Целью принятия данного закона является обеспечение защиты прав и свобод, в том числе на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, которые прямо отнесены законом к нематериальным благам³⁴⁰.

Аналогичная ситуация складывается с информацией в сфере интеллектуальной собственности. Принимая во внимание то, что секретом производства (ноу-хау) признаются сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие) о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере и о способах осуществления профессиональной деятельности, можно утверждать, что ноу-хау есть не что иное, как информация в чистом виде.

³³⁸ По справедливому утверждению В.В. Архипова, «...как и данные в целом, – это “новая нефть”, и в контексте развития нормативного регулирования цифровой экономики правовые аспекты персональных данных, несомненно, составляют ядро актуальной проблематики» (см.: Архипов В.В. Проблема квалификации персональных данных как нематериальных благ в условиях цифровой экономики, или Нет ничего более практичного, чем хорошая теория // Закон. 2018. № 2. С. 52–68).

³³⁹ СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

³⁴⁰ Вопрос об отнесении персональных данных к категории нематериальных благ уже достаточно давно обсуждается в научной литературе (см., например: Малеина М.Н. Право на тайну и неприкосновенность персональных данных // Журнал российского права. 2010. № 11. С. 18–28). Вместе с тем в литературе предложено также относить персональные данные к «иному имуществу». Так, например, А.И. Савельев допускает возможным спрогнозировать складывающуюся динамику развития гражданско-правовой характеристики персональных данных как постепенное движение от личных неимущественных благ к имуществу особого рода (см.: Савельев А.И. Гражданско-правовые аспекты регулирования оборота персональных данных // Вестник гражданского права. 2021. № 4. С. 104–129).

Вышеизложенное позволяет сформулировать вывод о том, что информация является опосредованным объектом гражданских прав, поскольку по своей природе она является частью (содержанием) прямо обозначенных в ст. 128 ГК РФ объектов гражданских прав (нематериальных благ или результатов интеллектуальной деятельности). В связи с этим предлагается условно именовать указанный в законе объект гражданских прав (нематериальное благо или результат интеллектуальной деятельности) объектом первого порядка (уровня), а составляющие его часть (содержание) сведения (информацию) – объектом гражданских прав второго порядка (уровня).

Таким образом, правовой режим информации как объекта гражданских прав второго порядка (уровня) будет определен объектом гражданских прав первого порядка (уровня), частью (содержанием) которого она является.

§ 4. Теоретические аспекты определения места энергии (энергетических ресурсов)

С развитием науки и технологий появились новые материальные блага, вещественность которых довольно условна, равно как и их отнесение к категории «иного имущества» в контексте ст. 128 ГК РФ. В частности, это электроэнергия, определение места которой в системе объектов гражданских прав является предметом дискуссии более 100 лет.

На рубеже XIX–XX вв. в отечественной цивилистике сформировались две основные теории. Первая сводится к признанию энергии вещью³⁴¹. Как

³⁴¹ См.: Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. СПб., 1911. Т. 1. С. 575–576; Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права. С. 110. Как отмечал Ю.С. Гамбаров, «принадлежность электричества к телесным вещам возбуждает еще сомнения и большинство юристов, которые высказываются отрицательно в этом смысле, ссылаясь на то, что электричество есть сила, а не материя... метафизический спор о силе и материи не имеет значения для права, и, принимая за критерий вещи не ее осязательность или весомость, а наше чувственное восприятие и нахождение его предмета во внешнем мире с качествами ценности, оборотоспособности и самостоятельности...» (Гамбаров Ю.С. Курс

отмечал К.П. Победоносцев, развитие системы объектов гражданского оборота способствовало пересмотру понятия «вещь», которое стало по сути представлять собой некую универсалию (*universitates facti*)³⁴². Именно эта позиция получила наибольшее распространение в науке и практике Германии и Франции того периода³⁴³.

В советский период³⁴⁴ М.И. Брагинским энергия рассматривалась в качестве материального объекта соответствующих договоров³⁴⁵. По мнению С.А. Свиркова, в настоящее время категория вещи служит цели распространения вещного правового режима на определенный объект прав, что позволяет подвести под данное понятие практически любой объект в целях распространения на него права собственности³⁴⁶. Как отмечает К.И. Скловский, «наше понимание собственности позволяет считать вещью, следуя римскому определению, все, что не является лицом (собственником),

гражданского права. Т. 1. С. 575–576; Его же. «Вещь» // Энциклопедический словарь Русского библиографического института «Гранат». Т. 10. М., 1937. С. 18).

³⁴² См. подробнее: Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Часть I. Вотчинные права. СПб., 2013. С. 81.

³⁴³ Решением четвертой гражданской палаты Имперского суда Германии от 10 марта 1887 г. было признано, что энергия является объектом гражданского правоотношения, поскольку германское гражданское законодательство не ограничивает понятие «вещи» материальными предметами. В дальнейшем это решение служило определенным правовым ориентиром. Например, уголовный суд признал с точки зрения уголовного закона электрическую энергию вещью и приговорил обвиняемого в похищении к наказанию за кражу. Однако Имперский суд по уголовным делам с отрицанием воспринял вынесенное решение, хотя, как небезосновательно отмечалось в правовой литературе, уголовная ответственность за хищение электроэнергии как преступление против собственности, а следовательно, и признание электроэнергии вещью были признаны в Германии специальным законом 1900 г., а во Франции – решением Кассационного суда в 1912 г. (см.: Розин Н.Н. О похищении электрической энергии // Вестник права. 1899. № 10. С. 91; Мурзин Д.В. Ценные бумаги – бестелесные вещи. Правовые проблемы современной теории ценных бумаг. М., 1998. С. 67).

³⁴⁴ В советский период в юридической науке доминантой правового взгляда на энергию стало утверждение диалектического материализма о том, что «энергия – одна из основных форм материи, мера ее движения». Данный вывод о качественном многообразии материи и форм ее движения был сделан в 1908 г. В.И. Лениным (см.: Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1961. Т. 18. С. 288, 305–306).

³⁴⁵ См.: Брагинский М.И. Общее учение о хозяйственных договорах. Минск, 1967. С. 138–139.

³⁴⁶ См.: Свирков С.А. Основные проблемы гражданско-правового регулирования оборота энергии: монография. М., 2013.

или все, что способно к обороту (что при достаточном развитии оборота одно и то же)»³⁴⁷.

В соответствии с действующим законодательством договор энергоснабжения является разновидностью договора купли-продажи³⁴⁸, объектом которого является вещь (товар). Следовательно, законодатель именно в этом качестве признает энергию. По мнению С.А. Свиркова, признание энергии вещью в научной доктрине «...фактически является логическим развитием тенденции фикционно-товарной трактовки энергии, основанной на сугубо экономических аспектах ее оборота»³⁴⁹, чему также способствует формирование в России оптового энергетического рынка³⁵⁰.

Превалирующей точкой зрения в современной научной доктрине является позиция о квалификации энергии в качестве вещи (товара), на которую законодателем распространяется правовой режим права собственности. Как отмечается в юридической литературе³⁵¹, «к числу вещей в гражданском праве относятся также различные виды энергетических ресурсов и сырья, произведенных или добытых человеческим трудом и потому ставших товаром»³⁵².

³⁴⁷ Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. М., 2010. С. 156.

³⁴⁸ Как отмечено в доктрине, «при подготовке проекта части второй Гражданского кодекса Российской Федерации... в научном сообществе шли дискуссии по вопросу о том, в какую главу включить договор энергоснабжения. Включение его в главу о договоре купли-продажи сочли компромиссом» (Хорошева Н.В. Публичный договор энергоснабжения: проблемы при заключении путем присоединения // Гражданское право. 2016. № 3. С. 17–20).

³⁴⁹ Свирков С.А. Указ. соч.

³⁵⁰ В настоящее время действует постановление Правительства РФ от 27 декабря 2010 г. № 1172 (ред. от 7 февраля 2024 г.) «Об утверждении Правил оптового рынка электрической энергии и мощности и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам организации функционирования оптового рынка электрической энергии и мощности» // СЗ РФ. 2011. № 14. Ст. 1916.

³⁵¹ Е.А. Суханов неоднократно подчеркивал, что договор на снабжение энергетическими ресурсами входит в группу обязательств, опосредующих передачу имущества в собственность, полное хозяйственное ведение или оперативное управление (см.: Гражданское право: учебник / под ред. Е.А. Суханова. М., 1994. Т. 2. С. 117–118).

³⁵² См.: Гражданское право: учебник / под ред. Е.А. Суханова. М., 1998. Т. 1. С. 301.

Число сторонников данной позиции существенно увеличилось³⁵³ после принятия Федерального закона от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ (в ред. от 14 февраля 2024 г.) «Об электроэнергетике»³⁵⁴. Так, И.В. Елисеев определяет электроэнергию как «движимую, простую, делимую, потребляемую вещь, определяемую родовыми признаками»³⁵⁵, основываясь на размещении положений о договоре энергоснабжения в главе о купле-продаже. К аналогичным выводам приходят В.А. Тархов и В.А. Рыбаков³⁵⁶ и ряд других авторов³⁵⁷.

Е.В. Блинкова, определяя электрическую энергию как материальный вещественный объект, в обоснование своего вывода указывает на нецелесообразность сохранения признака «вещественности» в целях распространения на объект вещного права³⁵⁸.

³⁵³ См.: Плешаков Н.В. Проблемы правового регулирования договорных отношений на оптовом рынке электрической энергии: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 136, 167–168; Фаустов С.А. Правовое регулирование электро- и теплоснабжения в системе энергоснабжения в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 108–109; Матияшук С.В. Правовое регулирование договорных отношений в сфере электро- и теплоснабжения. М., 2011.

³⁵⁴ СЗ РФ. 2003. № 13. Ст. 1177.

³⁵⁵ Гражданское право: учебник: В 3 т. / отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. М., 2005. Т. 2. С. 90. См. также: Крассов Е.О. Система договорных связей в сфере организации снабжения электрической энергией: дис. ... канд. юрид. наук. С. 20; Комментарий к Гражданскому кодексу РФ, части первой (постатейный) / под ред. О.Н. Садикова. М., 1998; Чаусская О.А. Гражданское право: учебник для студентов образовательных учреждений среднего профессионального образования. М., 2007.

³⁵⁶ См.: Тархов В.А., Рыбаков В.А. Собственность и право собственности. Уфа, 2001. С. 30–31.

³⁵⁷ «С точки зрения классификации объектов гражданских прав энергия является движимой, простой, делимой, потребляемой вещью, определяемой родовыми признаками» (Гражданское право / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 2003. Т. 2. С. 90).

³⁵⁸ По мнению Е.В. Блинковой, объектом права собственности может быть то, что возможно присвоить, а затем пользоваться, владеть и распоряжаться изолированно от других лиц. Важно при этом то, что вещь в пространстве находится в конкретный момент времени только в одном конкретном месте. Иные объекты, не отнесенные к вещам могут находиться одновременно в различных местах. Определенным количеством газа или электрической энергии одновременно и изолированно не могут пользоваться несколько лиц. Таким образом, не телесность, а материальность (которая может иметь как твердое, так и жидкое, газообразное и иное физическое состояние) должна служить критерием отнесения того или иного объекта к вещам (см.: Блинкова Е.В. Гражданско-правовое регулирование снабжения товарами через присоединенную сеть: теоретико-

По мнению О.А. Символокова, «овеществляются» и объективируются свойства электрической энергии, приобретающие самостоятельное значение в праве³⁵⁹.

В научной доктрине также предприняты попытки обосновать посредством категории «бестелесные вещи» распространение вещного права в отношении энергии. В частности, Д.В. Мурзин предлагает подвести под вещно-правовой режим электроэнергию и бездокументарные ценные бумаги³⁶⁰. Как верно отмечает А.Н. Лысенко, посредством распространения на такие объекты правил о материальных вещах законодатель создает «правовой вымысел» – руководствуясь принципом целесообразности, он по своему усмотрению устанавливает правовой режим объекта, не заботясь о его адекватности и достоверности³⁶¹. По мнению Е.А. Джазояна, использование подобных фикций в гражданском праве продиктовано сущностью социально-экономических отношений, которые носят противоречивый характер и не могут быть решены путем применения обычных правовых средств³⁶². Подобный подход весьма аргументированно опроверг Д.Д. Гримм, отметив, что концепция бестелесной вещи является непродуктивной с точки зрения создания целостной теории объектов прав³⁶³.

Вторая теория противопоставляется первой и заключается в отрицании отнесения энергии к вещам. Данной позиции придерживался, в частности,

методологические и практические проблемы единства и дифференциации: монография. М., 2005).

³⁵⁹ Символоков О.А. Договоры в электроэнергетике: проблемы теории и практики: монография. М., 2021.

³⁶⁰ См.: Мурзин Д.В. Указ. соч. С. 67–68.

³⁶¹ Лысенко А.Н. «Бестелесные вещи» в гражданском праве: подходы к определению содержания. URL: <http://www.yurclub.ru/>.

³⁶² См.: Джазоян Е.А. Категория фикции в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 8.

³⁶³ По справедливому замечанию Д.Д. Гримм, «самое это понятие до крайности расплывчатое». При этом с его помощью пытаются установить правовую квалификацию в отношении огромного количества фактических объектов прав, совершенно различных по своей сути, порядку использования и целям применения. «Охватить такую разношерстную массу одной общей удобопонятной формулой оказывается совершенно невозможным» (Гримм Д.Д. К учению об объектах прав // Вестник гражданского права. 2007. № 1).

С.М. Корнеев³⁶⁴. М.М. Агарков не просто не признавал энергию вещью, а не рассматривал ее в качестве какого-то права, в силу чего «по договору на электроснабжение электростанция обязуется совершить работу, необходимую для доставления потребителю энергии, а не передать последнему какое-либо имущество»³⁶⁵. Д.Д. Grimm не признавал энергию в качестве самостоятельного объекта права в силу невозможности ее отделения от носителя³⁶⁶. В настоящее время обозначенной позиции придерживается, в частности, О.А. Городов, по мнению которого, энергия в принципе не может выступать объектом правоотношений, поскольку понимаемая в философском смысле как мера движения материи или в физическом смысле как способность производить работу энергия не может отождествляться ни с самой материей, ни с ее формой³⁶⁷.

Вместе с тем ученые, отрицающие признание за энергией правового режима вещи (товара), пытаются обосновать ее правовую природу, основываясь на существующей систематизации объектов гражданских прав. В результате одни из них квалифицируют энергию *de lege lata* в качестве

³⁶⁴ См.: Корнеев С.М. Юридическая природа договора энергоснабжения // Закон. 1995. № 7. С. 118.

³⁶⁵ Агарков М.М. Подряд (текст и комментарий к ст. 220–235 Гражданского кодекса). М., 1924.

³⁶⁶ «Что касается, наконец, электричества или, точнее, электрического тока, который тоже иногда причисляется к бестелесным вещам, то следует заметить, что это столь же мало самостоятельный объект прав, как и действия лица; он, как и действие, неотделим от известного материального субстрата, вне которого он не существует: это не объект, а эффект, который может быть достигнут, между прочим, при помощи известных технических приспособлений и при помощи которого, в свою очередь, достигаются дальнейшие (световые, двигательные и иные) результаты; объектами соответствующих конкретных отношений являются только вышеозначенные технические приспособления, а не самый электрический ток» (Grimm Д.Д. Указ. соч.).

³⁶⁷ «Энергия не является и предметом энергетического права, поскольку в структуру предмета любой отрасли права не входит ничего, кроме общественных отношений. В то же время особенности общественных отношений для целей их включения в предметное поле энергетического права должны предопределяться спецификой некоего предмета, на роль которого могут претендовать энергетические ресурсы, представляющие собой... носители различного вида энергии. Специфика энергетических ресурсов состоит в том, что они являются материальным благом, способным к использованию в рамках хозяйственной или иной деятельности» (Городов О.А. Введение в энергетическое право: учебное пособие. М., 2015).

одного из известных объектов гражданских прав, другие обосновывают самостоятельную правовую природу энергии и предлагают расширить перечень объектов гражданских прав в контексте ст. 128 ГК РФ и закрепить соответствующие положения в гражданском законодательстве.

Так, М.М. Агарков квалифицировал энергию как работу, а договор энергоснабжения соответственно определял как разновидность договора подряда³⁶⁸.

В юридической литературе все чаще появляются мнения об отнесении энергии в контексте ст. 128 ГК РФ к «иному имуществу»³⁶⁹. Как отмечает Е.Б. Белова «категория "иное имущество" оставляет перспективу для формирования специальных режимов, одновременно позволяет вписать новый объект в систему объектов гражданских прав и предполагает для него общую оборотоспособность. Именно так выглядит имущественная квалификация в отношении энергии, режим которой детализирован в специальном законодательстве»³⁷⁰. По мнению А.Н. Лысенко, «иное имущество» представляет собой самостоятельную объектную группу, в которой в качестве отдельных элементов выделяются «квазивещи» и «квазиправа»³⁷¹. К иному имуществу энергию относит также В.А. Лапач, полагающий, что категорией «иное имущество» охватываются так называемые функциональные аналоги³⁷². Аналогичным образом И.А.

³⁶⁸ См.: Агарков М.М. Указ. соч. С. 13.

³⁶⁹ В.А. Лапач полагает, что понятие «иное имущество» зарезервировано законодателем для различных благ, которые участвуют в обороте и приобретают товарный вид (см.: Лапач Л.В. Проблема строения категории «имущество» в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2007. С. 9–12).

³⁷⁰ Белова Е.Б. Энергия как самостоятельный объект прав // Юрист. 2019. № 6. С. 37–43.

³⁷¹ Лысенко А.Н. Имущество в гражданском праве России. М., 2010.

³⁷² Под функциональными аналогами В.А. Лапач понимает объекты, не являющиеся вещами, деньгами и ценными бумагами, но обращающиеся «в качестве» вещей, к которым относит энергию и мощности; радиочастотный ресурс и ресурс нумерации; функциональные аналоги денег; производные ценные бумаги и производные финансовые инструменты и т.д. (см.: Лапач Л.В. Указ. соч. С. 9–12, 21–26).

Лукьянцева рассматривает энергию в качестве иного имущества как «функционального аналога вещей»³⁷³.

Научный подход, в соответствии с которым энергия рассматривается в качестве самостоятельного объекта права в системе объектов гражданских прав (а договор энергоснабжения является самостоятельным договором), не получил широкого распространения. Так, С.А. Тебенкова выделяет энергию в особый вид в системе объектов гражданских прав на основании ее отличительных признаков, к которым относится товарный характер и коммерческая ценность, а также неразрывная технологическая связь с иными объектами, выполняющими опосредующие функции³⁷⁴. В качестве самостоятельного института гражданского законодательства рассматривает договор энергоснабжения В.Г. Нестолий³⁷⁵. Данная позиция также аргументируется П.Г. Лахно, по мнению которого энергия представляет собой самостоятельное явление материального мира, однако не тождественное имуществу³⁷⁶. При этом электроснабжение через присоединенную сеть весьма специфично и требует отдельного правового регулирования³⁷⁷.

Необходимость установления специального правового инструмента для оборота энергии отмечает С.А. Свирков, в качестве которого им предлагается использовать имущественное право требования, обладающее специфическими особенностями в отношении энергии: во-первых, оно представляет собой право пользоваться определенным объемом энергии; во-

³⁷³ Лукьянцева И.А. Правовая природа электроэнергии как объекта гражданских прав // Журнал российского права. 2008. № 3.

³⁷⁴ См.: Тебенкова С.А. Электрическая энергия как объект гражданских прав // Юрист. 2015. № 3. С. 21–25.

³⁷⁵ См.: Нестолий В.Г. Договор энергоснабжения – самостоятельный институт российского гражданского права // Сибирский юридический вестник. 2003. № 3.

³⁷⁶ См.: Лахно П.Г. Энергия как объект правового регулирования // Экология и энергетика. 2007. № 40. С. 11.

³⁷⁷ См.: Матияшук С.В. Электрическая энергия и мощность как особые объекты гражданского оборота: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 2008. № 12.

вторых, именно такое право обладает признаком оборотоспособности³⁷⁸. Следует отметить, что доктринальная позиция о распространении в отношении энергии правового режима имущественных прав (прав требования, обязательственных прав) получила достаточно широкое распространение в противовес вещно-правовой теории. Аргументация сторонников данного подхода преимущественно сводится к невозможности применения к энергии режима права собственности, что обусловлено особенностями энергии и ее рассмотрению как «имущества» или «иного имущества» в контексте ст. 128 ГК РФ³⁷⁹.

В качестве особого публичного объекта гражданско-правового регулирования энергию рассматривает С.С. Алексеев, подчеркивая особое социально-экономическое значение энергии как основы функционирования экономики³⁸⁰.

При решении вопроса об определении места энергии в системе объектов гражданских прав представляется целесообразным руководствоваться следующим: систематизация объектов гражданских прав необходима только в целях установления законодателем отдельных правовых режимов для элементов, входящих в ее состав. В свою очередь, правовой режим объекта определяется совокупностью нормативных правил, определяющих особенности его оборота.

В связи с этим полагаем, что рассмотрение энергии и иных энергоресурсов в качестве вещи для распространения на них режима вещного права бесперспективно.

³⁷⁸ См.: Свирков С.А. Гражданско-правовое регулирование в сфере энергоснабжения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. С. 27, 28.

³⁷⁹ См.: например: Свирков С.А. Основные проблемы гражданско-правового регулирования оборота энергии: монография. М., 2013; Трунцевский Ю.В., Ручкин О.Ю., Шумов А.А. Договор энергоснабжения на розничных рынках электрической энергии: научно-практическое пособие. М., 2010; Лахно П.Г. Энергетическое право – это реальность // Юрист. 2008. № 10.

³⁸⁰ См.: Алексеев С.С. Собственность и право: актуальные проблемы // Цивилистические записки: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2. М., Екатеринбург: 2002. С. 70.

Во-первых, энергия неотделима от имущества, посредством которого она вырабатывается и передается, вне его энергии просто не существует, а значит, не существует и объекта права. Именно такое имущество имеет вещественную форму, и на него распространяется режим права собственности. В связи с этим нет практического ответа на вопрос о целесообразности разграничения права собственности на материальные объекты, посредством которых энергия вырабатывается и передается, от права собственности на саму энергию.

Во-вторых, по своей природе энергия ни в физическом смысле, ни в юридическом (в качестве товара) не может быть отнесена к вещам (в узком понимании данной правовой категории как вещественных, материальных объектов), при этом действующее гражданское законодательство не позволяет трактовать понятие вещи расширительно, подводя под него любые объекты, правовой режим которых может быть сходен с правовым режимом вещей. Неоспоримо то, что энергия не обладает признаками индивидуально-определенной вещи. Однако она не является и движимой вещью, ей также не свойственны и «родовые» признаки. Энергия не перемещается в пространстве (в силу невозможности ее отделения от материального носителя). Как товар энергия обладает единственной характеристикой – ее количеством.

В-третьих, что представляется самым важным, гражданско-правовой режим права собственности предполагает в отношении его объекта возможность реализации собственником классической триады правомочий – права владения, пользования и распоряжения, которые не могут быть реализованы собственником энергии в полной мере³⁸¹. Так, отрицая в принципе возможность владения, пользования и распоряжения энергией «самой по себе», Ю.А. Канцер приходит к выводу, что в результате

³⁸¹ В данном случае уместно сослаться на Е.А. Суханова, по справедливому утверждению которого «вещные права оформляют и закрепляют принадлежность вещей (материальных, телесных объектов имущественного оборота) субъектам гражданских правоотношений, иначе говоря, статику имущественных отношений» (Маттеи У., Суханов Е.А. Основные положения права собственности. М., 1999. С. 308).

заключаемых сделок по поводу продажи ресурсов для последующего оказания коммунальных услуг у сторон возникает комплекс прав и корреспондирующих обязанностей³⁸². По мнению ряда авторов, правомочия собственника в отношении энергии носят ограниченный характер, поскольку энергия не может быть предметом залога и аренды, входить в состав наследства и т.д.³⁸³ Кроме того, в отношении энергии не могут быть реализованы классические для вещного права способы его защиты – практическая невозможность защиты таких прав с помощью виндикационного и негаторного исков обусловлена неимущественным характером энергии, ее одномоментным существованием «здесь и сейчас», потребленную энергию невозможно вернуть физически.

По данной причине лишено практического смысла также отнесение энергии к категории бестелесных вещей. Данная правовая категория, как и доктринальные попытки подвести под нее новые объекты права, лишенные материальной формы, используется для распространения на такие объекты правового режима вещных прав. В юридической литературе отмечается, что последствием такого приема является решение вопроса о выборе норм, применимых к обороту таких объектов права, о мерах правовой защиты³⁸⁴. Не вдаваясь в спор о сути данного правового понятия, отметим, что квалификация энергии в качестве бестелесной вещи в целях распространения на нее вещно-правового режима не представляется целесообразной по вышеуказанным основаниям.

Если ограничиться буквальным толкованием п. 1 ст. 539 ГК РФ, абстрагировавшись от расположения норм о договоре энергоснабжения в главе ГК РФ о купле-продаже, можно сделать вывод, что конструкция

³⁸² Канцер Ю.А. О предмете договора энергоснабжения // Советник юриста. Дело и сервис. 2015. № 5. С. 61.

³⁸³ См.: Комментарий к Гражданскому кодексу РФ, части второй / под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. М., 2003.

³⁸⁴ См.: Свирков С.А. Указ. соч.

договора энергоснабжения не предусматривает переход права собственности на энергию (это свойственно всем иным разновидностям купли-продажи)³⁸⁵.

На основании изложенного полагаем, что положения о договоре энергоснабжения следует исключить из главы ГК РФ о купле-продаже. Данный вывод косвенно подтверждается международной практикой. В частности, Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров³⁸⁶ прямо исключила из сферы ее действия продажу электроэнергии.

Анализ доктринальных источников позволяет сделать вывод о том, что предложения об отнесении энергии к числу работ и услуг преимущественно основаны на технологических свойствах электрической энергии (невещественность, неосвязаемость, непрерывность процесса производства, особенности передачи и потребления и т.д.). Однако физические свойства того или иного объекта гражданских прав не имеют для гражданского права значения, поскольку смысл категории объектов гражданских прав заключается в установлении для них определенного правового режима, то есть возможности совершения с ними определенных сделок³⁸⁷. Примечательно, что Федеральный закон «Об электроэнергетике» оперирует таким понятием, как «оказание услуг по передаче электрической энергии»³⁸⁸,

³⁸⁵ Конструкция договора энергоснабжения при буквальном понимании п. 1 ст. 539 ГК РФ не предусматривает перехода права собственности на энергию, традиционно предполагаемого в рамках договора купли-продажи. Вместе с тем законодательного противоречия в данном случае не наблюдается, поскольку в соответствии с п. 5 ст. 454 ГК РФ к отдельным видам договора купли-продажи общие положения о договоре купли-продажи применяются только в том случае, если иное не предусмотрено правилами настоящего Кодекса об этих видах договоров. К отдельным видам договора купли-продажи применяются в субсидиарном порядке общие правила о купле-продаже, если иное не предусмотрено специальными правилами об этих видах договоров (п. 5 ст. 454 ГК РФ), что исключает законодательную ошибку.

³⁸⁶ См.: Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (заключена в г. Вене 11 апреля 1980 г.) // Вестник ВАС РФ. 1994. № 1

³⁸⁷ См.: Гражданское право: учебник: в 2 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2000. Т. 1. С. 294–295.

³⁸⁸ Согласно Федеральному закону «Об электроэнергетике» под услугами по передаче электрической энергии понимается комплекс организационно и технологически связанных действий, в том числе по оперативно-технологическому управлению, которые обеспечивают передачу электрической энергии через технические устройства

используемым во многих нормативных правовых актах гражданского и жилищного законодательства (например, понятие коммунальной услуги). Таким образом, что законодатель, в одном случае признавая энергию вещью, распространяет на нее вещное право, а в другом – говорит об оказании услуг через общую категорию «товар». На этом основании в научной доктрине, с одной стороны, прямо отмечается, что гражданско-правовой природой рассматриваемого вида договора является возмездное оказание услуг (сфера правового регулирования – гл. 39 ГК РФ)³⁸⁹, а с другой – что один из видов предоставления коммунальных услуг в виде передачи энергии регулируется § 6 гл. 30 ГК РФ (сфера правового регулирования – договор энергоснабжения как разновидность купли-продажи)³⁹⁰. Кроме того, в юридической литературе применительно к коммунальным услугам используется также понятие поставки: «...коммунальные услуги в виде поставки энергоснабжения образуют уникальный объект гражданских прав, который совмещает в себе исполненную работу поставщика энергии по доведению энергии до потребителя и ее конечную передачу потребителю»³⁹¹.

Следует отметить, что многими специалистами критически оценивается позиция, согласно которой энергию относят к «иному имуществу», что обусловлено в первую очередь спорным характером самой категории «имущество». Родовой разновидностью имущества являются также вещи и имущественные права. Очевидно, что установление универсального (общего) для них правового режима невозможно.

Исследователями отмечается, что использование данной категории в законодательстве является юридико-техническим приемом, обусловленным

электрических сетей в соответствии с обязательными требованиями и совершение которых может осуществляться с учетом особенностей, установленных п. 11 ст. 8.

³⁸⁹ См.: Брынова Т.И. Споры, связанные с применением законодательства, регулирующего отношения по договору оказания услуг по передаче электрической энергии // Арбитражные споры. 2013. № 2. С. 17–34.

³⁹⁰ См.: Михайлов Д.И. Коммунальные услуги как объект гражданских прав // Новый юридический журнал. 2012. № 4. С. 97–106.

³⁹¹ Там же.

необходимостью «вписания» в систему объектов гражданских прав новых объектов в целях распространения на них того или иного правового режима данной объектной группы³⁹². Так, по мнению С.А. Сеницына, «электроэнергия и газ подчинены в силу прямого предписания закона вещно-правовому режиму, но только для целей их оборота (присвоения и отчуждения по сделкам в товарообороте)...»³⁹³. Об этом свидетельствует также открытый перечень имущества в контексте ст. 128 ГК РФ. Полагаем, что подобным образом законодатель «зарезервировал» место в системе объектов гражданских прав для новых объектов. Однако это может привести к ситуации, когда к «иному имуществу» будут относить по остаточному принципу новые объекты, не укладывающиеся в иные системные элементы, что по сути лишает такую классификацию практического смысла. Более того, простое отнесение нового объекта к «иному имуществу» не решает вопроса об определении устанавливаемого в его отношении правового режима и о правовых инструментах его оборота.

При определении места энергии в системе объектов гражданских прав следует исходить из ее физических и юридических свойств. Физической природе энергии в научной литературе было уделено достаточно внимания. Безусловно в физическом смысле энергия не является вещью, по сути как явление энергия представляет собой динамическое свойство материи³⁹⁴. В природном состоянии напрямую энергия не может быть использована, потребление ее свойств возможно исключительно посредством преобразования в иные виды энергии на основе соответствующей

³⁹² См.: Свирков С.А. Указ. соч.

³⁹³ Сеницын С.А. Общие положения о вещном праве: сравнительно-правовое исследование: монография. М., 2019. С. 263–265.

³⁹⁴ Энергия определяется как одно из основных свойств материи – это мера ее движения, а также способность производить работу (см.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999); «энергия (от греч. *energia* – действие, деятельность) есть общая количественная мера различных форм движения материи; в физике различным физическим процессам соответствует тот или иной вид энергии: механическая, тепловая, электромагнитная, гравитационная, ядерная и т.д.» (Большой энциклопедический словарь / общ. ред. А.М. Прохорова. М., 1999).

технологической инфраструктуры³⁹⁵. Передача энергии осуществляется через присоединенную сеть, представляющую собой техническое средство, предполагающее наличие специального передающего и принимающего оборудования и приборов учета, и имеет существенные отличия от классической передачи вещи. Передача последней как юридический акт требует от сторон совершения определенных действий (в отличие от передачи энергии, в процессе которой участники правоотношения не просто не взаимодействуют между собой, а в принципе бездействуют). Юридическая приемка и передача материальной вещи во времени может не совпадать (в отличие от передачи и приемки энергии, поскольку в силу ее физических свойств передача и приемка осуществляются всегда одновременно и постоянно).

Вне технологической инфраструктуры энергии просто не существует. Вместе с тем неотделимая от нее физически энергия в юридическом смысле (как объект гражданских прав) обладает признаком дискретности³⁹⁶, следовательно, в юридическом смысле отделима от ее носителя и является самостоятельным объектом гражданских прав. И если на объекты соответствующей инфраструктуры как объекты материального мира возникает право собственности, то, как было отмечено ранее, в отношении энергии не может быть установлен вещно-правовой режим.

Итак, энергия – это не вещь в ее классическом понимании, однако как неоспоримое экономическое благо она является товаром³⁹⁷, что

³⁹⁵ См.: Символоков О.А. Договоры в электроэнергетике: проблемы теории и практики: монография. М., 2021.

³⁹⁶ Как отмечено в юридической литературе, «как объект гражданских прав энергия, бесспорно, дискретностью обладает. Смещение энергии с другими объектами гражданских прав (энергоносителями, устройствами, генерирующими энергию, энергосетями, устройствами, потребляющими энергию и т.п.) при логически корректном и добросовестном подходе исключено» (см.: Лукьянцева И.А. Указ. соч.).

³⁹⁷ Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод о том, что в широком понимании товаром является все то, что предназначено для продажи, обмена или иного введения в оборот (см., например: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 325-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.) «Об организованных торгах» (ст. 3) // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6726; Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О защите конкуренции»

подтверждается судебной практикой³⁹⁸, учитывающей особенности данного товара³⁹⁹. Вместе с тем понимание энергии в качестве экономического блага или товара не позволяет определить ее правовую природу как объекта гражданских прав и выбрать наиболее оптимальный правовой режим.

Полагаем, что, являясь самостоятельным объектом гражданских прав⁴⁰⁰, энергия как особый объект, обладающий физической природой, но не имеющий признака материальности, способный к генерации и при определенных условиях передаче в хозяйственных связях участников оборота, рассматриваемый как товар, обладающий имущественной ценностью и высоким социально-экономическим значением, вполне «вписывается» в «зарезервированную» законодателем для подобных новых объектов категорию «иного имущества»⁴⁰¹. Отрицая вещно-правовую квалификацию энергии, представляется целесообразным поддержать

(с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) (ст. 4) // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3434 и т.д.). При этом Федеральным законом «Об электроэнергетике» электрическая энергия уже получила статус «товара особого рода».

³⁹⁸ См., например: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // БВС РФ. 2016. № 5.

³⁹⁹ Так, на такие признаки энергии, как неразрывность процессов ее производства, транспортировки и потребления, указано в постановлении Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 26 марта 2002 г. по делу № Ф03-А51/02-1/448. Судебная практика также говорит о физической сущности электроэнергии как товара, которая исключает образование нереализованных остатков товарной продукции и не позволяет выделить объем покупной электроэнергии в общем объеме энергопотребления конкретного абонента (потребителя) (см. постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 11 ноября 2004 г. по делу № А26-4472/03-212). Специфика электроэнергии как товара состоит в том, что согласно ст. 541 ГК РФ количество поданной абоненту и использованной им энергии определяется в соответствии с данными учета о ее фактическом потреблении (постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 22 февраля 2006 г. по делу № А48-626/05-15).

⁴⁰⁰ В соответствии с п. 1 ст. 539 ГК РФ «по договору энергоснабжения энергоснабжающая организация обязуется подавать абоненту (потребителю) через присоединенную сеть энергию, а абонент обязуется оплачивать принятую энергию...», из чего следует, что законодатель однозначно относит энергию к объектам гражданских прав.

⁴⁰¹ Еще раз подчеркнем, что энергия как объект права вписывается в действующую в настоящее время систему объектов и в ней она занимает место в рамках категории «иного имущества», однако в предложенной нами систематизации объектов гражданских прав энергетические ресурсы относятся к категории «бестелесное имущество».

позицию ученых, рассматривающих энергию исключительно в качестве объекта обязательственных прав в силу ее физической природы и возможности генерации и передачи только посредством технической инфраструктуры, энергия в качестве самостоятельного объекта гражданских прав может выступать исключительно как предмет обязательственных правоотношений.

Анализ проблемы объектов гражданских прав, выполненный и представленный в настоящей главе диссертации, позволяет сформулировать итоговые выводы – положения.

Категория объекта гражданских прав находится в постоянном развитии, и сформированные представления об отдельных их видах на определенном этапе развития экономики и права не могут безоговорочно быть распространены на изменившиеся общественные отношения, регулируемые правом. Это означает, что реальность рынка и гражданского оборота инициируют появление новых правовых форм, в связи с чем последовательное выстраивание модели правового отношения предполагает выработку новых методов и форм правового регулирования на очередной стадии запроса экономико-социальной реальности. В связи с этим уместно говорить о категории нетипичных объектов гражданских прав, имея в виду новую сферу правового регулирования и задействованные в ней средства как слагаемые получения качественно нового правового режима и вида объекта гражданских прав.

Нематериальные блага органически и неразрывно связаны с системой объектов гражданских прав как обязательное условие возникновения в их отношении гражданско-правового отношения. В сфере гражданско-правового регулирования нематериальные блага подчинены дифференцированному правовому режиму: для передаваемых нематериальных благ устанавливается режим их оборотоспособности (переход прав на средства индивидуализации и др.), в отношении непередаваемых (право на честь и достоинство, деловую репутацию и др.)

будут применяться правоохранные механизмы компенсации и возмещения.

Принимая во внимание то, что некоторые нематериальные блага могут выступать объектом гражданско-правовых сделок, в основе предложенной в работе классификации нематериальных благ использован критерий оборотоспособности. На его основе перечисленные в ст. 150 ГК РФ нематериальные блага целесообразно классифицировать на имеющие имущественное содержание и не имеющее такового.

К первой группе нематериальных благ, имеющих имущественное содержание, предложено отнести деловую репутацию, имя (псевдоним) гражданина, его изображение. Их характеризуют следующие отличительные признаки: 1) возможность денежной оценки; 2) ограниченную оборотоспособность – при установленных в законе условиях нематериальные блага могут быть объектом гражданско-правовых сделок.

По остаточному принципу иные нематериальные блага составляют вторую группу нематериальных благ. Таким благам, не имеющим материального содержания, присущи признаки отсутствия экономического содержания и непередаваемость.

При этом общими (универсальными) признаками нематериальных благ являются: 1) приобретение от рождения или в силу закона; 2) невещественный характер; 3) неотчуждаемость.

Информация, имеющая коммерческую ценность, является особым объектом гражданских прав, в отношении которого возможны заключение сделок и исполнение гражданско-правовых обязательств, выявление правомерных и неправомерных действий.

Аргументирован вывод о том, что информация является опосредованным объектом гражданских прав, поскольку по своей природе она является частью (содержанием) прямо поименованных в ст. 128 ГК РФ объектов гражданских прав (нематериальных благ или результатов интеллектуальной деятельности), что создает конструкцию объекта внутри

объекта. В связи с этим сделано предложение условно именовать указанный в законе объект гражданских прав (нематериальное благо или результат интеллектуальной деятельности) объектом первого порядка (уровня), а составляющие его часть (содержание) сведения (информацию) – объектом гражданских прав второго порядка (уровня).

Таким образом, правовой режим информации как объекта гражданских прав второго порядка (уровня) будет определен объектом гражданских прав первого порядка (уровня), частью (содержанием) которого она является.

Методы дозволения и правонаделения в гражданском праве обеспечивают возможность включения в гражданский оборот новых объектов по мере усложнения и развития экономических отношений. Универсальным и родовым признаком формирования системы объектов гражданских прав является отсылка законодателя к «иному имуществу», прямо не поименованному законом.

Отсылка законодателя к «иному имуществу» на ранних этапах становления в России рыночной экономики обеспечивала адаптационное свойство гражданского законодательства и вместе с тем его стабильность, допуская формирование судебно-правовых позиций как направлений актуализации гражданского законодательства. Введение законодателем общего термина «имущество» означает совокупность или любые потенциально возможные вариации сочетания форм принадлежности предусмотренных гражданским законодательством видов объектов гражданских прав правообладателю.

Обоснован вывод о целесообразности отказа в контексте ст. 128 ГК РФ от обобщающей категории «имущество», что в первую очередь обусловлено невозможностью установления единого (общего) правового режима в отношении данного объекта гражданских прав, а также приведением к единообразию использования в гражданском законодательстве категории «имущество».

В связи с этим диссертантом сформулированы следующие предложения:

1) понятие иное имущество, под которое в настоящее время по остаточному принципу подводят новые объекты гражданских прав, заменить категорией «бестелесное имущество», что с учетом тенденции к дематериализации объектов имущественных отношений позволит сохранить зарезервированное место в системе объектов гражданских прав для новых нематериальных объектов;

2) вещи и имущественные права как объекты гражданских прав с позиции установленного в их отношении правового режима имеют самостоятельное значение, вследствие чего их искусственное объединение лишено практического смысла. Вместе с тем оправданным представляется использование в гражданском законодательстве понятия «имущество» как совокупности вещей и (или) прав. В связи с этим ст. 128 ГК РФ целесообразно дополнить самостоятельным объектом гражданских прав – «имущество», при этом сформулировано следующее его определение: имущество – это совокупность или различные сочетания принадлежавших субъекту перечисленных в ст. 128 ГК РФ объектов гражданских прав, включая права требования и обязанности, обособленных самим субъектом или законодателем в каких-либо целях, в том числе для введения в гражданский оборот. При этом по смыслу ст. 132, 133.1 ГК РФ с учетом предлагаемого нами содержательного наполнения понятия «имущество» считаем имущественный комплекс и единый недвижимый комплекс разновидностью имущества.

Глава 3. ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА СИСТЕМУ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

§ 1. Виртуальное (цифровое) имущество как объект гражданских прав

Подавляющее большинство национальных экономик на современном этапе характеризуется высоким уровнем научно-технического развития с сопутствующим повсеместным использованием инновационных технологий в различных сферах общественной жизни. Исключением не является и Россия, где также активно реализуются процессы цифровизации – new normal, новая реальность⁴⁰². И задача права – оперативно адаптироваться под стремительно появляющиеся новые объекты. Если новый объект не «встраивается» в действующую систему права, она трансформируется в условиях новых реалий – как следствие, возникает новая система, отличная от предыдущей, основанная на формируемой новой рыночной инфраструктуре и отличных от действующих способах взаимодействия хозяйствующих субъектов.

Под влиянием цифровых технологий возникает новые предметы и явления объективной действительности, базирующиеся в том числе на результатах интеллектуальной деятельности, вследствие чего закономерно встает вопросы их правового регулирования и установления правового режима новых объектов⁴⁰³. Безусловно далеко не во всех случаях необходимы установление новых правовых институтов и трансформация

⁴⁰² См.: Медведев Д.А. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы // Вопросы экономики. 2015. № 10. С. 5–29.

⁴⁰³ Развитие глобальной компьютерной сети «Интернет» привело к появлению облачных технологий, пиринговых файлообменных сетей, блокчейн-технологий и прочих разнообразных объектов виртуального мира, которые требуют правовой охраны.

права интеллектуальной собственности, поскольку одни новые объекты укладываются в действующий правовой режим, а для других требуется разработка новых правовых институтов. Примером последнего варианта являются микросхемы, для охраны которых был создан новый правовой институт, в то время как компьютерным программам и базам данных как объектам гражданских прав был предоставлен правовой режим авторского права.

В числе последних изменений российского законодательства – цифровые права. Представляется ошибочной позиция законодателя, признавшего их самостоятельным объектом гражданских прав при отсутствии какого бы то ни было содержательного массива правовых норм о них⁴⁰⁴. Как справедливо отмечено в юридической литературе, «...нет нормативной ясности правового режима цифровых прав как с точки зрения соотношения формы и содержания правового регулирования, так и с точки зрения их места в системе объектов гражданских прав в аспекте соотношения с иными видами объектов... в законодательстве не установлен особый правовой режим цифровых прав (ст. 141.1 ГК РФ), что ожидаемо и требуется от любого объекта гражданских прав»⁴⁰⁵. Российский законодатель не дает ответа на главный вопрос об идентификационных признаках объекта гражданских прав. В такой ситуации остается непонятным, идет ли речь о

⁴⁰⁴ Критикуя данный подход законодателя, Е.А. Суханов справедливо указывает на, пожалуй, единственный их квалифицирующий признак – необходимость прямого указания в каком-либо федеральном законе на их «цифровой» характер, из чего следует возможность законодателя объявить цифровым любое гражданское право – и корпоративное, и вещное, и интеллектуальное. Но придание объекту гражданских прав какой-либо новой формы, хотя бы и цифровой, само по себе не способно определить или изменить его юридическую природу. При этом содержательная сторона этого нового гражданско-правового режима, особенно его защитная функция, остается *terra incognita* и нуждается в более глубоком и тщательном изучении (см.: Суханов Е.А. Социальное лицо гражданского права (к постановке вопроса) // Гражданское право социального государства: сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930 – 2020). М., 2020. С. 27–28).

⁴⁰⁵ Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: научно-практическое пособие / М.О. Дьяконова, А.А. Ефремов, О.А. Зайцев и др.; под ред. И.И. Кучерова, С.А. Синицына. М., 2022.

цифровых правах как о новой сущности или о цифровой форме прав, которые уже признаны и отнесены российским законодателем к объектам гражданских прав.

Есть проблемы конкретизации и нормативной идентификации и с иными видами объектов гражданских прав. Так, компьютерные программы получили прямое законодательное закрепление в качестве объекта авторского права, но законодатель не предоставил подобного статуса видеоиграм⁴⁰⁶. Современный правовой режим виртуальных игр отождествляет их с программами для ЭВМ. По мнению исследователей, развитие индустрии виртуальных игр уже прошло стадию накопления количественных изменений и перешло в качественно иное состояние – «упорядоченной совокупности взаимоувязанных разноплановых нематериальных объектов»⁴⁰⁷. Классическим примером противоречия цифровых объектов и цифровых прав является и правовое положение виртуальных объектов, а точнее – его отсутствие.

Между тем они становятся полноценным объектом гражданского оборота, в связи с чем в российской научной доктрине сформировалось несколько позиций в отношении квалификации игрового имущества. Сторонниками первой в принципе отрицается целесообразность предоставления игровому имуществу правовой охраны, что не выдерживает критики, поскольку все большее число игроков вовлекаются в виртуальную

⁴⁰⁶ В зарубежной практике правовая квалификация подобных объектов определяется по-разному. Если в Аргентине, Канаде, Китае, Израиле, Италии, Российской Федерации, Сингапуре видеоигры преимущественно имеют правовой режим компьютерных программ, то в Бельгии, Бразилии, Дании, Франции, Германии, Японии, Соединенных Штатах Америки они квалифицируются как сложные объекты, элементы которых подлежат самостоятельной охране. В Республике Корея и Кении видеоигры рассматриваются как аудиовизуальные произведения (см.: Матвеев А.Г., Синельникова В.Н. Объекты интеллектуальной собственности, получающие охрану в XXI веке // Вестник Пермского университета. Серия «Юридические науки». 2019. № 2. С. 281–309).

⁴⁰⁷ Рожкова М.А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым // ЭЖ Zakon.ru. URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositsya_virtualnoe_s_cifrovym#comment_466344

(параллельную) реальность, в которой осуществляется оборот нематериальных по природе «вещей» между субъектами гражданского права. Последние имеют вполне имущественный интерес, приобретая виртуальное игровое имущество за реальные деньги, и относятся к такому имуществу как к реальной собственности. Так, крайне распространена практика развития (прокачки) виртуальных персонажей с последующей их передачей за вознаграждение. Добыча в сетевой игре редких артефактов нередко сопровождается их продажей – программный код сетевой игры дает возможность их передачи от одного лица другому. Некоторые онлайн-игры допускают продажу игроками виртуальных артефактов за реальные деньги “real money trade”⁴⁰⁸. Отсутствие правового статуса виртуальных артефактов открывает возможности для злоупотреблений с обеих сторон⁴⁰⁹. Ряд виртуальных игр предусматривает возможность «выбросить» виртуальные артефакты и снова «подобрать» их в виртуальном пространстве, что означает возможность распоряжения ими как вещью. Иными словами, данный вид имущества может иметь денежную оценку и находиться в гражданском обороте, поэтому закономерно, что в последнее время все чаще предлагается признать в качестве объектов гражданских прав виртуальное игровое имущество⁴¹⁰. Недостатки теоретической разработки новых видов объектов

⁴⁰⁸ Так, артефакты из игры CSGO могут продаваться через всемирно известную игровую платформу STEAM или через платформы Skins.Cash или DMMarket. Своеобразным рекордом стала покупка пользователем виртуальной космической станции (Crystal Palace Space Station) в виртуальной вселенной Entropia Universe за 330 тыс. дол. США в 2009 г. Существует онлайн-платформа купли-продажи виртуальных объектов (<https://plati.market/>).

⁴⁰⁹ Покупатель имеет возможность истребовать у продавца переданные ему денежные средства в обмен на предоставление виртуального артефакта через суд, подав иск о неосновательном обогащении, поскольку виртуальные артефакты не являются вещами. Продавец, в свою очередь, может передать иной артефакт, нежели тот, о передаче которого они договорились с покупателем.

⁴¹⁰ См., например: Новокшенова Н.А. Виртуальное игровое имущество как объект гражданского права // Управление в современных системах: сборник трудов XI Всероссийской (национальной) научно-практической конференции научных, научно-педагогических работников и аспирантов. Челябинск, 2021. С. 371–378; Перепелкина Я.А. Виртуальное игровое имущество: перспективы правового регулирования // Журнал Суда

гражданских прав не отменяют необходимости в защите нарушенных прав и законных интересов.

На этом основан и второй подход – применение к виртуальным игровым объектам норм права собственности по аналогии⁴¹¹, причем, по мнению его сторонников, такие нематериальные объекты занимают промежуточное положение между объектами права собственности и интеллектуальной собственности⁴¹². В зарубежной доктрине полагаем возможным отметить исследование Г. Ластовки и Д. Хантера, в котором сделан вывод об отсутствии концептуальных проблем в распространении на объекты виртуального мира правил о реальной собственности, так как объекты виртуальной собственности также могут представлять собой движимость или недвижимость, более того, сам персонаж, созданный игроком, может рассматриваться как собственность⁴¹³.

Основной аргумент противников данного подхода состоит в отсутствии у таких объектов овеществленной формы в традиционном ее понимании⁴¹⁴.

Третий подход в отношении квалификации виртуального игрового имущества заключается в применении правил о лицензионных соглашениях к отношениям (сделкам) с ним: существует площадка-оператор, заключившая с пользователем соглашение, в котором обозначены права и обязанности сторон. Отмечается также смешанная правовая природа лицензионного

по интеллектуальным правам. 2020. № 3 (29). С. 45–59; Тагаева С.Н. Виртуальное игровое имущество – объект гражданских прав? // Юрист. 2023. № 9. С. 11–16.

⁴¹¹ Применение норм по аналогии во многом оправданно с позиций уголовно наказуемых деяний, таких как кража, поскольку защита возможна только при наличии соответствующего титула, что подтверждает применение норм в рамках заявлений о краже виртуального имущества, например, в Южной Кореи (см.: Ward M. Does Virtual Crime Need Real Justice? URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/technology/3138456.stm>) и Китае (см.: Knight W. Gamer Wins Back Virtual Booty in Court Battle. URL: <https://www.newscientist.com/article/dn4510-gamer-wins-back-virtual-booty-in-court-battle/>).

⁴¹² См.: Савельев А.И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. 2014. № 1. С. 127–150.

⁴¹³ См.: Lastowka G. and Hunter D. The Laws of the Virtual Worlds // California Law Review, 2004. Vol. 92. № 1. URL: <https://ssrn.com/abstract=402860>

⁴¹⁴ См., например: Сеницын С.А. Вещь как объект гражданских прав: возможные и должные критерии идентификации // Законодательство и экономика. 2016. № 11. С. 7–17.

соглашения, поскольку им могут быть предусмотрены возможности заключения договора об оказании услуг. Примечательно, что на смешанный характер отдельных лицензионных соглашений в многопользовательских играх указывалось и в российской судебной практике⁴¹⁵. Более того, судебная практика предполагает обоснованным применение законодательства о защите прав потребителей к правоотношениям, возникающим между игроками и правообладателями, предоставляющими игровой онлайн-контент⁴¹⁶. Однако данная позиция не была поддержана в юридической литературе⁴¹⁷.

Наибольшее распространение получила позиция, в соответствии с которой на виртуальные объекты, в том числе на виртуальное игровое имущество, следует распространить режим объектов интеллектуальных прав. Аргументация сторонников данного подхода сводится к тому, что указанные объекты состоят из отдельных элементов, подлежащих охране в рамках исключительных прав⁴¹⁸, при этом формирование рынка цифровых активов обеспечено исключительными правами на соответствующие объекты⁴¹⁹.

⁴¹⁵ См.: Определение Верховного Суда РФ от 30 сентября 2015 г. № 305-КГ15-12154. URL: <https://sudact.ru/>

⁴¹⁶ См.: Постановление Президиума Московского городского суда от 18 сентября 2018 г. по делу № 44г-259/18. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/80d1e2ab-ee2d-4e72-90f6-062d405fdad5>

⁴¹⁷ Так, по мнению А.И. Савельева, такой подход существенно ограничивает пользователей в возможности применения правовых средств защиты имущественных интересов от злоупотреблений со стороны платформы. Кроме того, режим отдельных объектов и операций относительно них между пользователями остается невыясненным. При этом предлагается на виртуальные объекты распространить режим имущества. Такой подход позволит распространять на них механизмы защиты из норм о неосновательном обогащении (см: Савельев А.И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. 2014. № 1. С. 127–150).

⁴¹⁸ См.: Архипов В.В. Виртуальная собственность: системные правовые проблемы в контексте развития индустрии компьютерных игр // Закон. 2014. № 9. С. 69–90.

⁴¹⁹ См.: Ворожевич А.С. Исключительные права в цифровой сфере: объекты, границы, пределы осуществления (комментарий законодательства) // Современные информационные технологии и право: монография / отв. ред. Е.Б. Лаутс. М., 2019. С. 208–233.

Переход прав на виртуальные объекты осуществляется по модели оказания услуг, по мнению Л.В. Санниковой и Ю.С. Харитоновой⁴²⁰. Данная позиция нашла отражение в судебной практике⁴²¹.

В научной литературе отношения между игроком и правообладателем также признаются обязательствами из игр и пари⁴²². Примечательно, что и такой подход был поддержан судебной практикой⁴²³.

К числу цифровых активов также относят большие данные, доменные имена, аккаунты и т.д., несмотря на правовую неопределенность в вопросах их регулирования.

Наибольшие сложности возникают с установлением правового режима больших данных в связи с отсутствием единого определения. Учеными предпринимаются попытки применения к большим данным уже существующих правовых инструментов. Как правило, речь идет о полученных массивах информации как о базе данных или о сложных

⁴²⁰ См.: Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М., 2020.

⁴²¹ В 2015 году Верховный Суд РФ в налоговом споре также пришел к выводу о том, что предоставление игрокам за плату возможности использования дополнительного функционала игры в целях облегчения игрового процесса и более быстрого развития игрового персонажа является самостоятельной услугой по организации игрового процесса (определением Верховного Суда РФ от 3 февраля 2016 г. № 305-КГ15-18998 отказано в передаче кассационной жалобы налогоплательщика для рассмотрения Судебной Коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ (дело № А40-56211/2014); определением Верховного Суда РФ от 30 сентября 2015 г. № 305-КГ15-12154 отказано в передаче кассационной жалобы налогоплательщика для рассмотрения Судебной Коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ (дело № А40-91072/14). Позднее в одном из судебных дел компания ООО «Мэйл.Ру Геймс» попыталась доказать, что предметы, приобретаемые в онлайн-играх, являются самостоятельным объектом гражданских прав – программой для ЭВМ, однако суд пришел к выводу, что это составляющая услуги, оказываемой компанией игрокам (см.: Дело № А40-91072/2014 // Картотека арбитражных дел: <http://kad.arbitr.ru/Card/277fdd53-f30b-4de4-a282-732bc448297e>).

⁴²² См.: Тагаева С.Н. Указ. соч. С. 11–16.

⁴²³ См., например: Апелляционное определение Ленинского городского суда г. Кемерово от 26 апреля 2013 г. № 11-59/2013 по делу № 11-59/2013. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uQ81NVpYhP1v/>

объектах, при этом большинство полагают, что в целом большие данные представляют собой информацию⁴²⁴.

Следует отметить, что большинство представленных точек зрения на правовую природу больших данных объединяет одно обстоятельство – их экономическая польза (интерес) заключается не столько в сборе постоянно изменяющегося большого объема разнообразной информации, сколько в их систематизации и перманентном анализе посредством специфичной и высокоскоростной деятельности, что в дальнейшем служит основой различных прогнозов. Таким образом, ценность больших данных заключается в их свойствах⁴²⁵ и возможности аналитики – изучения закономерностей и разработки принимаемых на их основе решений. Кроме того, большие данные характеризуются возможностью многоцелевого использования – создаваемые для одних целей, в дальнейшем они могут быть применены и в иных. Примером может служить сбор данных, произведенный более 15 лет назад в целях получения справочных генетических карт для дальнейшего анализа генетической неоднородности современного народонаселения⁴²⁶, дополненный впоследствии технологией больших данных и облачными технологиями и используемый в настоящее время

⁴²⁴ См.: Лисаченко А.В. Правовой режим «больших геномных данных»: за и против свободного обращения // Российский юридический журнал. 2022. № 2. С. 140–151.

⁴²⁵ Большие данные «характеризуются следующими признаками: (1) большой объем (volume), (2) разнообразие (variety), (3) высокая скорость изменения и возможность их обработки в режиме “реального времени” (velocity). Иногда к ним добавляют еще и четвертый признак: точность (veracity)» (Савельев А.И. Направления регулирования больших данных и защита неприкосновенности частной жизни в новых экономических реалиях // Закон. 2018. № 5. С. 122–144).

⁴²⁶ Социально-демографические, экологические, личные, генетические и медицинские данные должны были собираться и храниться в поисковых биобанках и базах данных для будущих различных клинических исследований и исследований болезней. При этом исполнители сбора больших данных работали на перспективу, чтобы гармонизировать политику и стандарты, используемые в международном масштабе, в целях обеспечения будущей функциональной совместимости и тем самым достижения статистической значимости (см.: Burton P.R., Hansell A.L., Fortier I. et al. Size matters: just how big is BIG? Quantifying realistic sample size requirements for human genome epidemiology // International Journal of Epidemiology. 2009. Vol. 38. № 1. P. 263–273).

странами ЕС для расчета тарифов на страхование и сумм страховых выплат⁴²⁷.

В научной доктрине все чаще предлагается признать большие данные новым «нетрадиционным объектом интеллектуальной собственности» и ставится вопрос о необходимости качественного пересмотра системы объектов гражданских прав, включая интеллектуальную собственность⁴²⁸.

По мнению А.П. Сергеева и Т.А. Терещенко, большие данные в гражданско-правовой плоскости следует рассматривать в неразрывной связи с деятельностью по формированию новых знаний для использования в собственной деятельности или продажи на рынке, то есть как особую информационную услугу в рамках интеллектуальной собственности, оказываемую на основе технологии больших данных⁴²⁹. Акцент на услуге позволяет учесть динамику возникающих отношений и предмет регулирования, что обусловлено юридической природой самой деятельности, направленной на получение и (или) передачу результата в рамках ст. 779 ГК РФ.

В юридической литературе большие данные также предлагается рассматривать в качестве нематериального цифрового актива, не являющегося объектом интеллектуальных прав наряду с криптовалютой, так как «предпринимательский оборот на современном уровне свободно оперирует понятием информации не только в публично-правовых целях, отраженных в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», но и в целях рыночного оборота»⁴³⁰. При этом отмечается, что на большие данные

⁴²⁷ См.: Кнопперс Б.М. Генетика, геномика и права человека // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2018. № 3. С. 35–41.

⁴²⁸ См.: Сергеев А.П., Терещенко Т.А. Большие данные: в поисках места в системе гражданского права // Закон. 2018. № 11. С. 106–123.

⁴²⁹ Там же.

⁴³⁰ Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Цифровые активы как объекты предпринимательского оборота // Право и экономика. 2018. № 4. С. 27–34.

не следует устанавливать исключительные права вследствие высокого риска монополизации всей имеющейся информации⁴³¹.

Разнообразие научных воззрений на правовую природу и определение места больших данных в системе объектов гражданских прав обуславливают необходимость выбора дальнейшего пути развития системы объектов гражданских прав. Возможно несколько вариантов. Одним из них является переосмысление границ результатов интеллектуальной деятельности посредством доработки действующих положений о базах данных, о ноу-хау и распространении на большие данные установленных для них правовых режимов. Второй вариант заключается в признании больших данных услугой информационного характера. Как третий вариант предполагается пересмотр перечня объектов гражданских прав, установленных в ст. 128 ГК РФ⁴³².

Еще одним примером появления нового объекта гражданских прав в результате цифровизации является доменное имя, которое, как справедливо отмечает Д.В. Кожемякин, «...стало ценным активом для бизнеса, оно является объектом сделок и может входить в состав нематериальных активов предприятия»⁴³³, однако не нашло правового регулирования в рамках части четвертой ГК РФ, вследствие чего правовая природа и устанавливаемый правовой режим доменного имени вызывают споры в научной литературе. Представленное в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» определение доменного имени раскрывает только техническую сторону данного объекта права и не

⁴³¹ См.: Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М., 2020.

⁴³² В любом случае следует согласиться с представленной в доктрине позицией о том, что «намечился подход к появлению нового объекта гражданского права, который отличается по содержанию от персональных данных, коммерческой тайны, пользовательских данных, – Большие данные» и что необходимо «расширение... возможных видов объектов интеллектуальной собственности, уход от формального подхода в праве» (Белая О.В., Кононенко Д.Б., Семченкова М.Н. Правовое регулирование стартапов в области Big Data (Большие данные) // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 1. С. 174–179).

⁴³³ Кожемякин Д.В. Доменное имя в системе объектов гражданских прав: монография. М., 2019.

позволяет однозначно определить его правовую природу и характер возникающих в его отношении прав.

Согласно одной из доктринальных позиций доменное имя обладает несколькими свойствами, каждое из которых позволяет отнести его к тому или иному объекту гражданских прав, игнорируя остальные его признаки⁴³⁴. Е.И. Гладкая и А.В. Попцов полагают, что доменное имя по своей правовой природе наиболее близко к средствам индивидуализации бизнеса⁴³⁵. В.Б. Наумов признает доменное имя в качестве особого объекта права, использование которого обеспечивается в рамках системы DNS-серверов, выполняющих функции индивидуализации информационных ресурсов в сети «Интернет» и обладающих высокой оборотоспособностью⁴³⁶.

Учеными также отмечается, что доменные имена в гражданском обороте имеют вполне конкретное и самостоятельное назначение, суть которого заключается в идентификации бизнеса и частных лиц, а поскольку их использование порождает спрос и предложение на рынке, в доктрине высказано предположение об отнесении прав на них к числу имущественных, требующих специального регулирования⁴³⁷.

⁴³⁴ «Квалификация доменного имени в качестве того или иного объекта гражданских прав "выхватывает" из свойств доменного имени какое-то одно, ставит это свойство во главу угла и делает его квалифицирующим для определения правового режима доменного имени. Как средство индивидуализации доменное имя определяется исходя из цели его использования, как имущество – исходя из его коммерческой ценности, как результат оказания услуг – по происхождению и как нематериальное благо (имя) – исходя из буквального прочтения самого термина "доменное имя". Квалификация доменного имени в качестве иного, "особого" объекта не требует специального выделения критериев» (Филиппова С.Ю., Харитонов Ю.С. Имидж коммерсанта: правовое регулирование и способы охраны. М., 2018).

⁴³⁵ См.: Гладкая Е.И. Правовой режим доменного имени в России и США: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014; Попцов А.В. Правовое регулирование доменного имени в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 15.

⁴³⁶ См.: Наумов В.Б. Право и Интернет. Очерки теории и практики. М., 2002. С. 196.

⁴³⁷ См.: Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: научно-практическое пособие / М.О. Дьяконова, А.А. Ефремов, О.А. Зайцев и др.; под ред. И.И. Кучерова, С.А. Синицына. М., 2022.

В научной литературе предприняты попытки обоснования квалификации доменного имени в качестве услуги или имущества⁴³⁸.

Судебная практика неоднозначна в решении данного вопроса. Так, в одном из наследственных дел предметом спора стало доменное имя, в отношении которого доводы истца строились на его квалификации как имущества, а возражения ответчика – на его квалификации как услуги. В результате суд пришел к выводу, что доменное имя представляет собой услугу, оказываемую регистратором на основании договора⁴³⁹. Вместе с тем суды демонстрируют и иной подход в решении данного вопроса, в соответствии с которым регистратор доменного имени не оказывает услугу, а лишь фиксирует в соответствующем реестре определенную информацию⁴⁴⁰.

При решении данного вопроса следует исходить из того, что доменные имена нематериальны и не нуждаются в материализации в реальном мире, тем не менее в отношении них совершаются сделки, при этом их стоимость учитывается при включении данных объектов в гражданский оборот, и с этой позиции они могут быть рассмотрены в качестве виртуального имущества. По этому пути идет и зарубежная судебная практика⁴⁴¹.

⁴³⁸ Так, М.А. Рожкова указывает, что «анализ отечественной литературы свидетельствует о том, что получило распространение понимание прав на доменное имя как аналога или разновидности права собственности» (Рожкова М.А. Обладатель прав на доменное имя: характеристика правовых возможностей // Хозяйство и право. 2015. № 12 (467). С. 3). В качестве имущества предлагают рассматривать доменное имя также Р.С. Нагорный (см.: Нагорный Р.С. Доменное имя как объект гражданского права // Журнал российского права. 2008. № 2. С. 128), В.И. Еременко (см.: Еременко В.И. О совершенствовании правового регулирования доменных имен в Российской Федерации // Законодательство и экономика. 2012. № 10. С. 41–64), М.А. Рожкова (см.: Рожкова М.А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым // Закон.ру. 2018. URL: <https://zakon.ru/blog/2018/06/13>) и др.

⁴³⁹ См.: Решение Мытищинского городского суда Московской области от 30 ноября 2011 г. по делу № 2-4006/2011 // Официальный сайт Мытищинского городского суда Московской области: http://mitishy.mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=sf&delo_id=1540005

⁴⁴⁰ См. решения Московского городского суда от 2 октября 2015 г. по делу № 3-432/2015, и от 20 июля 2015 г. по делу № 3-377/2015, постановление Суда по интеллектуальным правам от 3 июня 2016 г. № С01-342/2016 по делу № А40-102695/2015 и т.д.

⁴⁴¹ В деле «Paeffgen GmbH против Германии» Европейский Суд по правам человека определил доменное имя, не являющееся физическим объектом, как договорное право на

3D-принтеры и развитие технологий 3D-печати следует также отнести к новым предметам и явлениям объективной действительности, способным в ближайшее время не только кардинальным образом изменить сферу производства, но и активно войти в жизненный обиход, как и ЭВМ. Е. Джуэлл подчеркивает, что с помощью технологии 3D-печати несанкционированное копирование объектов значительно упрощается, что создает новые вызовы с учетом доступности недорогих 3D-принтеров, позволяющих любому пользователю сканировать готовые продукты, создавать 3D-проект и распространять его в Интернете⁴⁴², что требует установления четкого эффективного правового режима их использования. По мнению А. Гурко, определение конкретного правового режима зависит от имитируемого объекта. Таким образом, в отношении 3D-принтеров может быть установлен любой правовой режим, действующий в части авторского, патентного прав и права на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ и услуг⁴⁴³. Для 3D-моделей необходимы качественно новый механизм правовой охраны, сочетающий в себе возможности авторского права по пресечению незаконного распространения объектов в сети «Интернет», и более демократические сроки охраны, как в патентном праве, в связи с чем данный объект гражданских прав будет носить характер нетрадиционного объекта права интеллектуальной собственности, как, например, топологии интегральных микросхем⁴⁴⁴.

Представляется, что указанный способ решения проблемы не является универсальным и не способен в полной мере урегулировать общественные

исключительное использование такого имени (contractual right to the exclusive use of domain names), которое имеет экономическую ценность и поэтому представляет собой имущество для целей применения ст. 1 Конвенции о защите прав человека и основных свобод о недопустимости произвольного лишения имущества (Paeffgen GmbH v. Germany. 18.09.2007. № 25379/04, 21688/05, 21722/05 и 21770/05).

⁴⁴² Jewell C. 3D Printing and the Future of Stuff. URL: http://www.wipo.int/wipo_magazine/en/2013/02/article_0004.html.

⁴⁴³ См.: Гурко А. 3D-печать и право интеллектуальной собственности: взгляд в будущее // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2016. № 5. С. 29–42.

⁴⁴⁴ Там же.

отношения по созданию и использованию цифровых 3D-моделей, несмотря на удобство и простоту распространения действия норм о каком-либо виде объектов интеллектуальных прав на трехмерные модели⁴⁴⁵.

Не останавливаясь на анализе социальных сетей, мессенджеров, смарт-контрактов, токенов, сайтов, личных кабинетов и иных подобных объектов, отметим, что в научной доктрине они уже получили обобщенное наименование «виртуальное имущество», «цифровое имущество», «цифровые активы» и различные комбинации из этих понятий, а как следствие – хаотичное использование терминологии. Отсутствие единства в понимании указанных понятий привело к тому, что понятием «цифровое имущество» предложено охватывать и виртуальное имущество, и социальные сети, и цифровые активы, и др.⁴⁴⁶ Л.В. Санникова и Ю.С. Харитоновы предпочитают использовать понятие «цифровые активы»⁴⁴⁷. Данным понятием оперирует также В.А. Лаптев⁴⁴⁸.

Одна из позиций заключается в отнесении к виртуальному имуществу видеоигр, а также социальных сетей, мессенджеров и т.д., имеющих экономическую ценность и способных находиться в обладании лица, не являющегося его разработчиком⁴⁴⁹. М.А. Рожкова под виртуальным имуществом понимает виртуальные объекты, существование которых

⁴⁴⁵ См.: Е-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование): сборник статей / А.А. Богустов, О.Н. Горохова, Д.А. Доротенко и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2019.

⁴⁴⁶ См., например: Левинзон В.С., Митин Р.К. Правовое регулирование виртуального имущества // Закон и право. 2020. № 5. С. 40.

⁴⁴⁷ См.: Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Указ. соч.

⁴⁴⁸ При этом к цифровым активам В.А. Лаптев относит «криптовалюты – crypto currency (bitcoin, ethereum и др.); акции, облигации, доли в уставных капиталах корпораций; токены (эмитированные юридическим лицом либо индивидуальным предпринимателем цифровые финансовые активы с целью привлечения финансирования); объекты интеллектуальной собственности (например, музыкальные произведения, произведения искусства, книги); фотографии; электронные страховые полисы; смарт-контракт (в данном контексте смарт-контракт рассматривается не как сделка, а как самостоятельный объект права, имеющий ценность); персональные данные; бонусные баллы и др.» (Лаптев В.А. Цифровые активы как объекты гражданских прав // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. №. 2 (42). С. 201).

⁴⁴⁹ См.: Четвергов Д.С. Правовой режим виртуального имущества // Право и бизнес. 2021. № 3. С. 33–39.

ограничено рамками виртуального пространства (аккаунты в социальных сетях или личные кабинеты, виртуальные игровые объекты, 3D-модели)⁴⁵⁰. По мнению Е.Е. Кирсановой, понятие «виртуальное имущество», употребляемое, как правило, в отношении игрового имущества, является более широкой категорией и может относиться к другим объектам, в числе которых, например, САД-файлы (трехмерная компьютерная модель), VR-картины и т.д.⁴⁵¹

Полагаем, что все подобные объекты целесообразно именовать единым обобщающим понятием, в качестве которого предлагается термин «виртуальное (цифровое) имущество».

Для формулировки понятия следует обозначить универсальные признаки составляющих его объектов, в качестве которых в юридической литературе обозначают экономическую ценность и исключительность цифровой формы⁴⁵². Такие цифровые активы, как токены, криптовалюта, цифровой рубль и т.д., безусловно обладают определенной ценностью. На обладание потенциальной стоимостью вновь сгенерированного токена или криптовалюты не может оказать правового влияния факт оправдания финансовых ожиданий инвесторов, что свойственно также большим данным, доменным именам и виртуальному игровому имуществу.

В зарубежной доктрине также отмечается «двоичная» форма их существования и наличие реальной или потенциальной стоимости в качестве признаков⁴⁵³. Полагаем, что указанных признаков недостаточно для квалификации любого объекта в качестве виртуального (цифрового), поскольку в этом случае под данное определение подпадут и объекты

⁴⁵⁰ См.: Рожкова М.А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым // ЭЖ Zakon.ru. URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositsya_virtualnoe_s_cifrovym.

⁴⁵¹ См.: Кирсанова Е.Е. Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике: монография. М., 2022.

⁴⁵² См.: Указ. соч.

⁴⁵³ См.: Windsor R. Defining Digital Assets. 2017. URL: <https://digitalassetnews.org/assets/defining-digital-assets/>.

гражданских прав (базы данных, отдельные виды контента – тексты, видео- и аудиофайлы, графические изображения и т.д.), правовой режим которых уже установлен в рамках интеллектуальной собственности, в связи с чем необходимость в особом правовом регулировании отсутствует.

Л.В. Санникова и Ю.С. Харитонова в качестве одного из признаков цифровых активов указывают на виртуальность, обуславливающую и их нематериальность⁴⁵⁴. Следует согласиться с данным признаком в качестве универсального признака виртуального (цифрового) имущества.

Полагаем возможным дополнить данную характеристику указанием на то, что такие объекты неотделимы от виртуального пространства без утери их основных свойств, что имеет принципиально важный характер, поскольку гражданскому праву уже известны нематериальные объекты, существующие в цифровой форме, правовой режим которых был довольно легко вписан в существующие нормы гражданского законодательства. Вместе с тем указанные объекты довольно легко могут менять цифровую форму на материальную и наоборот. Так, напечатанную на материальном носителе фотографию легко оцифровать, и наоборот – изначально созданная в цифровой форме фотография может быть отпечатана, вследствие чего она трансформируется в объект материального мира. Кроме того, именно признак неотделимости от виртуального пространства без утери основных свойств позволяет исключить из состава виртуального (цифрового) имущества объекты, выраженные в цифровой форме, в отношении которых уже установлен правовой режим.

В качестве одних из основных признаков таких объектов выделяются также их экстерриториальный характер и оборотоспособность⁴⁵⁵. С позиции определения гражданско-правового режима виртуального (цифрового) имущества последний признак играет немаловажную роль. Несмотря на существенные отличия от традиционных объектов права, виртуальные

⁴⁵⁴ См.: Санникова Л.В., Харитонова Ю.С. Указ. соч.

⁴⁵⁵ Там же.

(цифровые) объекты не только вписываются в формат гражданского оборота, но и способны привести к увеличению доли гражданского оборота именно за счет виртуального (цифрового) имущества вследствие дальнейшего развития цифровых технологий. На их оборотоспособность напрямую влияет нематериальный характер и существование исключительно в рамках информационной системы. Как отмечает С.В. Моргунов, с точки зрения включения в оборот бездокументарных ценных бумаг интерес представляет обеспеченное ими имущественное право, а в отношении виртуального (цифрового) имущества речь идет о восстановлении контроля именно над цифровым объектом, а не об имущественных правах, содержащихся в нем⁴⁵⁶.

В силу многообразия видов объектов, которым свойственны вышеперечисленные объединяющие признаки, свидетельствующие об их общей правовой природе, нельзя исключать также тот факт, что рассматриваемые объекты обладают отличительными технологическими особенностями, которые также необходимо учитывать при установлении в их отношении правовых режимов. В связи с этим классификация объектов виртуального (цифрового) имущества приобретает практическое значение.

Представляется целесообразным в качестве примера привести некоторые классификации, уже представленные в научной литературе. Так, в классификации цифровых объектов и цифровых прав на них, предложенной И.Г. Морозовой и С.И. Курпяковой, к первой группе отнесено виртуальное (цифровое) имущество (только виртуальное игровое имущество), вторым цифровым объектом являются социальные (цифровые) аккаунты, третьим выступает цифровая валюта. В отдельный цифровой объект указанные авторы полагают возможным выделить цифровые результаты интеллектуальной деятельности⁴⁵⁷. В качестве пятого цифрового объекта

⁴⁵⁶ См.: Моргунов С.В. Виндикация в гражданском праве. Теория. Проблемы. Практика. М., 2006. С. 172–175.

⁴⁵⁷ «...В рамках данной группы речь идет о результатах интеллектуальной деятельности, которые изначально создаются в цифровой форме. В качестве примера можно привести создание произведений искусства в цифровом пространстве в виде NFT (non-fungible

обозначается оказание цифровых услуг (в их числе хранение в облачных хранилищах, формирование больших данных и т.д.). Утилитарные цифровые права и цифровые финансовые активы следует обособить от других цифровых прав и выделить в отдельную группу, поскольку они представляют собой закрепление классических имущественных прав в цифровой форме⁴⁵⁸.

В классификации О.А. Халагаевой к первой группе отнесены объекты, очень близкие по своей природе к интеллектуальной собственности⁴⁵⁹. Вторая группа цифровых объектов – цифровые активы⁴⁶⁰. Третью группу составляют цифровые права из смарт-контрактов (или «умных» контрактов), к четвертой группе отнесены цифровые права, возникающие в результате оказания цифровых услуг⁴⁶¹.

Л.В. Санникова и Ю.С. Харитонova классифицируют все объекты, существующие как результаты интеллектуальной деятельности в цифровой форме, как часть программного кода в зависимости от их экономической функции следующим образом: 1) охраняемые результаты интеллектуальной деятельности, не являющиеся цифровыми активами, правовой режим которых установлен ГК РФ; 2) виртуальное игровое имущество как вид

token – невзаимозаменяемые токены)» (Морозова И.Г., Курпякова С.И. К вопросу о классификации цифровых прав // Хозяйство и право. 2022. № 11. С. 18–28).

⁴⁵⁸ См.: Морозова И.Г., Курпякова С.И. Указ. соч.

⁴⁵⁹ К данной группе объектов О.А. Халагаева предлагает отнести базы данных, программное обеспечение, установленное в современных смарт-устройствах, позволяющее функционировать маркетам, где можно приобрести совершенно разнообразный контент (см.: Халагаева О.А. Виды цифровых прав // Гражданское право. 2023. № 5. С. 42–45).

⁴⁶⁰ «Цифровыми активами признается совокупность электронных данных, обладатель которых не получает прав требования к третьим лицам и которые можно использовать в гражданском обороте в качестве финансового инструмента», при этом «существуют следующие основные виды цифровых активов: цифровые финансовые активы, утилитарные цифровые права, цифровая валюта (включая криптовалюту), виртуальное имущество, big data, результаты интеллектуальной деятельности в цифровой форме. Перечень цифровых активов открыт и предполагает существенное расширение с развитием цифровых технологий» (Халагаева О.А. Указ. соч.).

⁴⁶¹ См.: Халагаева О.А. Указ. соч.

цифрового актива, ограниченного рамками виртуального мира⁴⁶²; 3) цифровые активы в виде криптовалюты и токенов⁴⁶³.

Ж.Ю. Юзефович и В.Е. Хазова цифровые объекты подразделяют на цифровое (виртуальное) имущество, цифровые активы, смарт-контракты, цифровые услуги⁴⁶⁴.

Предложенные в научной доктрине классификации рассматриваемых объектов иллюстрируют отсутствие единых подходов не только к их делению, но и к используемой терминологии.

В связи с этим, учитывая изложенное, полагаем возможным сформулировать следующее теоретическое определение виртуального (цифрового) имущества: виртуальное (цифровое) имущество представляет собой особый нематериальный объект гражданских прав, обладающий экономической или потенциальной стоимостью и существующий в рамках определенной информационной системы (неотделим от нее без потери основных свойств, определяющих его ценность) в соответствии с установленными администратором или владельцем такой системы правилами, определяющими механизмы создания, функционирования и оборотоспособности такого объекта.

Проблему гражданско-правовой идентификации цифрового имущества возможно представить и в ином научно-практическом ракурсе.

⁴⁶² Данный объект, по мнению указанных авторов, обладает свойствами имущества в виртуальном пространстве, иногда является результатом творческой деятельности игрока, его оборот подчиняется условиям лицензионного соглашения игрока и издателя игры, цель его создания ограничена виртуальным миром, а не установлением монополии автора, так как неразрывно связана с монополией издателя и рамками лицензионного соглашения, но защищается как персональное право человека на имущество, обладающее ценностью (см.: Санникова Л.В., Харитонова Ю.С. Указ. соч.).

⁴⁶³ «...Созданные в рамках программ для ЭВМ», они «предназначены для широкого обращения на рынке, не обладают признаками охраноспособности как объекты права интеллектуальной собственности, создаются на основе открытой лицензии» (Санникова Л.В., Харитонова Ю.С. Указ. соч.).

⁴⁶⁴ См.: Юзефович Ж.Ю., Хазова В.Е. Цифровые права как объекты гражданских прав // Гражданское право. 2022. № 5. С. 15–18.

Отставание не только российского, но и зарубежного гражданского законодательства от действительного уровня развития экономических отношений. Цифровой товарообмен складывается в отношении принципиально новых объектов, которые характеризуются нематериальной формой, но порождают спрос и предложения, имеют имущественную стоимость и ценность на рынке: сайты, доменные имена, цифровые кошельки, игровое имущество, криптовалюта, виртуальные токены, аккаунты пользователей и др.

Причины неноминирования цифрового в гражданском законодательстве. В гражданском законодательстве не только России, но и зарубежных стран все еще не установлен специальный правовой режим для названных объектов, и их гражданско-правовое положение остается неопределенным. Замедленное законодательное развитие в этой части объяснимо несколькими взаимосвязанными причинами, в том числе:

- отсутствует достаточная не только правоприменительная, но и деловая практика, которая выявила бы наиболее острые социально-экономические потребности, которые должны были бы быть урегулированы императивными и диспозитивными нормами права с разделением задач правового регулирования на охранительную и регулятивную;

- при разрешении конкретных споров с включением цифровых объектов судебная практика расширительно толкует незакрытый перечень объектов гражданского права (в ст. 128 ГК РФ указывается на «иное имущество», прямо не поименованное законом, но в отношении которого допускается возникновение гражданско-правовых отношений). Тем самым законодатель ориентируется на накопление правоприменительной практики по разрешению гражданско-правовых споров (например, отнесение в результате разрешения гражданско-правовых, семейных и наследственных споров криптовалюты к «иному имуществу» с предоставлением защиты ее правообладателю и его правопреемникам);

- отсутствует исходное понимание гражданско-правовой формы названных объектов, условий и форм их участия в обороте как возможных ограничений в предоставлении судебной защиты для правообладателей;
- еще только формируются рыночные параметры определения стоимости данных объектов, что необходимо для эффективной защиты нарушенных прав и интересов правообладателей;
- сами гражданско-правовые кодификации России и Европы ориентированы только на доцифровую экономику и не могут учесть реалий цифровой экономики.

Обзор зарубежного опыта правового регулирования цифрового имущества. Цифровое имущество (digital assets) – это категория активов, которая охватывает широкий спектр объектов, включая виртуальные валюты (например, биткойн и другие криптовалюты), файлы, контент, электронные счета, онлайн-аккаунты и проч. В различных юрисдикциях существуют особенности регулирования и признания прав на такие активы. Рассмотрим правовой анализ регулирования цифрового имущества в таких странах, как Франция, Швейцария, Великобритания и США.

Во Франции цифровое имущество попадает под регулирование нескольких правовых режимов, но правовой статус таких активов, как криптовалюты или виртуальные активы, постепенно уточняется. Гражданский кодекс Франции не содержит специальных норм, относящихся к цифровым активам, отраслевая специфика получает развитие в специальных законах. Так, в 2019 г. вступил в силу PACTE (Plan d'Action pour la Croissance et la Transformation des Entreprises), который касался регулирования криптовалют и ICO (Initial Coin Offerings). PACTE предписывает, что криптовалюты не могут быть признаны «деньгами», но их использование возможно в рамках частных соглашений. Криптовалюты рассматриваются и как капитальные активы. В законопроектной работе в части возможных направлений совершенствования ГК Франции обсуждаются вопросы прав собственности и передачи активов, что позволяет

рассматривать цифровое имущество как имущество, которое может быть передано в рамках договорных отношений.

В Гражданском кодексе Швейцарии цифровое имущество также не определено специально, но оно рассматривается как «имущество», на которое распространяется защита через общие принципы права собственности. В 2021 году в швейцарское законодательство было внесено важное уточнение, которое позволило считать криптовалюту легитимным объектом права собственности.

Право Великобритании рассматривает цифровые активы через призму их экономической функции, а не через конкретную правовую категорию. Великобритания не имеет конкретного законодательства, которое регламентировало бы цифровое имущество как самостоятельную категорию. Однако органы финансового и банковского контроля (HMRC) определяют криптовалюты как «неподтвержденные средства» и указывают, что они могут подлежать налогообложению в зависимости от их использования. Например, продажа криптовалют или обмен их на другие активы может привести к возникновению обязательства по уплате налога на прирост капитала. Великобритания также активно использует законы о противодействии отмыванию денег (AML) для регулирования криптовалютных операций, требуя от криптовалютных компаний соблюдения стандартов по борьбе с отмыванием денег и предотвращению финансирования терроризма.

В Соединенных Штатах Америки регулирование цифровых активов является комплексным и подвержено постоянным изменениям. Законы и подходы могут различаться на федеральном и местном уровнях. На федеральном уровне Комиссия по ценным бумагам и биржам США (SEC) рассматривает криптовалюты и токены как потенциально ценные бумаги, которые подлежат регулированию. Например, если токен имеет характеристики, похожие на акции или облигации, то он может быть признан ценной бумагой.

Российский опыт модернизации объектов гражданских прав применительно к реалиям цифровой экономики. Российский законодатель идет по пути точечного, ситуативного регулирования, не используя комплексных подходов и решений. Приведем несколько примеров на основе опыта изменений российского гражданского законодательства об объектах гражданских прав. За последние шесть лет в ГК РФ перечень объектов гражданских прав был дополнен цифровыми правами, но режим цифровых прав не соотнесен с бездокументарными ценными бумагами; введение цифрового рубля не было скоординировано с режимом безналичных денежных средств и расчетов. Российское гражданское законодательство до сих пор не определяет специального правового режима для видов цифрового имущества и правил его оборотоспособности, не устанавливает соотношения цифровых активов и цифрового имущества.

Возможные пути совершенствования гражданского законодательства: ориентация на поиск не фрагментарных, а системных решений и подходов. Наука и практика должны предложить новые модели единой правовой инфраструктуры:

- для организации и упорядочивания нематериальных отношений в цифровой экономике и обеспечения законности в экономической сфере;
- предупреждения и пресечения негативных практик ущемления экономических прав в цифровой сфере;
- обеспечения правовой определенности для принадлежности и оборота цифрового имущества.

Возможным решением могла бы стать разработка закона о цифровом гражданском обороте, в котором были бы названы новые имущественные титулы и права на виды цифрового имущества, сделки и договоры с ним, особенности обращения взыскания на него и т.д. Однако эта сфера оказалась вне научно-практического анализа, прогноза, оценки рисков, шаги законодателя в этом направлении хаотичны.

Риски отсылочного, эпизодического и (или) точечного подхода законодателя в определении только отдельных видов цифрового имущества.

Неразработанность вопроса правового обеспечения единого экономического пространства для разных видов цифрового имущества в законодательстве нанесла существенный ущерб экономическому суверенитету России. Фактически вне правового регулирования сложились и активно развиваются рынки данных, цифрового имущества и его видов, практики цифрового предпринимательства, складываются структуры и сегменты цифровых рынков с индивидуальными параметрами идентификации негеографическими и неценовыми критериями, появляются неадминистрируемые государствами системы альтернативных расчетов вне любых форм государственного контроля. Все это обуславливает необходимость системных подходов, которые урегулировали бы новые отношения не эпизодически, а комплексно. Это создало бы определенность для перманентно расширяющегося круга их участников. В источниках права современные государства не регулируют новые сегменты рынка и сферы товарно-рыночных отношений, возникших в связи цифровой торговлей, оборотом данных, не адаптируют к этому режимы права собственности и иных имущественных прав. По существу рассматриваемая сфера имущественных отношений превращается в черную дыру с возрастанием рисков как для самих юрисдикций, так и для расширяющегося круга пользователей. Сохраняющаяся правовая неопределенность делает невозможной перенастройку правоохранительной деятельности на специфику цифровых отношений. Сфера упорядочивания цифровых экономических транзакций плавно, но уверенно перемещается в зону мягкого права цифровых платформ, стремящихся создать самостоятельное регулирование имущественных отношений безотносительно к правам человека, национальным законодательствам, судоустройству государственных судов.

§ 2. Гражданско-правовой режим виртуальных (цифровых) объектов

Для определения места виртуальных («цифровых») объектов в системе объектов гражданских прав необходимо проанализировать правовые режимы, возникающие в отношении входящих в его состав объектов права. В настоящее время существует четыре самостоятельных (особых) гражданско-правовых режима: вещных прав; обязательственных прав; корпоративных прав; исключительных прав.

В научной доктрине при исследовании вопросов о возможности оборота преимущественно виртуального игрового имущества возникла дискуссия о признании его в качестве «как бы вещей» и применения к нему по аналогии права собственности, основанная на зарубежной практике и доктринальных источниках⁴⁶⁵. В частности, в ряде азиатских стран в отношении виртуальных объектов установлен, близкий к праву собственности статус⁴⁶⁶. Как отмечается сторонниками данного подхода, виртуальные объекты, несмотря на отсутствие овеществленной формы, обладают характеристиками,

⁴⁶⁵ Так, в научных кругах США высказываются идеи о распространении на виртуальные объекты норм общего права о праве собственности. Как отмечено в доктрине, распространение на виртуальное имущество норм о праве собственности – естественное желание человека. Основная аргументация заключается в том, что такие объекты нельзя отнести однозначно ни к классическим объектам права собственности, ни к объектам исключительной собственности, так как они существуют только в виртуальном пространстве и в ряде случаев не являются результатом творческого труда пользователя (см.: Duranske B.T. *Virtual Law: Navigating the Legal Landscape of Virtual Worlds*. Chicago: ABA Publishing, 2008. P. 80.).

⁴⁶⁶ Например, Китай предпринимает активные действия по разработке собственного виртуального права как составной части программы по построению конкурентоспособной индустрии продажи объектов виртуальной собственности. Так, в решении по делу *Li Hongchen v. Beijing Arctic Ice Technology Development Co.* Второй кассационный суд г. Бейджинг рассмотрел спор между пользователем онлайн-игры и правообладателем. Аккаунт истца был взломан и украден третьим лицом. Суд обязал правообладателя вернуть аккаунт, восстановив тем самым право его первоначального владельца. По тому же пути пошел Тайвань: Министерство юстиции Тайваня издало постановление от 23 ноября 2011 г., в котором было указано, что объекты виртуальной собственности являются собственностью в правовом смысле, отчуждаемы и передаваемы, а кража таких объектов наказуема по нормам уголовного права (см.: Савельев А.И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. 2014. № 1. С. 127–150).

свойственными традиционным объектам права собственности⁴⁶⁷, и представляют собой аналоги объектов физического мира⁴⁶⁸. Кроме того, виртуальные объекты могут приобретаться и отчуждаться и обладают явно выраженной потребительской ценностью⁴⁶⁹.

Использование классической теории вещных прав в отношении не только виртуальных, но и любых других нематериальных объектов нарушает четко выстроенные постулаты вещного права, правовой режим которого применим исключительно к объектам материального мира. Одно из отличий российского правового порядка от стран англо-американской правовой семьи заключается в принципиальном разграничении вещных прав и нематериальных объектов⁴⁷⁰. Фактическое обладание (господство) правообладателя как одно из правомочий собственника может быть реализовано исключительно в отношении материального объекта.

Вместе с тем в научной доктрине, в том числе в российской, наблюдаются осторожные попытки адаптации концепции вещного права к объектам виртуального мира. Зарубежными учеными отмечается узкая интерпретация собственности, ассоциируемая исключительно с материальными вещами, которая должна быть заменена на более широкое понимание собственности, позволяющая включать в себя определенные нематериальные вещи⁴⁷¹.

⁴⁶⁷ См.: Hunt K. This Land is not Your Land: Second Life, Copybot and the Looming Question of Virtual Property Right // Texas Review of Entertainment and Sports Law. 2007. Vol. 9. P. 172.

⁴⁶⁸ См.: Greg Lastowka. Virtual justice The New Laws of Online worlds, 2010 ch. 1. P. 13.

⁴⁶⁹ См.: Lastowka G., Hunter D. The Laws of the Virtual Worlds // California Law Review. 2004. Vol. 92. Issue 1. P. 49.

⁴⁷⁰ См.: Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: сборник статей. С. 3–30.

⁴⁷¹ См.: Erlank W. Property in virtual worlds. 2012. URL: <http://doi.org/10/2139/SSRN.2216481>

Е.А. Лазаревой предлагается закрепить вещное право за «определенным количеством единиц материального пространства, занимаемых программным кодом, под номером самого данного кода»⁴⁷².

Допускается возможность установления права собственности на виртуальные объекты⁴⁷³.

Предлагалось внести изменения в ст. 128 ГК РФ путем включения в состав объектов гражданских прав «виртуальных вещей», а также предоставить правовой режим недвижимости некоторым из них⁴⁷⁴.

Полагаем невозможным механическое перенесение на виртуальное (цифровое) имущество положений о вещном праве и праве собственности. Безусловно объектом права собственности может быть только овеществленное имущество, имеющее телесную форму, что неоднократно подчеркивалось учеными-цивилистами. Полномочия собственника вещи включают в себя классическую триаду – права владения, пользования и распоряжения. Очевидно, что виртуальным (цифровым) имуществом не представляется возможным «владеть, пользоваться и распоряжаться» в привычном понимании. Современное законодательство знает немало примеров использования приема фикции, однако в отношении виртуального

⁴⁷² Лазарева Е.А. Правовое регулирование виртуальных объектов многопользовательских игр // Юриспруденция 2.0: новый взгляд на право: сборник материалов межвузовской научно-практической конференции с международным участием. М., 2019. С. 258.

⁴⁷³ «...В случае обособления цифровых прав и свобод от их традиционных эквивалентов представляется правильным ввести новый вид собственности, учитывающий особенности виртуальных вещей и права собственности на них: с одной стороны, они принадлежат конкретному человеку, а с другой – существуют в пределах чужой собственности». Согласно ч. 2 ст. 8 Конституции РФ, предусматривающей наряду с государственной, частной и муниципальной собственностью и иные ее формы, предложена новая форма собственности – цифровая или виртуальная собственность (см.: Трансформация права в цифровую эпоху: монография / Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет; под ред. А.А. Васильева. Барнаул, 2020).

⁴⁷⁴ Основные аргументы данной позиции заключаются в складывающейся практике, когда за вполне реальные деньги приобретаются существующие в виртуальном пространстве в сети «Интернет» дома и даже острова. В случае, если такие объекты станут распространенным объектом оборота, для них может быть создана новая фикция, чтобы можно было применять наиболее проработанные и удобные нормы о недвижимости в отношении виртуальных объектов (см.: Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под ред. С.А. Степанова. М.; Екатеринбург: 2010).

(цифрового) имущества использование указанного приема юридической техники представляется нецелесообразным по ряду причин.

Право собственности представляет собой абсолютное право, обладателю которого противопоставлено неопределенное число обязанных лиц. Обладатель абсолютного права по своему усмотрению удовлетворяет свой интерес, в то время как задача законодателя заключается в установлении монополии на самостоятельное поведение в отношении объекта его права и запрете на такое поведение всем третьим лицам. Следовательно, предоставление пользователю права собственности априори исключит виртуальное (цифровое) имущество из сферы господства первоначального правообладателя. Более того, в данном случае абсолютное право пользователя в отношении такого объекта не позволит изначальному правообладателю каким-либо образом изменять виртуальный мир, возложит на последнего обязанность по поддержанию виртуального мира в рабочем состоянии. Соответственно, отсутствие творческого развития виртуального мира и вынужденная стагнация приведут к уничтожению объекта абсолютного права, а значит, к нарушению права собственности пользователя.

Полагаем, что предоставление виртуальному (цифровому) имуществу правового режима права собственности в настоящее время является преждевременным шагом.

Следует отметить, что право собственности является не единственным абсолютным правом – в российском гражданском праве существует исключительное право, возникающее в отношении нематериальных объектов.

В связи с тем, что виртуальное пространство представляет собой результат интеллектуальной деятельности, можно допустить возникновение

исключительных прав на объекты виртуального (цифрового) имущества⁴⁷⁵. На этом основана позиция отечественных исследователей, полагающих, что виртуальное (цифровое) имущество с учетом его правовой природы, нематериальной формы и существования исключительно в рамках определенной системы следует рассматривать в рамках интеллектуальной собственности. По мнению А.П. Сергеева и Т.А. Терещенко, к опосредованию частных отношений, связанных с технологиями, больше всего приспособлена именно интеллектуальная собственность как подотрасль гражданского права⁴⁷⁶. В научной литературе в качестве особенности цифровых активов часто отмечается, что в силу тесной связи с программным обеспечением они сами являются объектами интеллектуальной собственности⁴⁷⁷. В юридической доктрине также подчеркивается, что виртуальное игровое имущество является результатом интеллектуального труда создателей онлайн-игры, и в случае его приобретения в обход правообладателя исключительные права на него принадлежат последнему⁴⁷⁸.

Действующее российское законодательство об интеллектуальной собственности обладает достаточно стройной структурой, обусловленной особенностями правовой природы объектов и спецификой их правового регулирования, охватывающей:

- объекты авторского права, программы для ЭВМ и базы данных, охраняемые как объекты авторских прав;
- объекты смежных прав;
- объекты патентного права;

⁴⁷⁵ Специфика объектов интеллектуальной собственности потребовала существенной корректировки классического права собственности, повлекшей в конечном счете возникновение особого правового режима исключительных прав. Не последнюю роль в этом сыграл нематериальный характер объектов интеллектуальной собственности (см.: Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. А.Л. Маковского; вступ. ст. В.Ф. Яковлева; Исследовательский центр частного права. М., 2008. С. 281).

⁴⁷⁶ См.: Сергеев А.П., Терещенко Т.А. Указ. соч.

⁴⁷⁷ См.: Савельев А.И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. 2017. № 8. С. 136–153.

⁴⁷⁸ См.: Тагаева С.Н. Указ. соч.

- средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг, предприятий;
- иные объекты (топологии интегральных микросхем, селекционные достижения, секреты производства (ноу-хау)).

В юридической литературе перечисленные в законе результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации принято условно делить на группы: объекты авторского права и смежных с ним прав; объекты патентного права; средства индивидуализации. Отдельная группа – нетрадиционные объекты интеллектуальной собственности, к числу которых преимущественно относят селекционные достижения, топологии интегральных микросхем, а также секреты производства (ноу-хау). Группу нетрадиционных объектов составляют совершенно разные, практические не имеющие ничего общего между собой результаты интеллектуальной деятельности с различными правовыми режимами. В связи с этим совершенно справедливо отмечается, что такие объекты «...объединены в данную группу по остаточному принципу, о чем свидетельствует название группы – “нетрадиционные”»⁴⁷⁹. Кроме того, на данный критерий (*нахождение вне пределов промышленной, литературной и художественной собственности*) нередко ссылаются при определении нетрадиционных объектов.

В соответствии с другим подходом к классификации результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации к первой группе предложено относить промышленную собственность, ко второй – литературную и художественную ценность, к третьей – нетрадиционные объекты. Данная позиция получила весьма широкое распространение в научной литературе – несмотря на отсутствие указанных понятий в отечественном гражданском законодательстве, указанное деление

⁴⁷⁹ Кузнецов А.П., Генералов А.В., Ворончихин Д.В. Оценочная деятельность в арбитражном и гражданском процессе: учебное пособие. М., 2016.

учитывается и активно обсуждается в научной доктрине в области права интеллектуальной собственности⁴⁸⁰.

К объектам промышленной собственности относятся результаты интеллектуальной собственности, которые могут быть использованы в сферах производства, торговли, оказания услуг и т.д. (это объекты патентного права – изобретения, полезные модели, промышленные образцы), а также средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий (фирменное наименование, товарный знак и знак обслуживания, наименование места происхождения товара, коммерческое обозначение), а также селекционные достижения.

Объекты литературной и художественной собственности направлены на удовлетворение духовных потребностей людей. Традиционно к ним относятся объекты авторского права, а также смежных с ним прав. При данном делении под нетрадиционными объектами интеллектуальной собственности по остаточному признаку со ссылкой на ТРИПС понимают топологии интегральных микросхем и секреты производства (ноу-хау)⁴⁸¹.

Вместе с тем не все ученые разделяют обозначенный подход. В научной литературе высказывались сомнения относительно целесообразности выделения в отдельную группу нетрадиционных объектов

⁴⁸⁰ Так, в соответствии с п. 2 ст. 1 Парижской конвенции к объектам промышленной собственности относятся изобретения, полезные модели, промышленные образцы, товарные знаки, знаки обслуживания, коммерческие обозначения и указания происхождения или наименования места происхождения товаров (Конвенция по охране промышленной собственности заключена в Париже 20 марта 1883 г.) (ред. от 2 октября 1979 г.) «Закон». 1999. № 7 (извлечение)). По смыслу п. в ч. 3 ст. 27 Соглашения ТРИПС к патентуемым объектам могут относиться микроорганизмы, растения и животные, а также биологические способы выращивания растений и животных, сорта видов растений (Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS) заключено в г. Марракеше 15 апреля 1994 г.) (с изм. от 6 декабря 2005 г.) (СЗ РФ. 2012 г. № 37 (приложение, ч. VI). С. 2818–2849).

⁴⁸¹ См., например: Рожкова М.А. Защита интеллектуальных прав: законодательные ошибки при определении статуса и компетенции специализированных органов, разрешающих дела в сфере промышленной собственности: учебное пособие. М., 2016.

и озвучена позиция о возможности отнесения их к категории промышленной собственности⁴⁸².

Некоторыми авторами предлагается относить к нетрадиционным объектам интеллектуальной собственности рационализаторское предложение и научное открытие, так как действующее российское законодательство не предоставляет им правовую охрану. Полагаем, данная позиция основана на положениях модельных актов СНГ. В частности, Модельный кодекс интеллектуальной собственности для государств – участников СНГ⁴⁸³ в числе объектов интеллектуальной собственности наряду с иными называет научное открытие, топографию (топология, компоновка) интегральной микросхемы, рационализаторское предложение, коммерческую тайну.

Полагаем обоснованным мнение исследователей о предоставлении правовой охраны рационализаторским предложениям и научным открытиям в обозначенном модельном акте как о дани традициям в целях сохранения преемственности с ранее действующими правилами советского гражданского законодательства⁴⁸⁴, а именно с Основами гражданского законодательства Союза и союзных республик 1961 г.⁴⁸⁵ и Положением об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях 1973 г.⁴⁸⁶ Президиум Академии наук СССР еще в 1991 г. выразил отрицательное отношение к

⁴⁸² См., например: Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права: монография / А.А. Богустов, В.Н. Глонина, М.А. Рожкова и др.; под общ. ред. М.А. Рожковой. М., 2018; Шахназаров Б.А. Общая характеристика системы коллизионно-правового регулирования объектов промышленной собственности // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 2. С. 144–155 и т.д.

⁴⁸³ Кодекс принят в г. Санкт-Петербурге 7 апреля 2010 г. постановлением 34-6 на 34-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. 2010. № 47. С. 133–183).

⁴⁸⁴ См.: Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права: монография / А.А. Богустов, В.Н. Глонина, М.А. Рожкова и др.; под общ. ред. М.А. Рожковой.

⁴⁸⁵ См.: Закон СССР от 8 декабря 1961 г. (ред. от 12 июля 1990 г.) «Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» (утратил силу) // Ведомости ВС СССР. 1961. № 50. Ст. 525.

⁴⁸⁶ См.: Постановление Совмина СССР от 21 августа 1973 г. № 584 (ред. от 9 января 1989 г.) «Об утверждении Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях» (утратило силу) // Свод законов СССР. 1990. Т. 2. С. 78.

государственной регистрации научных открытий, признав сохранение данного института нецелесообразным (решение от 14 мая 1991 г. № 156), однако дискуссии по этому поводу продолжаются⁴⁸⁷.

Принимая во внимание существование виртуального (цифрового) имущества исключительно в рамках определенной информационной системы, в научной литературе неоднократно высказывались предложения об урегулировании данной категории объектов в рамках права интеллектуальной собственности⁴⁸⁸ – отнесении их к нетрадиционным объектам исключительных прав или к ограниченным исключительным правам⁴⁸⁹.

Вместе с тем в научной доктрине предложение о распространении на виртуальное имущество режима исключительных прав было подвергнуто весьма обоснованной критике. Так, Л.В. Санникова и Ю.С. Харитонов на примере криптоактивов доказывают ошибочность установления в их отношении правового режима интеллектуальной собственности: «...в данном случае право монополиста на программу для ЭВМ должно признаваться исчерпанным, чтобы не затруднять оборот криптоактивов как неких универсальных условных единиц. И во всех случаях, когда мы имеем дело с

⁴⁸⁷ См.: Добрынин О.В. Право интеллектуальной собственности / под ред. И.А. Близнеца. М., 2010. С. 599.

⁴⁸⁸ См., например: Пучков В.О. Посмертная передача цифровых объектов: пользовательское соглашение vs национальное наследственное право // Наследственное право. 2020. № 3. С. 17–23.

⁴⁸⁹ Как отмечает Д.С. Четвергов, права на виртуальное имущество, учитывая его нематериальную природу, не могут считаться вещными, в связи с этим «следует регулировать новые объекты нормами части четвертой Гражданского кодекса РФ и создать своего рода “ограниченные исключительные права”, предполагающие ограниченное право пользователя на использование виртуального объекта в своих интересах». В обоснование своего предложения он ссылается на континентальную правовую традицию Рима, где существовал институт ограниченных вещных прав, которые наделяли собственника вещи правом предоставить лицу непосредственное господство над вещью иному лицу в строго ограниченном объеме. Аналогичным образом он предлагает урегулировать и отношения по поводу виртуального имущества (см.: Четвергов Д.С. Указ. соч.).

криптоактивами, речь идет о свободном распространении программного обеспечения, позволяющего создавать криптовалюту и токены»⁴⁹⁰.

Следует согласиться с указанными авторами в том, что распространение на криптовалюты режима интеллектуальной собственности противоречит их сути. По мнению В.В. Архипова, виртуальные деньги не имеют под собой творческой основы и являются лишь значением переменной в программном коде⁴⁹¹, что ставит под сомнение распространение на них режима исключительных прав. Все это свойственно и иным аналогичным объектам, при создании которых отсутствовала творческая составляющая или же деятельность человека в принципе⁴⁹².

Следует иметь в виду, что особенности оборота результатов интеллектуальной деятельности заключаются в конструкции оборота прав на них. Указанные особенности связаны с нематериальным характером результатов интеллектуальной деятельности. Объекты виртуального (цифрового) имущества также нематериальны, что предполагает при введении их в оборот аналогичную конструкцию⁴⁹³. Однако тем самым

⁴⁹⁰ Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Указ. соч.

⁴⁹¹ См.: Архипов В.В. Виртуальная собственность: системные проблемы в контексте развития индустрии компьютерных игр // Закон. 2014. № 9. С. 69–90.

⁴⁹² Как отмечает Л.Г. Ефимова, «...существуют цифровые объекты, которые могут существовать главным образом в виртуальном мире и на первый взгляд похожи на результаты интеллектуальной деятельности человека, однако не могут считаться объектами исключительного права, поскольку при их создании интеллектуальная деятельность человека не применялась. Например, речь может идти о картинах, созданных искусственным интеллектом» (Ефимова Л.Г. Цифровые активы и права на них в контексте изменения гражданского и банковского законодательства // Банковское право. 2021. № 5. С. 7–20).

⁴⁹³ По мнению Е.Е. Кирсановой, оборот результатов интеллектуальной деятельности подразумевает оборот либо исключительных прав, либо материальных носителей, содержащих такие объекты. В связи с нематериальной природой цифровых объектов, а также с невозможностью их материализации в классическом понимании и невозможностью распространения на них правил о владении в таком случае такие объекты (например, аккаунт, VR-объект, 3D-модель и т.д.) могут быть введены в оборот только с позиций оборота исключительных прав (см.: Кирсанова Е.Е. Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике: монография. М., 2022).

априори исключается непосредственно виртуальное (цифровое) имущество из оборота, с чем не представляется возможным согласиться⁴⁹⁴.

В чем же заключается интерес при включении, например, виртуального игрового имущества в оборот? Очевидно, что если с позиции оборота такого нематериального объекта, как бездокументарные ценные бумаги, интерес представляет не сама форма носителя, а заключенное имущественное право⁴⁹⁵, то в отношении виртуального игрового имущества безусловный интерес для правообладателя представляет не имущественное право на него, а непосредственно сам виртуальный объект, вследствие чего передача виртуального (цифрового) имущества не может приравниваться к передаче исключительных прав на него, поскольку преследует иную цель – передачу имущественных прав на сам виртуальный объект, а не на содержащиеся в нем результаты интеллектуальной деятельности⁴⁹⁶.

Несостоятельность подхода об исключении непосредственно виртуального (цифрового) имущества из оборота также подтверждает проблема защиты прав на указанные объекты. Наиболее убедительно продемонстрировала эту проблему Е.Е. Кирсанова на примере утраты доступа правообладателя к аккаунту в социальной сети Instagram в результате противоправных действий третьих лиц, что особенно актуально при использовании аккаунта в коммерческих целях⁴⁹⁷.

⁴⁹⁴ Как справедливо отмечено в юридической литературе, саму по себе нематериальную природу объекта нельзя рассматривать как однозначное основание для отказа от применения в его отношении категории оборотоспособности, которая может рассматриваться как «способность служить объектом имущественного оборота (различных сделок) и менять своих владельцев (собственников)» (Гражданское право: учебник: в 4 т. Общая часть / под ред. Е.А. Суханова. М., 2008. Т. 1. С. 401).

⁴⁹⁵ См.: Моргунов С.В. Виндикация в гражданском праве. Теория. Проблемы. Практика. М., 2006. С. 172–175.

⁴⁹⁶ См.: Кирсанова Е.Е. Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике: монография. М., 2022.

⁴⁹⁷ По ее справедливому утверждению, в рамках защиты нарушенных прав речь должна идти не о необходимости защиты исключительных прав, подтверждении авторства или получении компенсации: интерес добросовестного правообладателя заключается в восстановлении фактического господства (контроля) над виртуальным объектом, в получении доступа к нему, речь идет не о восстановлении правового титула (как,

Следовательно, закрепление за виртуальным (цифровым) имуществом признака оборотоспособности весьма затруднит разграничение исключительных прав на такие объекты от исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности.

Исходя из невозможности распространения на виртуальные объекты режимов вещного права и исключительных прав в юридической доктрине отмечается, что на цифровые объекты, созданные и существующие исключительно в электронной форме, возникают «...цифровые права как особые права, отличные от традиционных имущественных прав»⁴⁹⁸. По общему правилу в соответствии с п. 2 ст. 141.1 ГК РФ обладателем такого права признается лицо, имеющее возможность распоряжаться этим правом в соответствии с правилами информационной системы⁴⁹⁹.

В соответствии с действующим российским законодательством цифровыми правами названы обязательственные и иные права. Следует отметить, что данный законодательный подход был неоднозначно воспринят в научной доктрине. Так, А.М. Эрделевским критикуется указание в норме ч. 1 ст. 141.1 ГК РФ на цифровые права как обязательственные и иные права,

например, в ситуации с бездокументарными ценными бумагами). Данная проблема носит весьма реальный характер: система мониторинга киберугроз Group-IB сообщает о том, что количество подобных правонарушений растет из года в год: так, если в 2016 г. были неправомерно получены доступы к 1500 аккаунтам, то только за январь 2017 г. было совершено уже 200 тыс. взломов. При этом злоумышленниками могут преследоваться различные цели: от размещения компрометирующей информации и получения «выкупа» до использования социальной сети в личных целях, в том числе для получения прибыли от размещения рекламы и продажи данных. Практически это означает, что получение несанкционированного доступа или ограничение возможности доступа правомочного владельца исключают возможность использования цифрового актива, имеющего осязаемую коммерческую значимость. При этом возможности нарушителя практически неограничены (см.: Кирсанова Е.Е. Указ. соч.).

⁴⁹⁸ Руденко Е.Ю. К вопросу о понятии цифровых прав как объектов гражданских правоотношений // Гражданское право. 2021. № 4. С. 7–10.

⁴⁹⁹ При этом О.А. Халагаева классифицирует цифровые права на корпоративные, обязательственные, интеллектуальные и иные гражданские права в зависимости от правовой природы цифрового объекта и характера имущественных правоотношений, возникающих в процессе применения (использования) цифровых технологий (см.: Халагаева О.А. Виды цифровых прав // Гражданское право. 2023. № 5. С. 42–45).

поскольку это не имеет смысла⁵⁰⁰. Эту позицию поддерживает также А.С. Степанян⁵⁰¹.

Представляется, что, характеризуя цифровые права как «обязательственные и иные права», законодатель пытался, во-первых, подчеркнуть обязательственный характер имущественных прав, а во-вторых, указать на то, что перечень видов цифровых прав в двух федеральных законах хотя и является закрытым, но все же не окончателен (подтверждением чего является, например, существование права участия в капитале непубличного акционерного общества в качестве цифрового финансового актива (ч. 2 ст. 1 Федерального закона «О цифровых финансовых активах»)). Включение в перечень цифровых прав права участия в капитале непубличного акционерного общества вызывает определенные вопросы – во-первых, права корпоративного участия крайне сложно свести к правам требования⁵⁰², во-вторых, не вполне оправданным видится ограничение перечня цифровых корпоративных прав правами участия исключительно в непубличных акционерных обществах, тогда как такая организационно-правовая форма, как публичное акционерное общество, предполагает (в отличие от непубличного акционерного общества) свободный оборот акций на бирже (в том числе на электронных торговых площадках).

Цифровые права существуют благодаря принципу легалитета (ст. 141.1 ГК РФ) в двух ипостасях: 1) цифровые финансовые активы; 2) утилитарные цифровые права.

⁵⁰⁰ См.: Эрделевский А.М. О цифровых правах // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁰¹ См.: Степанян А.С. Некоторые проблемы гражданско-правового оборота цифровых прав // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 7. С. 27–31.

⁵⁰² См.: Правовые основы деятельности корпораций и их объединений холдингового типа / Р.А. Курбанов, Е.В. Богданов и др. М., 2017.

Утилитарные цифровые права представляют собой права требования, то есть являются обязательственными имущественными правами⁵⁰³. Обязательственный характер утилитарного цифрового права и цифровых финансовых активов подтверждает то, что ст. 128 ГК РФ «Объекты гражданских прав» объединяет вещи, вещные права и имущественные права (включая права кредитора по обязательствам), права участия в капитале непубличного акционерного общества. Цифровые финансовые активы также представляют собой права требования (ч. 2 ст. 1 Федерального закона «О цифровых финансовых активах»). М.А. Рожкова, ассоциируя цифровые права с токенами, отождествляет их с шифрами, дающими определенные возможности, сводит их роль к удостоверению прав на вещи (на иное имущество, результаты работ, оказание тех или иных услуг)⁵⁰⁴. А.С. Степанян также отождествляет цифровые права с токенами⁵⁰⁵.

Указывая на обязательственные и иные права в качестве цифровых, законодатель не конкретизирует, являются ли они абсолютными или относительными, что послужило поводом для доктринальной дискуссии⁵⁰⁶. В связи с этим весьма справедливо замечание А.А. Иванова: «...современная

⁵⁰³ Право требовать передачи вещи (вещей), исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав их использования, выполнения работ и (или) оказания услуг.

⁵⁰⁴ См.: Рожкова М.А. Категории «цифровое право», «цифровые права» и «цифровая валюта» в российском праве // Право цифровой экономики. 2021. Вып. 17. Ежегодник-антология / рук. и науч. ред. М.А. Рожкова. М., 2021. С. 36.

⁵⁰⁵ См.: Степанян А.С. Некоторые проблемы гражданско-правового оборота цифровых прав // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 7. С. 27–31.

⁵⁰⁶ Так, по мнению Л.Г. Ефимовой, цифровыми правами могут быть как абсолютные, так и относительные права (см.: Ефимова Л.Г. Цифровые активы и права на них в контексте изменения гражданского и банковского законодательства // Банковское право. 2021. № 5. С. 7–20), в то время как А. Семенов акцентирует внимание на двусмысленности используемой законодателем формулировки «обязательственные и иные права», в результате анализа которой можно прийти к двум противоположным выводам: либо в силу случайного упоминания про обязательственные права речь идет об «иных правах», включающих все известные имущественные права, в том числе абсолютные, а также обязательства, вытекающие из деликтов и т.д.; либо законодатель имел в виду обязательственные и иные аналогичные права, то есть ограничившись их относительностью; либо же речь в принципе может идти только о правах из сделок (см.: Новоселова Л. и др. Цифровые права как новый объект гражданского права // Закон. 2019. № 5. С. 43).

цифровая практика предполагает известное размытие границ между абсолютными и относительными правами», поскольку «вы не продаете тот или иной объект навсегда, если оставляете за собой право контролировать его использование»⁵⁰⁷. Является ли ограничением субъективных гражданских прав собственности удаленное отключение двигателя автомобиля, если водитель нарушает правила или какие-либо иные нормы?⁵⁰⁸

Важно отметить, что несмотря на дополнение перечня объектов гражданских прав цифровыми правами многие юристы утверждают, что они не создают самостоятельного объекта права, а представляют собой лишь цифровую форму обязательственных и иных прав. В частности, по мнению Е.А. Суханова, «...предусмотренное законом закрепление некоторых имущественных прав в цифровой форме не меняет их юридическую (гражданско-правовую) природу: цифровыми становятся не сами субъективные права, а только формы их закрепления (существования) и обусловленные этим обстоятельством способы осуществления названных прав, в том числе способы распоряжения ими»⁵⁰⁹. Далее делается вывод о том, что придание объекту гражданских прав новой формы, пусть даже и цифровой, само по себе не способно определить или изменить его юридическую природу.

Поддерживая данную позицию, подчеркнем, что уникальность цифровых прав состоит в существовании и содержании прав на имущество и обязательств исключительно в рамках правил информационной системы наряду с автоматическим характером их существования и возникновения⁵¹⁰.

⁵⁰⁷ Иванов А.А. Вещные права и цифровизация // Интеграция науки и образования в условиях цифровой трансформации: монография: в 3 т. / отв. ред. С.Д. Могилевский, О.В. Шмалый, И.А. Емелькина. М., 2022. Т. 3. С. 41, 46.

⁵⁰⁸ См.: Шапиро К. Технология дистанционного отключения авто. Без согласия владельца. Цит. по: Иванов А.А. Указ. соч.

⁵⁰⁹ Суханов Е.А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 7–29.

⁵¹⁰ См.: Кресс В.В. Цифровые права как объекты гражданских прав: правовое регулирование и перспективы развития в условиях цифровизации гражданского оборота // Журнал российского права. 2022. № 4. С. 67–76.

Коллектив исследователей кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ имени Г.В. Плеханова также указывает на то, что цифровые права не представляют собой кардинально новое благо, отличное от иных объектов гражданских прав, и определяются через отсылку к иным объектам⁵¹¹. При этом высказывается мнение о том, что ст. 128 намеренно оставляет возможность для развития правового регулирования и вовлечения в его сферу иных объектов гражданских прав, осуществляемых в цифровой среде⁵¹², то есть перечень объектов гражданских прав полагается открытым, с чем сложно не согласиться. Необходимо лишь уточнить, что аналогично перечню вещных прав перечень объектов гражданских прав открыт для законодателя. Новые объекты гражданских прав должны быть предусмотрены законом или выводиться из него путем толкования. Вышеизложенное не может относиться к цифровым правам только по той причине, что ГК РФ установил принцип легалитета, предполагающий прямое указание на цифровой характер того или иного права. В условиях несформированности правового института цифровых прав это создает скорее не возможности развития, а сложности в определении пределов применимости института цифровых прав⁵¹³.

Л.Ю. Василевская, напротив, считает, что «с точки зрения элементарной логики нельзя рассматривать цифровые права в одной плоскости с известными нам и различными по своей правовой природе имущественными правами (обязательственными, корпоративными и др.)»⁵¹⁴. При этом под цифровыми правами предлагается понимать «цифровой способ

⁵¹¹ См.: Курбанов Р.А., Савина В.С., Гурко А.В. Характеристика правового регулирования цифровых прав в Российской Федерации // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2022. № 8. С. 4–12.

⁵¹² Там же.

⁵¹³ Там же.

⁵¹⁴ Василевская Л.Ю. Цифровые права как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации // Хозяйство и право. 2019. № 5.

фиксации имущественных прав»⁵¹⁵ с распространением на них механизма цессии, отчуждения указанных прав.

Вместе с тем, говоря о принципиально иной системе учета и особенности подтверждения прав в ней (право признается принадлежащим лицу, имеющему возможность распоряжаться им, имея доступ к системе), Б.М. Гонгало и Л.А. Новоселова отмечают появление особого объекта, не сводимого к известным объектам прав⁵¹⁶. В.П. Камышанский полагает, что «...цифровые права – это не особый вид субъективных гражданских прав, отличных от вещных или обязательственных прав. Они представляют собой обязательственные и другие права, содержание и условия осуществления которых содержатся в специальной информационной системе»⁵¹⁷.

Однако данное мнение не является общепринятым. Так, М.А. Рожкова полагает, что включение в нормы гражданского законодательства цифровых прав вредно, поскольку это может повлечь необоснованное изменение уже сложившихся и доказанных правовых институтов⁵¹⁸. Л.В. Санникова и Ю.С. Харитоновна также не поддерживают введение в нормы законодательства нового понятия «цифровое право», так как оно «...не выдерживает критики не только с точки зрения теории гражданского права, но и исходя из практики использования цифровых активов»⁵¹⁹. Аналогичной позиции придерживается С. Сарбаш, по мнению которого новеллы ст. 128 и п. 1 ст.

⁵¹⁵ Василевская Л.В. Там же.

⁵¹⁶ См.: Гонгало Б.М., Новоселова Л.А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 187.

⁵¹⁷ Камышанский В.П. О цифровой технологии и цифровом праве // Власть Закона. 2019. № 1. С. 15.

⁵¹⁸ См.: Рожкова М.А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым // Zakon.ru. 2018. 13 июня. URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositsya_v_virtualnoe_s_cifrovym

⁵¹⁹ Санникова Л.В., Харитоновна Ю.С. Правовая сущность новых цифровых активов // Закон. 2018. № 9. С. 86–95.

141.1 ГК РФ в части цифровых прав лишь вредят общественным отношениям, которые были призваны урегулировать⁵²⁰.

Вместе с тем доктринальные дискуссии в отношении правовой категории «цифровые права» при отсутствии должного нормативного материала, позволяющего ответить на спорные вопросы, не могут повлиять на необходимость урегулирования отношений по поводу виртуального (цифрового) имущества в настоящее время. Очевидно, что формирование эффективной соответствующей нормативной базы произойдет не одномоментно, в то же время на современном этапе его развития полагаем возможным согласиться с учеными, по мнению которых регулирование вопросов, связанных с виртуальным имуществом, должно осуществляться в рамках договорного права⁵²¹. Об этом свидетельствует и складывающаяся практика⁵²². При этом, когда функционал онлайн-игры позволяет пользователю улучшать свой виртуальный объект за плату, в доктрине все чаще говорят о смешанной природе такого лицензионного соглашения,

⁵²⁰ См.: Новоселова Л., Габов А., Савельев А. и др. Цифровые права как новый объект гражданского права // Закон. 2019. № 5. С. 31–54.

⁵²¹ См., например: Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М., 2020. С. 93.

⁵²² Соответствующие отношения между правообладателем (например, оператором игрового процесса) и пользователем (соответственно игроком) оформляются пользовательским соглашением (так называемые соглашения click-wrap (см.: Савельев А.И. Электронная коммерция в России без ЭЦП: иллюзия или реальность? // Вестник гражданского права. 2013. Т. 13. № 3). В части игрового виртуального имущества это означает, что приобретение игроком виртуальных объектов и их улучшение за реальные деньги следует рассматривать как некий лицензионный платеж, за который правообладатель представляет пользователю возможность использовать дополнительный функционал игры. Как отмечает М.А. Рожкова, исключительные права принадлежат автору (авторам) или иному правообладателю онлайн-игры, который предоставляет пользователю доступ на основании пользовательского соглашения, так называемого end-user license agreement (EULA). Право доступа к игровому контенту возможно только при соглашении со всеми условиями пользовательского соглашения. В данном случае пользователи присоединяются к типовому лицензионному договору в целях участия в онлайн-игре. Между пользователем и правообладателем возникают договорные отношения по использованию игрового контента (см.: Рожкова М.А. Виртуальное имущество и многопользовательская онлайн-игра – как различать возникающие по их поводу отношения? // Закон.ру. URL: https://zakon.ru/blog/2020/12/6/virtualnoe_imuschestvo_i_mnogopolzovatelskaya_onlajn-igra_kak_razlichat_voznikayushchie_po_ih_povodu).

содержащего в себе элементы договора об оказании услуг. Примечательно, что на смешанный характер отдельных лицензионных соглашений в многопользовательских играх указывалось и в российской судебной практике⁵²³. Обозначенный подход в правовом регулировании онлайн-игр признают и сами разработчики виртуальных миров⁵²⁴.

Лицензионные, или пользовательские, соглашения устанавливают также и объем прав игроков по распоряжению виртуальным объектом. При наличии в них запрета на внеигровое отчуждение виртуального объекта, как отмечается в доктрине, на него может распространяться режим, характерный для натуральных обязательств. В случае если соглашения позволяют отчуждать виртуальный объект третьим лицам, допустимо говорить о применении положений о перемене лиц и обязательств⁵²⁵.

Вместе с тем, несмотря на то, что отношения по поводу виртуального (цифрового) имущества возникают исключительно в виртуальном мире, нельзя утверждать, что лицензионные и пользовательские соглашения в полной мере отражают реальные потребности оборота, регулирование которого в рамках названных соглашений фактически ничем не ограничивает «цифровую» власть правообладателя. Являясь по сути договорами присоединения, указанные соглашения преимущественно состояются «в

⁵²³ См., например: Определение Верховного Суда РФ от 30 сентября 2015 г. № 305-КГ15-12154. URL: <https://sudact.ru/>. Так, деятельность ООО «Мэйл.Ру Геймз» квалифицирована как осуществление операций «по безвозмездному предоставлению прав использования программ для ЭВМ (клиентских частей многопользовательских компьютерных онлайн-игр, игровой процесс в которых ведется с помощью сети интернет) пользователям – физическим лицам, на основании лицензионного договора (лицензионного соглашения), заключаемого пользователями посредством акцепта публичных оферт, размещенных обществом в сети интернет на оперируемых сайтах. Фактически на возмездной основе имели место операции по реализации физическим лицам услуг по организации игрового процесса» (решение Арбитражного суда города Москвы от 8 апреля 2015 г. по делу № А40-56211/14-90-70 // СПС «КонсультантПлюс»).

⁵²⁴ Так, в соответствии со ст. 6 Пользовательского соглашения World of Tanks «предоставление владельцем проекта или администрацией пользователю доступа к специальным возможностям игры осуществляется на возмездной основе, за плату и является услугой».

⁵²⁵ См.: Тагаева С.Н. Виртуальное игровое имущество – объект гражданских прав? С. 11–16.

пользу» правообладателя, фактически лишая пользователя права изменить условия, ставящие его в невыгодное положение, что может привести к произволу правообладателя.

Изложенное позволяет сформулировать ряд выводов.

Развитие цифровизации и техническое развитие общества обусловили появление новых объектов – виртуального (цифрового) имущества, требующего установления специального гражданско-правового режима отличного от существующих. Представляется, что сложившаяся к настоящему времени система имущественных прав, юридически закрепляющих присвоение различных объектов имущественного оборота, не позволяет учесть выявленные особенности виртуального (цифрового) имущества. Вместе с тем разнообразные виды имущества уже вышли за рамки правового оформления традиционно понимаемой «собственности» и права собственности как основы вещного права. Не исключено, что в процессе развития отечественного гражданского законодательства на определенном этапе виртуальный объект станет частью вещей, расширив границы понимания и восприятия права собственности. Возможно, законодатель попытается «вписать» его в систему объектов исключительных прав либо в отношении виртуального (цифрового) имущества будет разработан принципиально новый гражданско-правовой режим.

Неизвестно, какой путь будет предпочтен законодателем, поскольку, как справедливо отмечено в научной доктрине, «...если дифференциация вещных и обязательственных прав потребовала около двух тысяч лет, то для обособления интеллектуальных и корпоративных прав понадобилось примерно 200 лет, а о цифровых правах заговорили лишь около 20 лет тому назад»⁵²⁶.

Из новой редакции ст. 128 ГК РФ следует, что цифровые права поставлены в один ряд с безналичными денежными средствами и

⁵²⁶ Суханов Е.А. Указ. соч.

бездokumentарными ценными бумагами. При этом все три названных объекта объединены общей правовой категорией «иное имущество» и его разновидностью – имущественными правами⁵²⁷. Учитывая нашедшую широкое распространение в юридической литературе теорию о цифровых правах как об особом способе удостоверения имущественных прав⁵²⁸, не представляется возможным согласиться с таким решением отечественного законодателя. Бесспорно цифровые права относятся к имущественным в силу прямого указания ст. 128 ГК РФ, однако объем юридического понятия «имущественные права» неизвестен сам по себе, поэтому сведение их только к способам фиксации имущественных прав несколько преждевременно.

Даже если предположить, что цифровые права отнесены к объектам гражданских прав с точки зрения возможности их включения в гражданский оборот, наблюдается диссонанс изложенной нормы, поскольку в одной статье законодатель демонстрирует различные подходы к отнесению тех или иных явлений или предметов объективной действительности к объектам гражданских прав. К последним отнесены охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства

⁵²⁷ До вступления в силу Федерального закона от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» представители российской юридической науки рассматривали цифровое право исключительно как форму существования всех остальных прав. Так, С.В. Сарбаш указывал, что цифровые права представляют собой лишь способ оформления традиционных имущественных прав. А.С. Комаров, предупреждая о смешении формы и содержания, пояснял: «цифровое право – это больше форма» (цит. по: Одинцов С.В., Миронов Э.Ю. Цифровизация имущественного оборота: доктринальные трактовки и законодательная практика // Современное право. 2020. № 11. С. 98).

⁵²⁸ См., например: Рожкова М.А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым // ЭЖ Zakon.ru. URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositsya_virtualnoe_s_cifrovym#comment_466344; Экспертное заключение Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства по проекту федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: <http://privlaw.ru/wp-content/uploads/2018/04/meeting-190418-zakonoproekt-2-project-conclusion.pdf>; Ситдикова Р.И., Ситдилов Р.Б. Цифровые права как новый вид имущественных прав // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 9. С. 77; Суслова С.И., Филатова У.Б. Объекты гражданских прав в условиях формирования информационного пространства России // Пролог: журнал о праве. 2019. № 2. С. 11.

индивидуализации (т.е. интеллектуальная собственность, которая в силу прямого указания в законе не может отчуждаться или иными способами переходить от одного лица к другому), но не возникающие в их отношении исключительные права, которые и обладают признаком оборотоспособности (и, как мы предполагаем, охвачены правовой категорией «имущественные права»).

Учитывая изложенное, а также признавая за виртуальным (цифровым) имуществом признак оборотоспособности, полагаем целесообразным исключить из перечня объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) цифровые права, одновременно включив в него непосредственно виртуальное (цифровое) имущество, распространив на него гражданско-правовой режим цифровых прав с учетом наполнения содержания последнего, без которого в настоящее время данная дефиниция имеет абстрактный характер.

§ 3. Вопросы правового статуса субъектов цифровых правоотношений

Возникновение новых категорий субъектов права, как правило, связано с глобальными экономическими изменениями. Если возникновению института юридических лиц способствовали повышенные риски морской торговли колониальными товарами⁵²⁹, то усиление роли государства в экономике пополнило перечень субъектов частного права за счет включения в него государства и его многочисленных “alter ego” частноправовой природы (начиная от государственных унитарных предприятий и заканчивая хозяйственными обществами с государственным участием в уставном капитале). Научно-техническая революция способствовала появлению организационно-правовых форм юридических лиц, приспособленных для

⁵²⁹ См.: Суханов Е.А. Новые виды юридических лиц после реформирования главы 4 ГК РФ // Кодификация российского частного права 2017: сборник статей / под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2017. С. 78; Карапетов А.Г. Экономический анализ права. М., 2016.

осуществления венчурных инвестиций (партнерства) и призванных обеспечить юридически комфортное существование инвестиционных «стартапов»⁵³⁰.

Цифровизация общественных отношений не стала исключением. Широкою известность получило радикальное высказывание Ю. Н. Харари, сравнившего алгоритмы (искусственный интеллект) с такими субъектами права, как юридические лица и государства⁵³¹.

О.А. Тарасенко и В.А. Лаптев, характеризуя субъектов цифровых отношений, указывают, что помимо традиционных субъектов в них участвуют «киберфизические системы» (интеллектуальные машины и разумные роботы) в отношении объектов материального мира и киберфизического пространства⁵³², хотя и с оговоркой о том, что когнитивная система робота придумана человеком и предопределена заложенными в ней алгоритмами, что свидетельствует об отсутствии у роботов самостоятельной воли.

Одной из глобальных проблем правового положения владельцев виртуальных объектов, цифровых объектов, цифровых прав и пользователей информационных систем является корректность идентификации субъекта. Так, Д. Чалмерс включает «аватары (виртуальные тела)» наравне с виртуальными зданиями, виртуальным оружием и виртуальными сокровищами⁵³³.

⁵³⁰ См.: Мехтиев М.Г. Регулирование искусственного интеллекта: некоторые аспекты взаимодействия международного и национального права // Цивилист. 2023. № 5 (45). С. 10–17.

⁵³¹ «Хотя Toyota или Аргентина не имеют ни тела, ни разума, они являются субъектами международного права... могут владеть землей и деньгами, а также привлекать и привлекаться к суду. Не исключено, что в недалеком будущем такой же статус получают и алгоритмы. И тогда ничто не помешает алгоритму сделаться хозяином транспортной империи или венчурного фонда и перестать подчиняться желаниям человеческих особей» (Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего. М., 2019).

⁵³² См.: Лаптев В.А., Тарасенко О.А., Андреева Л.В. Цифровая экономика. Концептуальные основы правового регулирования бизнеса в России. М., 2023. С.14.

⁵³³ Chalmers D. J. The Virtual as the Digital. URL: file:///C:/Users/user/Downloads/The_Virtual_as_the_Digital.pdf

И.И. Кучеров указывает, что экономически активную деятельность в цифровом пространстве осуществляют именно цифровые профили⁵³⁴. С.В. Сарбаш также утверждает, что в цифровом пространстве лицо становится цифровым субъектом⁵³⁵.

Современные предложения по внедрению искусственного интеллекта (далее – ИИ), как правило, ограничиваются упрощением «линейных» процедур и процессов внутреннего и межведомственного взаимодействия⁵³⁶.

Л. Лессинг отмечал, что регулирование всегда будет существовать независимо от того, осуществляется ли оно кодерами или органами государственной власти, и, оставляя регулирование кодерам, общество рискует тем, что ценности общества не будут отражены в коде, которым управляется Интернет⁵³⁷.

По мнению С.А. Сеницына, сбор и обработка вводных данных компьютером осуществляются исключительно в целях, поставленных человеком; роль систем ИИ сводится к реализации алгоритма обработки указанных данных, заложенного в них человеком⁵³⁸. Таким образом, «личность» ИИ априори вторична относительно личности субъекта правоотношения⁵³⁹. Однако это не означает отсутствия у них юридически

⁵³⁴ См.: Кучеров И.И. Отдельные вопросы финансово-правового регулирования цифровой экономики: цифровая валюта // Финансовое право. 2021. № 4. С. 3–8.

⁵³⁵ См.: Сарбаш С.В. Гражданский оборот в цифровую эпоху. URL: https://zakon.ru/blog/2017/10/21/grazhdanskij_oborot_v_cifrovuyu_epohu

⁵³⁶ См. например: Курбанов Р.А., Налетов К.И. Процесс цифровизации органов правосудия в государствах – членах ЕС: сравнительно-правовое исследование // Взгляд поколения XXI века на будущее цифровой экономики: сборник статей преподавателей IX Международной научно-практической конференции «Современная экономика: концепции и модели инновационного развития» (Москва, 15–16 февраля 2018 г.). М., 2018. С. 61–69.

⁵³⁷ Lessig L. Code and other laws of cyberspace. Basic Books. New York, 1999.

⁵³⁸ См.: Сеницын С.А. Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации. Опыт междисциплинарного и отраслевого исследования: монография. М., 2020. С. 32–41.

⁵³⁹ Вместе с тем в современной юридической науке существует и другая точка зрения. Например, М.А. Егорова и В.В. Блажеев считают, что: «...необходимо сделать технологии предметом правового регулирования на основе взаимодействия людей и объектов неживой природы. Человекоцентризм права эволюционирует в сторону техноцентризма» (Блажеев В.В., Егорова М.А. Цифровое право. М., 2020. С. 17). В.А. Вайпан указывает на отсутствие «правовых препятствий для законодательного наделения роботов правами и

значимых особенностей – специфики прав, обязанностей и ответственности. Свобода волеизъявления пользователей компьютерных программ (виртуальных платформ и приложений, распределенных и нераспределенных информационных систем⁵⁴⁰) ограничена не только юридическими, но и техническими параметрами, заданными их разработчиком. Если юридические параметры – текст правового акта, документа рекомендательного характера или сделки (договора, доверенности, завещания) – могут быть истолкованы воспринимающими их субъектами по-разному (зачастую придается им дополнительный или совершенно иной смысл, отличный от заложенного автором)⁵⁴¹, то технические ограничения обойти гораздо сложнее⁵⁴². В.В. Лазарев отмечает именно «обогащение» общего правового статуса субъектов права за счет включения в него новых (цифровых) прав и обязанностей, новых гарантий этих прав, дополнения существующих прав взаимоотношениями с новыми⁵⁴³.

обязанностями субъектов различных правоотношений» (см.: Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: монография / Московское отделение Ассоциации юристов России, МГУ имени М.В. Ломоносова, Ассоциация российских дипломатов; отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М., 2019. С. 17. А.А. Иванов указывает на то, что в Сети очень сильно перемешаны социальные и технические аспекты, и поэтому многие технические нормы по своей природе приобретают правовое значение. Именно проблема идентификации и аутентификации связана с использованием технических приемов. Если правила идентификации и аутентификации не имеют нормативного свойства, то они фактически получают иммунитет от оспаривания путем их признания их недействительными или путем неприменения их судом.

⁵⁴⁰ Следует согласиться с мнением С.В. Одинцова о том, что в рамках цифровой революции практически исчезает грань между пользователями технологий и их создателями и правообладателями, поскольку цифровые технологии являются уже не используемым инструментарием, а процессами, которые субъекты адаптируют для своих нужд – преобразовывают, модифицируют и развивают их (см.: Одинцов С.В.

⁵⁴¹ См.: Хабриева Т.Я., Ковлер А.И., Курбанов Р.А. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М., 2023.

⁵⁴² Например, концепция цифрового рубля предполагает возможность ограничения его оборота эмитентом, что создаст возможность обеспечить целевой характер платежей, производимых с помощью цифрового рубля. В качестве другого примера можно привести дистанционное отключение компьютерных программ на автомобилях, ввезенных на территорию России по схеме так называемого серого импорта.

⁵⁴³ Лазарев В.В. Юридическая наука в свете перспектив цифровизации // Журнал российского права. 2023. № 2. С. 5–19.

М.А. Рожкова, указывая, что онлайн-платформа является синонимом информационной системы, характеризует ее как объект права и как его субъекта, поскольку онлайн-платформа является не только посредником, но и организатором торгового оборота⁵⁴⁴.

Не представляется возможным поддержать идею о наделении объектов аналогичными человеческим правами и обязанностями, так как даже превосходя человеческий мозг по способности производить вычисления и логические операции, самообучаться, ИИ не обладает душой, воображением, не способен испытывать эмоции, анализировать факты общественной жизни с точки зрения морали, нравственности и психологии. Как справедливо отмечено в научной доктрине, «с точки зрения гражданского законодательства в настоящее время робот определенно может считаться объектом гражданских прав, относящимся к такой их категории, как “вещи”..., на роботов распространяются и иные режимы объектов гражданских прав, такие как правовой режим “товара”»⁵⁴⁵.

В настоящее время правовое положение робота как объекта права практически не подвергается сомнению, однако в будущем не исключена тенденция все большего переложения на ИИ ряда функций и обязанностей, которые сегодня выполняет человек. При этом вполне можно прогнозировать ситуацию, когда действия робота смогут повлечь возникновение прав и обязанностей для других людей.

По нашему мнению, принципиальное отличие регулирования отношений посредством искусственного интеллекта от собственно правового регулирования – в природе. Собственно правовое регулирование представляет собой создание ограничений свободе поведения, тогда как

⁵⁴⁴ См.: Рожкова М.А. Сайт, информационный ресурс, информационная система, онлайн-платформа, что это такое и как они взаимосвязаны между собой? // Закон.ру. 2021. 19 апреля. URL: https://zakon.ru/blog/2021/04/19/sajt_informacionnyj_resurs_informacionnaya_sistema_onlajn-platforma__chto_eto_takoe_i_kak_oni_vzaimo.

⁵⁴⁵ Юридическая концепция роботизации: монография / Н.В. Антонова, С.Б. Бальхаева, Ж.А. Гаунова и др.; отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба. М., 2019. С. 22.

регулирование с помощью ИИ, напротив, создавая алгоритм, вынуждает действовать по заданному им сценарию, а не препятствует действию по сценарию субъекта права. Именно поэтому «...понимание режима его работы математически прогнозируемо»⁵⁴⁶, технологии принимают на вооружение самые предсказуемые модели поведения.

Искусственный интеллект не способен, совершив ошибку или любое другое случайное, непредусмотренное его алгоритмом, то есть иными субъектами права, действие (что само по себе немыслимо для искусственного интеллекта), сделать косвенные выводы (но только самые прямые и очевидные)⁵⁴⁷. Еще в меньшей степени ИИ самостоятелен в способности анализировать ошибки других систем ИИ даже при наличии связи между ними.

Выполнение трудовых функций юриста включает в себя творческую и рутинную составляющие. Последняя неуклонно сокращается, в том числе под влиянием цифровизации и ИИ. Однако данный тренд перешел в принципиально иное, опасное качество – попытку замены искусственным интеллектом и творческого начала. В современном обществе данная тенденция может быть преодолена – практически все современные представители человечества в той или иной степени операторы ЭВМ или во всяком случае ее пользователи. Но приобрели ли мы критическое отношение к действительности?

Современный этап развития интернет-технологий, называемый в литературе эпохой Web 3.0, предполагал, что взаимодействие и понимание данных в виртуальной реальности будет осуществляться не человеком, а

⁵⁴⁶ Цифровая экономика: концептуальные основы правового регулирования бизнеса в России: монография / отв. ред. В.А. Лаптев, О.А. Тарасенко. М., 2020. С. 13.

⁵⁴⁷ Среди научных открытий, совершенных благодаря случайности, можно назвать пенициллин, радиоактивное излучение, пластмассу, спички, рентген, анестезию, среди инновационных инженерных решений – тефлоновое покрытие, заменитель сахара, динамит, микроволновую печь, суперклей, ударопрочное стекло. Очевидно, что список удачных решений, к которым интеллект может прийти исключительно в результате совершенной им (или иным лицом) ошибки, еще более широк.

компьютерными системами⁵⁴⁸, то есть носители ИИ будут самостоятельно выстраивать алгоритм поведения в тех или иных ситуациях, что сделает необходимым наделение их некоторыми чертами субъектов права, например деликтоспособностью.

В.М. Кукушкин, освещая проблемные аспекты участия человека в цифровой экономике, называет среди прочего цифровую грамотность, цифровое неравенство, защиту информации и, наконец, место человека в цифровом мире (эта проблема «не решается путем принятия закона»)⁵⁴⁹. С этим утверждением следует согласиться, однако границы ответственности субъекта права, объем его обязательств перед иными субъектами устанавливаются именно нормами законодательства. Очевидно, что проблема, описанная В.М. Кукушкиным, комплексная по структуре, поэтому ее решение требует комплексного инструментария, включающего в том числе и нормы права.

Предметом права традиционно являлись и являются отношения между субъектами права, но не между субъектом права и его объектом. Таким образом, условная инструкция по эксплуатации того или иного объекта не может выступать в качестве правового акта сама по себе. В соответствии с техноцентрическими концепциями права предлагается в предмет правового регулирования включить отношения между человеком и объектом, а также между различными объектами.

Действительно, являются же субъектами права юридические лица, которые напоминают человека в еще меньшей степени по сравнению с объектами – «носителями» ИИ. Однако напомним, что единственный современный *raison-d-etre*⁵⁵⁰ юридического лица – возможность перераспределения бремени имущественной ответственности по его

⁵⁴⁸ См.: Иванов А.А. Искусство добра и справедливости в цифровую эпоху // Цифровое право. 2023. № 4 (1). С. 12–27. URL: <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2023-4-1-12-27>.

⁵⁴⁹ Кукушкин В.М. Некоторые дискуссионные вопросы правового регулирования цифровой экономики в России (часть 1) // Предпринимательское право. 2020. № 4. С. 26.

⁵⁵⁰ Смысл существования (фр.)

обязательствам с его учредителей на него. Объединение усилий физических лиц для достижения тех или иных целей может успешно осуществляться и с помощью инструментов договорной природы без объединения в корпоративные структуры⁵⁵¹. Вместе с тем современная российская практика существенно корректирует принцип ограниченной ответственности учредителей юридического лица и его руководителей (доктрина снятия корпоративной вуали).

Так, может быть, пришла пора наделить ограниченной гражданской правосубъектностью и ИИ?

Введение новой категории субъектов права не упрощает, а, напротив, усложняет правовое регулирование общественных отношений. Авторы часто указывают на то, что ИИ может самостоятельно заключать сделки, приводя в качестве примера интернет вещей, в рамках которого объекты способны взаимодействовать и без вмешательства человека. Приведем следующую аналогию: согласно ст. 120 Конституции РФ судьи подчиняются только закону, вместе с тем в руках суда множество инструментов правового регулирования – от подзаконных нормативных правовых актов и судебной практики до договоров сторон спора и правовых обычаев, однако юридическая сила всех остальных инструментов правового регулирования основана именно на нормах закона. Аналогично построены взаимоотношения ИИ и человеческого разума – ИИ может даже принимать самостоятельные решения, не предусмотренные его разработчиками и операторами, однако они будут иметь в своей основе волеизъявление разработчиков и операторов.

Представляется, что единственной значимой причиной является желание наделить ИИ деликтоспособностью. Действующее гражданское законодательство предусматривает презумпцию вины фактического владельца объекта повышенной опасности (в данном случае носителя ИИ), для случаев множественности лиц на стороне лица, допустившего нарушение

⁵⁵¹ См.: Гражданское право / Р.А. Курбанов, О.В. Шведкова, Л.Л. Баланюк и др. М., 2019.

обязательства, – систему солидарной и субсидиарной ответственности, ответственность должника за третьих лиц и за работников. Закон РФ «О защите прав потребителей» также устанавливает систему ответственности изготовителей, исполнителей, продавцов и владельцев агрегаторов за достаточно широкий спектр нарушений прав и законных интересов потребителей (например, ст. 12, 13, 16, 20, 23–25). Полагаем, что, прежде чем выдвигать предложение о столь революционном изменении действующего законодательства (и правопонимания в целом), следует ответить на вопросы о корреляции увеличения количества субъектов юридической ответственности и уровня защищенности прав и интересов граждан и о необходимости наделения неодушевленных предметов качеством субъекта права – деликтоспособностью в целях исправления недостатков законодательства. Представляется очевидным, что действующих норм вполне достаточно для возмещения убытков, причиненных в результате нарушений прав и свобод граждан действиями (бездействием) носителей ИИ.

Единственный возможный вариант развития событий, при котором вопрос о правосубъектности носителя ИИ может ставиться правомерно, – достижение искусственным интеллектом настолько высокой степени автономии, что его действия фактически выйдут из-под контроля его создателя, изготовителя и владельца. Напрашивается аналогия правоспособности ИИ с правоспособностью несовершеннолетних лиц. В данном случае действительно может возникнуть вопрос о перераспределении ответственности за действия ИИ. В связи с этим можно привести сравнение толкования и применения закона судом с концепцией «смерти автора», согласно которой личность автора текста растворяется в тексте, роль автора низводится до роли «скриптора» и на передний план выходит фигура «читателя» текста, который и придает тексту смысл (точнее, смыслы). В роли «читателя» в приведенном примере выступает суд, а в роли автора текста –

разработчик применяемой и толкуемой судом нормы законодательства⁵⁵². Учитывая, что ИИ представляет собой код, аналогия с текстом вполне уместна. При этом совершенно недопустимо говорить об ответственности текста за действия автора и читателя. Столь же абсурдно возлагать ответственность на ИИ за действия его создателя и владельца. Речь может идти только о перераспределении бремени несения ответственности или о расширении круга потенциальных делинквентов за счет лиц, имеющих возможность внесения изменений в алгоритм работы ИИ.

Возникает также вопрос о возможности реализации ответственности объекта права, априори не способного обладать собственным имуществом. Разобрать объект на запчасти, уничтожить его и искусственно снизить его технические характеристики (скорость, функционал, время работы) можно и без наделения его статусом субъекта права, не говоря уже о том, что в данном случае не будут достигнуты цели юридической ответственности. Например, В.А. Лаптев считает принудительное отключение, доработку программы, а также утилизацию крайней мерой ответственности носителя ИИ⁵⁵³. Представляется, что в данном случае негативные последствия возникают не для самого ИИ, а для его владельцев и выгодоприобретателей.

Правомерной будет постановка вопроса о круге субъектов цифровых правоотношений. В.В. Архипов и В.Б. Наумов предлагают концепцию «робота-агента», предусматривающую ответственность собственника и владельца робота-агента за его работу⁵⁵⁴. В.А. Лаптев, критикуя данную идею, обращает внимание на то, что она предполагает наличие у робота-агента обособленного имущества. Указанная концепция также не привносит ничего нового в ответственность по обязательствам – действующее

⁵⁵² См.: Хабриева Т.Я., Ковлер А.И., Курбанов Р.А. Указ. соч. С. 43.

⁵⁵³ См.: Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2.

⁵⁵⁴ См.: Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. 2017. №6. С. 46-62.

законодательство позволяет защитить третье лицо от неправомерных действий, совершенных с помощью ИИ, не прибегая к системе агентских правоотношений, что может осложнить определение надлежащего ответчика по иску пострадавшей стороны. Юридическое обособление имущества, принадлежащего ИИ, не позволит облегчить задачу по приведению отношений в состояние, в котором они находились до причинения вреда. Действующее гражданское законодательство предусматривает открытый перечень способов обеспечения исполнения обязательств, в том числе в пользу третьего лица, поэтому передача права собственности искусственному интеллекту не сообщит этой системе ничего нового.

Следует иметь в виду то, что искусственный интеллект (его носители) может быть наделен физической способностью брать на себя обязательства, выполнять какие-либо действия или препятствовать им, но в случае нарушения он не способен критически оценить ситуацию и удовлетворить претензии пострадавшей стороны в добровольном порядке или предложить альтернативные варианты разрешения проблемы в отличие от традиционного субъекта права.

В настоящее время активно обсуждается концепция наделения статусом субъекта права децентрализованных автономных организаций (далее – ДАО), экономическая суть которых состоит в том, что полномочия по управлению и контролю распределены между всеми его участниками. А.С. Лалетина, исследуя вопрос о том, что властные отношения, выходящие за рамки предмета регулирования гражданского законодательства, не исчерпываются отношениями между государством и частным лицом, отмечает возможность их возникновения и между формально равноправными субъектами⁵⁵⁵. Властные отношения подобного рода возникают на добровольной основе – в силу волеизъявления сторон (в том числе подчиняющейся стороны), вследствие чего регулируются нормами частного

⁵⁵⁵ См.: Лалетина А.С. Правовой режим газопроводов как объектов предпринимательского права: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011.

права. Действительно частноправовые соглашения могут детально регулировать поведение субъекта, вмешиваясь в его отношения с третьими лицами в гораздо большей степени, нежели тоталитарное государство. Сущность ДАО как правовой новеллы состоит в том, что они принципиально меняют структуру корпоративных правоотношений – строятся не согласно иерархии, а по нормам блокчейна – распределенного реестра данных. Фактически решение принимается всеми участниками цепи блокчейн. Децентрализованная автономная организация создает не просто очередную организационно-правовую форму юридического лица, но позволяет его участникам адаптировать структуру его управления, принцип распределения ответственности перед остальными участниками и перед третьими лицами и программировать деятельность корпорации в соответствии со своими целями.

Вместе с тем, как показывает практика, камнем преткновения вновь становится ответственность будущего субъекта права – идея криптоинвестирования предполагает отсутствие непосредственного взаимодействия инвесторов друг с другом, что отрицательно воздействует на готовность инвесторов нести солидарную ответственность перед третьими лицами. Указанная корпорация действительно может обладать правами субъекта без регистрации в качестве юридического лица, отношения ее участников будут подчиняться нормам ГК РФ о договорах, заключенных путем совершения конклюдентных действий. Таким образом, и развитие ДАО также не требует юридической персонификации ИИ.

Современный юридический смысл наделения ИИ отдельными юридическими качествами субъекта права состоит в необходимости обеспечить максимально возможный объем возмещения максимально возможному количеству лиц, чьим правам, свободам и законным интересам был нанесен вред при условии соблюдения запрета неосновательного обогащения и чрезмерного обогащения, что выразилось в одном из основных принципов гражданского права – принципе реституции, или восстановления

первоначального положения, существовавшего до нарушения прав и законных интересов лиц.

Насколько оправданна презумпция вины собственника объекта носителя ИИ (робота, беспилотного аппарата) или разработчика первичного алгоритма в условиях, когда этот объект-носитель реагировал нерелевантно на ситуации на основе алгоритма, сформированного им самостоятельно настолько, что ни разработчик, ни тем более собственник объекта-носителя не был в состоянии предположить его действия? Представляется вполне возможной ситуация, когда носитель ИИ, действуя на основе самостоятельно выстроенного алгоритма, причинил ущерб правам и законным интересам других лиц. Еще более реальны ситуации отсутствия у объекта-носителя ИИ собственника (владельца) либо неизвестности разработчика, а также прекращения существования при отсутствии правопреемника⁵⁵⁶. В этом случае возникает вопрос о вине лица, являющегося причинителем вреда, отсутствие которой освобождает по общему правилу ч. 2 ст. 1064 ГК РФ причинителя вреда от его возмещения. Очевидно, что степень вины эксплуатанта носителя ИИ, причинившего вред интересам другого лица при реализации алгоритма, заданного совершенно иными лицами, нежели эксплуатант, ничтожна.

Ограниченность ИИ заданным алгоритмом действий сделает невозможным соблюдение требований права, выполнение обязанностей в случаях, когда оно затруднено⁵⁵⁷, или, наоборот, обеспечит исполнение гражданско-правового обязательства тогда, когда это перестало соответствовать интересам кредитора, может нанести ущерб публичным интересам вопреки требованиям разумности и добросовестности (очевидно

⁵⁵⁶ Так, только по состоянию на 2022 г. в отношении 41 млн объектов только недвижимого имущества не было актуальных сведений о правообладателе.

⁵⁵⁷ Это противоречит целям российского законодательства, которое направлено на максимально полное исполнение обязательства (так, правило ч. 3 ст. 410 ГК РФ освобождает лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство, только если оно докажет именно невозможность исполнения обязательств, а не его затрудненность).

незнакомые искусственному интеллекту категории). В связи с этим уместно привести указание С.В. Сарбаша на то, что автоматизация процессов существовала еще в Древнем Риме и была представлена безвольными членами общества, которые выполняли волеобразующие действия других членов общества, при этом сами не признавались субъектами права⁵⁵⁸. Несмотря на то что это относилось к цифровым объектам, очевидно, что в описанных ситуациях автоматического исполнения обязательства искусственным интеллектом безвольным членом общества становится сторона обязательства.

Неспособность ИИ мыслить творчески препятствует и реализации нетрадиционных способов исполнения обязательства. Д.А. Гаврин отмечает, что арсенал возможностей в виртуальном пространстве это ограниченный набор вариантов действий – технически сформированных моделей поведения. Технологии принимают на вооружение алгоритмы наиболее привычного и традиционного поведения человека⁵⁵⁹. Например, невозможность заложенного алгоритмом перечисления денежных средств должника на счет кредитора означает неминуемое неисполнение денежного обязательства. В отличие от ИИ, человек способен исполнить денежное обязательство иным способом, разместив, например, денежные средства на депозит нотариуса (ст. 327 ГК РФ). Таким образом, автономия воли сторон договора ограничивается заданным алгоритмом.

Ввиду того что количество объектов носителей ИИ крайне разнообразно, юридический характер его связей с остальными объектами окружающего мира тоже крайне разнообразен – законным владельцем ИИ (ответственным за его поведение) далеко не всегда является владелец

⁵⁵⁸ См.: Одинцов С.В., Миронов В.Ю. Цифровизация имущественного оборота: доктринальные трактовки и законодательная практика // Современное право. 2020. № 11. С. 101.

⁵⁵⁹ См.: Цифровая экономика: концептуальные основы правового регулирования бизнеса в России: монография / отв. ред. В.А. Лаптев, О.А. Тарасенко. М., 2020. С. 19 (автор § 1 гл. 1 Д.А. Гаврин).

(владельцы) остальной части системы или, по выражению П.М. Морхата, ее «юнитов» – носителя, физически, виртуально, юридически отграниченного от всех прочих носителей ИИ⁵⁶⁰.

Е.Б. Подузова, с одной стороны, отмечает существование неких «специфических участников» цифровых правоотношений, которых «можно выделить помимо классических субъектов правоотношений»⁵⁶¹, с другой – соглашается с мнением В.Ф. Попондопуло о необходимости отличать «основной статус» субъектов цифровых правоотношений как субъектов реальных общественных отношений от его «особенностей», определяемых цифровой формой отношения⁵⁶². Возникает вопрос о существовании «эндемичных» субъектов цифровых правоотношений.

С точки зрения В.Ф. Попондопуло, использование информационной системы предполагает участие в ней оператора⁵⁶³. Вместе с тем использование криптовалюты может осуществляться децентрализованно – без оператора, которого заменяют пользователи информационной системы на основе распределенного реестра (блокчейн), неочевиден даже эмитент криптовалюты.

Одни и те же субъекты права могут участвовать и в цифровых, и в реальных общественных отношениях. Возникает вопрос об «эндемичных» субъектах цифровых правоотношений, существующих и ведущих свою деятельность исключительно в цифровой среде, поскольку оборот цифровых прав согласно положениям ч. 1 ст. 141.1 ГК РФ возможен только в информационной системе.

⁵⁶⁰ См.: Морхат П.М. Право и искусственный интеллект. М., 2019.

⁵⁶¹ Подузова Е.Б. Субъекты цифровых правоотношений: тенденции права и бизнеса // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 2. С. 56.

⁵⁶² Там же.

⁵⁶³ См.: Попондопуло В.Ф. Правовые формы цифровых отношений // Юрист. 2019. № 6. С. 29–36.

Особенности правового статуса субъектов цифровых правоотношений обусловлены исключительно наличием у них прав на объекты цифровых правоотношений.

Существуют тенденции формирования двух отдельных правовых режимов. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (далее – Закон о цифровых финансовых активах) предусматривает существование такого субъекта права, как «непубличное акционерное общество, акции которого выпущены в виде цифровых финансовых активов». По нашему мнению, происходит дихотомия двух типов непубличного акционерного общества: 1) обладающего общей правоспособностью; 2) акции которого выпущены в виде цифровых финансовых активов. Положения указанного закона (п. 5–8 ст. 13) делают эти два статуса несовместимыми – выпуск непубличным акционерным обществом акций в виде цифровых финансовых активов исключает возможность преобразования его в публичное акционерное общество и лишает его права выпуска эмиссионных ценных бумаг в иной форме, нежели цифровой финансовый актив, а равно конвертации. На дихотомию этих двух правовых режимов направлены и положения п. 7 и 8 ст. 12 Федерального закона «Об акционерных обществах», запрещающие внесение в устав акционерных обществ правил, предусматривающих возможность выпуска акций непубличного акционерного общества в виде цифровых финансовых активов, а также не допускается исключение из устава общества такого указания, предусмотренного уставом при учреждении общества. Таким образом, совмещать в одном непубличном акционерном обществе деятельность по выпуску акций в цифровой и в обычной форме юридически невозможно.

Представляется, что именно несовместимость этих двух типов акционерных обществ позволяет согласиться с тезисом о существовании

юридической специфики правового статуса субъектов цифровых правоотношений.

Е.Ю. Баракина, комментируя положения Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», обозначает следующих субъектов: оператор информационной системы, обладатель информации и провайдер хостинга⁵⁶⁴. Мы считаем, что к таковым данный закон относит также владельца сайта в сети «Интернет» – лицо, определяющее порядок использования сайта, в том числе порядок размещения на нем информации.

Конституционный Суд РФ приравнял сетевые издания к обычным средствам массовой информации (далее – СМИ), указав в постановлении от 9 июля 2013 г. № 18-П на нецелесообразность возложения проверки достоверности размещаемой на веб-сайте информации на владельца интернет-сайта (или другого электронного СМИ), поскольку он объективно ограничен в возможности определять ее достоверность – это было бы отступлением от конституционных гарантий свободы слова. Возложение на владельца электронного СМИ обязанности выполнить, как только ему об этом стало известно, необходимые действия – удалить (отредактировать) информацию, признанную судом не соответствующей действительности, не может рассматриваться ни как чрезмерное обременение, ни как несоразмерное ограничение его прав. Ю.А. Тихомиров назвал одним из последствий растущего объема нормативного правового регулирования «расширение способов гибкой саморегуляции»⁵⁶⁵.

⁵⁶⁴ См.: Баракина Е.Ю. Субъекты правоотношений цифровых платформ как механизма реализации финансовых технологий // Юрист. 2023. № 3. С. 16–22.

⁵⁶⁵ Тихомиров Ю.А. Право и саморегулирование // Журнал российского права. 2005. № 9. С. 86.

Отдельные исследователи называют описанные «полномочия» администраторов и владельцев сайтов не иначе как «публичной (негосударственной) сетевой властью»⁵⁶⁶.

А.А. Иванов, хотя и не отождествляет локальные акты социальных сетей с актами, подлежащими принудительному применению, проводя аналогию с правилами внутреннего распорядка, тем не менее отмечает высокий уровень их распространения и его дальнейший рост⁵⁶⁷.

Неформальный характер социальных сетей, сыгравших негативную роль в происходящих в современном обществе процессах, распределенного реестра, маркетплейсов способствовал тому, что на современном этапе их развития они стали очередным подтверждением парадокса свободы, сформулированного еще Платоном: неограниченная свобода ведет к своей противоположности, поскольку без защиты и ограничения со стороны закона свобода приводит к тирании сильных над слабыми. Исследователями неоднократно отмечался такой пробел международного публичного права, как отсутствие среди его субъектов и адресатов юридических лиц, их объединений, осуществляющих деятельность за пределами национальных границ и имеющих статус транснациональных корпораций⁵⁶⁸.

Отсутствие формально-юридического статуса объединений пользователей сети «Интернет» позволило им вывести свои действия из-под контроля государства, которое согласно нормам международного частного права предопределяет частноправовой статус юридического лица, зарегистрированного на его территории в пределах сферы действия личного статута (ч. 1 и 2 ст. 1202 ГК РФ). Более того, указанные объединения начали

⁵⁶⁶ Монахов В.Н. Социальные сети как объект регулирования // Эволюция государственных и правовых институтов в условиях развития информационного общества / отв. ред. И.Л. Бачило. М., 2012.

⁵⁶⁷ См.: Иванов А.А. Искусство добра и справедливости в цифровую эпоху// Digital law journal. 2023. Т. 4. № 1.

⁵⁶⁸ См.: Правовые основы противодействия коррупции: международные и национальные стандарты и инициативы: научно-практическое пособие: в 2 т. / Т.Я. Хабриева, Р.А. Курбанов, Н.А. Абузярова и др. Т. 1. М., 2021.

самостоятельно регулировать поведение своих пользователей, пользуясь абстрактным характером норм гражданского законодательства и высоким уровнем диспозитивности его положений⁵⁶⁹.

До сих пор не сформирована система правоотношений между обладателями объектов гражданских прав ввиду неочевидности правового режима виртуальных объектов, цифровых прав и ограниченных вещных прав на объекты гражданских прав в целом. Одновременно российское гражданское законодательство идет по пути постепенного сближения корпоративных и договорных форм⁵⁷⁰, позиционируя конечной целью придание максимальной гибкости взаимоотношениям субъектов предпринимательской деятельности в части инвестирования. Это происходит как путем привнесения договорных элементов в корпоративные правоотношения (например, введение института корпоративных договоров), так и наоборот – за счет придания объединениям субъектов частного права на основе договора юридического качества субъектов гражданских правоотношений⁵⁷¹.

Если ранее в качестве примера такого «субъекта» можно было привести разве что объединение лиц на основе договора простого товарищества как стороны соглашения о разделе продукции (само по себе оно существует только в виде двух договоров, реализуемых на территории Российской Федерации)⁵⁷², то в настоящее время «институционализация»

⁵⁶⁹ Руководствуясь постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» (в частности, абз. 1 п. 3, абз. 1 п. 4 практически любую норму гражданского законодательства можно охарактеризовать как диспозитивную: даже в том случае, когда данная норма не содержит прямого указания на возможность изменения ее применительно к сторонам гражданско-правового договора, данный инструмент судебной практики не исключает возможности изменения ее договором).

⁵⁷⁰ См.: Право и экономическая деятельность (экономическое право): учебник / Р.А. Курбанов, Ю.А. Крохина, Р.А. Гарагурбанлы и др. М., 2023.

⁵⁷¹ См.: Налетов, К.И. Трансформация частноправового аспекта деятельности государства в эпоху глобализации // Страховое право. 2018. № 2 (79). С. 3–9.

⁵⁷² См.: Правовая парадигма энергетики в контексте устойчивого экономического роста / А.Н. Варламова, О.А. Символоков, В.А. Северин и др. М., 2022.

договорных объединений может быть проиллюстрирована развитием инвестиционных товариществ, а также возникновением юридической категории гражданско-правовых сообществ.

До недавнего времени указанная категория, подобно платоновским «идеям», существовала исключительно в доктринальных источниках. Несмотря на то что формально юридическая доктрина не является источником права, сложно отрицать ее фактическую роль в формировании правовой системы от участия ученых-юристов в работе над инструментами международно-правового регулирования частноправовых имущественных отношений (*lex mercatoria*)⁵⁷³ и до активного участия в формировании правовой позиции сторон судебного разбирательства (а значит, и судебной практики) посредством дачи заключений по материалам дела *amici curiae*. И хотя суды государственной судебной системы, как правило, отказывают в приобщении текста материалов научной экспертизы, проведенной учеными-юристами по спорным вопросам применения норм права, нельзя не заметить обратной тенденции в практике Суда по интеллектуальным правам и форумов международного коммерческого арбитража.

Наличие общей цели у его участников было признано доктриной в качестве юридически значимого признака гражданско-правового сообщества, что позволило отделить его по смыслу от группы лиц⁵⁷⁴. Представляется, что значимым признаком гражданско-правового сообщества также является общий интерес его участников – с учетом того, что в гражданско-правовое сообщество входят в том числе лица, просто подчиняющиеся воле большинства, говорить о наличии общей цели несколько преждевременно. Исследователями неоднократно отмечалась ситуативность, относительность существования гражданско-правовых сообществ. По мнению

⁵⁷³ См.: Концептуальные основы развития науки и признание иностранных научных степеней и званий как форма межгосударственной интеграции: сравнительно-правовое исследование / под ред. Р.А. Курбанова. М., 2022.

⁵⁷⁴ См.: Груздев В.В. Гражданско-правовые сообщества: понятие и виды // Журнал российского права. 2021. № 10.

С.Ю. Филипповой, одна и та же группа лиц может характеризоваться и как простая множественность лиц, и как гражданско-правовое сообщество⁵⁷⁵.

Указанный институт получил дальнейшее развитие в судебной практике. Связь научных доктрин с юридической наукой очевидна – многие из них имеют судебное происхождение. Кроме того, доктрина «освещает путь» официальному толкованию права, оказывает влияние на правосознание судей⁵⁷⁶.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (п. 118) разделило гражданско-правовые сообщества на правосубъектные и неправо субъектные. По мнению С.Ю. Филипповой, смысл данного положения состоит в том, что «гражданско-правовое сообщество в отдельных случаях может представлять собой юридическое лицо»⁵⁷⁷. Мы придерживаемся противоположной точки зрения, согласно которой Пленум Верховного Суда РФ выделил именно неправо субъектные гражданско-правовые сообщества, так как именно в отсутствии полноценной правосубъектности и состоит смысл юридического существования гражданско-правового сообщества. Согласно п. 103 данного постановления гражданско-правовое сообщество представляет собой определенную группу лиц, уполномоченных принимать на собраниях решения, с которыми закон связывает гражданско-правовые последствия, обязательные как для всех лиц, имевших право участвовать в таком собрании, так и для иных лиц, если это предусмотрено законом или вытекает из существа отношений.

Действующим законодательством указанный институт был легализован посредством отнесения к нему, в частности, собрания участников

⁵⁷⁵ См.: Филиппова С.Ю. Множественность лиц и гражданско-правовое сообщество: сходства и различия // Закон. 2022. № 6. С. 30–41.

⁵⁷⁶ См.: Хабриева Т.Я., Ковлер А.И., Курбанов Р.А. Указ. соч.

⁵⁷⁷ Филиппова С.Ю. Указ. соч.

юридического лица, общего собрания собственников, кредиторов при банкротстве (ч. 2 ст. 181.1, ст. 181.2 ГК РФ).

Состав гражданско-правовых сообществ послужил предметом дискуссии между В.В. Груздевым и С.Ю. Филипповой. В.В. Груздев расширяет данное понятие, говоря о несводимости его к решениям собраний⁵⁷⁸, тогда как С.Ю. Филиппова считает такое понимание смешением множественности (группы) лиц и гражданско-правового сообщества. По ее мнению, гражданско-правовое сообщество как юридическая категория было создано законодателем именно для отграничения решений собраний как специфического способа формирования групповой воли⁵⁷⁹. В связи с этим возникает вопрос о целесообразности такого отграничения. Решения собраний как «специфический способ формирования групповой воли» и так «отграничен» в п. 1.1 ст. 8 ГК РФ, согласно которому они признаются одним из оснований возникновения гражданских правоотношений. Представляется логичным вывод о том, что если в ст. 128 ГК РФ цифровые права упоминаются наряду с бездокументарными ценными бумагами, то законодатель не отождествляет эти права⁵⁸⁰.

Полагаем, что необходимой чертой гражданско-правового сообщества является его способность принимать решения, обязательные для его участников. Подчеркнем, что данные решения не имеют нормативного характера в силу того, что они распространяются на заранее определенный круг лиц, однако являются юридически значимыми действиями, влекущими правовые последствия⁵⁸¹. Важно и то, что определение, приведенное в

⁵⁷⁸ См.: Груздев В.В. Указ. соч.

⁵⁷⁹ См.: Филиппова С.Ю. Указ. соч.

⁵⁸⁰ См.: Мельникова Т.В., Никиташина Н.А., Шаляева Ю.В. Цифровые финансовые активы как объекты гражданских прав // Юрист. 2023. № 11. С. 37–42.

⁵⁸¹ В конституционном праве существует аналогичная проблема с правовой природой решений коллегий федеральных органов государственной власти и создаваемых несколькими государственными органами комиссий (см., например: Куповых В.А. Системные проблемы оспаривания властных актов – объекты, субъекты и структура // Экономика. Право. Общество. 2022. Т. 7. № 4 (32). С. 73–78; Кухтевич С.А. Правотворчество Президента Российской Федерации: от подзаконных актов нормативного

указанном постановлении Пленума Верховного Суда РФ, не позволяет расширить состав потенциальных адресатов указаний гражданско-правовых сообществ до неопределенного круга лиц. Право законодателя предусмотреть иной перечень субъектов, для которых решение группы лиц, образующих гражданско-правовое сообщество, является обязательным, ограничено частноправовым принципом недопустимости произвольного вмешательства кого-либо (в том числе и участников гражданско-правового сообщества) в частные дела и приобретением субъектами гражданских прав своих гражданских прав исключительно собственной волей и в своем интересе (ч. 1 и 2 ст. 1 ГК РФ). Также не могут порождать обязанности для лиц, не являющихся их участниками, совершаемые указанными сообществами сделки в силу прямого указания ст. 155 ГК РФ, согласно которой односторонняя сделка создает обязанности исключительно для лица, совершившего сделку, а обязанности для других лиц она может создавать исключительно в случаях, установленных законом или договором с этими лицами.

Развитие шеринговой экономики, основанной на концепции совместного потребления и инвестирования (краудфандинг и краудсорсинг), послужило катализатором возникновения объединений лиц для достижения общей цели и совместного решения стоящих перед ними задач⁵⁸². Аналогична природа майнинга криптовалюты, представляющего собой вычислительные действия на основе математической модели и кода с целью формирования очередного блока в цепочке-блокчейне. Указанные вычисления предполагают одновременную работу множества майнеров над решением задачи, но лишь один из них может найти окончательное решение

характера до использования права законодательной инициативы // Экономика. Право. Общество. 2021. Т. 6. № 4 (28). С. 23–29.

⁵⁸² См.: Курбанов Р.А., Налетов К.И. Статус оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 12. С. 45–57.

(в момент окончания решения задачи). Целью майнинга является получение его участниками proof-of-work – вознаграждения за криптовалюту⁵⁸³.

Создают ли эти обладатели цифровых финансовых активов гражданско-правовое сообщество?

В соответствии с терминологией Закона о цифровых финансовых активах обладателями цифровых финансовых активов являются пользователи информационной системы на основе распределенного реестра, обеспечивающие тождественность содержащейся в ней информации путем подтверждения действительности вносимых в нее (изменяемых в ней) записей, и фактические владельцы уникальных кодов, позволяющих им получать информацию об имеющихся цифровых финансовых активах и распоряжаться ими в информационной системе (п. 8 ст. 1, подп. 2 п. 7 ст. 4 данного закона). Вместе с тем владельцы цифровых финансовых активов не вправе принимать решения, обязательные для исполнения иными лицами.

Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон об инвестиционных платформах) также не дает прав ни инвесторам, ни реципиентам на принятие таких решений, однако оно может быть предусмотрено договором между инвестором и реципиентом.

Майнинг криптовалюты также не предполагает принятия той или иной группой майнеров решений, обязательных для исполнения другими майнерами.

В качестве критериев, позволяющих отличить гражданско-правовое сообщество от простой группы лиц, выделяются наличие общей цели или интереса у участников гражданско-правового сообщества, а также возможность гражданско-правового сообщества принимать решения,

⁵⁸³ См.: Мехтиев М.Г. Природа криптовалют и их правового регулирования: международно-правовой и сравнительно-правовой аспекты // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 3. С. 31–42.

обязательные для его участников, не участвовавших в голосовании или проголосовавших против данного решения. Решения, принятые гражданско-правовым сообществом, не обладают качеством нормативности, поскольку распространяются на заранее определенный круг лиц – участников гражданско-правового сообщества, однако являются юридически значимыми действиями, влекущими правовые последствия.

Критериям гражданско-правового сообщества не соответствуют ни пользователи цифровых финансовых активов, ни реципиенты, ни инвесторы, ни лица, осуществляющие майнинг криптовалюты, обладающие общими целями и интересом, в силу отсутствия юридической возможности коллективно принимать решения, обязательные для участников этой группы. Вместе с тем нельзя исключать того, что договором между инвестором и реципиентом такое право может быть предусмотрено.

О.А. Серовой понятие «гражданско-правовое сообщество» (ст. 181.1 ГК РФ) расширяется за счет социальных сетей и интернет-платформ, которые «склонны к саморегуляции». Таким образом, О.А. Серова включает в перечень субъектов цифрового права объединения физических лиц, разделяющих общие интересы и ценности, решение которых в рамках проведения общих собраний по правилам, определенным гражданским законодательством и внутренними правилами сообщества, может иметь гражданско-правовые последствия⁵⁸⁴.

С.А. Чеховская в качестве признаков цифровой корпорации называет идентификацию их самих, а также их деятельности исключительно в цифровой среде и существование их только как совокупности определенным образом организованных компьютерных кодов⁵⁸⁵.

А.А. Карцхия включает в число субъектов цифрового гражданского оборота в том числе маркетплейсы, агрегаторы данных, технологические

⁵⁸⁴ См.: Серова О.А. Саморегулирование в условиях цифровой трансформации общественных отношений // Гражданское право. 2023. № 3. С. 16–18.

⁵⁸⁵ См.: Чеховская С.А. Модель корпоративного права для цифровых корпораций // Коммерческое право. 2019. № 4. С. 38.

платформы, торговые электронные площадки, поисково-информационные системы (Google, Yandex, Bing), социальные сети (Facebook, VK, Snapchat), поставщиков «облачных» услуг (сервисов) IaaS и PaaS, промышленные и бизнес-системы управления (по принципу интеллектуальный, «умный» объект). В.А. Лаптев и С.Ю. Чуча считают субъектом цифрового гражданского оборота технологически единый цифровой организм с внутренней автоматизированной экосистемой, позволяющей автоматически управлять бизнесом⁵⁸⁶.

Действительно современный гражданский оборот не ограничивается физическими и юридическими лицами⁵⁸⁷, что уже нашло отражение в современных нормах гражданского законодательства, регулирующих корпоративные отношения и «дрейфующих» в сторону усиления договорно-правовых начал. Это проявляется в становлении и развитии института корпоративных договоров, возникновении хозяйственного партнерства и инвестиционных товариществ.

Закон о цифровых финансовых активах называет в числе субъектов цифровых правоотношений: 1) оператора информационной системы, осуществляющей выпуск цифровых финансовых активов; 2) оператора обмена цифровых финансовых активов.

Оператор не только определяет условия взаимодействия инвестора и реципиента в рамках информационной системы (п. 5 ст. 3 Закона об инвестиционных платформах)⁵⁸⁸, но и получает подтверждение того, что

⁵⁸⁶ См.: Лаптев В.А., Чуча С.Ю., Фейзрахманова Д.Р. Цифровая трансформация инструментов управления современными корпорациями: состояние и пути развития // Правоприменение. 2022. № 1. С. 231.

⁵⁸⁷ Специалистами в области приводится в пример такой потенциальный субъект права пользования недрами, как простое товарищество, которое не имеет прав юридического лица.

⁵⁸⁸ Правила инвестиционной платформы не только утверждаются ее оператором, но и изменяются им в одностороннем порядке, однако таким изменениям нельзя придать обратную силу применительно к отношениям участников инвестиционной платформы и ее оператором, возникшим до вступления этих изменений в силу (п. 4 ст. 4 Закона об инвестиционных платформах). Возможность изменения правил (а по сути – договора инвестирования в одностороннем порядке) обесмысливает требования к содержанию

инвестор ознакомился с рисками инвестирования на платформе и принимает их (п. 7 ст. 3), хотя заверение об обстоятельствах (ст. 431.2 ГК РФ) должно даваться именно реципиентом как противоположной стороной договора инвестирования.

Оператор инвестиционной платформы может выступать в качестве одного из бенефициаров по номинальному счету, если договор инвестирования является договором займа в случае уступки оператору прав требования по этому договору (п. 9.1. ст. 13 Закона об инвестиционных платформах»).

Правовой статус оператора информационной системы и оператора обмена цифровыми финансовыми активами противоречит положениям ГК РФ о цифровом праве – об исключении третьего лица из числа субъектов правоотношений, возникающих в сфере осуществления и распоряжения цифровыми правами (ст. 141.1 ГК РФ).

§ 4. Связь оборота цифрового контента и цифровизации гражданского оборота

Цифровизация гражданского оборота может очень существенно снизить транзакционные издержки (особенно в случае операций с товарами, работами и услугами массового потребления и выявления целевых групп потребителей с помощью технологий big data). Кроме того, она облегчает динамическое ценообразование, направленное на формирование цены на основе данных о состоянии спроса и предложения.

В условиях «самоизоляции» ввиду пандемии коронавируса COVID-19 востребованность и популярность электронного взаимодействия субъектов права существенно возросла, поскольку оно не предполагает физического

инвестиционного предложения, которое должно включать все существенные условия договора инвестирования (ч. 2 ст. 13 Закона об инвестиционных платформах).

присутствия сторон сделки при ее заключении. Пандемия увеличила и удельный вес общественных отношений, возникающих и реализующихся в виртуальной реальности. Не являются чем-то принципиально новым сделки, заключаемые онлайн. В период пандемии эта практика коснулась даже недвижимого имущества. Рыночная стоимость виртуальных активов скоро превысит стоимость реально существующих, тем более что прецеденты существовали и возникают постоянно – например, выпуск наличных денежных средств, сумма которых не всегда равна стоимости имущества государства-эмитента. Особенность виртуальных объектов состоит в том, что они не всегда нуждаются в приложении существенных материальных ресурсов для их создания, то есть могут быть созданы с нулевыми затратами и при этом пользоваться спросом. Таким образом, они обладают повышенной рентабельностью по сравнению с классическими товарами. Подобная эффективность и делает их в экономическом смысле товаром.

Юридическая характеристика объекта гражданских прав предопределяет юридическую характеристику их оборота. Так, признание объекта – носителя ИИ (серверной станции для майнинга) объектом коммерческой деятельности повлекло за собой перерасчет тарифов на электроэнергию для его снабжения, а деятельность его эксплуатанта была признана предпринимательской и не соответствующей деятельности некоммерческих организаций⁵⁸⁹, хотя формально майнинг как процесс создания криптовалюты не полностью соответствует определению предпринимательской деятельности⁵⁹⁰.

Одной из современных тенденций развития российского законодательства, регулирующего отношения сторон договорных

⁵⁸⁹ См.: постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16 января 2019 г. по делу № А19-15918/2017.

⁵⁹⁰ Объединение майнеров в группу (так называемый облачный майнинг) может указывать на направленность на извлечение прибыли, однако не всегда имеет самостоятельный характер. Получение прибыли является исключительно или преимущественно случайным событием, что позволяет квалифицировать майнинг как игру. Получение прибыли зависит от события, наступление которого неизвестно.

обязательств, стало расширение способов принятия их условий на себя. Так, чтобы стать стороной договора, совершенно необязательно его подписывать – согласие может быть выражено и конклюдентными действиями. Применение этого правила и ранее было неожиданным для лиц, внезапно ставших сторонами обязательства (этот конфликт даже получил устойчивое наименование «акцепт подкрался незаметно»), а цифровизация процедуры заключения сделок только усугубила эту тенденцию – заключение сделок и совершение других юридически значимых действий в электронной форме часто происходит без реального осознания значимости этих действий. Хрестоматийный пример – покупки и заказы онлайн, совершенные малолетними детьми посредством телефона родителей. Всем знакомы конклюдентные действия по установке программного обеспечения на персональный компьютер, когда предлагается либо согласиться с условиями договора пользования программой, либо отказаться от ее установки. Данный договор не предполагает возможности изменить его условия в свою пользу. Цифровизация процедуры заключения договора чревата обострением конфликта воли и волеизъявления. Вместе с тем цифровизация процедур заключения, исполнения, изменения и прекращения договора значительно ускоряет данные процедуры, делая их автоматическими. Использование смарт-контракта позволит запрограммировать автоматическое исполнение встречных и условных обязательств при наступлении соответствующих юридических фактов, автоматическое списание денежных средств со счета при нарушении договора контрагентом. С учетом «продолжниковской» ориентации современного российского законодательства, иллюстрирующей высказывание Цицерона «благодетель, оказанный недостойному, – злодеяние», неэффективной работы службы судебных приставов, систематических отказов судов в применении предварительных обеспечительных мер автоматизация «жизненных циклов» договора с помощью смарт-контракта станет «противовесом» данных обстоятельств.

Смарт-контракт представляет собой компьютерную программу, самостоятельно отслеживающую и обеспечивающую исполнение обязательств. При этом он взаимодействует с внешними базами данных, синхронизируя условия и жизненные циклы договора с ними или списывая денежные средства со счета лица, нарушившего договорное обязательство.

С правовой точки зрения смарт-контракт представляет собой не отдельный вид договора, не самостоятельную договорную конструкцию, а вид обеспечения исполнения обязательств, не поименованный в гражданском законодательстве, что прямо предусмотрено п. 1 ст. 329 ГК РФ.

Не признавая за цифровыми правами и объектами самостоятельного содержания и объекта, доктринальные источники определяют их как цифровую форму сделок либо способ фиксации прав или сделок⁵⁹¹.

А.А. Иванов указывает на размытие в результате цифровизации границ между абсолютными и относительными правами, приводя в пример возможность контролировать использование объекта после его отчуждения. При этом он ссылается на статью, в которой говорится о возможности государственных органов дистанционно отключить двигатель автомобиля⁵⁹². Однако в приведенном примере нет относительного права, а есть лишь дискреционное полномочие государства. Бывший собственник не имеет юридической возможности отключить использование автомобиля новым собственником.

Производитель накладывает ряд технических ограничений высокотехнологичной вещи (например, смартфона или эклектического автомобиля, который не способен функционировать и тем самым служить реализации правомочия пользования вещью). Является ли нарушением правомочий собственника вещи заключение самим собственником

⁵⁹¹ См.: Фомина О.Н. От вещных прав к правам на нематериальные и цифровые объекты // Гражданское право. 2023. № 2. С. 42–45.

⁵⁹² См.: Иванов А.А. Вещные права и цифровизация // Интеграция науки и образования в условиях цифровой трансформации: монография: в 3 т. / отв. ред. С.Д. Могилевский, О.В. Шмалый, И.А. Емелькина. М., 2022. Т. 3. С. 41.

пользовательского или иного соглашения (лицензионного договора) при приобретении данной вещи, в котором собственник соглашается с условиями использования программ для ЭВМ, становясь лицензиатом ограниченных правомочий на определенных условиях?

Как было отмечено, одной из задач определения правовой природы цифрового контента стало обеспечение его оборота. Оборот цифровых прав осуществляется на основе положений ГК РФ, а также федеральных законов об инвестиционных платформах и о цифровых финансовых активах. Их соотношение с ГК РФ определяется правилом о необходимости соответствия федеральных законов, содержащих гражданско-правовые нормы, положениям ГК РФ (абз. 2 п. 2 ст. 2 ГК РФ). Вместе с тем положения самого ГК РФ о цифровых правах (ст. 141.1), носящие отсылочный характер, сообщают двум федеральным законам, содержащим указание на цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права, характер специальных.

Соотношение норм ГК РФ об объектах гражданских прав, в частности о цифровых правах, а также об обязательственных отношениях с их обладателями, пользователями и приобретателями и норм Закона о цифровых финансовых активах (п. 1 ст. 1) определяется на основе приоритета норм ГК РФ (абз. 3 ч. 2 ст. 3) и положений ст. 141.1 об обороте цифровых прав, владение, пользование и распоряжение которыми осуществляется согласно правилам информационной системы, юридические критерии которой устанавливает закон.

Соотношение норм ГК РФ и положений Закона об инвестиционных платформах, регулирующего обращение утилитарных цифровых прав и ценных бумаг, удостоверяющих их существование, а также определяющего действия операторов инвестиционных платформ, аналогично. А.В. Захаркина

характеризует связь этих двух специальных законов как «органическую» и «имманентную»⁵⁹³.

Суть правоотношений, регулируемых Законом об инвестиционных платформах, состоит в том, что оператор инвестиционной платформы обязуется предоставить реципиенту инвестиций и инвестору доступ к ней для заключения инвестором и реципиентом договора инвестирования. Инвестирование согласно данному закону осуществляется на основании договоров трех категорий: 1) договора инвестирования; 2) договора об оказании услуг по привлечению инвестиций (между оператором и реципиентом инвестиций); 3) договора об оказании услуг по содействию в инвестировании (между оператором и инвестором).

Договоры об оказании услуг по привлечению инвестиций и об оказании услуг по содействию в инвестировании обязывают оператора согласно правилам инвестиционной платформы предоставить реципиенту (либо инвестору) доступ к инвестиционной платформе для заключения с контрагентом договора инвестирования с помощью информационных технологий и технических средств этой инвестиционной платформы. Обе категории договоров являются договорами присоединения, условия которых определяются оператором в правилах инвестирования (в силу прямого указания ч. 5 ст. 3 Закона об инвестиционных платформах), что противоречит концепции договора присоединения, сформулированной в ГК РФ, – согласно п. 1 ст. 428 условия договора присоединения определяются именно одной из его сторон, а не третьим лицом, каковым относительно инвестора и реципиента является оператор⁵⁹⁴. Таким образом, оператор инвестиционной платформы рассматривается как сторона инвестиционных правоотношений.

⁵⁹³ Захаркина А.В. Основы цивилистической теории цифровых финансовых активов // Вестник Пермского университета. Серия «Юридические науки». 2022. № 3. С. 504–526.

⁵⁹⁴ Как представляется, данное правило больше соответствует конструкции договора, условия которого определяются примерными условиями для договоров соответствующего вида (ч. 1 ст. 427 ГК РФ).

Договор инвестирования не назван в законе договором присоединения напрямую, однако его содержание также предопределяется оператором в соответствии с Правилами инвестиционной платформы, которые согласно ч. 2 ст. 4 обязательно должны содержать: способы инвестирования (п. 4), требования к содержанию инвестиционного предложения (оферты) и порядок ее акцептования (п. 5 и 6). При этом согласно абз. 2 п. 1 ст. 435 ГК РФ оферта должна содержать существенные условия договора. Аналогичное правило в отношении инвестиционного предложения закреплено в ч. 2 ст. 13 Закона об инвестиционных платформах. Таким образом, существенные условия договора инвестирования могут определяться оператором. Часть 2 ст. 13 указанного закона включает в число обязательных условий инвестиционного предложения о заключении договора о приобретении утилитарных цифровых прав вообще любые «условия их обращения и прекращения», что еще больше расширяет дискретные полномочия оператора инвестиционной платформы в отношении содержания инвестиционного договора этого вида.

Вместе с тем явное неравенство переговорных возможностей инвестора относительно оператора и реципиента, которые требуются в соответствии с положениями ч. 3 ст. 428 ГК РФ, необходимо доказать. Причем если учесть, что инвестор по определению действует в качестве субъекта предпринимательской деятельности, доказывание неравенства его переговорных возможностей с оператором платформы и реципиентом крайне затруднительно, поскольку его возможности по определению содержания договора инвестирования, а также по его изменению в одностороннем порядке путем внесения изменения в Правила инвестиционной платформы установлены не договором сторон, но законом.

Более того, Конституционный Суд РФ даже указал на «...заведомо неравное положение сторон, одной из которых является потребитель, а другой – предприниматель, специализирующийся в той или иной сфере

торговли, в переговорном процессе»⁵⁹⁵, и не признал такое положение ситуацией явного неравенства переговорных возможностей а priori, чем, как представляется диссертанту, увеличил релятивизм и снизил ситуацию правовой определенности. При этом существо права (требования), количество и условия осуществления утилитарных цифровых прав определяются реципиентом на основе правил платформы (п. 4 ст. 8 Закона об инвестиционных платформах).

Предметом договора инвестирования в данном случае является приобретение цифровых прав (удостоверяющих их бумаг) или предоставление займа (подп. 2 и 9 п. 1 ст. 2 данного закона), где инвестор выступает займодавцем, а реципиент – заемщиком⁵⁹⁶, тогда как предметом договора об оказании услуг по привлечению инвестиций и договора об оказании услуг по содействию в инвестировании – оказание оператором соответствующих услуг.

Г.А. Вакулиной приводится такой пример инвестирования на основе Закона об инвестиционных платформах: предприниматель может привлекать инвестиции на инвестиционной платформе в целях строительства предприятия. Лица, которые приобрели цифровые утилитарные права, по завершении строительства получают право на приобретение продукции, производимой таким предприятием. Следовательно, в данном случае

⁵⁹⁵ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 3 апреля 2023 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 статьи 428 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина К.В. Матюшова» // СПС «Консультант-Плюс».

⁵⁹⁶ Предоставление займа в соответствии с правилами инвестиционной платформы также не вполне соответствует Закону об инвестиционных платформах, поскольку предметом данного закона является возникновение и обращение утилитарных цифровых прав, выдача и обращение ценных бумаг, удостоверяющих утилитарные цифровые права (ч. 1 ст. 1). Предмет же договора займа – деньги, вещи, определенные родовыми признаками, или ценные бумаги (ч. 1 ст. 807 ГК РФ) не является утилитарным цифровым правом. Абсурдность ситуации состоит в том, что предметом абсолютного большинства споров по требованиям, предъявляемым на основе данного федерального закона, являются споры, возникающие из договоров займа, заключенных в соответствии с положениями данного закона. Впрочем, оборот цифровых финансовых активов также не входит согласно ч. 1 ст. 1 в предмет регулирования данного закона, хотя согласно п. 4 ст. 5 приобретение цифровых финансовых активов является одним из способов инвестирования.

утилитарное цифровое право предусматривает право требования передачи будущей вещи при определенных обстоятельствах. При этом Г.А. Вакулина полагает, что при этом «исполнение обязательства по передаче вещи лицом, привлекающим инвестиции, будет произведено в реальном мире, а не в киберпространстве вопреки норме Федерального закона от 02.08.2019 “О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ”, предусматривающей возможность осуществления утилитарных цифровых прав только на инвестиционной платформе»⁵⁹⁷.

Во-первых, в данном случае Г.А. Вакулиной допущена некоторая неточность – инвестору будет передана не вещь, а имущество, не являющееся вещью, – имущественные права, а конкретно права требования продукции, производимой предприятием (ст. 128 ГК РФ).

Во-вторых, согласно ст. 141.1 ГК РФ перечень цифровых прав ограничен теми правами, в отношении которых правила информационной системы определяют их содержание и условия осуществления. Собственно реализация цифровых прав, как и распоряжение ими, возможна исключительно в информационной системе. Согласно ч. 1 ст. 8 Закона об инвестиционных платформах в инвестиционной платформе могут приобретаться, отчуждаться и осуществляться три категории утилитарных цифровых прав: 1) право требовать передачи вещи (вещей); 2) право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности; 3) право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг.

Таким образом, в законе речь идет не о передаче вещей, а об осуществлении прав требования, которые заключаются, по нашему мнению, не в передаче вещей (или иного имущества), а в заявлении требований о передаче вещи, тогда как исполнение обязательства в натуре, удовлетворение

⁵⁹⁷ Вакулина Г.А. О видах цифровых прав // Хозяйство и право. 2023. № 6. С. 3–12.

этого требования, передача имущества – не право требования инвестора, но обязанность реципиента.

Как утверждал Е.Я. Мотовиловкер, «...право покупателя на передачу товара есть: а) не просто субъективное право; но б) право на чужое действие или право требования (требование). Таким образом, наше субъективное право представляет собой право покупателя требовать от продавца передачи вещи»⁵⁹⁸. Собственно удовлетворение данного требования – передача вещи (продукции) – происходит уже в реальной жизни.

Совершенно правильно в связи с этим указание Д.А. Павловой на то, что непосредственная реализация прав, составляющих содержание цифровых прав, возможна вне пределов информационной системы, осуществление (оборот) цифровых прав фактически может выходить за рамки информационной системы при определенных обстоятельствах⁵⁹⁹.

Федеральный закон указывает на такое юридически необходимое качество утилитарного цифрового права, как изначальное возникновение в качестве цифрового права на основании договора о приобретении утилитарного цифрового права, заключенного с использованием инвестиционной платформы, в соответствии с правилами ст. 13. О.А. Городов предлагает разграничить договор инвестирования и договор о приобретении утилитарного цифрового права, хотя из определения договора инвестирования (п. 2 ч. 1 ст. 2 ГК РФ) ясно, что приобретение цифровых прав является одним из видов инвестиций⁶⁰⁰.

⁵⁹⁸ Мотовиловкер Е.Я. Гражданское право на защиту как право на присуждение или исковое право требования к правонарушителю (миф о едином субъективном праве) // *Lex russica*. 2016. № 11. С. 9–21.

⁵⁹⁹ См.: Павлова Д.А. К вопросу о дефиниции цифровых прав // Научные исследования современных проблем развития России: цифровая трансформация экономики: материалы Международной научно-практической конференции молодых ученых СПбГЭУ: сборник научных статей / редкол.: М.Ю. Сучкова, А.Д. Колбина, О.Д. Димитриченко и др.; под ред. Е.А. Горбашко. СПб., 2021. С. 847.

⁶⁰⁰ См.: Городов О. А. Приобретение утилитарных цифровых прав как новый способ инвестирования по законодательству России / О. А. Городов // *Право и цифровая экономика*. 2020. № 1(07). С. 5-10.

Как уже указывалось ранее, оборот цифровых финансовых активов также входит в предмет регулирования Закона об инвестиционных платформах (п. 4 ст. 5, ч. 13 ст. 8). Более того, последний предполагает даже возможность существования так называемых комбинированных цифровых прав – цифровых прав, включающих одновременно утилитарные цифровые права и цифровые финансовые активы (ч. 13 ст. 8). Выпуск и оборот комбинированных цифровых прав осуществляется в соответствии с Законом о цифровых финансовых активах.

Согласно ч. 14 ст. 8 Закона об инвестиционных платформах сделки с утилитарными цифровыми правами, включая обмен утилитарных цифровых прав одного вида на утилитарные цифровые права другого вида, а также сделки купли-продажи утилитарных цифровых прав могут осуществляться в том числе через оператора обмена цифровыми финансовыми активами, действующего в соответствии с Законом о цифровых финансовых активах, на основании правил обмена, утвержденных оператором обмена цифровыми финансовыми активами в соответствии с требованиями указанного закона.

Если Закон об инвестиционных платформах регулирует порядок приобретения инвесторами цифровых финансовых активов в информационной системе, то предметом Закона о цифровых финансовых активах является обращение цифровых финансовых активов (ст. 4), в том числе их купля-продажа, обмен (ст. 11). Также этот закон регулирует обращение цифровых финансовых активов и цифровых прав, если они включают одновременно утилитарные цифровые права и цифровые финансовые активы (п. 13 ст. 8 Закона об инвестиционных платформах).

Часть 1 ст. 1 Закона о цифровых финансовых активах включает в предмет его регулирования отношения, возникающие при выпуске и обращении цифровыми финансовыми активами, особенности деятельности оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператора обмена цифровыми

финансовыми активами, а также отношения, возникающие при обороте цифровой валюты в Российской Федерации.

Вышеизложенное позволило сформулировать ряд выводов.

Первичным, исходным принципом правового регулирования отношений в сфере возникновения, функционирования, преобразования и ликвидации виртуальных (цифровых) объектов является принцип “the Code is the Law” («код – это закон»). Несмотря на исключения из этого принципа, он по-прежнему играет ключевую роль при отсутствии нормативного правового регулирования. Считаем его не столько принципом, сколько парадигмой, поскольку он является скорее системой взглядов определенного круга исследователей, дающей определенную модель постановки проблем и принятия решений. В соответствии с концепцией парадигмы Т. Куна данный принцип уже подвергся так называемому «кризису нормальной науки»⁶⁰¹, следствием чего стало большое количество исключений из него.

Положение виртуальных (цифровых) объектов в системе объектов гражданских прав не определено в действующем законодательстве, а характеристика объектов в качестве цифровых прав осуществляется на основе принципа легалитета – цифровым правом является объект, названный в качестве такового в законе. Данный принцип создает неопределенность в юридическом понимании цифровых прав. С одной стороны, он предполагает цифровой характер любого правоотношения, в случае указания на то в законе, а с другой – закон называет юридически значимые признаки цифрового права, при наличии которых можно судить о цифровом характере того или иного права. При этом законодательство не предлагает никаких способов разрешения данного противоречия. Возникает вопрос о целесообразности существования установленных законом иных критериев цифрового права.

⁶⁰¹ Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.

Идея о наделении объектов гражданских прав – носителей ИИ аналогичными человеческим правами и обязанностями нами не поддерживается. Превосходя человеческие способности производить вычисления и вообще логические и типовые операции, ИИ не обладает воображением души, не способен испытывать страдания и анализировать факты общественной жизни с точки зрения морали, нравственности и психологии, то есть не в состоянии представить состояние человека и априори не способен к эмпатии. Между тем российская судебная практика, во-первых, все в большей степени начинает придавать правовое значение внеправовым факторам, во-вторых, совокупность внеправовых факторов может в конечном счете привести к юридически значимому результату в силу закона о переходе количественных изменений в качественные.

Принципиальное отличие регулирования отношений посредством ИИ от собственно правового регулирования – в природе. Если правовое регулирование представляет собой создание ограничений свободе поведения субъекта, то регулирование с помощью ИИ, напротив, создавая алгоритм, вынуждает действовать по заданному им сценарию, а не препятствует действию по сценарию субъекта права. Именно поэтому поведение носителя ИИ предсказуемо. Он лишен способности, совершив ошибку или любое другое случайное, непредусмотренное его алгоритмом (субъектом права) действие (это уже само по себе немислимо для ИИ), сделать выводы (кроме самых прямых и очевидных). Искусственный интеллект также несамостоятелен от субъекта права в способности анализировать ошибки других систем или единиц ИИ даже при наличии связи между ними.

Неспособность ИИ мыслить творчески, вне заданных шаблонов препятствует и реализации им правомерного поведения (например, исполнения частноправового обязательства нетрадиционным способом или исполнения его в затруднительных условиях, для чего необходимо проявить творческие способности, фантазию или нестандартное мышление).

Неспособность критической оценки искусственным интеллектом собственных действий *post factum* влечет за собой такие, например, последствия, как неспособность (в отличие от традиционных субъектов права) удовлетворить претензии пострадавшей стороны в добровольном порядке или предложить ей альтернативные варианты разрешения проблемы.

По мнению диссертанта, первично наделение ИИ субъектностью преследовало цель разделения труда. Развитие ИИ объясняется желанием передать рутинную работу, состоящую из бесконечного количества однообразных действий, алгоритму, обрабатывающему значительный объем однотипной, стандартизированной информации (*Big data*) и осуществляющему на их основе однотипные стандартизированные действия гораздо быстрее и точнее человека.

Современный юридический смысл наделения ИИ отдельными юридическими качествами субъекта частного права состоит в необходимости обеспечить максимально возможный объем возмещения максимально возможному количеству лиц, чьим правам, свободам и законным интересам был нанесен вред при условии недопущения неосновательного или чрезмерного обогащения.

Ввиду того что в гражданско-правовом смысле юридические категории «обязательство» и «ответственность» соотносятся как род и вид, в случае наделения носителей ИИ деликтоспособностью можно говорить и о наличии у них способности быть в том или ином объеме стороной обязательства.

Если развитие ИИ позволит ему совершать действия, не предусмотренные напрямую его разработчиком и (или) владельцем, то есть если поведение носителя ИИ перестанет контролироваться его создателем и (или) владельцем, то может возникнуть вопрос о перераспределении ответственности за действия ИИ или о перераспределении обязательств, но не о наделении ИИ обязанностями субъекта правового регулирования. И даже в этом случае целесообразно лишь расширение круга субъектов

юридической ответственности за счет лиц, имеющих возможность внесения изменений в алгоритм работы искусственного интеллекта.

Если данная идея о юридической дихотомии реального и «виртуального» миров будет реализована и воплощена в действующем законодательстве, то гражданская деликтоспособность носителей ИИ не только оправданна – она подразумевается. Если эти носители будут существовать и действовать исключительно в виртуальном пространстве, то они, являясь объектами виртуального мира, могут одновременно быть личностями, обладающими деликтоспособностью.

Вместе с тем искусственное разделение реального и «виртуального» миров представляется не столько утопичным, сколько нецелесообразным – мир по своей природе диалектичен и основан на взаимных связях и взаимодействии. Виртуальная реальность в полном объеме зависит от существования реального мира – мира вещей и предметов. Именно по этой причине наделение объектов, характеризующихся наличием ИИ, преждевременно.

Отнесение в ч. 5 ст. 3 Закона об инвестиционных платформах договоров об оказании услуг по привлечению инвестиций и об оказании услуг по содействию в инвестировании к договорам присоединения противоречит ч. 1 ст. 428 ГК РФ, согласно которой условия договора присоединения определяются именно одной из его сторон, а не третьим лицом, каковым относительно инвестора и реципиента является оператор.

Содержание договора инвестирования также в значительной степени предопределяется оператором – утверждаемые им Правила инвестиционной платформы обязательно должны содержать: способы инвестирования, требования к содержанию инвестиционного предложения (оферты) и порядок ее(его) акцептования. При этом согласно абз. 2 п. 1 ст. 435 ГК РФ и ч. 2 ст. 13 указанного закона оферта должна содержать существенные условия договора инвестирования и вообще любые «условия обращения и

прекращения» цифровых прав на платформе, что еще больше расширяет дискретные полномочия оператора инвестиционной платформы.

Таким образом, оператор инвестиционной платформы рассматривается законодателем как сторона инвестиционных правоотношений, что очевидно нарушает закрепленный в действующем законодательстве принцип оборота цифровых прав без обращения к третьему лицу.

Изложенные научно-практические положения настоящей главы исследования позволяют заключить, что масштабы социально-экономических трансформаций в условиях цифровизации формируют самостоятельную правовую среду, сегмент рынка, который является самостоятельным в соотношении с классической экономикой и ее продуктами. На этой основе формируется потребность разработки правовых контуров цифрового гражданского оборота и его объектов, которые не могут определяться по экономическим и юридическим критериям, сформированным в доцифровую эпоху, то есть возникает объективная необходимость определения правового режима цифрового имущества, объектов рынка и оборота, существующих только в условиях цифрового обмена информацией (сайты, криптовалюты, цифровые платформы, любое иное цифровое имущество) по только им свойственным признакам и специфике.

Последовательный и неединомоментный переход к цифровой экономике предопределяет формирование двух связанных, но предметно обособленных друг от друга плоскостей формирования и развития гражданских правоотношений и, соответственно, вовлечения и участия в них качественно различающихся систем объектов гражданских прав. Цели, предмет, метод правового регулирования гражданских правоотношений для них будут кардинально различаться, в том числе с точки зрения правовой охраны частных и публичных интересов.

В цифровой экономике объективно возникает новая организационно-правовая среда как пространство реализации имущественных интересов по

поводу дематериализированных объектов гражданских прав, оборот и переход прав на которые не связаны с материальным носителем и не имеют аналогов в праве традиционной (доцифровой) экономики. Таким образом складывается новая инфраструктура рынка – цифровой имущественный оборот, в котором формируются новые правила оборотоспособности и признаки объектов гражданских прав.

В цифровом гражданском обороте родовым признаком объектов гражданских прав выступает качество и свойство цифрового (виртуального) имущества, а его отдельными видами являются криптоактивы, доменные имена, криптокошельки, информационный код и др.

Цифровое (виртуальное) имущество представляет собой особый нематериальный объект гражданских прав, обладающий экономической или потенциальной стоимостью и существующий в рамках определенной информационной системы (неотделим от нее без потери основных свойств, определяющих его ценность) в соответствии с установленными администратором или владельцем такой системы правилами, определяющими механизмы создания, функционирования и оборотоспособности такого объекта. Имплементированные в предложенное определение признаки позволяют отграничить входящие в его состав объекты от уже существующих в цифровой форме объектов, в отношении которых в настоящее время установлен правовой режим (базы данных, программы ЭВМ и т.д.).

Предложено исключить из перечня объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) цифровые права, одновременно включить в него непосредственно виртуальное (цифровое) имущество, распространив на него гражданско-правовой режим цифровых прав с учетом наполнения содержания последнего, без которого данная дефиниция имеет абстрактный характер.

Выявлено, что первичным, исходным принципом правового регулирования отношений, возникающих в сфере принадлежности и оборота

цифровых (виртуальных) объектов, является принцип “the Code is the Law” (код – это закон), который должен быть сочленен с национальным законом.

Цифровой суверенитет каждой правовой системы предполагает наполнение цифрового кода общеобязательными для соблюдения запретами и ограничениями, условиями оборотоспособности конкретных разновидностей цифрового имущества.

Глава 4. ТРАДИЦИОННЫЕ ОБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В СИСТЕМЕ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

§ 1. Проблемы понятия имущества как гражданско-правовой категории

Понятие «имущество» как правовая категория известно со времен римского права. Современный законодатель активно использует данный термин в различных отраслях права, исключением не является и гражданское законодательство, поскольку рассматриваемый термин – одно из фундаментальных понятий всей системы частного права: подавляющая часть гражданских правоотношений носит имущественный характер, имея объектом то или иное имущество. Вместе с тем обращает на себя внимание отсутствие легальной дефиниции категории «имущество» в принципе в российском национальном праве. Как следствие раскрытие его понятия возможно только с позиции традиционной цивилистической доктрины, основанной прежде всего на положениях ст. 128 ГК РФ. Согласно названной норме в числе объектов гражданских прав названы вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права. При этом перечень иного имущества законом не определен и остается открытым и широким для толкования.

В юридической литературе отмечается неоднозначное толкование данной правовой категории, сущность которой зависит от контекста, в котором она употребляется⁶⁰². На многозначность понятия имущества в

⁶⁰² В зависимости от контекста, в котором употребляется понятие имущества, под последним может, в частности, пониматься: 1) вещь – предмет материального мира, имеющий полезные свойства, позволяющие удовлетворять потребности человека, и в силу этого факта обладающий определенной стоимостью (жилой дом, автомобиль, телевизор и др.); 2) совокупность вещей (имущественный комплекс) – некоторое количество разнородных самостоятельных вещей, имеющих единое назначение, например предприятие, элементами которого являются земельные участки, здания, сооружения, оборудование, сырье, средства индивидуализации (фирменное наименование, товарный

гражданском праве указывают, например, авторы одного из учебников по гражданскому праву – данный термин в том или ином случае имеет различное толкование, в результате чего приходится всякий раз уточнять значение этого термина в конкретной правовой норме⁶⁰³.

О.А. Красавчиков выделял три значения термина «имущество»: имущество как вещь (совокупность вещей), имущественные права, имущественные права и обязанности⁶⁰⁴. На основе анализа положений действующего законодательства Е.А. Суханов в одних случаях определяет имущество «как совокупность принадлежащих лицу вещей, а также имущественных прав и обязанностей», в других – исключительно как актив имущества в виде вещей и имущественных прав. Иногда законодатель сужает содержание имущества до категории вещи, принадлежащей конкретному лицу. Такой подход демонстрирует законодатель при правовом регулировании защиты права собственности, когда говорит об истребовании имущества из чужого незаконного владения или о причинении вреда имуществу лица⁶⁰⁵.

Проведя также обстоятельный анализ использования законодателем только в части первой ГК РФ термина «имущество» и производных от него понятий, А.Н. Лысенко пришел к следующим выводам о значениях рассматриваемой категории: 1) в ст. 15, 46, 211, 218, 301 ГК РФ и ряде иных под имуществом понимаются отдельные вещи и их совокупность; 2) в ст.

знак) и др.; 3) имущественные права (см.: Желонкин С.С., Ивашин Д.И. Наследственное право: учебное пособие. М., 2014).

⁶⁰³ Под имуществом в одних случаях понимается совокупность принадлежащих лицу вещей, а также имущественных прав и обязанностей, а в других – только наличное имущество, т.е. актив имущества в виде вещей и имущественных прав. Иногда и закон, и сложившееся словоупотребление придают понятию имущества еще более узкое значение. В его состав при этом включаются только вещи, принадлежащие конкретному лицу (когда, например, говорится об истребовании имущества из чужого незаконного владения)» (Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / В.С. Ем, И.А. Зенин, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М., 2011. Т. 1).

⁶⁰⁴ См.: Советское гражданское право: в 2 т. / под ред. О.А. Красавчикова. М., 1968. Т. 1. С. 198–199.

⁶⁰⁵ См.: Гражданское право: в 2 т.: учебник. Т. 1. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. Е.А. Суханова. М., 2004.

302, 307 ГК РФ понятием «имущество» охватываются вещи, деньги и ценные бумаги; 3) вещи, их совокупность, деньги и ценные бумаги, а также имущественные права составляют содержание понятия «имущества» в ст. 18, 24, 56, 126, 209 ГК РФ и т.д.; 4) под имуществом понимается вся совокупность наличных вещей, денег, ценных бумаг, имущественных прав, а также обязанностей субъекта в ст. 63, 132, 217 ГК РФ⁶⁰⁶.

Несмотря на такие различия в понимании содержательной части понятия имущества, в юридической науке цивилистами были предприняты попытки сформулировать его универсальное определение. Так, под имуществом понимают «совокупность имущественных, т.е. подлежащих денежной оценке юридических отношений, в которых находится известное лицо, чисто личные отношения сюда не входят»⁶⁰⁷, «совокупность реальных ценностей, принадлежавших данному лицу»⁶⁰⁸, «любые объективированные, существующие независимо от человеческого сознания продукты природы и продукты деятельности (в том числе интеллектуальной), которые имеют стоимостную оценку и становятся товаром, а также имущественные права и обязанности, возникающие по поводу их»⁶⁰⁹. Под институциональной категорией «имущество» Л. Лапач понимает «...всю совокупность имущественных благ, способных быть объектом распоряжения субъекта гражданского права»⁶¹⁰. Однако, как представляется, раскрытие понятия «имущество» через такие правовые категории, как «имущественные отношения» и «материальные блага», не позволяет отграничить имущество от иных объектов гражданских прав (и в первую очередь таких, как результаты интеллектуальной деятельности, работы и услуги).

⁶⁰⁶ См.: Лысенко А.Н. Имущество в гражданском праве России. М., 2010.

⁶⁰⁷ Шершеневич Г.Ф. Учебник гражданского права. М., 1995. С. 95.

⁶⁰⁸ Серебровский В.И. Очерки советского наследственного права // Серебровский В.И. Избранные труды. М., 1997. С. 55.

⁶⁰⁹ Лапач В.А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб., 2002. С. 282.

⁶¹⁰ Лапач Л. Понятие «имущество» в российском праве и в Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Российская юстиция. 2003. № 1.

Термин «имущество» в отечественном законодательстве был легализован во вступившем в силу с 1 января 1835 г. Своде законов Российской империи, в котором он используется в привязке к классификации имущества⁶¹¹, которая в последующем утратила практическое значение, оставив законодательные и доктринальные сложности в части содержательного наполнения правовой категории «имущество».

В первую очередь следует обратить внимание на соотношение понятий «имущество» и «вещь», смешение которых отмечали еще дореволюционные цивилисты. При этом Г.Ф. Шершеневич подчеркивал, что законодатель не выдерживает терминологии и употребляет слово «имущество» вместо «вещь», а вместо имущества говорит о собственности или об имении⁶¹².

В советской доктрине акцентировался материальный характер имущества, а правовые категории «имущество» и «вещь» фактически рассматривались в качестве синонимов. Такие выводы были основаны на нормах действующего на том этапе ГК РСФСР 1922 г.⁶¹³, в котором понятие имущества отождествлялось с понятием вещи. Следует отметить, что такое отождествление наблюдается в отечественном законодательстве и в настоящее время⁶¹⁴, что считаем недопустимым.

Безусловно вещь занимает основное место в системе объектов гражданских прав, и, как следствие, она являлась предметом исследования

⁶¹¹ В Своде законов Российской империи имущество было классифицировано на движимое и недвижимое, раздельное и нераздельное, благоприобретенное и родовое, наличное и долговое.

⁶¹² См.: Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М., 1995. С. 95.

⁶¹³ См.: Постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 г. (ред. от 1 февраля 1949 г.) «О введении в действие Гражданского кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с Гражданским кодексом Р.С.Ф.С.Р.) (утратило силу) // Известия ВЦИК. 1922. № 256.

⁶¹⁴ См., например: Ахметьянова З.А. Правовой статус имущества юридических лиц. М., 1998. С. 10; Богатырев Ф.О. О сущности залога имущественных прав // Журнал российского права. 2001. № 4. С. 89; Его же. Залог прав // Актуальные проблемы гражданского права: сборник статей. Вып. 4 / под ред. М.И. Брагинского. М., 2002. С. 177; Краснов Н.И. О соотношении земельного и гражданского права при переходе к рыночной экономике // Государство и право. 1994. № 7. С. 58; Ястребов С.В. Право как предмет залога: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 16.

еще дореволюционных юристов, которыми были сформулированы характерные для вещи юридические признаки. В частности, по мнению Д.И. Мейера, вещь в гражданско-правовом смысле может быть только та, которой он обладает⁶¹⁵. Еще один признак вещи заключается в ее материальности⁶¹⁶ и, как следствие, физической или юридической обособленности⁶¹⁷. В рамках диссертационного исследования не будем подробно останавливаться на анализе данной правовой категории ввиду ее достаточной проработанности в современной научной доктрине⁶¹⁸, отметим лишь, что в отношении концепции деления вещей на телесные и бестелесные придерживаемся классической позиции, в соответствии с которой вещь являются такие объекты, которые имеют материальный, физически осязаемый характер. Вещи становятся объектами права собственности и других вещных прав. Соответственно нормы, опосредующие права конкретных лиц на вещи, составляют вещное право⁶¹⁹. Безусловно вещи также могут являться объектами обязательственных правоотношений, при этом объем прав и корреспондирующих им обязанностей обусловлен

⁶¹⁵ В связи с этим Мейер Д.И. образно подчеркивал, что лишь застреленная или посаженная в клетку птица может стать объектом обладания человека, а следовательно, и вещь в гражданско-правовом смысле (см.: Мейер Д.И. Русское гражданское право: в 2 ч. Ч. 1. По изд. 1902 г. М., 1997. С. 139). На доступность обладания человеком как о признаке вещи в цивилистическом ее понимании указывает также, например, Е.Н. Трубецкой (см.: Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб., 1998. С. 145).

⁶¹⁶ Именно в связи с признаком материальности вещи в юридической науке и появились две противоположные концепции: 1) широкая (вещами признаются как материальные предметы, так и нематериальные блага); 2) узкая (вещами признаются только материальные предметы). Государства с континентальным правом избрали второй путь (см.: Аверченко Н.Н. Понятие и признаки вещи как объекта гражданских прав // Журнал российского права. 2004. № 5).

⁶¹⁷ См.: Анисимова А.И. Недвижимое имущество: нормативные, научные, правоприменительные подходы к определению // Правовые вопросы недвижимости. 2023. № 1. С. 15–18.

⁶¹⁸ См., например: Лысенко А.Н. Указ. соч.

⁶¹⁹ Возникающие на этой основе субъективные вещные права оформляют и закрепляют принадлежность вещей субъектам гражданских правоотношений, иначе говоря, статику имущественных отношений. Вещное право характеризуется «юридической прочностью», его существом считается господство над имуществом, имеющим значение вещи, причем господство непосредственное, без отношения к какому-либо другому лицу и не через другое лицо (см.: Алексеев С.С. Право собственности. Проблемы теории: монография. М., 2012. С. 12, 17; Суханов Е.А. Вещное право. С. 24, 34).

содержанием каждого конкретного правоотношения. Однако в качестве объекта гражданских прав (независимо от характера возникающих по их поводу правоотношений) вещи имеют свой правовой режим, особенности которого в первую очередь проявляются в статике, динамике и в механизме защиты прав.

Вместе с тем нельзя недооценивать аргументацию сторонников «бестелесных вещей», которые апеллируют преимущественно к опыту зарубежных стран⁶²⁰ и необходимости легализации данной категории в целях включения в систему объектов гражданских прав новых объектов. Однако для этих целей в действующем законодательстве в системе объектов гражданских прав уже есть категория «иное имущество», на что неоднократно обращалось внимание учеными⁶²¹. Понятие «иное» в указанном словосочетании обозначает объект, не подпадающий под категорию имущества, то есть не может относиться к вещам (в первую

⁶²⁰ В англо-американском праве сложилось деление имущества на телесное и бестелесное. Странам континентальной системы права использование понятия «бестелесное имущество» несвойственно. Но романо-германское право вопрос о «бестелесных вещах» решает по-разному. Например, в Италии (ст. 810 ГК Италии) и Португалии (ст. 1302 ГК Португалии) вещное право относится только к вещам материальным. Аналогично решает этот вопрос гражданское право Израиля и Швейцарии. В Германии признание прав объектом собственности формально-юридически затруднено, поскольку согласно § 90 ГГУ объектом права могут быть только материальные вещи. Иначе решается вопрос об «идеальных вещах» во Франции. Французское гражданское право, рассматривая в качестве объектов вещного права материальные вещи, в некоторых случаях допускает возможность включать в объекты вещного права и нематериальные объекты. В законодательстве Латвии также присутствует категория «бестелесные (нематериальные) вещи». В статье 841 ГК Латвийской Республики предусмотрено, что вещи бывают материальные и нематериальные. «К нематериальным вещам относятся всевозможные личные, вещественные и обязательственные права, поскольку они считаются составной частью имущества» (см.: Лысенко А.Н. Указ. соч.).

⁶²¹ Например, В.А. Лапач полагает, что понятие «иное имущество» зарезервировано законодателем для «имущественно-неимущественных» благ: работ и услуг, объектов интеллектуальной собственности, информации, служебной и коммерческой тайны и т.п., которые участвуют в обороте и приобретают товарный вид (см.: Лапач В.А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. С. 202). По мнению А.Н. Лысенко, «...цель такого подхода законодателя заключается в желании оставить место для имущественных объектов, которые все больше появляются, но уже не подпадают под категории "вещей" и "имущественных прав", зачастую сохраняя признаки и тех и других, и при этом не могут быть квалифицированы в качестве объектов, специально обозначенных в ст. 128 ГК РФ» (Лысенко А.Н. Указ. соч.).

очередь в силу их бестелесности), а также не может быть классифицировано в качестве имущественного права.

Как справедливо отмечает А.Н. Лысенко, «...законодатель не может опережать развитие экономики, "бежать впереди паровоза". Правом должны регулироваться более или менее сложившиеся отношения и в тех случаях, когда практикой уже выработаны какие-то направления регулирования этих отношений»⁶²². Полностью поддерживая данный тезис, считаем, что «вписывание» в действующую систему объектов гражданских прав новых объектов должно осуществляться через оценку свойств таких объектов с точки зрения возможности их отнесения к уже поименованным в ст. 128 ГК РФ объектам. Если их физические свойства и иные признаки максимально совпадают, действующий правовой режим может быть адаптирован к новым объектам, значит, вопросов возникать не должно. Сложности могут возникать при существенном отличии новых объектов от уже существующих, а также при невозможности распространения на них действующих правовых режимов. Однако, как нам представляется, появление таких объектов не происходит одномоментно, застав законодателя врасплох. Примером тому служат цифровые права, введенные в систему объектов гражданских прав, что стало возможным благодаря техническому прогрессу.

Совсем иную правовую природу (в отличие от вещей) имеют имущественные права, которые, как мы уже упоминали, также относятся к имуществу. В числе основных имущественных прав следует назвать вещные, обязательственные и исключительные⁶²³. Сразу возникает закономерный вопрос о самостоятельности вещных прав – и в первую очередь права собственности – в качестве объектов гражданских прав, поскольку вещное право – основное имущественное право, а последнее прямо названо в законе

⁶²² Лысенко А.Н. Указ. соч.

⁶²³ Имущественными также можно считать ряд корпоративных прав, например право участника на получение прибыли общества.

в качестве объекта гражданских прав. Вещные права неразрывно связаны с вещью и всегда следуют за ней, при отчуждении вещи право собственности всегда переходит к ее приобретателю.

Права требования в отличие от вещных прав имеют обязательственную природу⁶²⁴. Под имущественными правами понимаются субъективные вещные права участников гражданских правоотношений, возникающие по поводу владения, пользования и распоряжения имуществом, а также обязательственные права требования, вытекающие как из договорных, так и из внедоговорных обязательств. Такие права возникают не к вещам (хотя в их отношении), а по отношению к другим лицам, обязательственные права в отличие от вещных могут возникать в отношении еще существующих объектов права и т.д.

Кроме того, буквальное толкование нормы ст. 128 ГК РФ не дает однозначного ответа на вопрос о том, охватывает ли категория «имущество» долги или же ограничивается только прямо названными в законе имущественными правами, в числе которых обязательственные права – права требования⁶²⁵. В дореволюционной научной литературе данный вопрос решался неоднозначно. По мнению Г.Ф. Шершеневича, содержание

⁶²⁴ Права требования являются частью относительного гражданского правоотношения, в котором субъективному гражданскому праву противостоит имущественная обязанность строго определенного лица или нескольких лиц (см.: Шевцов О.С. Некоторые аспекты понятия имущества как объекта гражданских прав // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 4. С. 121–128).

⁶²⁵ В отличие от действующего законодательства в ГК РСФСР 1964 г. содержалось четкое указание на включение в понятие «имущество» кроме прав и гражданско-правовых обязанностей. В соответствии со ст. 37 ГК РСФСР в составе имущества юридического лица прямо выделяются права и обязанности: «...при слиянии и разделении юридических лиц имущество (права и обязанности) переходит к вновь возникшим юридическим лицам. При присоединении юридического лица к другому юридическому лицу его имущество (права и обязанности) переходит к этому последнему...» Действующий ГК РФ не содержит прямого указания (например, в ст. 128 ГК РФ) на то, что в состав имущества включаются и обязанности, однако в некоторых правовых нормах присутствует упоминание о том, что имущественные обязанности (или долги) могут входить в состав имущества.

имущества заключается в непосредственной связи актива и пассива⁶²⁶. Данная позиция поддерживается и современными авторами⁶²⁷. Иная позиция современных правоведов по существу поставленного вопроса основана на буквальном толковании норм закона, в силу чего, по их мнению, состав имущества образуют только вещи, имущественные права и иное имущество. Преимущественно такой подход прослеживается в учебной литературе⁶²⁸. На наш взгляд, решение зависит от многих факторов, в частности от того, каким образом раскрывается понятие имущества. Если рассматривать последнее в самом широком смысле, то в его составе необходимо выделять как активы (имущественные права требования), так и пассивы (долги), поскольку первые всегда корреспондируют со вторыми. Вместе с тем противоположный вывод можно будет сделать при понимании объектов гражданских прав как определенных благ, то есть позитивным ценностей. Очевидно, что имущественные обязанности (долги) лежат на должнике в виде бремени – сложно представить себе имущественный долг, являющийся в этом смысле благом для самого должника.

Практическая значимость данной проблемы проиллюстрирована авторским коллективом Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Применительно к

⁶²⁶ Г.Ф. Шершеневич при анализе содержания имущества вычленил два его аспекта: с экономической точки зрения имущество – это совокупность определенных экономических благ (вещей, а также чужих действий по передаче вещей, оказанию услуг, выполнению работ), находящихся в обладании известного лица; с юридической – не только совокупность вещей, принадлежащих лицу на праве собственности (и в силу иных вещных прав), и совокупность прав на чужие действия, но и совокупность лежащих на лице обязательств (см.: Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1914–1915. Т. 2. С. 95).

⁶²⁷ См., например: Суханов Е.А. Российское гражданское право. Общая часть / 4-е изд. М., 2015; Щенникова Л.В. Вещные права в гражданском праве России. М., 1996. С. 4.

⁶²⁸ См.: Гражданское право России. Часть первая: учебник / под ред. З.И. Цибуленко. М., 1998. С. 158. Такого же мнения придерживается и М.В. Антокольская, являясь автором соответствующего раздела учебника (см.: Гражданское право. Часть первая: учебник / под ред. А.Г. Калпина, А.И. Масляева. М., 2001. С. 138). В ряде случаев правоведы указывают, что одним из вариантов понимания имущества является включение в его состав обязательств, но характерно это только для наследственного права. Очевидно, такого мнения придерживается М.Г. Масевич (см.: Гражданское право России: курс лекций. Часть первая / под ред. О.Н. Садикова. М., 1996. С. 117).

определению состава наследственного имущества авторы справедливо указывают на несовпадение понятия имущества, содержащегося в ст. 128 ГК РФ, и понятия наследственного имущества (наследства): «Статья 128 ГК РФ не включает в состав имущества как объекта гражданских прав гражданские обязанности, в то время как в состав наследственного имущества входят не только имущественные права, но и обязанности (в том числе долги наследодателя в пределах стоимости активной части перешедшего к наследнику имущества)»⁶²⁹.

К имущественным правам, охватываемым правовой категорией «имущество», относятся также исключительные права на интеллектуальную собственность, во многом сходны с вещными правами, однако отличающиеся особой спецификой⁶³⁰. Это дало возможность законодателю установить общее правило о неприменении к исключительным правам положений раздела ГК РФ о праве собственности и вещных правах (п. 3 ст. 1227 ГК РФ).

Вышеизложенное заставляет задуматься о том, насколько оправданно использование правовой категории «имущество» как обобщающего понятия различных по своей правовой природе и возникающих на них прав объектов в современной системе объектов гражданских прав и что может объединять столь различные по физической и правовой природе самостоятельные объекты с применяемыми в их отношении совершенно разными правовыми режимами.

По мнению А.Н. Лысенко, гражданско-правовая категория «имущество» выполняет одновременно «разграничительную» и «объединительную» функции, ее цель – обособить некую совокупность

⁶²⁹ Судебная практика в современной правовой системе России: монография / Т.Я. Хабриева, В.В. Лазарев, А.В. Габов и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой, В.В. Лазарева. М., 2017.

⁶³⁰ Исключительные права в отличие от вещных, возникают на нематериальные объекты (произведения, изобретения, товарные знаки и пр.). По этой причине обладатель исключительного права на такой объект имеет только два правомочия: использовать его и распоряжаться своим правом на него (п. 1 ст. 1229 ГК РФ). Исключительные права преимущественно имеют срок действия, кроме того, территория их действия определяется законом.

объектов с общей юридической судьбой и закрепить ее принадлежность за определенным субъектом права⁶³¹. И в этом смысле имущество представляет собой собирательное понятие⁶³², включающее в себя все имущественные блага, принадлежащие определенному лицу, а именно совокупность вещей, имущественных прав и обязанностей, а также иного имущества. Однако в доктрине была представлена также и иная позиция, суть которой заключается в том, что принадлежащее лицу имущество не составляет единый особый объект гражданских правоотношений. При этом чаще всего понятие имущества применяется для выражения совокупности различных по режиму объектов гражданских прав⁶³³ – при переходе имущества в рамках наследования или реорганизации юридического лица правопреемник не получает особых прав на имущество, в данных случаях он приобретает конкретные субъективные права и обязанности, входящие в состав приобретенного имущества⁶³⁴.

В нормах наследственного права законодатель оперирует понятием «имущество умершего», рассматривая его в качестве синонима с такими категориями наследственного права, как «наследство» и «наследственное имущество» (п. 1 ст. 1110 ГК РФ). С учетом содержания ст. 1112 ГК РФ, в которой путем перечисления устанавливается состав наследства⁶³⁵, мы

⁶³¹ «...Такая консолидация может основываться на связи, определяемой экономическим назначением. Как только совокупность указанных благ начинает существовать в виде единого имущества, она перестает быть просто физической совокупностью, а представляет собой юридическую совокупность.... В указанном смысле именно юридической совокупностью являются конкурсная наследственная масса» (Лысенко А.Н. Указ. соч.).

⁶³² Именно в таком качестве понятие имущества определяет и судебная практика (см.: Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 24 сентября 2002 г. № 69 «Обзор практики разрешения споров, связанных с договором мены» // Вестник ВАС РФ. 2003. № 1).

⁶³³ См.: Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / В.С. Ем, И.А. Зенин, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М., 2011. Т. 1.

⁶³⁴ См.: Хвостов В.М. Система римского права: учебник. М., 1996. С. 124.

⁶³⁵ В соответствии со ст. 1112 ГК РФ в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности. Таким образом, в данном случае содержательное

приходим к выводу о том, что имущество умершего (или наследственное имущество) в контексте норм наследственного права представляет собой не что иное, как совокупность входящих в его состав отдельных объектов гражданских прав⁶³⁶. Вместе с тем в данном случае понятие имущества как собирательная категория используется для обособления совокупности объектов с единой юридической судьбой не только в целях закрепления за конкретными субъектами права определенных субъективных прав и обязанностей. Такое обособление приобретает юридическое значение, в частности, при определении места открытия наследства⁶³⁷.

наполнение понятия «наследство» как синонима категории «имущество» в полной мере соответствует содержанию последней в контексте ст. 128 ГК РФ.

⁶³⁶ Обращает на себя внимание несколько иной подход законодателя в обособлении имущества при реорганизации юридических лиц – в этом случае говорится о переходе прав и обязанностей, но не имущества (ст. 58 ГК РФ). В научной доктрине по этому поводу была уже высказана определенная критика – рядом ученых в принципе отрицается возможность перехода прав и обязанностей, поскольку в силу своей нематериальной природы они не могут перемещаться физически в пространстве (так называемая теория дискретности) (см.: Грибанов В.П. Правовые последствия перехода имущества по договору купли-продажи в советском гражданском праве // Советское государство и право. 1955. № 8. С. 68; Скловский К. Механизм перехода права и последствия цессии // Хозяйство и право. 2002. № 2. С. 60–67; Корнихин С.В. Преемство в исключительных правах по российскому гражданскому законодательству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 19). Данную позицию активно поддерживал, например, С.А. Муромцев «...на самом деле преемство в правах есть абсурд, так как отношение как таковое не есть какой-либо конкретный предмет, который мог бы переноситься свободно. Сукцессия есть понятие условное, фигуральное. Процесс, который характеризуется этим именем, имеет на самом деле иной характер. Когда собственник или кредитор передают другому лицу свое право собственности или право требования, тогда на самом деле здесь прекращается в полном составе одно право и взамен его учреждается другое, во всем подобное ему, но с другим субъектом» (Муромцев С.А. Избранные труды. М., 2010. С. 251). Ее сторонником является также В.С. Толстой, по мнению которого категория правопреемства означает лишь, что «...при наличии установленных юридических фактов происходит прекращение прав и обязанностей у одних лиц и причинно связанное возникновение их у других в том же или ином объеме» (Толстой В.С. Исполнение обязательств. М., 1973. С. 173).

⁶³⁷ В соответствии со ст. 1115 ГК РФ если последнее место жительства наследодателя, обладавшего имуществом на территории Российской Федерации, неизвестно или находится за ее пределами, то местом открытия наследства в Российской Федерации признается место нахождения такого наследственного имущества. Если такое наследственное имущество находится в разных местах, местом открытия наследства является место нахождения входящих в его состав недвижимого имущества или наиболее ценной части недвижимого имущества, а при отсутствии недвижимого имущества – место нахождения движимого имущества или его наиболее ценной части.

На наш взгляд, в таком значении (как совокупность вещей и (или) прав) использование категории «имущество» в законодательстве оправданно. Обратимся к судебной практике использования правовых понятий «вещь» и «имущество» в контексте объектов недвижимости. Преимущественно при введении в гражданский оборот одного объекта недвижимости (например, нежилого помещения) речь идет о недвижимой вещи. Именно таким образом Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ в своем определении по всему тексту именуется нежилое помещение, передаваемое в собственность по договору купли-продажи, «недвижимой вещью», а также синонимичным ему понятием «недвижимость», ни разу не назвав его «недвижимым имуществом»⁶³⁸. В ином примере суд в своем решении использует понятие недвижимого имущества применительно к двум объектам недвижимости – земельному участку и расположенному на нем зданию, что подразумевает совокупность недвижимого имущества⁶³⁹. Следует отметить, что все же в решении данного вопроса судебная практика неоднозначна⁶⁴⁰.

Учитывая изложенное, предлагаем следующее авторское определение имущества: имущество – совокупность или различные сочетания принадлежавших субъекту перечисленных в ст. 128 ГК РФ объектов гражданских прав, включая права требования и обязанности, обособленных самим субъектом или законодателем для каких-либо целей, в том числе для введения в гражданский оборот. Именно в таком качестве предлагаем

⁶³⁸ Определение Верховного Суда РФ от 2 августа 2023 г. № 207-ПЭК23 по делу № А41-88921/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶³⁹ См.: Решение Ярославского областного суда от 5 октября 2022 г. № 3А-375/2022 3А-375/2022~М-256/2022 М-256/2022 по делу № 3А-375/2022. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/bVsVygTrvllb>.

⁶⁴⁰ Так, на основе проведенного исследования судебной практики по данному вопросу А.И. Анисимова сделала два вывода: 1) в правоприменительных документах понятие «недвижимое имущество» как совокупность вещей практически не подменяется понятием «недвижимая вещь»; 2) понятие «недвижимая вещь», наоборот, значительно чаще подвергается подмене термином «недвижимое имущество» (см.: Анисимова А.И. Недвижимое имущество: нормативные, научные, правоприменительные подходы к определению // Правовые вопросы недвижимости. 2023. № 1. С. 15–18).

рассматривать правовую категорию «имущество» в системе объектов гражданских прав в контексте ст. 128 ГК РФ.

Вместе с тем считаем возможным напомнить о существовании еще одной правовой категории – «имущественный комплекс»⁶⁴¹. В отношении совокупности самостоятельных объектов недвижимости, объединенных общим назначением или по иному критерию, указанному в законе, используется сходное понятие – «единый недвижимый комплекс»⁶⁴² (ст. 133.1 ГК РФ). Таким образом, по смыслу ст. 132, 133.1 ГК РФ под имущественным комплексом понимается совокупность одного или нескольких видов имущества, имущественных прав (требования, включая долги), а также иных объектов гражданских прав в соответствии со ст. 128 ГК РФ.

С учетом предлагаемого нами содержательного наполнения понятия «имущество» считаем имущественный комплекс и единый недвижимый комплекс разновидностью имущества. Кроме того, в целях приведения к единообразию использования в гражданском законодательстве понятия имущества, а также принимая во внимание невозможность установления единого (общего) правового режима в отношении обобщающей категории «имущество» предлагаем ниже следующее решение.

⁶⁴¹ Данный термин используется как правовая характеристика предприятия для признания последнего объектом недвижимости – по смыслу ст. 132 ГК РФ предприятие признается объектом недвижимости «в целом как имущественный комплекс», в состав которого входят все виды имущества, предназначенные для его деятельности, включая земельные участки, здания, сооружения, оборудование, инвентарь, сырье, продукцию, права требования, долги, а также права на обозначения, индивидуализирующие предприятие, его продукцию, работы и услуги (коммерческое обозначение, товарные знаки, знаки обслуживания), и другие исключительные права, если иное не предусмотрено законом или договором (п. 2).

⁶⁴² В соответствии со ст. 133.1 ГК РФ недвижимой вещью, участвующей в обороте как единый объект, может являться единый недвижимый комплекс – совокупность объединенных единым назначением зданий, сооружений и иных вещей, неразрывно связанных физически или технологически, в том числе линейных объектов (железные дороги, линии электропередачи, трубопроводы и др.), либо расположенных на одном земельном участке, если в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество (далее – ЕГРН) зарегистрировано право собственности на совокупность указанных объектов в целом как одну недвижимую вещь.

«Бестелесные вещи» формально вписываются в систему объектов гражданских прав как разновидность иного имущества. При этом понятие «иного имущества» в ближайшей перспективе будет ограничено только бестелесными вещами, включая виртуальное (цифровое) имущество: если новый объект будет иметь телесную форму (и отвечать иным признакам вещей), он автоматически подпадает под самостоятельную категорию объектов гражданских прав – вещей – с распространением на него соответственно вещно-правового режима. При отсутствии у нового объекта телесной формы он вписывается в категорию иного имущества. Считаем, что использование понятия имущества в контексте перечисления объектов гражданских прав как обобщающего понятия основано на исторически устоявшихся традициях цивилистической науки и гражданского законодательства, однако в настоящее время оно не актуально. В связи с этим в целях исключения смешения понятия «бестелесная вещь» с гражданско-правовой категорией «вещь», а также исключения обобщающей категории «имущество» предлагаем в контексте ст. 128 ГК РФ правовую категорию «иное имущество» заменить правовой категорией «бестелесное имущество», что позволит сохранить зарезервированное место в системе объектов гражданских прав для новых бестелесных объектов.

§ 2. Правовой режим недвижимого имущества: проблемы формирования и отражения в российском законодательстве

Вещи как объекты гражданских прав подразделяются в законе на движимые и недвижимые, при этом движимыми являются по остаточному принципу все вещи, не отнесенные в силу закона к недвижимости. С учетом особенностей правового режима последних четкие критерии отнесения объектов к недвижимым вещам приобретают особое значение.

Конструкция ст. 130 ГК РФ позволяет классифицировать названные в ней недвижимые вещи.

Первую группу составляют объекты, перечисленные в п. 1 указанной нормы⁶⁴³. Применительно к данной группе недвижимых вещей законодатель установил критерии, в первую очередь обусловленные естественными свойствами недвижимости. Речь в этом случае идет о земельном участке и об участках недр, при этом следует поддержать применяемую законодателем терминологию. Недвижимой вещью в гражданском праве не могут являться земля и недра в принципе – это сфера действия земельного законодательства. В отличие от последнего гражданское законодательство рассматривает любой объект с точки зрения реализации прав на него и вовлечения в гражданский оборот, участвовать в котором может не земля, а только ее обособленная часть – земельный участок или участок недр.

Вторым критерием отнесения к рассматриваемой группе категории «недвижимой вещи» является прочная связь вещей с землей, причем такая связь обладает собственной характеристикой (третьим законодательным критерием) – невозможностью перемещения такого объекта в пространстве без несоразмерного ущерба его назначению⁶⁴⁴. Следует отметить, что признак прочной связи с землей вызывает немало споров в научной доктрине⁶⁴⁵.

⁶⁴³ Первую группу объектов недвижимости составляют земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства.

⁶⁴⁴ Можно предположить, что данный признак заимствован русской цивилистикой из зарубежного законодательства. Статья 525 Кодекса Наполеона в состав недвижимого имущества включает движимые вещи, прикрепленные к земле собственником. Именно в отношении таких вещей устанавливается признак «не могут быть отделены без повреждения или ухудшения части имения, к которой они прикреплены». В этом случае движимая вещь прикрепляется к земле так, что она не может быть отделена без ущерба, причем не для себя, а для имения (недвижимого имущества). Как отмечает Е.М. Тужилова-Орданская, «...в российском же законодательстве первый признак не называется, а второй – распространен на более широкий круг вещей. В результате потеряна четкость в определении» (Тужилова-Орданская Е.М. Понятие и особенности недвижимости как объекта прав по Гражданскому кодексу РФ // Журнал российского права. 2014. № 6).

⁶⁴⁵ Еще Г.Ф. Шершеневич отмечал, что «вопрос о прочности и связи строения с землею не может быть решен принципиально с полной точностью» (Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М., 1995. С. 96). Современные авторы,

Следует отметить, что в научной доктрине критика установленных в законе признаков недвижимых вещей преимущественно сопровождается предложением новых критериев⁶⁴⁶. Так, по пути расширения признаков недвижимости идет А.Н. Лузина, признавая недвижимую вещь объектом капитального строительства⁶⁴⁷. Примечательно, что данная позиция находит отражение и в судебной практике⁶⁴⁸.

При оценке критерия «связь с землей» В.В. Кулаков предлагает принимать во внимание связанность здания или сооружения с земельным участком капитальным фундаментом, следует также учитывать долговечность постройки (временные постройки, по его мнению, не подпадают под категорию недвижимой вещи), ее капитальность⁶⁴⁹. При этом к юридическим признакам недвижимой вещи указанный автор относит такие,

ставя под сомнение данный признак, аргументируют свою позицию тем, что современные технологии позволяют перемещать даже монументальные здания на значительные расстояния не только без «несоразмерного», но и без всякого ущерба их назначению: «если следовать букве закона, то здание, перемещенное не только на соседний участок, но и в соседний район, сохраняет качество недвижимого объекта, если не причинен несоразмерный ущерб его назначению» (Сыродоев Н.А. Регистрация прав на землю и другое недвижимое имущество // Государство и право. 1998. № 8. С. 93). Подобной позиции придерживаются также Е.А. Дорожинская (см.: Дорожинская Е.А. Правовое регулирование сделок с недвижимостью. Новосибирск, 1999. С. 15–16).

⁶⁴⁶ В числе таких критериев названы, в частности, индивидуальный характер, статичность, возможность многократного использования, сохранение первоначальной формы в течение длительного времени, полезность, фундаментальность, тенденция к росту стоимости, необходимость постоянного управления, низкий уровень ликвидности, значительная ценность (существенная значимость) (см.: Болтанова Е.С. Операции с недвижимостью: Купля-продажа. Дарение. Наследование. Налогообложение. Ростов н/Д: Феникс, 2002).

⁶⁴⁷ «Для признания объекта недвижимым необходимо подтверждение того, что данный объект был создан именно как недвижимость в установленном законом и иными правовыми актами порядке, с получением необходимой разрешительной документации и с соблюдением градостроительных норм и правил» (Лузина А.Н. Понятие недвижимого имущества и отдельные объекты недвижимого имущества. М., 2013. С. 6).

⁶⁴⁸ Так, по мнению Санкт-Петербургского городского суда, для признания гаража объектом недвижимости необходимы наличие отвода земельного участка непосредственно для строительства гаража, соблюдение разрешительного порядка возведения гаража, наличие акта приемки объекта в эксплуатацию (см.: Определение Санкт-Петербургского городского суда от 17 января 2011 г. № 33-302/2011. URL: <https://sankt-peterburgsky.spb.sudrf.ru/>).

⁶⁴⁹ При этом, по его мнению, само по себе наличие капитального фундамента не может свидетельствовать о том, что постройка является недвижимой. Здесь нужно учитывать не только возможность ее перемещения без несоразмерных затрат, но и назначение, которое можно установить из соответствующих административных разрешений.

как законность возведения, наличие кадастрового учета и государственной регистрации прав в ЕГРН⁶⁵⁰.

Однако регистрация объекта в ЕГРН, равно как и постановка на кадастровый учет, не является отличительным признаком недвижимой вещи. Это скорее элементы правового режима объекта недвижимости, как и регистрация прав на недвижимую вещь. Об этом свидетельствует и судебная практика⁶⁵¹. Как указал Пленум Верховного Суда РФ, по общему правилу государственная регистрация права на вещь не является обязательным условием для признания ее объектом недвижимости⁶⁵². В целом следует отметить довольно частое использование судебной практикой не только законодательно установленных критериев, но и сформулированных в доктрине⁶⁵³.

⁶⁵⁰ См.: Кулаков В.В. К вопросу о признаках недвижимости как критериев ее государственной регистрации // Современный юрист. 2020. № 2. С. 21–32.

⁶⁵¹ При разрешении вопроса о признании вещи недвижимостью независимо от осуществления кадастрового учета или государственной регистрации права собственности на нее следует устанавливать наличие у вещи признаков, способных относить ее в силу природных свойств или на основании закона к недвижимым объектам. Постановке на кадастровый учет, государственной регистрации прав в ЕГРН должна предшествовать проверка наличия у объекта признаков недвижимого имущества (см.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2019) (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 24 апреля 2019 г.) // БВС РФ. 2019. № 10).

⁶⁵² По утверждению Пленума Верховного Суда РФ, являются недвижимыми вещами здания и сооружения, построенные до введения системы государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, даже в том случае, если ранее возникшие права на них не зарегистрированы. Равным образом правомерно возведенное здание или сооружение является объектом недвижимости, в том числе до регистрации на него права собственности лица, в законном владении которого оно находится (см.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // БВС РФ. 2015. № 8).

⁶⁵³ Судебной практикой уточняются факультативные признаки недвижимости, которые восприняты как обязательные, но не названные непосредственно законом (самостоятельное хозяйственное значение, создание объекта как недвижимости с соблюдением обязательных правил и требований, подключение к инженерной инфраструктуре и др.) (см.: Сеницын С.А. Некоторые общие особенности развития категории «недвижимость» в российском гражданском праве // Гражданское право. 2023. № 2. С. 30–34). Так, например, в постановлении ФАС Северо-Западного округа от 1 июля 2011 г. по делу № А26-6171/2010 указано, что объект недвижимого имущества, тесно связанный с землей, должен соответствовать следующим критериям: 1) обладание объектом полезными свойствами, которые могут быть использованы независимо от

Вторую группу объектов недвижимых вещей составляют движимые по своей физической природе вещные объекты, которые законодатель прямо отнес к недвижимым вещам в целях распространения на них особого правового режима недвижимости⁶⁵⁴.

Третью группу объектов составляют жилые и нежилые помещения, а также машино-места. И если жилые и нежилые помещения всегда указывались в числе объектов жилищного права и их включение в состав недвижимых вещей по сути было вопросом времени, то отнесение машино-мест к недвижимости в качестве самостоятельного объекта стало новацией гражданского законодательства. Очевидно, что по своей физической природе перечисленные объекты являются частями объектов первой группы (а именно зданий).

В результате мы можем утверждать, что законодатель установил критерии отнесения «рукотворных» объектов к недвижимости только в отношении первой группы недвижимых вещей, объекты третьей группы подпадают под перечисленные признаки недвижимости опосредованно как являющиеся составными частями объекта первой группы – зданий. Считаем, что перечисленные в ст. 130 ГК РФ критерии отнесения к недвижимым вещам иных объектов являются достаточными, их смысловая нагрузка не утратила актуальности и в настоящее время. В этом вопросе видится

земельного участка, на котором он находится; 2) обладание объектом полезными свойствами, которые могут быть использованы независимо от других находящихся на общем земельном участке зданий, сооружений, иных объектов недвижимого имущества в предпринимательской или иной экономической деятельности собственника такого имущественного комплекса; 3) невозможность перемещения объекта без несоразмерного ущерба его назначению (см.: Постановление ФАС Северо-Западного округа от 1 июля 2011 г. по делу № А26-6171/2010 // СПС «КонсультантПлюс»).

⁶⁵⁴ В их числе законодатель называет подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания. Примечательно, что данную группу объектов законодатель оставил открытой для дополнения: законом к недвижимым вещам может быть отнесено и иное имущество. Такой подход поддерживается не всеми авторами. Как отмечает С.А. Сеницын, «Вне связи с потребностями гражданского оборота самим понятием недвижимости является нормативная возможность причисления к недвижимым вещам иного имущества по прямому указанию закона, что существенным образом размывает индивидуальность недвижимости как объекта гражданских прав» (Сеницын С.А. Указ. соч.).

возможным согласиться с Е.А. Сухановым, по мнению которого буквальное толкование установленных в законе признаков недвижимости с позиции их физических свойств искажает смысл и значение данной правовой категории⁶⁵⁵. Соглашаясь в целом с таким выводом, С.А. Сеницын добавляет, что законодательные признаки недвижимости являются техническими, экономическими, но не юридическими, позволяющими идентифицировать недвижимость как особый объект⁶⁵⁶. Примечательно, что Росреестром было предложено в принципе отказаться от установления в законе признаков недвижимой вещи⁶⁵⁷, однако данная инициатива не нашла поддержки.

Рассматривая актуальные вопросы, связанные с правовым режимом недвижимых вещей, нельзя обойти вниманием один из дискуссионных вопросов науки гражданского права – необходимость реализации в отечественном законодательстве концепции «единого объекта

⁶⁵⁵ Возможность и допустимость изменения географического места нахождения объекта недвижимости также подтверждается тем обстоятельством, что недвижимость – категория юридическая, а не физическая, и главное ее свойство – не физическая «неотрывность» от земли, а юридически необходимая государственная регистрация правового режима соответствующей вещи. Физические/природные свойства вещи не составляют идентификационные признаки и свойства недвижимости как объекта гражданских прав, всецело концентрируясь на внешних описательных характеристиках свойств предметов материального мира (см.: Суханов Е.А. О понятии недвижимости и его влиянии на иные гражданско-правовые категории // Проблемы реформирования Гражданского кодекса России. М., 2013. С. 420).

⁶⁵⁶ При этом, по мнению С.А. Сеницына, «...используемый российским законодательством (п. 1 ст. 130 ГК РФ) признак причинения несоразмерного ущерба назначению недвижимой вещи при ее перемещении в пространстве как критерий идентификации недвижимости изначально предполагает и допускает комбинированное использование и оценку экономических и технических характеристик объекта. Обусловленные перемещением объекта недвижимости бремя и затраты могут рассматриваться в значении несоразмерного ущерба объекту недвижимости, если, например, влекут за собой неэквивалентные или неразумные расходы собственника, вызванные перемещением, демонтажем, сборкой, реконструкцией объекта, а также изменение его изначальных качественных характеристик вследствие изменения места нахождения» (Сеницын С.А. Указ. соч.).

⁶⁵⁷ См.: Проект федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования законодательства о недвижимом имуществе» (подготовлен Росреестром) (не внесен в Государственную Думу Федерального Собрания РФ, текст по состоянию на 31 марта 2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

недвижимости»⁶⁵⁸. При этом сторонники и противники данной концепции говорят как о ее минусах, так и о плюсах⁶⁵⁹. Одним из неоспоримых преимуществ концепции единого объекта недвижимости является возможность свободной и беспрепятственной реализации правомочий собственника земельного участка и находящихся на нем построек, использование последних без земельного участка не представляется возможным, из чего логично вытекает вывод о предоставлении лицу права, прежде всего, на земельный участок, из которого вытекает соответствующее право и на находящиеся на нем постройки⁶⁶⁰.

Так, по мнению Е.А. Суханова, «...собственник строения в идеале должен быть собственником земельного участка, на котором оно находится. Без этого не будет нормального оборота, и не только недвижимости...»⁶⁶¹. Примечательно также толкование ученым п. 1 ст. 130 ГК РФ: по его мнению, земельный участок и есть недвижимость, а все, что на нем находится, представляет собой составную часть земельного участка, «...причем в отличие от принадлежности составная часть вещи лишена качеств отдельной,

⁶⁵⁸ Суть концепции «единого объекта недвижимости» заключается в классическом понимании недвижимости как исключительно земельного участка, существующего в установленных границах, в рамках которых все, что находится под земной поверхностью и над ней с улучшениями (составными частями) в виде построек, насаждений и т.д., выступает в качестве единого объекта гражданских прав.

⁶⁵⁹ См., например: Калиниченко К.С. Здания и сооружения как составные части земельного участка. Сравнительный анализ по российскому и германскому праву // Закон. 2014. № 12. С. 121–131; Чаплин Н.Ю. Концепция единого объекта недвижимости: к вопросу о целесообразности и возможности ее реализации в российском законодательстве // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 150–158; Псел О.П. Правовые проблемы реализации принципа единой судьбы земельного участка и расположенного на нем строения при их наследовании // Право и политика. 2008. № 1. С. 208–211.

⁶⁶⁰ Более того, в соответствии с законодательством, например, Германии, где реализована концепция единого объекта недвижимости, «составные части недвижимого имущества (земельного участка) по праву ФРГ являются его частью, а такие существенные составные части земельного участка, как здания, строения, сооружения и пр., в отличие от законодательства России, даже не рассматриваются по общему правилу в качестве самостоятельных объектов гражданских прав» (Волочай Ю.А. Приобретение права собственности на недвижимое имущество по договору: сравнительный анализ законодательства России и Германии. М., 2013. С. 26).

⁶⁶¹ Суханов Е.А. Недвижимость в системе объектов гражданских прав // Журнал российского права. 2021. № 1. С. 16–22.

самостоятельной вещи»⁶⁶². Формально такой подход, о котором говорили еще дореволюционные юристы⁶⁶³, также имеет право на существование, если понимать «неразрывную связь с землей» не в качестве критерия отнесения к недвижимости иных объектов, а как неразрывный характер связи, указывающий на целостность вещи. В судебной практике уже есть прецеденты, когда суды рассматривают возведенные на земельном участке постройки в качестве его составной части⁶⁶⁴.

Вместе с тем неоднократно в научной литературе были отмечены проблемы, препятствующие внедрению в российскую правовую систему концепции единого объекта недвижимости. В числе таких проблем называют нахождение преимущественного числа земельных участков в публичной собственности, в то время как пользование находящимися на них постройками реализуется в соответствии с договорами⁶⁶⁵. С точки зрения негативных последствий внедрения рассматриваемой концепции отмечают

⁶⁶² Там же.

⁶⁶³ См., например: Синайский В.И. Русское гражданское право Серия «Классика российской цивилистики». М., 2002. С. 127. Ю.С. Гамбаров также отмечал, что даже «в средневековом и новом праве это противоположение определяется уже не физическими свойствами вещей, а их общественно-экономическими функциями и сопровождается такими важными различиями, которые проводят резкую грань между институтами, имеющими место не столько в недвижимых и движимых имуществах, сколько в имуществах, принимаемых за недвижимые или движимые по их общественным функциям» (Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть. Серия «Русское юридическое наследие». М., 2003. С. 610).

⁶⁶⁴ Так, в информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15 января 2013 г. № 153 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам защиты прав собственника от нарушений, не связанных с лишением владения» указано следующее: «Собственник земельного участка имеет право на защиту своего права не только на земельный участок, но и на возведенное на нем здание, являющееся по существу составной частью принадлежащего ему на праве собственности земельного участка» (п. 7) Вестник ВАС РФ. 2013. № 4). В некоторых случаях суды приходят к выводу, что в качестве составных частей земельного участка должны расцениваться и всевозможные инженерные усовершенствования, которые не имеют самостоятельного функционального назначения, создаются исключительно в целях улучшения качества земель и обслуживания земельного участка, где они расположены (см., например: Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 28 мая 2013 г. № 17085/12 // Вестник ВАС РФ. 2013. № 12); от 17 января 2012 г. № 4777/08 // Вестник ВАС РФ. 2012. № 5); от 26 января 2010 г. № 11052/09 // Вестник ВАС РФ. 2010. № 5); от 20 октября 2010 г. № 6200/10 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 1) и т.д.

⁶⁶⁵ См.: Суханов Е.А. Указ. соч.

неминуемое удорожание застроенного земельного участка как единственного объекта права, проблемы с определением объекта права в отношении жилых помещений, находящихся в многоквартирных домах, поскольку в гражданский оборот будет включена доля в праве собственности на земельный участок, занятый многоквартирным домом⁶⁶⁶.

Следует отметить, что отечественный законодатель predisposed к внедрению в российское законодательство конструкции единого объекта недвижимости. Данный термин используется им в ряде программных документов⁶⁶⁷. По мере нормального развития гражданского оборота, когда собственник земельного участка и собственник находящихся на нем построек будут совпадать в одном лице, предполагается запретить дальнейшее разделение права собственности на земельный участок и находящееся на нем строение⁶⁶⁸. В целях реализации рассматриваемой концепции ГК РФ был дополнен новой ст. 133.1 о едином недвижимом комплексе, который может быть зарегистрирован как одна неделимая недвижимая вещь⁶⁶⁹.

⁶⁶⁶ См.: Чаплин Н.Ю. Указ. соч.

⁶⁶⁷ В частности, переход на классическую модель в регулировании прав на объекты недвижимости предусмотрен в распоряжении Правительства РФ от 10 июля 2001 г. № 910-р «О программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2002–2004 годы)» СЗ РФ. 2001. № 31. Ст. 3295). О классической теории единого объекта недвижимости говорится и в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренной решением Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г. Согласно п. 3.6.3 указанного документа в ГК РФ должна быть реализована модель единого объекта недвижимости, которая возникает при совпадении в одном лице собственника земельного участка и собственника находящегося на нем недвижимого имущества. Дальнейшее отчуждение земельного участка без находящегося на нем объекта недвижимости не допускается. Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

⁶⁶⁸ См.: Суханов Е.А. Указ. соч.

⁶⁶⁹ Согласно указанной норме, если строения находятся на одном земельном участке, весь этот комплекс можно зарегистрировать в качестве одной вещи, которая в силу прямого указания в законе является неделимой. В научной доктрине данное нововведение было подвергнуто критике. Так, по мнению В.В. Витрянского, «признание единого недвижимого комплекса (технологического имущественного комплекса недвижимости) самостоятельным объектом недвижимости было обусловлено необходимостью исключения из перечня объектов недвижимого имущества предприятий, за которыми, однако, предлагалось сохранить статус особого вида имущества и самостоятельного

Вместе с тем на фоне тенденции к неспешному переходу от множественности объектов недвижимости к концепции единства земельного участка и расположенных на нем объектов нелогичным представляется решение законодателя о расширении перечня недвижимых вещей – в разные годы к таким объектам прямо были отнесены объекты незавершенного строительства, жилые и нежилые помещения, машино-места⁶⁷⁰.

Федеральным законом от 21 декабря 2021 г. № 430-ФЗ⁶⁷¹ (ред. от 28 июня 2022 г.) «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» часть первая ГК РФ была дополнена двумя новыми главами, детализирующими положения о недвижимых вещах в развитие положений ст. 130 ГК РФ и об особенностях права собственности на них⁶⁷². Анализ данных нововведений позволяет прийти к выводу о том, что законодатель медленно, но последовательно идет по пути внедрения концепции единого объекта недвижимости – об этом свидетельствует установление двух разных правовых режимов для строящихся зданий⁶⁷³.

На реализацию теории единой недвижимости, на наш взгляд, также в определенной степени направлена новая норма, устанавливающая возможность запрета или ограничения на образование отдельных видов недвижимых вещей либо условия, при соблюдении которых допускается

объекта гражданских прав и гражданско-правовых сделок» (Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд. М., 2018).

⁶⁷⁰ По мнению Суханова Е.А., ситуация с множественностью «объектов недвижимости в российских условиях доведена до абсурда», благо что такая инициатива Минэкономразвития России, как отнесение к недвижимости еще «площадок» (крыш и стен домов), не была реализована в законодательстве (см.: Суханов Е.А. Указ. соч.).

⁶⁷¹ СЗ РФ. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8989.

⁶⁷² Глава 6.1 «Недвижимые вещи» ГК РФ включает новые ст. 141.2–141.5, гл. 17.1 «Право собственности и другие вещные права на здания, сооружения, объекты незавершенного строительства, помещения и машино-места» – соответственно ст. 287.1–287.7.

⁶⁷³ По общему правилу право собственности на созданные здание, сооружение, объект незавершенного строительства, помещение, машино-место возникает у собственника земельного участка, на котором расположены указанные объекты. Второй режим предполагает возникновение права собственности у застройщика на созданные им здание, сооружение, объект незавершенного строительства, помещение, машино-место при строительстве на земельном участке, находящемся в государственной или муниципальной собственности.

образование таких недвижимых вещей. Такой запрет, в частности, установлен в отношении единого недвижимого комплекса, который в силу императивной нормы является неделимой вещью. В связи с этим противоречивой является норма ст. 141.3 ГК РФ, допускающая образование зданий и сооружений (в качестве отдельных объектов недвижимых вещей) в результате раздела единого недвижимого комплекса.

Очевидно, что новые нормы, касающиеся создания новых объектов так называемой рукотворной недвижимости и возникновения на нее права собственности, в том числе правила, устанавливающие возможность раздела такой недвижимости, продиктованы социально-экономическими реалиями современного состояния рынка недвижимости, и прежде всего строительной сферы. Безусловно одномоментное внедрение в отечественное законодательство рассматриваемой концепции – это утопия. Вместе с тем считаем возможным сократить перечень объектов недвижимости.

Так, неизменно с 1994 г. к самостоятельным объектам недвижимости законодатель относит участки недр, которые физически неразрывно связаны с земельным участком. В связи с этим в научной доктрине обсуждаются такие вопросы, как разграничение недр и земли⁶⁷⁴ и объем полномочий правообладателей на эти объекты⁶⁷⁵. При этом ученые анализируют, что выступает непосредственным объектом прав – недра или их участки, недра как природный объект или как природный ресурс⁶⁷⁶ и т.д.

Первое, на что следует обратить внимание, – отсутствие легальной дефиниции понятия «участок недр», в отличие от понятия «участок земли»,

⁶⁷⁴ См.: Алланина Л.М. Гражданско-правовое регулирование отношений недропользования. Тюмень, 2011. С. 140; Димитриев М.А. К вопросу об участках недр как объектах гражданских прав // Российский судья. 2011. № 12. С. 17–20; Калиниченко К.С. Правовой режим земельного участка и расположенных на нем зданий, сооружений в России и Германии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2016. С. 22.

⁶⁷⁵ См., например: Камышанский В.П. О праве пользования участками недр в науке гражданского права // Власть Закона. 2016. № 2 (26). С. 15–21.

⁶⁷⁶ См.: Прокаев А.В. Гражданско-правовое регулирование отношений в сфере недропользования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. С. 26; Воронина А.А. Недра как объект гражданских правоотношений // Известия Российского государственного педагогического университета. 2008. С. 68–72.

дефиницию которого законодатель закрепил в нормах гражданского законодательства в 2021 г. (когда был принят Закон РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах»⁶⁷⁷, далее – Закон о недрах). Соответственно по аналогии с земельным участком понятие «недра» относится к объекту экологических (природоохранных) отношений, в то время как «участок недр» как объект недвижимости является индивидуально-определенной вещью с установленными географическими границами⁶⁷⁸. Более того, как справедливо указывает Е.Г. Семенова, «...индивидуализация участка недр не может быть осуществлена в отрыве от земельного участка над ним»⁶⁷⁹.

В соответствии с действующим законодательством участки недр исключены из свободного оборота⁶⁸⁰. По сути же режим их использования практически исчерпывается административными разрешениями и лицензированием. Вместе с тем использование участка недр невозможно без использования соответствующего земельного участка⁶⁸¹. Следует отметить, что такая связь земельного участка и участка недр стала основанием для

⁶⁷⁷ Закон о недрах определяет недра как часть земной коры, расположенной ниже почвенного слоя, а при его отсутствии – ниже земной поверхности и дна водоемов и водотоков, простирающейся до глубин, доступных для геологического изучения и освоения (СЗ РФ. 1995. № 10. Ст. 823).

⁶⁷⁸ Как справедливо отмечает И.П. Писков, «...только путем установления границ участок недр может быть обособлен от окружающих его недр и индивидуализирован. И только получив эти свойства – свойства вещи, участок недр может сделаться объектом права собственности и других гражданских прав» (Писков И.П. Право собственности: актуальные проблемы / отв. ред. В.Н. Литовкин, Е.А. Суханов, В.В. Чубаров; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М., 2008. С. 382–383).

⁶⁷⁹ Семенова Е.Г. Правовой режим участка недр как объекта гражданских прав // Власть Закона. 2017. № 2. С. 177–189.

⁶⁸⁰ Участки недр не могут быть в силу прямого указания закона предметом купли, продажи, дарения, наследования, вклада, залога или отчуждаться в иной форме. Данные объекты могут передаваться только в пользование и только в той мере, в какой их оборот допускается федеральными законами (ст. 1.2 Закона о недрах).

⁶⁸¹ Законом о недрах (ст. 25.1, 25.2) устанавливаются основания возникновения у пользователей участков недр прав на земельные участки, необходимые для ведения работ, связанных с использованием недрами. Одновременно закрепляются права правообладателей земельных участков на использование для собственных нужд имеющихся в границах земельных участков общераспространенных полезных ископаемых и подземных вод (ст. 19 Закона о недрах).

доктринальной дискуссии о возможности включения участка недр в гражданский оборот как самостоятельного объекта гражданских прав⁶⁸².

Выделение в качестве объекта недвижимости участка недр основано на положении ч. 2 ст. 9 Конституции РФ, допускающей их нахождение в частной собственности. Однако действующее законодательство признает недра в границах территории Российской Федерации, включая подземное пространство и содержащиеся в недрах полезные ископаемые, энергетические и иные ресурсы, государственной собственностью (ст. 1.2 Закона о недрах). Это, по справедливому утверждению Е.А. Суханова, лишает отнесение участков недр к недвижимым вещам юридического смысла⁶⁸³.

Следует напомнить, что в свое время к недвижимости относились также леса и многолетние насаждения, которые были исключены⁶⁸⁴ из ст. 130 ГК РФ в связи с введением в действие ЛК РФ⁶⁸⁵.

Учитывая изложенное, считаем возможным сократить перечень объектов недвижимых вещей, исключив из ст. 130 ГК РФ упоминание об участках недр.

Федеральным законом от 30 декабря 2004 г. № 213-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации»⁶⁸⁶ была решена доктринальная дискуссия о правовом режиме объекта незавершенного строительства. По мнению Е.А. Суханова, такая недвижимая вещь не известна ни одному, кроме российского, правопорядку⁶⁸⁷. До

⁶⁸² См.: Димитриев М.А. Указ. соч. С. 18.

⁶⁸³ См.: Суханов Е.А. О понятии недвижимости и его влиянии на иные гражданско-правовые категории // Вестник гражданского права. 2008. № 4.

⁶⁸⁴ Согласно действующему законодательству использование, охрана, защита и воспроизводство лесов осуществляются исходя из понятия о лесе как об экологической системе или как о природном ресурсе.

⁶⁸⁵ См.: Федеральный закон от 4 декабря 2006 г. № 201-ФЗ (ред. от 13 июня 2023 г.) «О введении в действие Лесного кодекса Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сентября 2023 г.) // СЗ РФ. 2006. № 50. Ст. 5279.

⁶⁸⁶ СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 39.

⁶⁸⁷ «В оправдание законодателя можно лишь заметить, что особый правовой режим этих “полужастроенных” или “недозастроенных” земельных участков, в большинстве случаев

законодательного решения указанной проблемы на правоприменительную практику существенное влияние оказала позиция Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ, который в постановлении от 25 февраля 1998 г. № 8 «О некоторых вопросах практики разрешения споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» отнес к недвижимому имуществу «не завершенные строительством объекты, не являющиеся предметом договора строительного подряда»⁶⁸⁸. Данной позиции и следовали суды нижестоящих инстанций.

Включив объекты незавершенного строительства в перечень недвижимых вещей, законодатель по какой-то причине не дал его определения, а главное – не установил критерии его признания недвижимостью, оставив решение данного вопроса на усмотрение правоприменительной практики. Излагая свою позицию на этот счет, Пленум Верховного Суда РФ руководствовался, полагаем, общими признаками «рукотворной» недвижимости – «прочной связью с землей». По мнению Пленума, при решении вопроса о признании строящегося объекта недвижимой вещью следует исходить из того, завершены ли работы по сооружению фундамента или аналогичные им работы. При этом «замоещение земельного участка, не отвечающее признакам сооружения, является его частью и не может быть признано самостоятельной недвижимой вещью (пункт 1 статьи 133 ГК РФ)»⁶⁸⁹.

Подобная неопределенность с критериями признания рассматриваемого объекта недвижимой вещью негативно отражается и на судебной практике. В ряде случаев суды признают фундамент в качестве

находящихся к тому же в государственной (публичной) собственности, представляет собой типичное “наследие” прежнего правопорядка (в котором “котлован” или “коробка” здания считались самостоятельными имущественными ценностями)» (Суханов Е.А. Указ. соч.).

⁶⁸⁸ Вестник ВАС РФ. 1998. № 10.

⁶⁸⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

достаточного основания для признания объекта незавершенного строительства недвижимой вещью⁶⁹⁰, а в иных случаях отказывают к такому признанию при наличии бетонного фундамента⁶⁹¹.

Насколько же оправданно наделение данного объекта самостоятельным статусом и отвечает ли это современным социально-экономическим реалиям?

Рыночная стоимость такого объекта на уровне «завершения работ по сооружению фундамента или аналогичных им работ» значительно меньше затрат на осуществление работ по строительству самого объекта и введения его в эксплуатацию. Кроме того, нельзя рассматривать объект незавершенного строительства и как имущественное благо, поскольку фундамент сам по себе не имеет целевого назначения. Более того, как показал обзор судебной практики, не могут быть введены в гражданский оборот объекты незавершенного строительства, права на которые не зарегистрированы в установленном законом порядке⁶⁹². При этом регистрации права предшествует регистрация самого объекта незавершенного строительства. Данный процесс осложняется тем, что при рассмотрении споров, связанных с объектами незавершенного строительства, суды руководствуются тем, что «факт регистрации объекта незавершенного

⁶⁹⁰ Результат незавершенных строительных работ признают недвижимостью, если у него есть фундамент (см.: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 22 ноября 2019 г. № Ф04-5052/2019 по делу № А46-1191/2019 // СПС «КонсультантПлюс»).

⁶⁹¹ В частности, «...спорная постройка не относится к объектам недвижимого имущества, поскольку наличие у спорного объекта мелкозаглубленного бетонного фундамента само по себе не позволяет отнести его с учетом требований статьи 130 Гражданского кодекса Российской Федерации к объекту недвижимости (установка временного сооружения на капитальном фундаменте не влечет отнесения такой постройки к объектам недвижимости; возведение бетонного фундамента не может рассматриваться как доказательство строительства капитального здания, поскольку такого рода фундамент часто используется также и для возведения временных сооружений)» (Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 13 ноября 2019 г. № Ф02-5324/2019 по делу № А19-27336/2017 // СПС «КонсультантПлюс»).

⁶⁹² См.: Лужина А.Н. Недвижимое имущество: понятие и отдельные виды: учебное пособие. М., 2017.

строительства в качестве недвижимости не лишает суд права иначе оценить правовой режим этой вещи»⁶⁹³.

Далее исходим из следующего: признание объекта незавершенного строительства возможно только при отсутствии действующего договора строительного подряда, а само строительство должно быть приостановлено, законсервировано или окончательно прекращено⁶⁹⁴. Если строительство велось собственником земельного участка, но по какой-то причине «законсервировано», то с учетом концепции единства земельного участка и возведенных на нем зданий, сооружений и т.п. выделение объекта незавершенного строительства в качестве самостоятельного объекта недвижимости нецелесообразно, но в любом случае это не ограничивает собственника земельного участка распорядиться им по своему усмотрению.

Иная ситуация складывается, когда собственник земельного участка предоставил его третьему лицу под капитальное строительство. Гипотетически можно представить, что по какой-то причине строительство застройщиком было «законсервировано», договор строительного подряда истек, объект не завершен и не может использоваться по его прямому назначению, застройщик в силу определенных причин не способен или не заинтересован в возобновлении строительства, при этом не осуществляет государственную регистрацию объекта и не оформляет право собственности на него. В этом случае и по истечении договора аренды собственник

⁶⁹³ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 19 ноября 2018 г. № Ф08-9608/2018 по делу № А63-3439/2017 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 16 января 2018 г. № Ф02-7424/2017 по делу № А33-3574/2017 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 15 марта 2018 г. № Ф02-705/2018 по делу № А19-19762/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁹⁴ Из сложившейся судебной практики также следует, что для государственной регистрации необходимо, чтобы строительство объекта было приостановлено, законсервировано или окончательно прекращено (см.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 21 марта 2018 г. № Ф05-2605/2018 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 12 октября 2016 г. № 19АП-3642/2016. URL: <https://19aas.arbitr.ru/>).

земельного участка ограничен в использовании земельного участка и распоряжении им, если он занят объектом незавершенного строительства.

Примечательно, что законодатель предусмотрел на этот счет последствия только в отношении земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, – их суть заключается в возможности изъятия такого объекта в установленном законом порядке (посредством продажи с торгов и только по решению суда). Аналогичных правил в отношении «частного» собственника земельного участка в действующем гражданском законодательстве нет.

С учетом изложенного в целях обеспечения защиты прав собственника земельного участка, занятого объектом незавершенного строительства, а также в целях реализации концепции единства земельного участка и возведенных на нем объектов целесообразным видится исключение из перечня недвижимых вещей объекта незавершенного строительства его и отнесение к составной части земельного участка.

По мнению Е.А. Суханова, «...недвижимость – категория юридическая, а не физическая, и главное ее свойство – не физическая “неотрывность” от земли, а юридически необходимая государственная регистрация правового режима соответствующей вещи»⁶⁹⁵.

Однако государственная регистрация как один из основных элементов правового режима недвижимости предусмотрена и в отношении движимых вещей, например автомобилей⁶⁹⁶, ряд из которых имеет более высокую рыночную стоимость по сравнению, в частности, с жилыми помещениями. Несмотря на это законодатель совершенно справедливо, на наш взгляд, не торопится относить их к недвижимым вещам. Вместе с тем становится

⁶⁹⁵ Суханов Е.А. Указ. соч.

⁶⁹⁶ Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 283-ФЗ (ред. от 14 апреля 2023 г.) «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (СЗ РФ. 2018. № 32 (ч. I). Ст. 5076) определяет правовую и организационные основы, цели государственной регистрации транспортных средств, права и обязанности участников отношений, возникающих в связи с государственной регистрацией транспортных средств.

очевидным, что государственная регистрация объекта не является ни признаком недвижимого имущества, ни уникальной характеристикой ее правового режима. При этом следует обратить внимание на указание в абз. 2 п. 1 ст. 130 ГК РФ, в соответствии с которым к недвижимости относятся только те воздушные и морские суда, а также суда внутреннего плавания, которые в силу законодательства подлежат государственной регистрации⁶⁹⁷. Отметим, что стоимость отдельных премиальных автомобилей существенно превышает стоимость среднестатистического, к примеру, воздушного судна.

Учитывая изложенное, считаем возможным исключить из состава недвижимых вещей также воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, отнести их движимому имуществу с сохранением их государственной регистрации по аналогии с автомобильным транспортом.

В результате к недвижимым вещам предлагаем относить земельные участки и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, единые недвижимые комплексы, а также помещения (жилые и нежилые) и машино-места в редакции ст. 130 ГК РФ.

Таким образом, внесение последних изменений в гражданское законодательство в части расширения перечня объектов недвижимых вещей обусловлено комплексом причин, в первую очередь сохранением господствующей роли государственной собственности на землю, а также современным социально-экономическим состоянием рынка недвижимости и не свидетельствует об отказе законодателя от внедрения в отечественную правовую систему концепции единого объекта недвижимости. Такой вывод нам позволяют сделать новации гражданского законодательства о принципе приращения – право собственности на созданные здание, сооружение, объект

⁶⁹⁷ См.: Воздушный кодекс РФ от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ (ред. от 30 января 2024 г.) (ст. 33) // СЗ РФ. 1997. № 12. Ст. 1383; Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 7 марта 2001 г. № 24-ФЗ (ред. от 19 октября 2023 г.) (ст. 16) // СЗ РФ. 2001. № 11. Ст. 1001; Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ (ред. от 19 октября 2023 г.) // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2207.

незавершенного строительства, помещение, машино-место возникает у собственника земельного участка, на котором расположены указанные объекты.

Как отмечает Совет при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, принятый в 2021 г. закон «оставляет открытым вопрос о том, предлагается ли при дальнейшем развитии гражданского законодательства придерживаться концепции единого объекта недвижимости»⁶⁹⁸.

§ 3. Особенности имущественных прав как объектов гражданских прав

Статья 128 ГК РФ прямо называет в числе объектов гражданских прав имущественные права⁶⁹⁹. Признав имущественные права объектом права, активно используя данный термин в гражданских нормах, законодатель по какой-то причине не счел необходимым установить его легальную дефиницию, что, на наш взгляд, порождает ряд теоретических, а также

⁶⁹⁸ Экспертное заключение по проекту федерального закона № 47538-6/5.1 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» (принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 21 октября 2021 г. № 212-1/2021) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁹⁹ Несмотря на законодательное отнесение имущественных прав к самостоятельным объектам гражданского права, некоторые правоведы все же скептически относятся к тому, что права являются объектами гражданских правоотношений. Так, В.А. Белов, отрицая возможность отнесения имущественных прав к самостоятельным объектам гражданских прав, в подтверждение своего вывода отмечает буквально следующее: «содержание правоотношения (которым являются субъективные права и обязанности его участников) не может быть в то же время и объектом, хотя бы и иного правоотношения» (Белов В.А. Сингулярное правопреемство в обязательстве: опыт исторического исследования, теоретической и догматической конструкции и обобщения российской судебной практики М., 2001. С. 15). Поддерживается данный вывод и иными учеными, но с иной аргументацией. В частности, отмечается, что право – это идеальный феномен, который не может передаваться именно в силу своей идеальности. Термин «передача» свойствен вещам, предметам материального мира. Право же моментально возникает и прекращается. Поскольку право – идеальный феномен, то и нет никаких временных промежутков между его прекращением и возникновением (см.: Скловский К. Указ. соч. С. 61, 62).

практических проблем⁷⁰⁰. Термин «имущественное право» является собирательным, поскольку в соответствии с действующим законодательством к имущественным правам относятся вещные права, обязательственные права⁷⁰¹, исключительные права, бездокументарные ценные бумаги и цифровые права. Поскольку объект гражданских прав предполагает установление в его отношении определенного гражданско-правового режима, признание имущественных прав объектом неизбежно

⁷⁰⁰ Одной из таких проблем является вопрос о возможности деления имущественного права на доли. Как отмечают О.В. Гутников и С.А. Сеницын, «...само существо любого имущественного права предполагает возможность его принадлежности как одному, так и нескольким лицам одновременно, чем гарантированы интересы участия в гражданском обороте. Безусловно, в зависимости от правовой природы того или иного имущественного гражданского права могут иметь место те или иные особенности правового режима совместного правообладания. Однако независимо от нюансов такое правообладание предполагает принципиальную делимость имущественного права на доли, отдавая на откуп законодателю установление различных правовых режимов осуществления такого "общего" права как в целом, так и по частям (в соответствующих долях). Наглядным примером являются отношения общей собственности (совместной или долевой), множественности лиц на стороне кредитора или должника (солидарная или долевая) и т.д.». Исходя из этого, авторы приходят к выводу о том, что «...в любой множественности лиц субъективного имущественного гражданского права правомочия обладателей права могут принципиально дифференцироваться в отношении трех составляющих: объект права (вещь в общей собственности, предмет обязательства в договоре с множественностью лиц на стороне кредитора или должника, результат интеллектуальной деятельности в исключительном праве); имущественное право в целом; доли в праве, принадлежащем нескольким лицам» (Гутников О.В., Сеницын С.А. Множественность обладателей исключительного права: проблемы теории и практики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 12. С. 67–73).

⁷⁰¹ В научной доктрине в составе обязательственных прав зачастую рассматривают корпоративные права. Кроме того, в принципе идея отнесения к имущественным правам корпоративных прав поддерживается не всеми учеными. Так, по мнению В.К. Андреева, корпоративные права не являются имущественными, поскольку они регулируют внутренние отношения между участниками корпорации и созданным ими юридическим лицом, а корпоративные права участников направлены на управление делами корпорации (см.: Андреев В.К. Проблемы адаптации обязательственных прав к обращению в инвестиционной платформе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 85–90). По мнению О.В. Гутникова, «...в корпоративных организациях участники обладают в отношении юридического лица не обязательственными, а корпоративными правами» (Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. М., 2019). В рамках диссертационной работы мы будем исходить из тезиса о том, что корпоративные права следует рассматривать в качестве разновидности обязательственных прав.

ставит вопрос о характере возникающих на них прав, обусловленных спецификой их оборота⁷⁰².

В соответствии с п. 1 ст. 307 ГК РФ обязательственные права позволяют кредитору требовать от должника совершения определенных действий или воздержания от их совершения, чаще всего такие права именуют правами требования. Преимущественно обязательственные права возникают из договоров и других сделок. Вместе с тем права требования могут возникать и из внедоговорных отношений, например, из причинения вреда жизни или здоровью.

Обязательственные права характеризуются некоторыми особенностями, отличающими их от иных имущественных прав. Так, право требования возникает у кредитора только в отношении конкретного лица (должника), объектом обязательственных прав является поведение обязанного субъекта (его действие или бездействие)⁷⁰³. При этом в научной литературе отмечается, что кредитор имеет исключительное право на обладание таким притязанием, которое должны уважать все третьи лица, что позволяет говорить о наличии у кредитора некоего абсолютного права на обладание притязанием к должнику⁷⁰⁴.

⁷⁰² По мнению Е.Б. Подузовой, «...в доктрине, законодательстве и на практике не сложилось ни единого подхода к наличию правового режима имущественных прав, ни понимания его сущностных характеристик и наименования. В контексте специального правового регулирования, судебного толкования невозможно признать и отсутствие какого-либо правового режима за имущественными правами» (Подузова Е.Б. Право как объект гражданских правоотношений в контексте цифровой среды и экономики совместного потребления // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 2. С. 86–93).

⁷⁰³ Л.А. Чеговадзе, понимая под объектами гражданских прав совокупность предметов и правовых явлений, в отношении которых субъекты способны осуществлять юридически значимые действия, совершенно справедливо указывает, что вещи проявляют себя в гражданско-правовой сфере как предметы, а гражданско-правовые явления – как требования и предоставления по обязательствам (действия) (см.: Объекты гражданских прав: учебник / отв. ред. Т.В. Дерюгина, В.Н. Ткачев, Л.А. Чеговадзе. М., 2021).

⁷⁰⁴ См.: Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.О. Батищев, А.А. Громов, А.Г. Карапетов и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2022.

В научной доктрине неоднократно предлагалось распространить вещное право (а именно право собственности) на субъективные гражданские права⁷⁰⁵, которые в этих целях предложено относить к «бестелесным вещам»⁷⁰⁶ с построением их оборота по модели вещей. Преимущественно аргументация сторонников данного подхода строится на нормах действующего законодательства⁷⁰⁷. Так, М.И. Брагинский ссылается на нормы гражданского законодательства об обороте предприятий, являющихся имущественными комплексами, в состав которых включаются права требования и иные права, что свидетельствует, по его мнению, о возможности распространения права собственности на обязательственное по своей природе право⁷⁰⁸.

Считаем, что вещное право может быть установлено только в отношении вещественного имущества, то есть объективно существующих предметов. Входящие в состав права собственности правомочия не соответствуют правовой природе обязательственных прав.

Так, по поводу правомочия владения в классическом его понимании⁷⁰⁹ очень верно подметил, на наш взгляд, К.И. Скловский: «...право

⁷⁰⁵ См., например: Гумаров И. Понятие вещи в современном гражданском праве России // Хозяйство и право. 2000. № 3. С. 81; Ефимова Л.Г. О соотношении вещных и обязательственных прав // Государство и право. 1998. № 10. С. 39; Мурзин Д.В. Ценные бумаги – бестелесные вещи. Правовые проблемы современной теории ценных бумаг. М., 1998. С. 90–98.

⁷⁰⁶ См., например: Мурзин Д.В. Бестелесные вещи // Цивилистические записки: межвузовский сборник научных трудов (к 80-летию С.С. Алексеева). М., 2004. Вып. 3. С. 337.

⁷⁰⁷ В частности, согласно ст. 209 ГК РФ объектом права собственности является имущество, а ст. 128 ГК РФ включает имущественные права в состав имущества. Пункт 1 ст. 66, а также п. 3 ст. 213 говорят о праве собственности юридических лиц на имущество, переданное им в качестве вкладов (взносов) их учредителями (участниками), при этом согласно п. 6 ст. 66 ГК РФ в качестве вклада могут выступать в том числе и права, имеющие денежную оценку.

⁷⁰⁸ См.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 1: Общие положения. 3-е изд. М., 2008. С. 285–286.

⁷⁰⁹ Данное правомочие преимущественно определяется как юридически обеспеченная возможность хозяйственного господства над вещью, как возможность фактического обладания лицом принадлежащим ему имуществом. Таким образом, речь идет о фактическом явлении, владение – это внешнее проявление принадлежности вещи.

собственности, как и всякое право, является известным идеальным феноменом, который по своему качеству может лишь проявляться в видимых формах, но никак не тождествен материальности, вещности и видимости. А владение всегда материально, видимо, явлено»⁷¹⁰. Очевидно, что в таком понимании данного правомочия владеть правом нельзя, невозможно установление фактического воздействия (господства) над правом. Владение правом как юридическое понятие может быть только определено как юридическая принадлежность права определенному лицу, что не равнозначно владению вещью⁷¹¹.

Вызывает сомнение и пользование обязательственным правом, под которым традиционно понимают возможность потребления полезных свойств вещи, извлечения из нее плодов и иных доходов. Применительно к правам корректнее говорить об осуществлении права, а не о пользовании им.

Более того, анализ норм гражданского законодательства о вещных правах и (прежде всего, о праве собственности) косвенно подтверждает вывод о том, что отечественный законодатель не предполагает распространение режима вещных прав в отношении обязательственных прав – в соответствующем разделе ГК РФ право собственности используется применительно к вещам, при этом большинство норм не применимо к обязательственному праву, например, его нельзя скрыть в качествеклада или найти и т.д.

⁷¹⁰ Скловский К.И. Собственность в гражданском праве: учебно-практическое пособие. 3-е изд. М., 2002. С. 99.

⁷¹¹ Критикуя тезис Л.А. Чеговадзе о том, что обязательственные имущественные права «не суть материализованные предметы внешнего мира, принадлежат их обладателю не на праве собственности, а на праве держания (обладания)...», А.Н. Лысенко совершенно справедливо подчеркивает, что «...едва ли следует строить конструкции, обслуживающие оборот прав, в терминах, порожденных оборотом вещей. Это приведет к неоправданному терминологическому смешению и утрате смысловой дифференциации правовых понятий» (Лысенко А.Н. Имущество в гражданском праве России. М., 2010).

Таким образом, два из трех правомочий права собственности не могут быть применимы в отношении обязательственных прав, что лишает целесообразности распространение на них вещно-правового режима⁷¹².

Вместе с тем действующее законодательство устанавливает возможность распоряжения обязательственным правом – существует механизм их передачи кредитором иному лицу на основании уступки требования (цессии)⁷¹³, имущественные права могут быть предметом залога (ст. 336, 358.1–358.14 ГК РФ) и т.д. Право распоряжения обязательственным правом также отличается от правомочия распоряжения вещью. Как справедливо отмечает Ю.Е. Туктаров, «...права как объекты оборота мыслятся как нечто внешнее по отношению к их обладателю, объектом его принадлежности или распоряжения. Участники оборота по поводу этих прав вступают в отношения между собой, в ходе которых правообладатель отчуждает свое право, а приобретатель становится новым его обладателем»⁷¹⁴. По мнению О.В. Болотовой, обращение обязательственных прав, а именно прав требования, составляет значительную долю всего хозяйственного оборота⁷¹⁵. Признавая за правом требования, принадлежащим кредитору на основании обязательства, определенную экономическую

⁷¹² Как справедливо указывает А.Н. Лысенко, «...любой правовой институт, в том числе и право собственности, нельзя сводить к функции. Это своеобразные способы, средства, с помощью которых реализуется определенная функция. А для материальных и нематериальных объектов способы и средства различные. Следовательно, право собственности (понимаемое в классическом смысле как “триада правомочий”) на имущественное право устанавливаться не может. В статическом аспекте имущественные права, в отличие от вещей, не могут быть объектом права собственности» (Лысенко А.Н. Указ. соч.).

⁷¹³ Право (требование), принадлежащее кредитору в силу обязательства, может быть передано им другому лицу по сделке (договор уступки требования) или перейти к другому лицу на основании закона (п. 1 ст. 382 ГК РФ). При этом в случае передачи имущественного права на возмездной основе применяются общие правила купли-продажи товаров с учетом специфики передаваемого права (п. 4 ст. 454 ГК РФ).

⁷¹⁴ Туктаров Ю.Е. Имущественные права как объекты гражданско-правового оборота // Актуальные проблемы гражданского права: сборник статей / под ред. О.Ю. Шиловского. М., 2003. Вып. 6. С. 129.

⁷¹⁵ См.: Болотова О.В. Проблема обособления финансовых активов при определении налоговых обязательств // Налоги. 2022. № 6. С. 2–5.

ценность, суды допускают его передачу другому лицу в счет оплаты за поставляемые товары⁷¹⁶.

Следует отметить, что неоднозначное толкование в науке получило законодательное правило о распространении общих положений о купле-продаже на продажу имущественных, в том числе цифровых, прав (с оговоркой, что если иное не вытекает из содержания или характера этих прав). Данная норма стала основанием для спорного вывода М.И. Брагинского, суть которого заключается в отрицании конструкции особого договора для перехода права, поскольку, по его мнению, наиболее частым основанием цессии является договор купли-продажи. Точно так же в качестве основания цессии могут использоваться и другие традиционные гражданско-правовые договоры, опосредствующие реализацию имущества, в числе которых ученым назван, в частности, договор мены⁷¹⁷, что не нашло поддержки в судебной практике. Более того, по мнению Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ, предметом договора мены уступка прав требования быть не может по причине того, что «...в этом случае невозможен переход права собственности, как того требует данный договор, и не может быть соблюдено его условие о передаче одного товара в обмен на другой»⁷¹⁸. Сходную позицию поддерживает В.В. Витрянский, подчеркивая, что имущественные права представляют собой самостоятельные объекты гражданских прав, они не являются товаром по договору купли-продажи и не могут обмениваться по договорам мены. Свою позицию ученый аргументирует тем, что смысл п. 4 ст. 454 ГК РФ заключается в использовании законодательного приема о распространении правил об общих положениях купли-продажи на отношения с имущественными

⁷¹⁶ См., например: Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 6 мая 2002 г. № А19-9515/01-10-Ф02-1110/02-С2 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷¹⁷ См.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Указ. соч. С. 374.

⁷¹⁸ Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 24 сентября 2002 г. № 69 «Обзор практики разрешения споров, связанных с договором мены» // Вестник ВАС РФ. 2003. № 1.

правами, что не свидетельствует о признании таких прав товаром в контексте договора купли-продажи⁷¹⁹. Как прием юридической техники, позволяющий применять общие нормы о купле-продаже к продаже прав, рассматривают также Ю.В. Романец⁷²⁰, А.С. Яковлев⁷²¹ и др.

Вместе с тем в научной доктрине преимущественно не отрицается тот факт, что обязательственные права могут быть вовлечены в гражданский оборот⁷²². Одним из отличительных признаков имущественных прав как объектов гражданских прав является их передаваемость («отчуждаемость»), то есть возможность их отделения от личности субъекта гражданского права для передачи другому лицу. Соглашаясь с данным выводом, считаем, что

⁷¹⁹ См.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 2: Договоры о передаче имущества, М., 2000. С. 265–266.

⁷²⁰ См.: Романец Ю.В. Система договоров в гражданском праве России. М., 2001.

⁷²¹ См.: Яковлев А.С. Имущественные права как объекты гражданских правоотношений. Теория и практика. М., 2005.

⁷²² Например, К.И. Скловский полагает, что гражданский оборот есть оборот вещных и обязательственных прав (см.: Скловский К.И. Механизм перехода права и последствия цессии. С. 60–67). Однако некоторые ученые признают оборотоспособность имущественных прав с некоторыми оговорками. Так, Л.А. Чеговадзе наряду с вещами в сферу гражданского оборота включает движение требований и прав (см.: Чеговадзе Л.А. Структура и состояние гражданского правоотношения. М., 2004. С. 40). Однако позднее он уточняет, что субъективное гражданское право – это правовая форма действий по отношению к присвоенным социальным благам (абсолютные права) и в отношениях с другими лицами по вопросам присвоения или отчуждения социальных благ (относительные права), поэтому представления об оборотоспособности имущественных прав достаточно условны, имущественное право само по себе в отрыве от его объекта необоротоспособно, в обороте участвует не право как таковое, а те предметы и явления, которые выступают его объектом (см.: Чеговадзе Л.А. Объекты гражданских прав и новая редакция статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. М., 2014. № 10. С. 81–86). А.А. Демин также считает, что к объектам гражданских прав, которые могут быть вовлечены в сферу гражданского оборота, следует относить вещи и требования имущественного характера (о передаче вещей в собственность, о предоставлении их во владение и пользование), а также требования о выполнении работ и об оказании услуг, имеющие в гражданском обороте значение имущества, платежные и другие денежные требования (см.: Демин А.А. Цивилистическое понимание гражданского оборота // Цивилист. 2022. № 1. С. 62–67). А.Н. Лысенко передаваемость («отчуждаемость») имущественного права рассматривает в качестве одного из его отличительных признаков. При этом указанный автор подчеркивает, что «способность и возможность отчуждения имущественного права составляют элемент самого этого права и выступают в виде принадлежащего субъекту правомочия распоряжаться этим правом (предусмотренного положениями ст. ст. 9, 18, 48 ГК РФ)» (Лысенко А.Н. Указ. соч.).

законодатель обоснованно относит обязательственные права (в числе имущественных прав) к объектам гражданских прав.

Следует отметить, что категория «имущественное право» в целом и обязательственное право в частности не охватывают такое понятие, как «имущественные обязанности», – в ст. 128 ГК РФ обязанности не названы ни в качестве самостоятельных объектов, ни в числе «иного имущества», ни как имущественные права. Следуя принципу буквального толкования закона, большинство авторов не включают их в состав объектов гражданских прав⁷²³, что, на наш взгляд, объяснимо с позиции понимания имущественных прав как блага. При таком толковании объекта гражданских прав долги очень сложно назвать позитивной ценностью, скорее они являются бременем для их обладателя, хотя в доктрине и предприняты попытки обосновать свойство имущественной обязанности «...удовлетворять специфические потребности обязанного субъекта»⁷²⁴.

Вместе с тем имущественные обязанности (долги, «пассив») и право требования всегда взаимосвязаны, более того, они дополняют друг друга – субъективному имущественному праву всегда корреспондирует соответствующая имущественная обязанность. При этом если мы говорим об имущественной ценности права требования, то нельзя игнорировать тот факт, что имущественные обязанности также характеризуются своим экономическим содержанием и, как следствие, подлежат стоимостной оценке.

Г.А. Трофимова предлагает именовать имущественную обязанность «отрицательным имущественным правом (тем, что умаляет, уменьшает имущество контрагента по договору)»⁷²⁵. Ссылаясь на труды Г.Ф.

⁷²³ См., например: Гражданское право России. Часть первая: учебник / под ред. З.И. Цибуленко. М., 1998. С. 158; Гражданское право. Часть первая: учебник / под ред. А.Г. Калпина, А.И. Масляева. М., 2001. С. 138.

⁷²⁴ Малахов П.С. Имущественные права и обязанности как объекты сделок в банковской сфере: дисс. ... канд. юрид. наук. Томск, 2007.

⁷²⁵ Трофимова Г.А. Правовая природа договора, посредством которого даритель освобождает одаряемого от имущественной обязанности // Цивилист. 2013. № 4. С. 60–64.

Шершеневича, свою позицию она аргументирует спецификой экономических отношений, что выражается в соотношении актива и пассива, равно как и имущественные отношения как правовое оформление экономических состоят из данных составляющих. Применяя данные выводы к обязательственным отношениям, Г.А. Трофимова предлагает рассматривать право требования как актив, а корреспондирующую ему обязанность как пассив; следовательно, любой договор, по ее мнению, можно представить, как совокупность положительно-отрицательных или правомочно-обязанных действий⁷²⁶.

В силу действующего законодательства имущественные обязанности (долги) обладают признаком оборотоспособности⁷²⁷. Более того, в современных экономических условиях институт перевода долга приобретает особую востребованность, поскольку является одним из эффективных способов реструктуризации задолженности. Таким образом, считаем, что имущественные обязанности должны быть прямо поименованы в ст. 128 ГК РФ наряду с имущественными правами, на что неоднократно указывалось в юридической доктрине.

К имущественным правам уже традиционно относят также исключительные права на интеллектуальную собственность. Такие права носят абсолютный характер и, «обеспечивая юридическое закрепление власти субъекта в отношении определенного объекта»⁷²⁸, по своей природе имеют сходство с правом собственности. Однако они обладают существенными отличительными особенностями, в числе которых

⁷²⁶ Там же.

⁷²⁷ В частности, институты перевода долга (ст. 391–392.3 ГК РФ) и прощения долга (ст. 415 ГК РФ) прямо указывают на то, что отчуждаемыми являются также и обязанности субъектов правоотношения. Предметом договора дарения, кроме прочего, может быть имущественное право (требование) к себе или к третьему лицу. По договору дарения даритель может освободить или обязаться освободить одаряемого от имущественной обязанности перед собой или перед третьим лицом (ст. 572 ГК РФ). В состав наследства наравне с вещами входит иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности (ст. 1112 ГК РФ).

⁷²⁸ Право интеллектуальной собственности: учебник для вузов / Л.А. Новоселова и др.; под ред. Л.А. Новоселовой. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2023. С. 24.

определенный срок действия исключительного права, ограниченность территории их действия законом и т.д. Поскольку исключительные права возникают на нематериальные объекты, в их отношении невозможно осуществление правомочия владения, соответственно, обладатель исключительного права на объект интеллектуальной собственности может использовать его и распоряжаться правом на такой объект⁷²⁹. Так как в соответствии с п. 4 ст. 129 ГК РФ результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации не оборотоспособны, а в гражданский оборот могут быть вовлечены только права на них, признание исключительных прав объектом гражданских прав в составе имущественных прав неоспоримо.

Из немногочисленных доктринальных определений имущественных прав⁷³⁰ можно выделить следующие их общие признаки: связь с имуществом; оборотоспособность и возможность денежной оценки. А.Н. Лысенко называет три признака, позволяющие отличить имущественное право от личных неимущественных – самостоятельность, отчуждаемость и возможность денежной оценки⁷³¹. Примечательно, что именно на последний признак как на ключевой для выделения имущественных прав обращали внимание еще Ю.С. Гамбаров⁷³², Р. Саватье⁷³³ и другие ученые.

Перечисленные признаки вполне применимы в отношении обязательственных или исключительных прав, но насколько им отвечает

⁷²⁹ Данные правомочия обладателя исключительных прав также имеют определенную специфику, не позволяющую отождествлять их с аналогичными правомочиями вещного права. Такую специфику весьма точно подметила М.А. Рожкова «...если реализация правомочия использования объектов интеллектуальной собственности подразумевает введение в гражданский оборот материальных носителей, в которых воплощаются эти объекты, то реализация правомочия распоряжения исключительными правами – введение в гражданский оборот исключительных прав» (Рожкова М.А. О некоторых вопросах оборота исключительных прав и материальных носителей объектов интеллектуальной собственности // Журнал российского права. 2014. № 9. С. 9).

⁷³⁰ См., например: Яковлев А.С. Имущественные права как объекты гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2003. С. 88; Туктаров Ю.Е. Указ. соч. С. 101–136.

⁷³¹ См.: Лысенко А.Н. Имущество в гражданском праве России. М., 2010.

⁷³² См.: Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. М., 1911. Т. 1.

⁷³³ См.: Саватье Р. Теория обязательств: юридический и экономический очерк. М., 1972.

вещное право?⁷³⁴ На этот счет в доктрине развернулась дискуссия – одни ученые допускают самостоятельный переход вещного права в отрыве от своего объекта⁷³⁵, другие категорически отрицают такую возможность⁷³⁶.

Вещному праву в ГК РФ посвящен отдельный раздел. Это одна из немногих подотраслей законодательства с детальной регламентацией. Несмотря на отсутствие в разделе понятийного аппарата и легализации понятий вещного права, права собственности и т.д., определены основания их возникновения и прекращения, порядок осуществления, способы защиты и иные аспекты, по совокупности которых в доктрине выделяют их основные признаки, отличающие вещные права от иных имущественных прав. В числе таких признаков называют абсолютный характер вещных прав; создание вещных прав только законом (не соглашением сторон), который должен исчерпывающим образом определить содержание каждого устанавливаемого им вещного права. В числе особых признаков вещных прав уже традиционно называют особые способы их защиты, так называемые вещно-правовые способы защиты – виндикационный и негаторный иски, которые, как отмечает Е.А. Суханов, «...подобно самим вещным правам, отличаются абсолютным характером и могут быть предъявлены управомоченным лицом к любым третьим лицам, нарушившим абсолютное вещное право»⁷³⁷.

⁷³⁴ В научной литературе уже неоднократно высказывалось мнение о том, что вещные права не могут являться самостоятельным объектом гражданских правоотношений (см., например: Яковлев А.С. Указ. соч.).

⁷³⁵ См., например: Копылов К.В. Залоговое обязательство в гражданском праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 19; Гражданское право: учебник / под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. М., 1996. Ч. 1. С. 11–12; Акимов А. Спорная доля собственника // ЭЖ-Юрист. 2007. № 1.

⁷³⁶ См.: Бекиев Р.Я. Категория «передача» в гражданском праве // Вестник Московского университета. Серия «Право». 1978. № 2. С. 67; Ровный В.В. Проблемы объекта в гражданском праве. Иркутск, 1998. С. 81–82; Яковлев А.С. Имущественные права как объекты гражданских правоотношений. Теория и практика. М., 2005. С. 66; Астахова М.А. К вопросу о понятии гражданского оборота // Бюллетень нотариальной практики. 2006. № 5; Лысенко А.Н. Указ. соч.; Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М., 2017; Болотова О.В. Указ. соч.

⁷³⁷ Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М., 2017.

Однако присущи ли вещному праву такие признаки имущественных прав, как самостоятельность и экономическая ценность? На наш взгляд, об этом весьма точно высказался Е.А. Суханов, отметив особенности вещного права как гражданско-правового режима, отличающего его от режима иных имущественных прав. По его мнению, режим вещных прав характеризуется «юридической прочностью» (обеспеченностью), которая состоит в том, что, обеспечивая известную власть над вещью, вещное право обременяет саму вещь, а следовательно, не зависит от смены собственника⁷³⁸. Действительно вещное право неотделимо от его объекта, невозможно распорядиться им без распоряжения объектом. Такая неразрывная связь подтверждается «...существованием в структуре вещных прав правомочия следования (п. 1 ст. 223, ст. 301 ГК РФ)»⁷³⁹. Из данного вывода следует также отрицательный ответ на вопрос об обладании вещным правом экономической ценности⁷⁴⁰, такой ценностью обладает непосредственно объект вещного права. Как указывают Л. Лапач и Н. Федоренко, имущественное право только тогда становится объектом гражданских прав, когда оно приобретает способность существовать отдельно от товара и представляет самостоятельную имущественную ценность⁷⁴¹. Поскольку вещное право неотделимо от его объекта, само по себе оно не имеет никакой экономической ценности и не может быть вовлечено в гражданский оборот без его объекта, более того, вне своего объекта вещное право в принципе не существует⁷⁴².

⁷³⁸ Там же.

⁷³⁹ Астахова М.А. Указ. соч.

⁷⁴⁰ По мнению С.Л. Будылина, «...любое имущественное право – будь оно вещное, обязательственное, исключительное или корпоративное – представляет ценность лишь как это самое имущественное право. Прикрепить к имущественному праву какую-то дополнительную экономическую ценность, как к некоторым вещам и некоторым криптоактивам, вряд ли возможно» (Будылин С.Л. Криптоактивы: роль в гражданском обороте и правовая природа // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 5. С. 74–115).

⁷⁴¹ См.: Федоренко Н., Лапач Л. Особенности оборота имущественных прав // Хозяйство и право. 2001. № 11. С. 13.

⁷⁴² В силу п. 1 ст. 235 ГК РФ право собственности прекращается при отчуждении собственником своего имущества другим лицам, отказе собственника от права

Вместе с тем рассматривая вещное право, и в первую очередь право собственности, как объект гражданских прав в составе имущественных прав, нельзя обойти вниманием вопрос о правовой природе доли в праве собственности, которая в силу действующего законодательства обладает признаком оборотоспособности⁷⁴³. Примечательно, что проблему определения правовой природы доли цивилисты исследуют еще со времен римского права, и до настоящего времени она не разрешена.

Сформировалось несколько теорий, обосновывающих различные взгляды на правовую сущность доли, среди которых можно выделить следующие конкурирующие между собой позиции.

Первым подходом, который получил наибольшее распространение, является концепция «доли в праве собственности». Как отмечал еще Г. Дернбург, делится не вещь, а право, причем такое деление осуществляется по объему правомочий, а не по их содержанию⁷⁴⁴. Данного подхода в советский период придерживались М.В. Зимелева, Ю.К. Толстой⁷⁴⁵ и др. В развитие и поддержку данного тезиса в современной юридической литературе подчеркивается юридическая неделимость вещи и отмечается, что каждый из сособственников получает право на сопользование, совладение и сораспоряжение всей вещью, то есть часть общего права

собственности, гибели или уничтожении имущества и при утрате права собственности на имущество в иных случаях, предусмотренных законом.

⁷⁴³ На это обстоятельство в том числе ссылаются ученые, аргументируя свои выводы о признании вещного права в качестве объекта гражданских прав.

⁷⁴⁴ См.: Пандекты: вещное право / Г. Дернбург; пер. с нем.; под ред. А.Ф. Мейендорф; пер. А.Ю. Блох, А.Я. Гальперн; соавт.: И. Бирман. 6-е изд., испр. СПб., 1905. Т. 2. С. 72.

⁷⁴⁵ Так, М.В. Зимелева при анализе действующего на том этапе законодательства пришла к выводу о делении именно права собственности. В связи с этим отсутствуют какие-либо основания для понимания доли в общей собственности в качестве идеальной части общей вещи, то есть особого объекта права: «Говоря о доле, мы имеем в виду долю права на вещь» (см.: Зимелева М.В. Общая собственность в советском гражданском праве. Часть первая // Вестник гражданского права. 2009. № 4. С. 198–234). Ю.К. Толстой полагает, что концепция доли в праве собственности, которая раскрывает суть прав участников общей собственности, обладает рядом теоретических и практических достоинств. Одним из таких достоинств является то, что при таком подходе право на долю в общей собственности является правом собственности каждого сособственника на всю общую вещь (см.: Советское гражданское право: учебник / отв. ред. О.С. Иоффе, Ю.К. Толстой, Б.Б. Черепахин. Л., 1971. Т. 1. С. 331).

собственности. А. Акимов рассматривает долю в праве собственности как составную часть самого права собственности⁷⁴⁶. По мнению Е.А. Суханова, в конечном счете это означает ограничение осуществления права собственности одного сособственника в интересах других сособственников⁷⁴⁷. Именно такое понимание правовой природы доли демонстрирует и отечественный законодатель⁷⁴⁸, однако делает он это весьма непоследовательно⁷⁴⁹.

Некоторые положения гражданского законодательства о вещном праве дают повод для критики. Так, Р.М. Паничкин называет ахиллесовой пятой концепции доли в праве собственности установленную законодателем возможность раздела и выдела доли из общего имущества⁷⁵⁰. В целом же аргументация критикующих данную концепцию ученых в различные периоды сводится к тому, что право собственности неделимо, вследствие этого понимание конструкции общей собственности как совокупности долей права собственности представляется неверным⁷⁵¹. В связи с этим

⁷⁴⁶ Передача прав на вещь происходит по общему правилу с передачей самой вещи (ст. 223, 235 ГК РФ), а доля в праве собственности оборотоспособна сама по себе, без передачи вещи (см.: Акимов А. Спорная доля собственника // ЭЖ-Юрист. 2007. № 1.

⁷⁴⁷ См.: Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стер. М., 2011. Т. 1. С. 275 (автор главы – Е.А. Суханов).

⁷⁴⁸ Так, п. 2 ст. 244 ГК РФ закрепляет виды общей собственности. Общее имущество может находиться в режиме общей собственности с определением доли каждого из собственников в праве собственности (долевая собственность) или без определения таких долей (совместная собственность). Абзац 1 п. 3 ст. 245 ГК РФ предусматривает право каждого сособственника – участника в общей долевой собственности – на увеличение доли в праве на общее имущество и т.д.

⁷⁴⁹ Так, например, при анализе п. 2 ст. 246 ГК РФ Р.М. Паничкин задает следующие вопросы: «В данной норме законодатель не конкретизировал: “долю” в чем? Чем может распорядиться сособственник? Имущественным правом? Или данная «доля» является самостоятельным объектом гражданского права? А может, доля – это вещь? Вопрос о сущности доли в указанном пункте данной статьи остается открытым» (Паничкин Р.М. Правовая природа доли в общей долевой собственности // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 6. С. 72–81).

⁷⁵⁰ См.: Паничкин Р.М. Указ. соч.

⁷⁵¹ См.: Шершеневич Г.Ф. Избранное. Т. 5: Учебник русского гражданского права / вступ. слово, сост: П. Крашенинников. М., 2017; Маркова М.Г. Понятие и содержание права общей собственности // Очерки по гражданскому праву. Л., 1957. С. 82; Минкина Л.М. Право общей долевой собственности: понятие и особенности осуществления: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2004. С. 95 и др.

справедливо, на наш взгляд, ставит вопрос О.Г. Козьменко: «...вопрос, на который не дает ответ теория доли в праве, – это конструкция правонаделения: современное гражданское право не допускает возможности отчуждения вещного права без отчуждения вещи»⁷⁵². Пока данный вопрос остается без ответа.

Учитывая неделимость права, сложно представить себе, что же такое ½, или 50%, в праве. В связи с этим С.Э. Арзиани верно отметил, что «...субъективные права всех собственников не зависят от размера “доли в праве”, хотя именно в этом и должно было бы проявляться значение “доли в праве” как в результате деления, раздробления права собственности, если бы указанное значение имело под собой реальную почву»⁷⁵³.

Второй подход по существу вопроса о правовой природе доли получил свое развитие в советский период в соответствии с нормой действующего на том этапе гражданского законодательства, которая предусматривала право каждого собственника вещи на выдел доли из общего имущества. Аналогичная норма действует и в настоящее время⁷⁵⁴. Суть данного подхода заключается в том, что доля рассматривается как «реальная» доля в вещи. Одним из сторонников такого подхода является Р.П. Мананкова, рассматривающая реальную долю как определенную часть общего имущества в натуре⁷⁵⁵. По мнению Р.О. Халфиной, реальная доля предполагает право пользования определенной частью имущества⁷⁵⁶.

Концепция реальной доли подверглась в научной и учебной литературе справедливой, на наш взгляд, критике. Следует согласиться с аргументацией Суханова А.Е. на этот счет – если предположить, что право

⁷⁵² Козьменко О.Г. Модели общей собственности по гражданскому законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006. С. 28.

⁷⁵³ Арзиани С.Э. Право общей собственности социалистических организаций в советском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Одесса, 1983. С. 26.

⁷⁵⁴ Согласно ч. 2 ст. 252 ГК РФ участник долевой собственности вправе требовать выдела своей доли из общего имущества.

⁷⁵⁵ См.: Мананкова Р.П. Правоотношение общей долевой собственности граждан по советскому законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1970. С. 25.

⁷⁵⁶ Там же.

собственности у субъекта возникает на конкретную (реальную) часть имущества, то о едином объекте права общей собственности не может быть и речи, поскольку в этом случае единый объект просто не существует⁷⁵⁷. По мнению М.В. Зимелевой, термин «реальная доля в имуществе» появился в силу неверного толкования понятия «идеальная доля» и искажения сущности института общей собственности. Трудно не согласиться с ее выводом о том, что часть имущества может принадлежать на праве собственности исключительно в случае прекращения права общей собственности⁷⁵⁸.

Одна из разновидностей данной концепции, так называемая теория невыделенных долей, или «идеальная доля вещи», как считается, возникла еще в период римского права, но получила развитие и признание в дореволюционной России. Сторонники этой концепции полагали, что находящаяся в общей собственности вещь делится на большое число частей, каждую из которых невозможно ни увидеть, ни выделить. Такие части существуют лишь абстрактно, и, по мнению дореволюционных юристов, именно они принадлежат на праве собственности каждому из сособственников⁷⁵⁹. Несмотря на активную поддержку среди ученых, данная концепция, как и предыдущая, не лишена недостатков⁷⁶⁰.

Еще один подход заключается в понимании доли в стоимости вещи, а в таком контексте доля рассматривается как экономическое явление. Следует отметить, что, зародившись еще в римском частном праве⁷⁶¹, данная

⁷⁵⁷ См.: Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. Т. 1. С. 275 (автор главы – Е.А. Суханов).

⁷⁵⁸ См.: Зимелева М.В. Указ. соч.

⁷⁵⁹ Так, Д.И. Мейер писал, что «...в каждой материальной частичке вещи, подлежащей общему праву собственности, стекается право собственности всех сохозяев; но если в каждом атоме каждому сохозяину принадлежит известная идеальная доля, то эта доля принадлежит сохозяину и в целой вещи» (Мейер Д.И. Русское гражданское право. 3-е изд. СПб., 1864. С. 326).

⁷⁶⁰ Одним из ее критиков выступал Г.Ф. Шершеневич, считающий, что «право на долю» нельзя увязать с вещью, так как невозможно определить границы такой доли (см.: Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 1 / Г.Ф. Шершеневич. 11-е изд. М., 1914).

⁷⁶¹ Как утверждает М.В. Зимелева, «...осуществление права общей собственности производилось в Риме согласно положению, гласившему, что можно в долях присваивать

концепция приобрела немало сторонников (к их числу относятся К.Н. Анненков⁷⁶², Г.Ф. Шершеневич⁷⁶³, Р.П. Мананкова⁷⁶⁴, М.Г. Маркова⁷⁶⁵ и др.). Критикуя данную позицию, Г. Дербург справедливо подчеркивал, что понимаемая как имущественная ценность доля не может являться самостоятельным объектом права⁷⁶⁶. Не соглашался с подобным пониманием доли и О.С. Иоффе, по мнению которого такой подход основан на присвоении стоимости, что не дает ответа на вопрос, кому принадлежит вещь⁷⁶⁷.

Мы не можем в целом поддержать ни одну из представленных теорий по существу правовой природы доли в праве общей собственности. Каждая из концепций имеет как достоинства, так и недостатки, которые не позволяют признать ту или иную концепцию единственно верной. Так, мы поддерживаем сторонников первой концепции в том, что доля в праве наделяет сособственников правомочиями владения, пользования и распоряжения вещью, но нельзя не согласиться с ее критиками, утверждающими о невозможности деления права, поскольку право неделимо в принципе. Вместе с тем мы также согласны с представителями второй концепции в том, что возможность выдела в натуре доли сособственника из

выгоды, но нельзя пользоваться по долям (*frui quidem pro parte possumus, uti non possumus*)» (Зимелева М.В. Указ. соч.).

⁷⁶² Анненков К.Н. характеризовал режим общей собственности следующим образом: каждый сособственник общей долевой собственности обладает долей в стоимости (или экономической ценности) общей вещи, а не материальной (реальной) частью вещи (см.: Анненков К.Н. Система русского гражданского права. СПб., 1895. Т. 2: Права вещные. С. 90).

⁷⁶³ См.: Шершеневич Г.Ф. таким образом определял правовую сущность доли в общей долевой собственности: каждый сособственник обладает правом собственности на долю в ценности вещи (см.: Шершеневич Г.Ф. Избранное. Т. 5: Учебник русского гражданского права / вступ. слово, сост. П. Крашенинников).

⁷⁶⁴ Концепцию доли в стоимости вещи поддерживает Р.П. Мананкова, несмотря на приверженность данной концепции, автор отметила ее минус, который заключается в непостоянности такого явления, как стоимость вещи. По ее мнению, экономическая ценность (стоимость) общей вещи – явление непостоянное, подверженное изменениям в течение времени (см.: Мананкова Р.П. Указ. соч.).

⁷⁶⁵ См.: Маркова М.Г. Указ. соч.

⁷⁶⁶ См.: Пандекты: вещное право / пер. с нем. С. 71.

⁷⁶⁷ См.: Иоффе О.С. Советское гражданское право. М., 1967. С. 455.

общего имущества можно с определенной долей условности рассматривать как долю в имуществе (как это предполагает законодатель с точки зрения выдела доли в натуре), однако согласны с критиками в том, что выдел доли в натуре влечет сокращение (если их более двух) и прекращение права общей собственности (если имущество находится в собственности двух лиц). Также следует признать, что возможность рассмотрения доли как экономического явления имеет место быть (это обусловлено ценностью доли только при включении ее в гражданский оборот), однако доля в стоимости не может существовать в отрыве от вещи, что возвращает нас к теории доли в имуществе.

Концептуально диссертанту ближе первая теория о доле в праве, однако с определенными особенностями, суть которых заключается в следующем: 1) такая доля нематериальна, более того – она представляет собой условную единицу, которая выражается только через простую математическую дробь части по отношению к целому, что является правовой фикцией; 2) размер доли влияет лишь на имущественные выгоды и обременения ее обладателя⁷⁶⁸, в том числе в отношениях между сособственниками, которые носят обязательственный характер⁷⁶⁹; в

⁷⁶⁸ В соответствии с п. 2 ст. 259.4 ГК РФ каждый собственник недвижимой вещи обязан соразмерно со своей долей в праве общей собственности на общее имущество (п. 1 ст. 259.2) участвовать в уплате налогов, сборов и иных обязательных платежей, связанных с общим имуществом.

⁷⁶⁹ Доля в праве имеет значение во внутренних отношениях между сособственниками, такие отношения существуют параллельно с отношениями сособственников и третьих лиц. И если абсолютный характер последних в науке не вызывает сомнений, то отношения между сособственниками в правовой доктрине именуют относительными, носящими обязательственный характер, поскольку необходимость формирования единой воли относительно реализации права собственности вызывает необходимость достижения соглашения, а исполнение такого соглашения носит обязательственный характер (см.: Ермолаев С.Н., Параскевова С.А. Признаки, характеризующие содержание правоотношения со множественностью лиц // Власть Закона. 2014. № 2. С. 44–49; Камышанский В.П., Зелюка П.А., Иванов С.А. Суперфиций и эмпфитевзис в гражданском праве: история и современность // Общество и право. 2011. № 3. С. 107; Право собственности: актуальные проблемы / отв. ред. В.Н. Литовкин, Е.А. Суханов, В.В. Чубаров. М., 2008. С. 567; Сердюков К.А. Правоотношения со множественностью лиц в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2011. С. 13). Считаю возможным согласиться с такими выводами в полной мере.

отношениях сособственника с третьими лицами ни доля в праве, ни ее размер не имеют значения вплоть до введения ее в гражданский оборот (такие отношения носят абсолютный характер; 3) в силу условности доля в праве не предполагает непосредственного деления самого права собственности (ни по количеству, ни по содержанию полномочий); 4) доля в праве не тождественна праву собственности.

Именно в таком значении мы предлагаем рассматривать долю в праве с позиции ее квалификации в качестве самостоятельного объекта гражданских прав вне категории имущественных прав. При этом право собственности в контексте ст. 128 ГК РФ, считаем, таким объектом не является. Следовательно, имущественными правами, выступающими объектами гражданских прав, являются исключительные и обязательственные права.

В отношении характеристики прав, возникающих на имущественные права, мы не поддерживаем доктринальное предположение об абсолютном характере таких прав. Абсолютный характер носит лишь исключительное право, что не позволяет применить данную характеристику в отношении в целом категории «имущественные права». В связи с различным характером исключительных и обязательственных прав мы не поддерживаем доктринальное предложение об установлении единого правового режима для имущественных прав⁷⁷⁰.

Таким образом, в настоящее время обязательственные и исключительные права как обладающие самостоятельной экономической ценностью и являющиеся оборотоспособными в числе имущественных прав являются отдельными объектами гражданского права, в связи с чем из ст. 128 ГК РФ считаем целесообразным исключить категорию «имущественные

⁷⁷⁰ Представляется необходимым введение специального правового режима для имущественных прав, основанного на правовых возможностях реализации и распоряжения» (Подузова Е.Б. Право как объект гражданских правоотношений в контексте цифровой среды и экономики совместного потребления // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 2. С. 86–93).

права» и включить в качестве самостоятельных объектов обязательственные и исключительные права.

§. 4. Результаты работ и оказание услуг в системе объектов гражданских прав

В действующей редакции ст. 128 ГК РФ к самостоятельным объектам гражданских прав относятся результаты работ и оказание услуг⁷⁷¹, которые отделены от иных объектов гражданских прав и упоминаются в паре через союз «и», что при буквальном толковании данной нормы на первый взгляд дает основание признать их выделенными законодателем в одну группу.

Такое совместное упоминание в законе рассматриваемых объектов С.П. Гришаев именует традиционным по причине того, у них есть общие черты, а именно работы и услуги являются объектами обязательственных отношений, опосредующих имущественные отношения в динамике. В качестве общего признака указанный автор называет также их признание в качестве товара, то есть продукта деятельности, предназначенного для обмена⁷⁷². На обязательственную природу работ и услуг как на причину их однотипности ссылается также Л.А. Чеговадзе⁷⁷³. Как однопорядковые понятия рассматривает работы и услуги В.П. Мозолин, аргументируя это тем, что они

⁷⁷¹ До внесения в ст. 128 изменений (Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации») в качестве объектов гражданских прав указаны работы и услуги, а не результаты работы и оказание услуги.

⁷⁷² См.: Гришаев С.П. Эволюция законодательства об объектах гражданских прав // СПС «КонсультантПлюс».

⁷⁷³ «Объект права является правовой формой существующих в действительности явлений, и не объект, а эти явления подлежат стоимостной (денежной) оценке. Как правовое явление объект, так же как и субъективное гражданское право, – это лишь средства гражданско-правового регулирования, явления строго формальные, а не реальные. В связи с чем следует признать, что как объекты гражданских прав работы и услуги однотипны, поскольку и работа, и услуга есть не что иное, как предоставление по обязательству, существующее для одной стороны договора как требование, а для другой как долг» (Чеговадзе Л.А. О возмещении вреда как предоставлении по деликтному обязательству // Гражданское право. 2020. № 6. С. 7–11).

являются результатом действий, совершаемых субъектами в процессе существования гражданского правоотношения⁷⁷⁴. По мнению Д.А. Березина, «...в текущих (не завершенных) обязательственных отношениях осуществление работ и оказание услуг, т.е. действия субъектов, понятия соотносимые»⁷⁷⁵. Действительно работы и услуги как объекты гражданских прав являются результатом действий, совершаемых субъектами гражданско-правовых правоотношений, что следует из норм гражданского законодательства о договоре подряда и договоре возмездного оказания услуг. При этом характер этой деятельности, как правило, в юридической литературе не уточняется. Приведя целый ряд отличительных признаков работ от услуг⁷⁷⁶, Ю.А. Кичигин также указывает и на их сходство: это качество, которое и отличает работы и услуги от товара. Речь в данном случае идет об обезличении товара, который производится для широкого потребления без учета индивидуальных потребностей конкретного

⁷⁷⁴ См.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации: в 2 т. / под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина; Институт государства и права РАН. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. Т. 1. С. 163 (автор комментария – В.П. Мозолин).

⁷⁷⁵ Березин Д.А. Осуществление оценочной деятельности – оказание услуг или выполнение работ? // Юрист. 2019. № 12. С. 39–45.

⁷⁷⁶ В их числе следующие: во-первых, услуги – блага, предоставляемые в форме деятельности и эффекта от нее; работа – блага, предоставляемые в форме вещей (как созданных вновь, так и улучшенных старых) во-вторых, эффект от услуги, который характеризуется неосязаемостью, несохраняемостью, непостоянством качества и неотделимостью от источника; результаты работы, наоборот, осязаемы, сохраняются на протяжении определенного времени, имеют стабильные качественные характеристики и способны отделяться от своего производителя; в-третьих, эффект, возникающий от оказания услуги, который может производиться, передаваться и потребляться только одновременно; для работы производство, передача и потребление не связаны жестко между собой и могут быть разнесены во времени; в-четвертых, услуги – действия, направленные непосредственно на потребителя, которые не могут быть переданы другому субъекту; в противоположность им работа – действия, имеющие вещественный результат, они могут быть переданы другому субъекту. Кроме того, результат от оказания услуги формируется в виде эффекта, отличающегося от материального результата тем, что он не может быть возвращен исполнителю, на него не может быть обращено взыскание, он не может быть использован в качестве факта (см.: Кичигин Ю.А. Оценка стоимости – работа или услуга? // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2010. № 9. С. 55–59).

потребителя, а услуги и работы оказываются и, соответственно, выполняются по индивидуальному заказу с учетом требований заказчика⁷⁷⁷.

Однако, указывая на сходные черты работ и услуг, указанные авторы справедливо, на наш взгляд, отмечают принципиальные отличия данных объектов, указывая различные критерии, что не дает однозначного представления об их отличительных признаках. Вместе с тем четко сформулированные отличительные критерии работ и услуг имеют не столько теоретическое, сколько практическое значение для выбора применяемых к конкретным отношениям норм о подряде или об оказании услуг. Действующее законодательство и научная доктрина в настоящее время не дают однозначного ответа на поставленный вопрос. Более того, как справедливо указывает М.И. Брагинский, «...если речь идет о договорных работах и услугах, различие между понятиями “работа” и “услуга” не прослеживается и само их разграничение оказывается в значительной мере безуспешным. Дело в том, что с позиций услугодателя соответствующее действие представляет собой “работу”, а для услугополучателя – “услугу”⁷⁷⁸.

Говоря о различиях, современные правоведы отмечают, что работы и услуги являются объектами различных обязательственных отношений: работы – подрядного типа, услуги – обязательственных правоотношений в сфере банковских операций, перевозок пассажиров, грузов и багажа, экспедиции, хранения, поручения, комиссии и иных действий, не ведущих к созданию результата в овеществленной форме⁷⁷⁹. Вместе с тем, как

⁷⁷⁷ См.: Кичигин Ю.А. Указ. соч. С. 57.

⁷⁷⁸ Брагинский М.И. Договор подряда и подобные ему договоры. М., 1999. С. 229.

⁷⁷⁹ См.: Гришаев С.П. Указ. соч. На аналогичные отличия работ от услуг указывают и иные авторы. Так, А.Я. Курбатов в качестве аргумента о недопустимости отождествления рассматриваемых объектов указывает на различные нормы гражданского права, регулирующие отношения, возникающие по поводу работ и услуг. Более того, ученый особо подчеркивает, что согласно ст. 128 ГК РФ объектом гражданских прав является результат работ, а не сами работы (процесс воздействия на овеществленный объект), хотя это крайне некорректный подход, поскольку он делает несовпадающими объект правоотношения подряда (только результат) и предмет договора подряда (действие, объект, результат) (см.: Курбатов А.Я. Предпринимательское право: проблемы теории и правоприменения: монография. М., 2022).

представляется, данное отличие не позволяет отграничить работы от услуги, то есть не может выступать искомым универсальным критерием. Для того чтобы определить применяемые к правоотношениям нормы, следует вначале квалифицировать такие отношения как услуги или работы.

По словам Д. Степанова, искомые различия были определены еще в римском праве, где работы от услуг отделялись по принципу наличия или отсутствия необходимости передачи заказчику выраженного в материальной форме результата: работа предполагает такую передачу, услуга соответственно нет. Основываясь на нормах современного законодательства, указанный автор поддерживает данный критерий в качестве единственно бесспорного в правовой литературе⁷⁸⁰. По мнению О.С. Иоффе, Е.Д. Шешенина, С.П. Гришаева, В.П. Мозолина и ряда других ученых, в этом и состоит основное отличие – в характере получаемого результата: при выполнении работ такой результат имеет овеществленную форму (и как следствие – отделимый от деятельности исполнителя результат), при оказании услуг соответственно неовещественную⁷⁸¹. Этой точки зрения придерживаются также М.В. Кротов, Е.Д. Шешенин, Д.В. Мурзин, О.С. Иоффе⁷⁸² и др. Так, Л.Б. Ситдикова в числе признаков результата работ называет «...его гарантированное достижение любым лицом, обладающим необходимыми знаниями, навыками и квалификацией», а также подчеркивает, что выраженный в овеществленной форме результат должен

⁷⁸⁰ См.: Степанов Д. Услуги как объект гражданских прав // Российская юстиция. 2000. № 2.

⁷⁸¹ См.: Иоффе О.С. Обязательственное право. М., 1975. С. 419; Шешенин Е.Д. Предмет обязательства по оказанию услуг: сборник ученых трудов. Свердловск, 1964. Вып. 3. С. 177; Гришаев С.П. Указ. соч.; Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации: в 2 т. / под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина; Институт государства и права РАН. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. Т. 1. С. 163 (автор комментария – В.П. Мозолин).

⁷⁸² См.: Гражданское право. Часть I: учебник / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 1997; Шешенин Е.Д. Общие проблемы обязательств по оказанию услуг // Антология уральской цивилистики, 1925 – 1989. М., 2001; Мурзин Д.В. Моделирование безвозмездного обязательства по оказанию услуг // Цивилистические записки. Межвузовский сборник научных трудов УГЮА. Вып. 2. М., 2002; Иоффе О.С. Указ. соч.

обладать свойством отделения от действий лица, выполняющего работу, следовательно, такой результат должен быть способным к передаче⁷⁸³.

Однако заслуживают поддержки, на наш взгляд, рассуждения Е.А. Пучкова, по мнению которого, законодательная концепция не принимает во внимание взаимозависимость услуги и результата (цели), ради которого такая услуга оказывается. И если такая цель материальная, то, следовательно, и результат будет иметь материальную форму, если же цель состоит в получении нематериального результата, то налицо услуга нематериального характера⁷⁸⁴. Считаем возможным полностью согласиться с данными выводами. В связи с этим, принимая во внимание то, что ряд оказываемых услуг все же может иметь выраженный в материальной форме результат (как, например, услуги брокера, правовые услуги, аудиторские услуги и аналогичные им)⁷⁸⁵, физически отделимый от исполнителя, данные критерии нельзя признать универсальными, позволяющими четко отграничить работы от услуг.

В отношении материальной формы результата услуги можно возразить и, опровергая овеществленный результат услуги, сослаться на то, что материальным является только носитель результата услуги, в то время как сам результат представляет собой информацию, которая по своей природе нематериальна. Следует признать, что наш вывод, равно как и данный тезис,

⁷⁸³ Ситдикова Л.Б. Нормативная модель договора возмездного оказания услуг // Российский судья. 2008. № 1. С. 32.

⁷⁸⁴ См.: Пучков Е.А. Правовое регулирование договора возмездного оказания услуг: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 42.

⁷⁸⁵ Например, результатом оказания услуг брокера, коммерческого представителя, патентного поверенного, агента, адвоката могут быть вполне овеществленные, материальные предметы (ценные бумаги, патенты, объекты недвижимости), отделимые от услугодателей и существующие в качестве самостоятельных объектов гражданских прав. В качестве необходимого материального результата оказания аудиторских услуг можно назвать отчет и аудиторское заключение, овеществленный результат имеет также оказание медицинских услуг по различным видам протезирования и т.д. Однако в научной доктрине отмечается, что «...достижение такого овеществленного результата неразрывно связано с проведением различного рода медицинских обследований и составляет с ними определенное единство, не изменяя существа правоотношения как услуги» (Ситдикова Л.Б. Указ. соч.).

являются спорным, однако в рамках диссертации мы не будем подробно останавливаться на дискуссии по этому вопросу, отметим лишь, что информация как результат оказанной услуги также требует ее передачи заказчику (иначе такая услуга теряет смысл), что практически нереализуемо вне материального носителя.

В правовой литературе неоднократно обращалось внимание на еще один отличительный признак: «...в гражданско-правовых отношениях речь идет именно о результате работы, а не о самой работе, поскольку сама по себе работа может и не принести нужного результата. Речь, в частности, идет о договоре подряда, когда заказчик платит подрядчику только за результат, а не за саму работу.... Что касается услуг, то в данном случае большее значение имеет сам процесс какой-либо деятельности, а не ее конечный результат (хотя он также принимается во внимание)»⁷⁸⁶.

Считаем возможным согласиться с данным тезисом в том, что при оказании услуги ее положительный эффект может быть и не достигнут. Так, оказываемая образовательная услуга дает только возможность лицу получить определенный набор знаний, поэтому занятия с репетитором по какому-то предмету не гарантируют высоких результатов на экзамене. Недостижение в данном случае искомого эффекта от получения такой услуги не должно стать основанием для отказа от оплаты надлежаще оказанной услуги. Вместе с тем это ставит вопрос о ее качестве, которое определяется через набор конкретных признаков операции (действия) или деятельности. Иными словами, чтобы оценить качество оказываемой услуги, необходимо выявить признаки и требования, которым должна отвечать операция, чтобы быть доброкачественной услугой. Поскольку установить такие признаки и требования весьма затруднительно, а также принимая во внимание условность и нестабильность качества как характеристики услуги, законодатель пошел по пути формальных критериев определения качества, а

⁷⁸⁶ Гришаев С.П. Эволюция законодательства об объектах гражданских прав.

также использования юридических конструкций, в основе которых лежит негативное обязывание⁷⁸⁷.

Как отмечено в научной доктрине, в силу объективных причин даже качественно оказанная услуга может не привести к желаемому результату⁷⁸⁸. Проведя обстоятельное исследование данного вопроса, Я.В. Вольвач приходит к выводу о том, что «...сложность его определения и отсутствие законодательных подходов делают... практически неразрешимым на уровне современного гражданского законодательства вопрос: “Что считать надлежащим исполнением договорного обязательства по оказанию услуг”?»⁷⁸⁹. Говоря о качестве оказанных услуг, в доктрине также называют еще одно их свойство – неустойчивость качества услуг⁷⁹⁰. Сложно представить себе неустойчивость качества услуги при неопределенности термина «качество услуги» в принципе, тем более в качестве отличительного признака услуг.

Возвращаясь к вопросу о результате услуг, мы можем задать следующий: всегда ли обязанность оплаты услуг не ставится в зависимость от получения того результата, на который она направлена? Должен ли клиент оплатить юридическую услугу по составлению, например, искового заявления, если оно составлено не было? В связи с этим Ю.В. Романец допускает наличие такого результата в договорах об оказании услуг. По его мнению, в таких договорах «продается не сам результат, а действия к нему»⁷⁹¹. Более того, он видит необходимость в выделении промежуточного места между услугами и работами юридических услуг, которые направлены

⁷⁸⁷ См.: Степанов Д. Указ. соч.

⁷⁸⁸ См.: Красильникова Т.К., Егоров Г.Г. Механизм реализации конституционного принципа свободы перемещения товаров, услуг и финансовых средств в Российской Федерации // Конкурентное право. 2023. № 2. С. 6–9.

⁷⁸⁹ Вольвач Я.В. К вопросу о надлежащем исполнении договорного обязательства по оказанию услуг // Адвокат. 2013. № 6.

⁷⁹⁰ См.: Козлов И.И. Гражданско-правовое регулирование оказания услуг проводной телефонной связи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. С. 9; Степанов Д. Указ. соч. С. 17; Ситдикова Л.Б. Правовое регулирование отношений по возмездному оказанию услуг: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2002. С. 14.

⁷⁹¹ Романец Ю.В. Договор возмездного оказания услуг // Закон. 1999. № 10. С. 110.

на совершение юридически значимых действий, «имеющих значение юридических фактов». Особенность таких договоров заключается в том, что в них соединяются элементы и подряда, и возмездного оказания услуг, поэтому исполнителям платят за результат, а не за процесс⁷⁹².

Направленность на достижение результата при оказании услуги отмечает также Л.Б. Ситдикова, подчеркивая, однако, нематериальность такого результата⁷⁹³. А.А. Незнамова в числе признаков услуги называет результат действия или деятельности, который не имеет материального выражения, но может быть оформлен в виде документа, определенного в соответствии с условиями договора оказания услуг⁷⁹⁴. Т.К. Красильникова и Г.Г. Егоров подчеркивают, что однозначно нельзя определить, должна ли услуга иметь вещественный результат. В связи с этим ими сделан заслуживающий поддержки вывод о возможности дифференцирования «...услуги в зависимости от того, обязательно ли получение овеществленного результата для конкретного вида услуги, заранее определяя, каким должен быть такой результат»⁷⁹⁵. При этом указанные авторы приходят к верному, на наш взгляд, выводу о том, что размер оплаты услуг исполнителя будет поставлен в зависимость от результата, при недостижении которого исполнитель получает достойное вознаграждение, эквивалентное совершенным им действиям (деятельности)⁷⁹⁶.

Поддерживая предложение о дифференциации услуг по признаку овеществленного или нематериального результата услуги, Д. Степанов

⁷⁹² См.: Романец Ю.В. Общая характеристика договоров оказания юридических услуг (поручение, комиссия, агентирование) // Законодательство. 2001. № 4. С. 39, 40.

⁷⁹³ Ситдикова Л.Б. Теоретические и практические проблемы правового регулирования информационных и консультационных услуг в гражданском праве России. М., 2008. С. 26.

⁷⁹⁴ См.: Незнамова А.А. Оценочная услуга как гражданско-правовая категория // Гражданское право. 2018. № 1. С. 29–31.

⁷⁹⁵ Красильникова Т.К., Егоров Г.Г. Механизм реализации конституционного принципа свободы перемещения товаров, услуг и финансовых средств в Российской Федерации // Конкурентное право. 2023. № 2. С. 6–9.

⁷⁹⁶ Там же.

предлагает сгруппированные по признаку отсутствия вещественного результата услуги условно именовать «чистыми услугами»⁷⁹⁷.

Дифференциация услуг в зависимости от материальности полученного в результате ее оказания результата будет иметь и практическое значение. К договорам об оказании услуг в субсидиарном порядке могут быть применимы общие положения о подряде и правила о бытовом подряде⁷⁹⁸. В зависимости от овеществленного/неовеществленного результата услуг к таким отношениям будут применяться или не применяться некоторые положения о подряде (например, правила о передаче результата работ).

В правовой литературе в числе важных признаков, позволяющих отграничить работы от услуг, называют одномоментность оказания и получения услуги (это следует из иного признака – неотделимости результата услуги от его исполнителя). Так, на это как один из признаков услуг указывают Д. Степанов и С.П. Гришаев. По их мнению, в принципе сложно представить себе ситуацию, когда моменты оказания и получения услуги могли бы быть разведены во времени⁷⁹⁹. Такой тезис также следует из конструкции п. 1 ст. 779 ГК РФ, которая не предусматривает обязанности заказчика принять услугу, ему вменяется в обязанность лишь оплатить ее оказание.

Безусловно, когда речь идет, например, о медицинских, ветеринарных, консультативных и иных аналогичных им услугах, их оказание осуществляется одновременно с получением, поскольку «...исполнителю в момент завершения оказания большинства названных услуг часто нечего

⁷⁹⁷ К ним Д. Степанов относит перевозки, транспортную экспедицию, договор банковского счета, хранение, поручение, комиссию, агентирование, лечебно-профилактические и многие медицинские услуги, услуги в области культуры и образования, туристские, аудиторские, консультационные, информационные, ветеринарные услуги, услуги связи, доверительное управление имуществом (см.: Степанов Д. Указ. соч.).

⁷⁹⁸ Если это не противоречит ст. 779–782 ГК РФ о возмездном оказании услуг, а также особенностям предмета договора возмездного оказания услуг.

⁷⁹⁹ См.: Степанов Д. Указ. соч.

“сдавать” заказчику, поскольку услуга уже оказана»⁸⁰⁰. Действительно сложно себе представить такую ситуацию, например, при получении услуги в парикмахерской. Вместе с тем сфера оказания услуг довольно обширна. К их числу относятся такие услуги, которые, как мы уже отмечали, имеют овеществленный результат их получения. Характер таких услуг обуславливает различные моменты их оказания и получения. В качестве свидетельствующего об этом примера можно назвать аудиторскую услугу. Деятельность аудитора по проверке финансовой отчетности заказчика, подготовка соответствующего отчета и представление его заказчику не являются одномоментными.

В юридической доктрине выделяют и иные признаки услуг, которые являются неоднозначными и спорными с позиции признания их квалифицирующими признаками услуг, – фактическая и юридическая осуществимость, эксклюзивность и т.д.⁸⁰¹ Как можно говорить об оказании услуги, которая в принципе фактически неосуществима? В этом случае речь может идти лишь о неисполнимых желаниях клиента. Юридическая осуществимость услуги также не характеризует ее с точки зрения объекта прав, данный признак имеет правовое значение для определения отношений сторон. Эксклюзивность также является спорным признаком, поскольку не каждая услуга эксклюзивна и не всегда личность исполнителя имеет принципиальное значение для заказчика.

Таким образом, как в законе, так и в научной доктрине отсутствуют единственно верные квалифицирующие признаки работ и услуг, позволяющие разграничить данные объекты гражданских прав. И те и другие по своей природе представляют собой совершение действия (деятельности), поэтому для практического решения проблемы квалификации отношений в качестве подрядных отношений или в качестве возмездного оказания услуг

⁸⁰⁰ Никитин А.В. Применение общих положений о подряде к договорам возмездного оказания услуг // Российский юридический журнал. 2018. № 4. С. 94–100.

⁸⁰¹ См.: Степанов Д. Указ. соч.

считаем правильным сместить акцент на предмет совершаемых исполнителем действий (деятельности). В соответствии с действующим законодательством подрядные отношения направлены в первую очередь на создание или переработку вещи⁸⁰². Следовательно, если результатом деятельности исполнителя является вещь, такие отношения должны быть квалифицированы в качестве подрядных. С этой точки зрения подрядные работы заключаются в изменении состояния вещи (ее создании или переработке). В свою очередь, в результате оказания услуги также предполагается достижение результата. Однако в отличие от работы такой результат, если он выражен в материальной форме, не будет тождественен вновь созданной или обработанной вещи.

§ 5. Правовой режим результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации как объектов гражданских прав

Интеллектуальная собственность в качестве объекта правового регулирования прошла довольно долгий путь становления и развития от сферы публичного права до частноправового регулирования⁸⁰³. Этому во многом способствовала одна из разработанных теорий интеллектуальной собственности – так называемая трудовая теория⁸⁰⁴, основанная на идеях Дж.

⁸⁰² Однако, как справедливо отмечает Л.В. Санникова, соответствующая законодательная формулировка была «размыта» указанием на возможность выполнения «другой работы», в качестве отличительного признака которой указывалась «передача ее результата заказчику» (Санникова Л.В. Услуги в гражданском праве России. М., 2006).

⁸⁰³ Как отмечено в юридической литературе, история возникновения и развития интеллектуальных прав в России насчитывает не одно столетие (см.: Рагулина А.В., Никитова А.А. Интеллектуальная собственность: понятие, содержание и защита. М., 2017. Вып. 21).

⁸⁰⁴ См., например: Nozick R. Anarchy, State and Utopia. N.Y.: Basic Books, 1974. P. 178–182; Hughes J. The Philosophy of Intellectual Property // Georgetown Law Journal. 1988. № 77. P. 287–350; Moore A.D. A Lockean Theory of Intellectual Property // Hamline Law Review. 1997. № 21. P. 65–108; Greenstein N. Striking the Right Chord: A theoretical Approach to balancing Artists' Intellectual Property Rights on Remix Audio-Sharing Platforms // Cornell Law Review. 2016. № 1. P. 211–240.

Локка и получившая наибольшее распространение в странах англосаксонского права⁸⁰⁵. В настоящее время частноправовая природа интеллектуальной собственности не оспаривается, а в Соглашении ТРИПС 1994 года прямо указано, что «права интеллектуальной собственности являются правами частных лиц»⁸⁰⁶.

В соответствии с действующей редакцией ст. 128 ГК РФ в качестве самостоятельных объектов гражданских прав названы охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность)⁸⁰⁷. Исходя из принципа буквального толкования закона понятие «интеллектуальная собственность» используется в целях обобщения совокупности результатов интеллектуальной деятельности и названных ранее средств индивидуализации. При этом данным термином не охватываются интеллектуальные права. На последнее обстоятельство обратил внимание Пленум Верховного Суда РФ⁸⁰⁸.

⁸⁰⁵ Характеризуя трудовую теорию, М.В. Лабзин подчеркивает: «Данная теория получила большое распространение еще в эпоху становления права интеллектуальной собственности, сыграла важную роль при переходе исключительного права из сферы публичных прав в сферу частную и до сих пор имеет многочисленных сторонников. Основана она на том соображении, что гражданское право должно регулировать и охранять присвоение любых объектов, являющихся результатом труда и имеющих стоимость. К таковым относятся и результаты умственной деятельности. Ценность данной теории – в ее соответствии общим началам частного права, которое не терпит своевольного обогащения за чужой счет, несанкционированного использования результатов чужого труда без предоставления эквивалента. Критика же данной теории состоит в том, что она неоправданно ограничивается рассмотрением имущественной сферы правообладателя, игнорируя иные потребности современного общества» (Лабзин М.В. Научные концепции понимания права интеллектуальной собственности // Патенты и лицензии // Интеллектуальные права. 2014. № 8. С. 57–68).

⁸⁰⁶ Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) (заключено в г. Марракеше 15 апреля 1994 г.) (с изм. от 6 декабря 2005 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

⁸⁰⁷ В научной доктрине было высказано мнение об отнесении интеллектуальной собственности к составу категории «иного имущества» (см.: Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права: монография / А.А. Богустов, В.Н. Глонина, М.А. Рожкова и др.; под общ. ред. М.А. Рожковой. М., 2018).

⁸⁰⁸ Пленум Верховного Суда РФ подчеркнул, что права на результаты интеллектуальной деятельности или на приравненные к ним средства индивидуализации в понятие интеллектуальной собственности не включаются, под ней понимаются только сами такие

До принятия части четвертой ГК РФ российский законодатель демонстрировал совершенно иной подход к решению данного вопроса. В соответствии с ранее действующим законодательством категория интеллектуальной собственности раскрывалась через понятие исключительных прав⁸⁰⁹, что можно было объяснить Конвенцией, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности (ВОИС)⁸¹⁰, в которой содержание интеллектуальной собственности сводится к исключительным правам⁸¹¹. При этом в Соглашении ТРИПС применительно к правам используется выражение «права интеллектуальной собственности», а под интеллектуальной собственностью понимаются скорее охраняемые объекты⁸¹².

результаты (см.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 29 от 26 марта 2009 г. «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2009. № 6). Постановление утратило силу, однако эта практика, основанная на положениях действующего законодательства, воспроизведена в иных документах (см.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // БВС РФ. 2019. № 7).

⁸⁰⁹ Согласно утратившей силу ст. 138 ГК РФ под интеллектуальной собственностью понималось «исключительное право (интеллектуальная собственность) гражданина или юридического лица на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридического лица, индивидуализации продукции выполняемых работ или услуг (фирменное наименование, товарный знак, знак обслуживания и т.п.)».

⁸¹⁰ Конвенция подписана в Стокгольме 14 июля 1967 г., изменена 2 октября 1979 г.) (СПС «КонсультантПлюс»).

⁸¹¹ Данный документ под интеллектуальной собственностью понимает права, относящиеся к литературным, художественным и научным произведениям; исполнительской деятельности артистов, звукозаписи, радио- и телевизионным передачам; изобретениям во всех областях человеческой деятельности; научным открытиям; промышленным образцам; товарным знакам, знакам обслуживания, фирменным наименованиям и коммерческим обозначениям; защите против недобросовестной конкуренции, а также все другие права, относящиеся к интеллектуальной деятельности в производственной, научной, литературной и художественной областях.

⁸¹² Как отмечено в научной литературе, подобные различия в содержании понятия «интеллектуальная собственность» наблюдаются и в иных международных правовых актах, а также в российском законодательстве (см.: Право собственности: актуальные проблемы / отв. ред. В.Н. Литовкин, Е.А. Суханов, В.В. Чубаров; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М., 2008).

Следует отметить, что по этому вопросу в научной доктрине развернулась дискуссия⁸¹³. Не согласен, в частности, с современной законодательной позицией В.П. Мозолин, утверждая, что «в разделе VII ГК РФ все поставлено с ног на голову»⁸¹⁴. В учебной литературе приводятся подобные высказывания об «отсутствии разумного объяснения отступлениям от общепризнанного подхода»⁸¹⁵. По мнению Даниленкова А.В., в понятие «интеллектуальная собственность» входят интеллектуальные права в их совокупности⁸¹⁶.

Называет ошибочным законодательный подход также А.П. Сергеев, который отстаивает понимание рассматриваемой категории как совокупности личных и имущественных прав⁸¹⁷. М.А. Рожкова полагает, что нельзя буквально понимать каждое слово в словосочетании «интеллектуальная собственность», следует рассматривать их как единый

⁸¹³ Как отмечает Г.Н. Черничкина, «закрепление термина “интеллектуальная собственность” в международном акте и восприятие его в российском законодательстве привели к развитию научной дискуссии. Научные работы того времени об интеллектуальной собственности изобиловали дефинициями “объект интеллектуальной собственности”, “право интеллектуальной собственности” и вариантами их противопоставления или объединения с исключительным правом. В попытках внедрить в российскую правовую доктрину несовместимое с ней понятие в значении права высказывались предложения об условном характере термина или его обобщенном значении; предлагались правовые конструкции, раскрывающие содержание этого термина как обозначающего особый вид прав на нематериальные объекты – продукт интеллектуальной деятельности человека; формулировались точки зрения о правовой природе этих прав; осуществлялись попытки ответить на вопрос, а относятся ли эти права к предмету регулирования гражданского права» (Черничкина Г.Н. К вопросу становления в российском законодательстве понятия «интеллектуальная собственность» // Современное право. 2018. № 1. С. 57–65).

⁸¹⁴ «Понятие интеллектуальной собственности включает в себя как личные неимущественные права, неотделимые от автора, так и имущественные права на использование результата интеллектуальной деятельности» (Мозолин В.П. О концепции интеллектуальных прав // Журнал российского права. 2007. № 12).

⁸¹⁵ Под общепризнанным подходом при этом понимается раскрытие категории интеллектуальной собственности через понятие прав (Рожкова М.А. Интеллектуальная собственность: основные аспекты охраны и защиты: учебное пособие. М., 2015. С. 13).

⁸¹⁶ См.: Даниленков А.В. К вопросу о разграничении понятий «объекты интеллектуальной собственности» и «интеллектуальные права» // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2022. № 10. С. 45–55.

⁸¹⁷ См.: Гражданское право: учебник: в 3 т. / под ред. А.П. Сергеева. М., 2009. Т. 3. С. 108.

термин, призванный обозначить совокупность прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации⁸¹⁸.

В целом основная аргументация противников законодательного подхода заключается в признании условности понятия «интеллектуальная собственность» и его закреплении в международных актах в значении права. По мнению диссертанта, недопустимо делать подобные выводы, основываясь исключительно на трактовке положений международных актов (они имеют дефекты логики⁸¹⁹), ссылаясь при этом на ранее действовавшее российское законодательство.

На наш взгляд, следует поддержать современный подход отечественного законодателя: интеллектуальная собственность – это объекты охраны, интеллектуальное право – виды прав, которые используются при охране объектов и защите прав их владельцев. Право интеллектуальной собственности достаточно «молодая» часть российской системы права, в связи с чем теоретическое переосмысление многих положений, которые получают в дальнейшем законодательное закрепление, неизбежно.

Если гипотетически признать правоту противников законодательного подхода в части содержательного наполнения правовой категории «интеллектуальная собственность», возникает ряд вопросов, ответы на которые в доктрине отсутствуют. В частности, если признать, что под интеллектуальной собственностью следует понимать не сами результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, а интеллектуальные права, тогда возникает, например, вопрос о соотношении

⁸¹⁸ См.: Новоселова Л.А., Рожкова М.А. Интеллектуальная собственность: некоторые аспекты правового регулирования: монография. М., 2014.

⁸¹⁹ Так, в соответствии с п. 2–3 ст. 1 Парижской конвенции по охране промышленной собственности объектами охраны промышленной собственности являются патенты на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, товарные знаки, знаки обслуживания, фирменные наименования и указания происхождения, а также пресечение недобросовестной конкуренции (см.: Конвенция по охране промышленной собственности» (заключена в Париже 20 марта 1883 г.) (ред. от 2 октября 1979 г.) // Закон. 1999. № 7 (извлечение)). И в этом определении допущено неуместное включение в список охраняемых объектов «патента», который является формой охраны, а объекты – изобретения, полезные модели и т.д.

категории «интеллектуальная собственность» с используемыми как в международных документах, так и в современной доктрине понятием «промышленная собственность», а также с такими понятиями, как «авторское право», «патентное право» и др.

Кроме того, термины «право» и «собственность» имеют различное терминологическое значение, не допускающее отождествлений, поэтому собственность не может иметь своим смысловым содержанием право. Именно в связи с этим не выдерживает критики доктринальное положение о том, что термином «интеллектуальная собственность» охватываются как сами результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, так и возникающие в их отношении права⁸²⁰. Следует отметить, что подобные логические ошибки имеют место и в международных актах.

Помимо этого, в научной доктрине критично было воспринято использование слова «собственность» в понятии «интеллектуальная собственность», что приводит к различного рода предположениям о соотношении классического права собственности и интеллектуальной собственности. Более того, правоведами предлагается также распространить в отношении результатов интеллектуальной деятельности положения о праве собственности⁸²¹, в том числе и по аналогии⁸²². В связи с этим в научной

⁸²⁰ Согласно требованиям логики перечисление при характеристике понятия взаимно несовместимых признаков оценивается как логическая ошибка.

⁸²¹ Так, по мнению О.В. Новосельцева, «...использование в термине “интеллектуальная собственность” слова “собственность” (лат. – *proprietas*, англ. – *property*), во-первых, выражает принадлежность прав на результаты интеллектуальной деятельности к правовым отношениям собственности, имущественным отношениям, во-вторых, определяет принадлежность прав авторам результатов интеллектуальной деятельности или их правопреемникам». Более того, указанный автор предлагает распространить на нематериальные результаты интеллектуальной деятельности особый по правовым средствам и объекту регулирования вид права собственности (см.: Новосельцев О.В. Интеллектуальная собственность в системе гражданского права: проблемы правопонимания // Интеллектуальная собственность. Актуальные проблемы теории и практики: сборник научных трудов / под ред. В.Н. Лопатина. М., 2008. Т. 1. С. 93–108).

⁸²² В научной литературе встречаются тезисы о применении к объектам интеллектуальной собственности определенных правил по аналогии: так, предлагается дополнить ГК РФ

доктрине принято говорить об «условности» понятия «интеллектуальная собственность»⁸²³, а, по мнению Е.А. Суханова понятие «интеллектуальная собственность» можно назвать «дважды условным»⁸²⁴.

Считаем, что заслуживает поддержки решение российского законодателя, который пошел по пути устранения смешения терминологии и заменил понятие «права интеллектуальной собственности» более правильным, на наш взгляд, термином «интеллектуальные права». Л.А. Маковский в связи с этим справедливо отметил, что нет необходимости в дословном воспроизведении в отечественном законодательстве терминологии, используемой в международных актах, наиболее важным при имплементации представляется «...полное и верное, без искажений, воплощение в законах государства – участника договора смысла

положениями о применении ст. 8.1 ГК РФ к результатам интеллектуальной деятельности, подлежащим государственной регистрации, если иное не вытекает из существа отношений и содержания или характера исключительного права; предусмотреть правила восстановления контроля над исключительным правом на результаты интеллектуальной деятельности, применения норм о приобретательной давности к объектам интеллектуальной собственности с учетом специфики правового режима последних; распространить принцип неприкосновенности собственности на исключительное право и др. (см.: Щербак Н.В. Экзистенциальные особенности гражданско-правового режима объектов авторского права и смежных прав // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 99–134).

⁸²³ По мнению В.А. Дозорцева, называющего данный термин условным, его употребление стало уже привычным и в международных актах, и в документах политического характера. Вместе с тем ученый делает весьма важную оговорку о том, что применение рассматриваемого понятия «...правомерно, если относиться к нему как к условному, имеющему политическое и экономическое, но не юридическое содержание. Юридически гораздо более точным является другой термин, тоже широко употребляемый и в национальном законодательстве, и в международной практике, – “исключительные права” (Дозорцев В.А. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации: сборник статей / Исследовательский центр частного права. М., 2003. С. 38).

⁸²⁴ Категория интеллектуальной собственности «...не только не имеет никакого отношения к собственности, но и касается отнюдь не только результатов интеллектуальной деятельности... в прямом смысле этих слов. Поэтому данное понятие остается сугубо условным и до сих пор не имеет какого-либо общепризнанного четкого определения ни в законодательстве, ни в доктрине, что порождает серьезные споры о его содержании и соответственно об объеме и пределах его законодательного регулирования» (Суханов Е.А. Гражданское право России – частное право / отв. ред. В.С. Ем. М., 2008. С. 144–145).

содержащихся в договоре положений»⁸²⁵. Именно такой подход демонстрируют многие правовые системы⁸²⁶.

Итак, несмотря на отсутствие законодательной дефиниции понятия интеллектуальной собственности в российском законодательстве, его значение раскрывается в ст. 1225 ГК РФ через закрытый перечень объектов гражданских прав – в указанной статье в общей сложности поименовано 16 объектов (объектов авторского права, патентного права и т.д.). Таким образом, данный термин является обобщающим и как объект гражданских прав в контексте ст. 128 ГК РФ, который не имеет ничего общего с собственностью и правом собственности.

Содержание ст. 1225 ГК РФ позволяет утверждать, что охрану получают лишь указанные в названной статье результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации⁸²⁷. Считаем необходимым поддержать законодателя в решении предоставления правовой

⁸²⁵ Маковский Л.А. О кодификации гражданского права (1922 – 2006). М., 2010. С. 631.

⁸²⁶ В частности, страны романоязычных правовых систем, особенно испаноговорящие государства, преимущественно под термином «интеллектуальная собственность» понимают объекты авторского права. Так, в ст. 2 Конвенции об охране патентов на изобретения, промышленных рисунков и образцов, товарных знаков и торговых марок и литературной и художественной собственности, заключенной 23 августа 1906 г. в Рио-де-Жанейро, было установлено, что образуется Союз американских государств, осуществляющий свою деятельность посредством двух международных бюро, которые будут функционировать под названием «Бюро международного американского союза для защиты интеллектуальной и промышленной собственности». Данный подход был использован и с принятием в Монтевидео Договора «Об интеллектуальной собственности» от 4 августа 1939 г. Более того, закон Испании, регулирующий авторско-правовые отношения, до сих пор называется Законом об интеллектуальной собственности. В Великобритании и США в XIX в. словосочетание «интеллектуальная собственность» употреблялось в различных значениях: и в современном универсальном смысле, и в смысле авторского права, и в смысле промышленной собственности (см.: Матвеев А.Г., Синельникова В.Н. Объекты интеллектуальной собственности, получающие охрану в XXI веке // Вестник Пермского университета. Серия «Юридические науки». 2019. № 2. С. 281–309).

⁸²⁷ К числу результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, охраняемых нормами части четвертой ГК РФ, в частности, не относятся: доменные имена, наименования некоммерческих организаций, наименования (названия) средств массовой информации. Права на них подлежат защите на основании общих положений ГК РФ о способах защиты гражданских прав (см.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // БВС РФ. 2019. № 7.).

охраны только тем объектам, которые прямо названы в законе⁸²⁸. Установленный императивный запрет на его расширение за счет не предусмотренных в ГК РФ объектов призван обеспечить четкое понимание тех результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, которым законодатель предоставляет правовую охрану. Рано или поздно возникают новые объекты, которые либо вписываются, либо не вписываются в поименованные объекты интеллектуальной собственности. В последнем случае законодатель вносит необходимые изменения в действующее законодательство, дополняя соответствующий перечень новыми объектами или исключая из него утратившие актуальность⁸²⁹.

Вместе с тем в юридической литературе справедливо указывается на изъян действующего законодательства: поскольку п. 1 ст. 1259 ГК РФ содержит открытый перечень произведений, круг объектов интеллектуальной собственности, поименованных в ст. 1225 ГК РФ, нельзя однозначно признать закрытым⁸³⁰. В свою очередь, при отсутствии легальной дефиниции

⁸²⁸ Как справедливо отмечено в доктрине, «...причина, по которой в ГК установлен исчерпывающий перечень результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, подлежащих правовой охране, вытекает из содержания признаваемых законом субъективных прав на эти объекты, прежде всего из сути исключительного права как “права-монополии” (Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (поглавный) / Г.Е. Авилов, К.В. Всеволожский, В.О. Калятин и др.; под ред. А.Л. Маковского (автор – А.Л. Маковский). М., 2008.

⁸²⁹ Как отмечает на этот счет Н.В. Щербак, процесс постоянного уточнения и конкретизации состава объектов интеллектуальной собственности «...является логичным и закономерным, соответствующим общемировым тенденциям развития права интеллектуальной собственности. Наблюдается тенденция к расширению круга объектов интеллектуальной собственности, особенно в начале XXI в. под влиянием четвертой промышленной революции и других факторов» (Щербак Н.В. Экзистенциальные особенности гражданско-правового режима объектов авторского права и смежных прав // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 99–134).

⁸³⁰ «Перечни произведений имеются в ряде международных договоров и национальном законодательстве... При рассмотрении подобных перечней объектов авторского права обычно подчеркивают, что перечень не является исчерпывающим, другими словами, считается, что к объектам авторского права могут относиться произведения, которые в этом перечне явно не представлены. Однако такое расширение сферы действия законодательства нельзя считать закономерным... Для того чтобы конкретный объект авторского права охранялся, он должен быть явно указан в законодательстве. В противном случае его охрана может зависеть от аргументов истца, ответчика и позиции суда»

понятия «произведение» невозможно с уверенностью отнести тот или иной результат интеллектуальной деятельности к объекту авторских прав. Данный недостаток компенсируется предлагаемыми в доктрине научными дефинициями указанного понятия, основанными на выявленных признаках произведения, в том числе в нормах международных актов.

В частности, анализ положений ст. 2 Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. (ред. от 28 сентября 1979 г.)⁸³¹ позволяет отметить такие признаки произведения, как его оригинальность и творческий характер деятельности автора по его созданию. Ряд норм ГК РФ (ст. 1257, 1259 и т.д.) также указывают на наличие «творческого труда» автора при создании произведения.

Следует отметить, что в числе основополагающих элементов произведения еще дореволюционные ученые называли «продукт духовного творчества»⁸³², «выражение творческой мысли автора»⁸³³, говоря также о «творческом произведении ума»⁸³⁴. Придерживаясь мнения о творческом характере произведения, правоведы советского периода указывают также на его комплексный характер⁸³⁵, что находит выражение в совокупности «...идей и образов, получивших свое объективное выражение в готовом труде»⁸³⁶.

Современная доктрина также исходит из творческого характера произведения как объекта авторских прав, которое при этом должно быть

(Судариков С.А. Право интеллектуальной собственности: учебное пособие. М., 2013. С. 60–61).

⁸³¹ Бюллетень международных договоров. 2003. № 9.

⁸³² Шершеневич Г.Ф. Авторское право на литературные произведения. Казань, 1891.

⁸³³ Канторович Я.А. Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения. СПб, 1911.

⁸³⁴ Беляцкий С.А. Новое авторское право в его основных принципах. СПб., 1912.

⁸³⁵ В частности, В.С. Серебровский рассматривал произведение как «совокупность идей, мыслей и образов, получивших в результате творческой деятельности автора свое выражение в доступной для восприятия человеческими чувствами конкретной форме, допускающей возможность воспроизведения» (Серебровский В.И. Вопросы советского авторского права. М., 1956).

⁸³⁶ Гордон М.В. Советское авторское право. М., 1955.

выражено в объективной форме⁸³⁷. Указанные признаки произведения подтверждаются и судебной практикой. Более того, при рассмотрении конкретного дела суды должны исходить из принципа презумпции творчества — пока не доказано иное, результат интеллектуальной деятельности считается созданным творческим трудом⁸³⁸. Однако это не дает ответа на вопрос о том, что же представляет собой творческий характер произведения как критерий правовой охраны последнего. На этот счет ни в доктрине, ни в судебной практике нет единственной позиции⁸³⁹. Некоторые авторы называют критерий оригинальности в качестве прямо закрепленного российским правом⁸⁴⁰, что не вполне соответствует требованиям российского законодательства, однако находит отражение в судебной практике⁸⁴¹.

⁸³⁷ См.: Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики) / О.А. Беляева, В.Г. Богдан, С.А. Бурлаков и др.; отв. ред. О.В. Гутников, С.А. Сеницын. М., 2023. Вып. 29.

⁸³⁸ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (п. 80) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

⁸³⁹ Анализ доктринальных источников позволяет выделить по крайней мере три основные позиции в отношении содержания и сущности творчества: сторонники первого подхода исходят из того, что внешне объективированный результат должен характеризоваться новизной и оригинальностью (см., например: Гордон М.В. Указ. соч. 1955. С. 63; Кашанин А.В. Творческий характер как условие охраноспособности произведения в российском и иностранном авторском праве // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 97). Второй подход предполагает, что творческий характер проявляется в оригинальности творческого почерка, характерного для конкретного автора, на это указывали еще О.С. Иоффе, В.А. Дозорцев (см.: Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики) / О.А. Беляева, В.Г. Богдан, С.А. Бурлаков и др.; отв. ред. О.В. Гутников, С.А. Сеницын. М., 2023. Вып. 29). Третий подход позволяет учитывать как оригинальность самого произведения, так и особенности личности автора (см.: Копылов А.Ю. Творчество как условие охраноспособности произведения // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 12. С. 56–62).

⁸⁴⁰ См., например: Романов Г.В. Критерии охраноспособности произведения в авторском праве // Российский юридический журнал. 2021. № 3.

⁸⁴¹ Судебная практика, в частности практика высшей судебной инстанции, свидетельствует о постепенном и последовательном введении в правоприменение критерия оригинальности произведения как объекта авторского права. Так, по одному из дел, не соглашаясь с выводами нижестоящих судов о том, что спорный объект «не отвечает таким признакам объекта авторского права, как новизна, творческий характер создания произведения и оригинальность», Верховный Суд РФ, сославшись на ст. 1229, 1257 и 1259 ГК РФ, констатировал, что «вывод судебных инстанций о том, что рабочие

Таким образом, содержащиеся в международных актах и в национальном законодательстве перечни представляют собой перечисление близких по своей природе объектов интеллектуальной собственности, характер которых тем не менее не позволяет выявить единые классификационные критерии. В связи с этим для их обобщения применяется условный термин «интеллектуальная собственность», обозначающий совокупность охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации. В свою очередь, данная совокупность структурирована по основанию юридической значимости выделяемых в них элементов, что позволяет отграничивать объекты интеллектуальной собственности друг от друга (объекты авторского права, патентного права и т.д.).

Изложенное также не позволяет сформулировать четкое определение понятия «интеллектуальная собственность», поскольку перечень охраняемых прав объектов интеллектуальной собственности расширяется. Причем с развитием научно-технического прогресса и, как следствие, появлением новых объектов⁸⁴² ни признак творчества, ни нематериальный характер объектов интеллектуальной собственности уже не позволяют четко отграничить появляющиеся новые объекты, созданные творческим трудом человека и не имеющие материального воплощения, от объектов интеллектуальной собственности.

тетради, в которых подобран и определенным способом расположен учебный материал, не являются объектом авторского права по мотиву отсутствия таких признаков, как новизна, творческий характер создания произведения и оригинальность (уникальность, неповторимость произведения), противоречит приведенным выше нормам материального права и акту их разъяснения» (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 2 февраля 2021 г. № 5-КГ20-146-К2 // СПС «КонсультантПлюс»).

⁸⁴² Как отмечено в доктрине, «...только за последние два с небольшим десятка лет круг охраняемых объектов интеллектуальной собственности пополнился полезными моделями, наименованиями мест происхождения товаров, топологиями интегральных микросхем, программами для ЭВМ, базами данных, объектами смежных прав; лишились правовой охраны такие результаты интеллектуальной деятельности, как открытия и рационализаторские предложения...» (Новоселова Л.А., Рожкова М.А. Интеллектуальная собственность: некоторые аспекты правового регулирования: монография. М., 2014).

По нашему мнению, формулирование обобщающего понятия интеллектуальной собственности лишено практического смысла. Являясь собирательным термином, призванным лишь обобщить под единым названием результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, оно может представлять только теоретический интерес, однако это не повлияет на определение места объектов интеллектуальной собственности в системе объектов гражданских прав.

Объекты интеллектуальной собственности в силу прямого указания в законе не могут быть вовлечены в гражданский оборот, для чего законодатель использует конструкцию интеллектуальных прав, которые включают в себя исключительное право имущественного характера, личные неимущественные права и иные права. Примечательно, что перечисленные права могут принадлежать различным лицам, что уже предполагает «расщепление» категории интеллектуальных прав⁸⁴³.

Для личных неимущественных прав, которые возникают только в отношении результатов интеллектуальной деятельности⁸⁴⁴, характерны такие признаки, как отсутствие экономического (имущественного) содержания и неотделимость от личности автора⁸⁴⁵. Правоведами также в качестве

⁸⁴³ Как справедливо отмечено в юридической литературе, «...интеллектуальные права не являются субъективными правами, а выступают искусственной конструкцией, призванной объединить разнородные по своей природе гражданские права на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации. Данная триада прав является не системой, а формальным набором» (Щербак Н.В. Эволюция структуры авторских прав в современном гражданском законодательстве // Вестник гражданского права. 2020. № 1. С. 133–145).

⁸⁴⁴ К ним, в частности, относятся право авторства (право признаваться автором произведения, исполнения, изобретения), право на авторское имя (право использовать или разрешать использовать произведение, изобретение под своим подлинным именем, под псевдонимом или анонимно), право на неприкосновенность произведения (запрет для всех иных лиц вносить любые изменения и дополнения).

⁸⁴⁵ Вместе с тем некоторыми правоведами отмечается оборотоспособность отдельных личных неимущественных прав. Так, «...некоторые виды прав, квалифицируемые законом как личные неимущественные, обладают способностями к переходу», в том числе право на обнародование произведения (Корнеева Л.А. К вопросу о проблемах правового

признака личных неимущественных прав отмечается их принадлежность только физическому лицу. Однако как и ранее действующее, так и применяемое в настоящее законодательство содержит нормы, допускающие признание за юридическими лицами некоторых личных неимущественных прав⁸⁴⁶. Равно как и иные интеллектуальные права, личные неимущественные права возникают только в случаях, прямо установленных законом⁸⁴⁷.

Как прямо указано в действующем законодательстве, имущественной природой среди всех интеллектуальных прав обладают только исключительные права – именно в таком качестве они поименованы в законе; соответственно, исключительные права характеризуются имущественной (денежной) ценностью и оборотоспособностью⁸⁴⁸. Исключением, однако, является исключительное право на фирменное наименование, которое в силу прямого указания в законе (п. 2 ст. 1474 ГК РФ) необоротоспособно.

регулирования оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности // Юрист. 2023. № 5. С. 55–60).

⁸⁴⁶ Так, ст. 484 ГК РСФСР 1964 г. устанавливалась допустимость признания за юридическими лицами авторских прав в случаях и пределах, установленных законодательством. Действующий ГК РФ подобным образом предусматривает закрепление ряда личных неимущественных прав за юридическими лицами. На них прямо указывает А.Л. Маковский: «Достаточно сослаться на нормы... о квазиправе на авторское имя юридических лиц, предусмотренном для создателей сложных объектов (п. 4 ст. 1240), издателей энциклопедий и повременных изданий (п. 7 ст. 1260), изготовителей аудиовизуальных произведений (п. 4 ст. 1263), работодателей (п. 3 ст. 1295), изготовителей баз данных (п. 2 ст. 1333) и защищаемом теми же способами, что и право гражданина на авторское имя (п. 2 ст. 1251). Наиболее интересными в этом отношении являются нормы ст. 1323 ГК, по сути дела уравнивающие изготовителей фонограмм, независимо от того, является таким изготовителем гражданин или организация, во всех их интеллектуальных правах, включая права на имя (наименование), на защиту фонограммы от искажения и на ее обнародование» (Маковский А.Л. Комментарий к статьям 1225–1227 // Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (поглавный) / Г.Е. Авилов, К.В. Всеволожский, В.О. Калятин и др.; под ред. А.Л. Маковского. М., 2008).

⁸⁴⁷ На это обстоятельство обратил внимание Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

⁸⁴⁸ Как отмечено в юридической литературе, возникающее в отношении каждого объекта интеллектуальной собственности исключительное право «...подлежит передаче и отчуждению, может быть передано в обеспечение исполнения обязательства, может быть внесено в качестве вклада в уставный капитал коммерческих организаций» (Право интеллектуальной собственности: учебник: в 4 т. / под общ. ред. Л.А. Новоселовой) / Е.В. Бадулина, Д.А. Гаврилов, Е.С. Гринь и др. М., 2017. Т. 1. С. 7.

Таким образом, отечественный законодатель рассматривает систему интеллектуальных прав как обособленную от объектов интеллектуальной собственности правовую категорию, определяемую в ст. 1226 ГК РФ как субъективные права, реализуемые правообладателем в отношении таких объектов. При этом можно предположить, что, обладая имущественным характером и признаком оборотоспособности, исключительное право в системе объектов гражданских прав в контексте ст. 128 ГК РФ должно занять обособленное место наряду с результатами интеллектуальной деятельности и средствами индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий. Помимо этого правоведы характеризуют исключительные права также как абсолютные права⁸⁴⁹.

В связи с этим справедливо замечание А.Л. Маковского о том, что понимание исключительного права только лишь как абсолютного права, как «права-запрета» отражает лишь его внешнюю сторону, определяя взаимоотношения между правообладателем с другими лицами, но не дает ответа на вопрос об основаниях их исключительности⁸⁵⁰.

Имущественный характер исключительного права как признак последнего прямо вытекает из содержания ст. 1226 ГК РФ, однако данный признак не является системообразующим критерием. Он может быть использован при отграничении исключительных прав от личных неимущественных прав, но его сложно применить в отношении «иных прав»

⁸⁴⁹ Так, характеризуя права на объекты интеллектуальной деятельности, В.О. Калятин называет девять признаков исключительных прав: один из них определяет саму принадлежность возможности использования интеллектуальной собственности к категории субъективных гражданских прав; другой признак заключается в их имущественной природе, третий – в абсолютном характере исключительных прав и т.д. (см.: Калятин В.О. Интеллектуальная собственность (исключительные права): учебник для вузов. М., 2000. С. 8–11). Аналогичные признаки исключительных прав довольно часто перечисляются в юридической литературе. Так, С.В. Зыков именует их базовыми и дополняет их такими признаками, как объем и срочность (см.: Зыков С.В. Система имущественных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации // Российский юридический журнал. 2020. № 1. С. 117–130).

⁸⁵⁰ См.: Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (поглавный) / Г.Е. Авилов, К.В. Всеволожский, В.О. Калятин и др.; под ред. А.Л. Маковского. М., 2008.

как третьей составляющей интеллектуальных прав. В законе перечень таких прав остается открытым, в качестве примера названы лишь некоторые из них.

Иные интеллектуальные права обладают сходными чертами как с личными неимущественными, так и с имущественными правами, а в силу отсутствия четко сформулированного содержания исключительных прав не всегда то или иное право можно однозначностью признать исключительным или «иным»⁸⁵¹.

Примечательно также, что невозможно выявить общие критерии даже перечисленных в законе в качестве примера иных интеллектуальных прав, в связи с чем складывается впечатление, что законодатель отнес к данной категории права по «по остаточному принципу»⁸⁵². Поскольку иные интеллектуальные права могут по своей природе иметь черты исключительных прав, имущественный признак исключительных прав может быть также применим и в отношении иных интеллектуальных прав⁸⁵³. Так, например, явно имущественный характер носит право следования⁸⁵⁴, право на получение патента на изобретение, полезную модель и т.д.

⁸⁵¹ Это также объясняется тем, что иные интеллектуальные права характеризуются комплексом (совокупностью) признаков, присущих как имущественным, так и личным неимущественным правам (см.: Право интеллектуальной собственности / под ред. И.А. Близнеца. М., 2010. С. 43).

⁸⁵² Как верно отмечает Д. Серебрякова, «...законодателем выделена группа так называемых иных интеллектуальных прав, в отношении которой неясно, какие критерии положены в основу ее выделения... резонными являются следующие вопросы: есть ли логика в законодательном выделении категории иных интеллектуальных прав и целесообразно ли это? Какова сущность иных прав и в чем их существенное отличие от исключительного и личных неимущественных прав?» (Серебрякова Д. Имущественная составляющая интеллектуальных прав // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 4. С. 33–40).

⁸⁵³ Так, согласно п. 91 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» «в состав наследства входят также иные интеллектуальные права, не являющиеся исключительными, если они относятся к числу имущественных прав наследодателя» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7.

⁸⁵⁴ Право следования предоставляет право на получение определенного процента от перепродаж оригинала произведения. В силу того, что такое право имеет личную привязку к автору произведения, его ошибочно можно было бы отнести к личным неимущественным правам автора.

В целях решения практических проблем признания конкретного интеллектуального права имущественным⁸⁵⁵ следует проанализировать его с точки зрения наличия или отсутствия у него имущественного признака. К числу таких признаков, как нам представляется, могут быть отнесены возможность денежной оценки интеллектуального права, а также допустимость перехода интеллектуального права от одного лица к другому или возможность распоряжения им.

Указанные характеристики бесспорно позволяют именовать имущественными исключительные права. Что касается категории иных интеллектуальных прав, то для некоторых из них законом предусмотрена возможность перехода от одних лиц к другим⁸⁵⁶. С учетом изложенного полноценными объектами гражданских прав являются не только результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий. Самостоятельными объектами гражданских прав в контексте ст. 128 ГК РФ могут выступать также

⁸⁵⁵ Данное решение актуально, например, для определения места в системе интеллектуальных прав права автора на вознаграждение. «С теоретической точки зрения возможны как минимум два подхода к определению места права на вознаграждение, предусмотренного ст. 1245, 1263 и 1326 ГК РФ, в системе интеллектуальных прав. Во-первых, несмотря на отсутствие прямого указания в законе, данное право может быть отнесено к категории иных интеллектуальных прав наряду, например, с правом автора служебного результата интеллектуальной деятельности на вознаграждение, а также с правом следования. По своему содержанию рассматриваемое право мало чем отличается от указанных прав, прямо названных в законе “иными”. В обоих случаях обладатель права имеет возможность требовать выплаты вознаграждения за использование объекта авторских или смежных прав, при этом он не вправе разрешать или запрещать использование объекта. Второй подход предполагает отрицание за правом на вознаграждение самостоятельного значения и отнесение его к одному из правомочий, входящих в состав исключительного права. При такой интерпретации следует исходить из того, что в ст. 1245, 1263 и 1326 ГК РФ закреплено не самостоятельное субъективное право, а одно из правомочий, входящих в состав исключительного права» (Иванов Н. Право на вознаграждение в системе авторских и смежных прав // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2016. № 10. С. 4–14).

⁸⁵⁶ Так, в соответствии с п. 1 ст. 66.1 ГК РФ в качестве вклада участника хозяйственного товарищества или общества в его имущество могут быть подлежащие денежной оценке не только исключительные, но и иные интеллектуальные права. Право следования в силу прямого указания в законе неотчуждаемо, тем не менее переходит к наследникам автора на срок действия исключительного права на произведение (п. 3 ст. 1293 ГК РФ).

исключительные права и иные интеллектуальные права имущественного характера.

§ 6. Систематизация объектов гражданских прав в российском законодательстве

Современная наука практически в любой области опирается на системный подход в изучении явлений действительности, что, однако, не решает проблему определения самого понятия «система». Учеными предлагаются различные ее определения, основанные на отдельных ее признаках или характеристиках⁸⁵⁷. Следует подчеркнуть, что термин «система объектов гражданских прав» не является законодательным, он представляет собой доктринальный продукт, основная цель которого заключается в целесообразном, структурно упорядоченном объединении объектов гражданских прав на основе исследования всего их многообразия. При этом, если мы признаем, что совокупность перечисленных в ст. 128 ГК РФ объектов гражданских прав есть не что иное, как их система⁸⁵⁸, то следует четко определиться с ее правовой сущностью и с системообразующими критериями, которые позволяли бы включать в эту систему вновь

⁸⁵⁷ Наиболее удачным из представленных в науке определений нам видится предложенное В.Н. Садовским, по мнению которого система представляет собой упорядоченную или закономерную совокупность, свойства которой отличны от свойств простой совокупности ее частей (см.: Садовский В.Н. Основания общей теории систем: логико-методологический анализ. М., 1974. С. 98).

⁸⁵⁸ В научной доктрине системность объектов гражданских прав как таковая ставится под сомнение (см.: Степанова В.Е. Система объектов гражданского права – фикция или реальность? // Власть. 2013. № 10. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/2898/2697>). Более подробно о соотношении категорий «правовой режим» и «правовая природа» см.: Комиссарова Е.Г. Формально логические аспекты понятия «правовая природа» // Вестник Пермского университета. Серия «Юридические науки». Вып. 2. 2012 № 16. URL: <http://www.jurvestnik.psu.ru/vypusk-2162012/441-komissarova-formalno-logicheskie-aspekty-ponyatiya-lpravovaya-prirodar.html>

образуемые элементы без нарушения ее целостности, структуры и функциональности.

Предложенные в юридической литературе различные классификации объектов гражданских прав основаны на положениях ст. 128 ГК РФ, в которой путем перечисления поименованы объекты гражданских прав.

Так, в соответствии со ст. 128 ГК РФ В.В. Левочко предлагает следующие типологические группы объектов: имущество (вещи и имущественные права), действия имущественного характера (результаты работ и услуги), неимущественные объекты (результаты интеллектуальной деятельности и нематериальные блага)⁸⁵⁹.

Е.А. Суханов классифицирует объекты на основе критерия их материальной формы: в первую очередь это материальные блага, которые объединяет экономическая форма товара (вещи, результаты работ и услуги, имеющие материальную вещественную форму, деятельность по созданию и улучшению вещей). К нематериальным благам предложено отнести результаты творческой деятельности и средства индивидуализации, а также личные неимущественные права⁸⁶⁰.

Е.Ю. Пащенко в качестве системообразующего элемента называет субъективные гражданские права. При этом из всего многообразия объектов гражданских прав, перечисленных в ст. 128 ГК РФ, указанным автором выделяются две типологические группы: имущество и неимущественные объекты⁸⁶¹.

Считаем, что субъективные гражданские права не могут рассматриваться в качестве универсального критерия системы гражданских прав. В настоящее время принято выделять вещные права, обязательственные права, интеллектуальные права и личные неимущественные права. При этом в отношении, например, вещей могут

⁸⁵⁹ См.: Левочко В.В. Объекты гражданских прав в недропользовании: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

⁸⁶⁰ См.: Суханов Е.А. Гражданское право: в 2 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. Т. 1. С. 295–297.

⁸⁶¹

возникать как вещные права (право собственности, ограниченное вещное право), так и обязательственные (право требования)⁸⁶². Более того, ряд имущественных гражданских прав при определенных обстоятельствах сами являются объектами прав (обязательственных или исключительных). Следовательно, систематизация объектов гражданских прав на основе возникающих в их отношении гражданских прав лишена логики.

В.А. Лапач справедливо отмечает, что «смысл категории объектов гражданских прав заключается в установлении для них определенного гражданско-правового режима, то есть возможности или невозможности совершения с ними определенных действий (сделок), влекущих известный юридический (гражданско-правовой) результат»⁸⁶³, однако правовой режим объектов не сводится исключительно к возможности совершения сделок с ними. Более того, не все объекты гражданских прав могут выступать объектом гражданского оборота. Так, большинство из являющихся в силу прямого указания закона объектами гражданских прав нематериальные блага не оборотоспособны.

По мнению Т.П. Подшивалова, «...концепция правового режима как объекта гражданских прав наиболее объективно и последовательно раскрывает проблему определения единого объекта гражданских прав»⁸⁶⁴. Более того, сама по себе категория «правовой режим» не отличается унифицированным пониманием. Так, в научной литературе под правовым

⁸⁶² Как отмечено в научной доктрине, «...социальные блага, входящие в состав имущества, неоднородны, однако, несмотря на их неисчислимое фактическое многообразие в юридическом плане, – это вещи, другое телесное имущество, а также требования и долги. И в зависимости от того, в состав какого имущества может быть отнесено то или иное социальное благо, они могут становиться объектами вещных и обязательственных прав» (Чеговадзе Л.А. Объекты гражданских прав и новая редакция статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 10. С. 81–86).

⁸⁶³ Лапач В.А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб., 2008. 544 с.

⁸⁶⁴ Подшивалов Т.П. Объект гражданских прав и правовой режим: проблема определения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2013. Т. 13. № 3. С. 49–54.

режимом понимают правовое явление, связывающее воедино комплекс правовых средств в соответствии со способами правового регулирования, его типами⁸⁶⁵. Было высказано также мнение, что рассматриваемую категорию следует раскрывать через точку приложения правового воздействия: для каждого объекта применим отраслевой правовой режим, внутри которого вычленяется институционный, в некоторых случаях индивидуальный правовой режим данного явления⁸⁶⁶. В целом можно выделить три подхода к пониманию категории «правовой режим». Первый из них основан на определении правового режима через предмет общественных отношений⁸⁶⁷, сторонники второго подхода считают, что он основан на регулирующем значении этого правового явления⁸⁶⁸. Третий подход учитывает как объектную, так и функциональную характеристики правового режима⁸⁶⁹.

⁸⁶⁵ См.: Алексеев С.С. Теория права. М., 1994. С. 172.

⁸⁶⁶ См.: Сенчищев В.И. Объект гражданского правоотношения // Актуальные проблемы гражданского права / под ред. М.И. Брагинского. М., 1999. С. 139–142.

⁸⁶⁷ Так, И.Л. Бачило определяет правовой режим как «нормативно установленные правила относительно определенного предмета отношений или ситуации, которые должны соблюдаться участниками отношений по поводу этого предмета (объекта или определенной ситуации)». По ее мнению, «правовой режим дает определение юридической природы предмета отношений и содержит требования и принципы поведения субъектов в определенной ситуации» (Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б.Н. Топорнин. М., 2001. С. 812). Шмелева Д.Н. полагает, что, «правовой режим – это юридическая характеристика имущества, в частности установленный законодательством порядок его использования, допустимые способы и пределы распоряжения этим имуществом, права и обязанности субъектов правоотношений, предметом которых выступает то или иное имущество» (Шмелева Д.Н. Правовой режим сооружений обустройства месторождений нефти и газа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2004. С. 13).

⁸⁶⁸ О.А. Городов утверждает, что нет каких-либо пояснений тому, что вкладывается в понятие «правовой режим», употребление его «происходит в изначальном смысле (regimen – лат.) – установленный порядок» (Городов О.А. Интеллектуальная собственность: правовые аспекты коммерческого использования. СПб., 2007. С. 66). Рассматриваемое понятие включает и правовые средства воздействия на объект гражданского права. Именно исходя из этого, А.В. Малько указывает, что «правовой режим – это не столько результат, сколько система условий и методик осуществления правового регулирования, определенный “распорядок” действия права, необходимый для оптимального достижения соответствующих целей» (Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. М., 2005. С. 206–207).

⁸⁶⁹ Так, Э.Ф. Шамсумова определяет правовой режим как особый порядок законодательного урегулирования деятельности, действий или поведения физических и юридических лиц в различных сферах общественных отношений либо на определенных

На наш взгляд, именно третий подход заслуживает поддержки, поскольку предписания в отрыве от непосредственного объекта, в отношении которого они устанавливаются, лишены смысла, равно как и характеристика самого объекта без установленных в его отношении правил поведения. В связи с этим под правовым режимом следует понимать совокупность нормативных предписаний и основанных на них субъективных правовых притязаний в отношении того или иного предмета или явления. Его основное назначение заключается в обеспечении должного порядка (состояния), именно поэтому считаем, что устанавливаемый в отношении объекта гражданских прав правовой режим не может являться искомым критерием их систематизации.

Как справедливо отмечает Л.А. Чеговадзе, «сущность категории “объект права” всегда одна и та же – это правовая форма существования социальных благ в системе гражданского правоотношения»⁸⁷⁰, из чего следует логичный вывод: свойство оборотоспособности «...присуще как вещам, так и требованиям имущественного характера, однако их оборот серьезно различается, и эти различия предопределены существом социального блага. Точно так же отличается и процесс реализации прав на вещи и требования»⁸⁷¹. С учетом данных рассуждений Л.А. Чеговадзе предлагает в ст. 128 ГК РФ отнести к объектам гражданских прав: а) вещи и другое телесное имущество; б) требования о передаче вещей и другого телесного имущества в собственность, во владение и пользование; в) требования о выполнении работ и оказании услуг, другие требования из договоров и соглашений; г) требования о возмещении убытков, об уплате

объектах, включающий в себя установление механизма обеспечения фактической реализации системы стимулов, нормативов, гарантий, запретов, обязываний, ограничений, а также их компетентное исполнение, применение мер принуждения и привлечения виновных к ответственности (см.: Шамсумова Э.Ф. Правовые режимы (теоретический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 15).

⁸⁷⁰ Чеговадзе Л.А. Объекты гражданских прав и новая редакция статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 10. С. 81–86.

⁸⁷¹ Там же.

неустойки, о возмещении и компенсации вреда, причиненного имуществу или личности потерпевшего⁸⁷².

Подобная систематизация, на наш взгляд, не выдерживает критики. Если мы исходим из того, что каждый элемент системы отличает особый правовой режим, то непонятна представленная указанным автором градация требований, в чем же отличие (кроме оснований соответствующих прав) правового режима одной группы требований от другой.

Считаем, что критерий систематизации всей совокупности объектов гражданских прав следует искать в их характеристиках, которые интересуют право лишь постольку, поскольку они влияют на объем прав субъекта на тот или иной объект прав, чем и определяется устанавливаемый в их отношении правовой режим. Так, физические характеристики вещей сводятся в правовом смысле к квалификации из составных или как недвижимого имущества, поскольку отвечают на вопрос о границах распространения имущественного права (право следования, принцип акцессии). Имущественные правоотношения (как вещные, так и обязательственные) предполагают наличие определенного объема возможностей лица применительно к имуществу. Это может быть вещное право (право собственности, владения, пользования и распоряжения), право требования, право аренды и т.д. И для обозначения таких характеристик правовая наука выработала понятие «правовая природа».

Следует отметить, однако, что данная категория воспринимается в современной юриспруденции как некая данность. Практически все работы монографического характера представляют собой в себе исследование правовой природы какого-либо явления, но авторы не обращаются к анализу сущности самой категории «правовая природа». Немногочисленные

⁸⁷² Там же.

исследования данной категории позволяют прийти к выводу о том, что она не имеет однозначного толкования⁸⁷³.

Наиболее полным и отражающим сущность рассматриваемой правовой категории нам видится определение, сформулированное С.В. Малюгиным. Под правовой природой он понимает «набор постоянных существенных характеристик юридического объекта, проявляющихся в процессе его познания, позволяющих определить смысловое значение правового явления, а также установить принадлежность юридического факта гипотезе нормы права или иного объекта, связанного с правом, соответствующей юридической категории»⁸⁷⁴. Единственный недостаток данной дефиниции заключается в том, что она применима не ко всем явлениям, а только к тем, которые содержатся в законе, а следовательно, неприменима в отношении новых, непоименованных в законе объектов. Именно поэтому считаем целесообразным понятие правовой природы рассматривать как некий набор

⁸⁷³ Так, С.С. Алексеев определяет юридическую природу через юридические характеристики правового явления, позволяющие увидеть структуру, место и роль среди других правовых явлений в соответствии с его социальной природой (см.: Алексеев С.С. Общие дозволения и запреты в советском праве. М., 1998. С. 227). Аналогичное понимание правовой природы мы наблюдаем также у И.В. Матвеева, по мнению которого обращение к термину «правовая природа» обусловлено необходимостью дать исчерпывающую характеристику тому или иному юридическому факту, процессу, явлению. При этом в осмыслении правовой природы И.В. Матвеев исходит из значения самого термина «природа», под которым обычно понимается сущность, основное свойство чего-либо. Отсюда, определить правовую природу – значит определить место правового явления в системе права с выявлением его специфических существенных признаков. Так, анализ правовой природы применительно к недействительным сделкам, согласно точке зрения И.В. Матвеева, будет означать «определение их места в системе юридических фактов и указание на специфические признаки недействительных сделок, позволяющие отграничить их от других юридических фактов» (Матвеев И.В. Правовая природа недействительных сделок. М., 2004. С. 5). Более узкое определение правовой природы дает А.В. Захаров, утверждая, что правовая природа явления – это по сути вопрос об отраслевой принадлежности норм, которыми эти отношения регламентируются с целью определить, какие нормы «ответственны» за регулирование данной группы общественных отношений (см.: Захаров В.А. Создание юридических лиц: правовые вопросы. М., 2002. С. 52).

⁸⁷⁴ Малюгин С.В. Категория «правовая категория»: понятие, детерминанты, основные характеристики и подходы к определению // Российский юридический журнал. 2016. № 3 (108). С. 46–58.

характеристик явления⁸⁷⁵, позволяющих отграничить одну совокупность явлений от другой.

Таким образом, в основу систематизации объектов гражданских прав может быть положен критерий определения правовой природы абстрактных предметов и явлений действительности, характеризующийся совокупностью их признаков. Совокупность физических и функциональных признаков объекта предопределяет устанавливаемый в его отношении правовой режим.

Исходя из данного критерия и на основе проведенного анализа перечисленных в ст. 128 ГК РФ объектов гражданских прав считаем возможным предложить следующую их систему:

1) вещи (включая документарные ценные бумаги и наличные денежные средства);

2) бестелесное имущество (в том числе результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, виртуальное (цифровое) имущество, энергоресурсы, доля в праве собственности);

3) нематериальные блага;

4) имущественные права и обязанности (обязательственные права, исключительные права, иные интеллектуальные права имущественного характера, бездокументарные ценные бумаги, безналичные денежные средства, цифровые рубли);

⁸⁷⁵ Раскрытие признаков явления необходимо для познания явления как «вещи в себе», что неизбежно «приводит к формулированию дефиниции, в которой перечисляются... понятиеобразующие признаки, т.е. сущностные» (Власенко Н.А. Проблемы точности выражения формы права (лингвологический анализ): дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1997). Критериями, которые позволяют отличить существенные признаки явления (его сущность) от несущественных признаков, являются необходимость каждого признака и достаточность их в совокупности для определения явления, что логически соответствует наполнению содержания соответствующего понятия. Поскольку сущность – это важнейшая характеристика явления, она уникальна и неповторима (нет двух явлений с одинаковой сущностью (см.: Диалектическая логика / под ред. З.М. Оруджева, А.П. Шептулина. М., 1986). Следовательно, ее установление позволит исследователю продолжать познание – расширять и углублять характеристику явления, то есть «увидеть его структуру, место и роль среди других правовых явлений» (Алексеев С.С. Общие дозволения и запреты в советском праве. М., 1998).

5) имущество как совокупность вещей и (или) имущественных прав и обязанностей (в том числе имущественный комплекс и единый недвижимый комплекс);

6) результаты работ и оказание услуг.

Для определения возможности «вписания» нового объекта гражданских прав в их систему следует уяснить его правовую природу, проанализировав его физические и функциональные признаки.

На основании проведенного в настоящей главе анализа могут быть сформулированы следующие выводы-положения:

1. Самостоятельными объектами гражданских прав в контексте ст. 128 ГК РФ могут выступать исключительные права и иные интеллектуальные права имущественного характера.

2. В целях решения практических проблем признания конкретного «иногo интеллектуального права» имущественным следует проанализировать его с точки зрения наличия или отсутствия у него имущественного признака. К таким признакам могут быть отнесены возможность денежной оценки интеллектуального права, а также допустимость перехода интеллектуального права от одного лица к другому или возможность распоряжения им.

3. К объектам недвижимости могут быть отнесены только такие объекты, которые неразрывно и функционально связаны с использованием земельного участка как объекта застройки: здания, сооружения, единые недвижимые комплексы, помещения (жилые и нежилые), машино-места. Этому критерию не соответствуют объекты незавершенного строительства, воздушных и морских судов. В правовых системах современности законодательные подходы к определению недвижимости возникли и были обусловлены национальной спецификой развития земельных отношений.

4. Потребностями гражданского оборота и развитием форм инвестирования и капитализации обусловлена необходимость уточнения признаков и правового режима доли в праве общей собственности: нематериальный характер; математическая форма выражения доли через

дробь части по отношению к целому; доля в праве не тождественна по своему правовому режиму вещи и праву собственности на нее, то есть наличие долей в праве не предполагает деления права собственности (ни по правомочиям, ни по объему); размер доли влияет лишь на имущественные выгоды и обременения ее обладателя, в том числе в отношениях между сособственниками.

5. Имущественное право может выступать объектом распоряжения при совпадении нескольких условий: коммерческая ценность самого права, а не его объекта; возможность распоряжения им по модели купли-продажи или цессии.

6. Право собственности в контексте ст. 128 ГК РФ не является объектом гражданских прав. В настоящее время обязательственные и исключительные права как отвечающие сформулированным в доктрине признакам имущественных прав (связь с имуществом; оборотоспособность и возможность денежной оценки) являются отдельными объектами гражданского права, в связи с чем из ст. 128 ГК РФ предложено исключить категорию «имущественные права» и включить в качестве самостоятельных объектов обязательственные и исключительные права.

7. Внесение изменений в гражданское законодательство в части расширения перечня объектов недвижимых вещей обусловлено комплексом причин и в первую очередь – сохранением господствующей роли государственной собственности на землю, а также современным социально-экономическим состоянием рынка недвижимости, и не свидетельствует об отказе законодателя от внедрения в отечественную правовую систему концепции единого объекта недвижимости. Об этом свидетельствуют новации гражданского законодательства о реализации принципа приращения: право собственности на созданные здание, сооружение, объект незавершенного строительства, помещение, машино-место возникает у собственника земельного участка, на котором расположены указанные объекты.

8. Целесообразно сокращение перечня объектов недвижимых вещей за счет исключения из текста ст. 130 ГК РФ указания на участки недр, объекты незавершенного строительства, а также воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания. В результате к недвижимым вещам предложено относить земельные участки и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, единые недвижимые комплексы, а также помещения (жилые и нежилые) и машино-места в редакции ст. 130 ГК РФ.

9. Самостоятельными объектами гражданских прав в контексте ст. 128 ГК РФ могут выступать исключительные права и иные интеллектуальные права имущественного характера.

10. В целях решения практических проблем признания конкретного «иного интеллектуального права» имущественным следует проанализировать его с точки зрения наличия или отсутствия у него имущественного признака. К числу таких признаков могут быть отнесены возможность денежной оценки интеллектуального права, а также допустимость перехода интеллектуального права от одного лица к другому или возможность распоряжения им.

11. Гражданско-правовой режим объектов гражданских прав устанавливается индивидуально в отношении каждого вида объектов гражданских прав (индивидуально-определенные вещи, исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, корпоративные активы, обязательственные и иные права с имущественным и неимущественным содержанием. Вместе с тем невозможно установление общего (единого) режима для нескольких групп разнородных объектов гражданских прав. Это показывает правовую неопределенность понятий «иное имущество», «другое имущество», используемых в законодательстве и правоприменительной практике.

12. Индивидуальность гражданско-правового режима объекта гражданских прав обуславливает особенности взаимосвязи прав и обязанностей субъектов гражданского права в структуре гражданского правоотношения.

Глава 5. ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В ИНОСТРАННЫХ ПРАВОПОРЯДКАХ: СРАВНИТЕЛЬНО- ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

§ 1. Международно-правовые инструменты унификации и гармонизации правового режима объектов гражданских прав

Правовое положение иностранных граждан развивалось в направлении от близкого к статусу раба к правовому положению гражданина. Конституционный принцип национального режима с развитием позитивно-правового регулирования претерпел множество изменений и уточнений. В наименьшей степени изъятия из него затронули область договорного права, тогда как права иностранных субъектов на объекты гражданских прав постепенно ограничивались.

Следует согласиться с М.Л. Энтиным и Е.Г. Энтиной в том, что современное международное право необходимо использовать в интересах России. Пассивная модель поведения (изменение национального законодательства под влиянием концепций, выработанных международными организациями, являющихся плодами иностранного правотворчества, юридической доктрины и практики применения) должна быть дополнена активным использованием Россией «позитивного заряда современного международного права»⁸⁷⁶.

К. Ясперс, полемизируя с М. Хайдеггером, полагавшим условием развития общества отрешенность, указывал на невозможность существования изолированной свободы⁸⁷⁷.

⁸⁷⁶ См.: Энтин М. Л., Энтина Е.Г. Влияние права прав человека на прогрессивное развитие современного международного права. Часть I // Московский журнал международного права. 2017. № 2(106). С. 29-44.

⁸⁷⁷ См.: Ясперс К. Философия. Книга вторая: Просветление экзистенции / пер. с нем. А. К. Судакова. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2012. 448 с.

В.П. Камышанский называет гармонизацию вещных правоотношений необходимой предпосылкой обеспечения устойчивого роста российской экономики и укрепления гражданского общества в России⁸⁷⁸. В юридической науке встречаются даже выводы о гармонизации законодательства о вещных правах государств – членов БРИКС⁸⁷⁹, тогда как перспективы их унификации оцениваются достаточно скептически – в частности, обращается внимание на то, что в специальном законе Китайской Народной Республики достаточно подробно и обстоятельно регламентирована система вещных прав, тогда как в современных условиях в Российской Федерации реформа законодательства о вещном праве оказалась «замороженной» на неопределенное время⁸⁸⁰.

Н.Г. Доронина связывала гармонизацию и унификацию права с экономической интеграцией, полагая гармонизацию способом унификации, обеспечивающим гармоничное взаимодействие норм права различных государств. Указанным автором выделяются широкое и узкое понимание унификации – в первом случае унификация включает в себя метод гармонизации, а во втором – создание единообразных норм гражданского права, в том числе и типовых (модельных) актов⁸⁸¹.

Р. фон Йеринг, негативно высказываясь о восточной правовой мысли, указывал на то, что на Востоке существует только история прав, но не история права⁸⁸², намекая на отсутствие у восточного права единой концепции права, несмотря на очевидное родство многих восточных народов. Несмотря на то что частное право государств мира основано на очень

⁸⁷⁸ См.: Камышанский, В. П. Некоторые тенденции модернизации вещных прав в Гражданском кодексе Российской Федерации // Власть Закона. 2012. № 2(10). С. 35-44

⁸⁷⁹ См.: Бадаева Н.В. Система вещных прав в Южно-Африканской Республике // Международное публичное и частное право. 2017. № 4. С. 3–6.

⁸⁸⁰ См.: БРИКС: контуры многополярного мира: монография / О.А. Акопян, Н.М. Бевеликова, К.М. Беликова и др. / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М., 2015. (автор гл. 10 – С.А. Сеницын).

⁸⁸¹ См.: Доронина Н.Г. Унификация и гармонизация права в условиях международной интеграции // Журнал российского права. № 6. 1998.

⁸⁸² См.: Йеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Часть первая / Рудольфа Йеринга, ординарного профессора прав в Геттингене; пер. с третьего, испр. нем. изд. СПб., 1875.

незначительном количестве заимствованных источников гражданского права (Кодекс Наполеона, Французский гражданский кодекс, Швейцарское гражданское уложение), развитие их положений на территории различных государств, не говоря уже об их толковании, осуществлялось в совершенно разных направлениях в зависимости от ряда объективных факторов. К.А. Усачева полагает, что вещное право, будучи сильнее связано с национальными традициями по сравнению, например, с договорным правом, менее подвержено унификации и гармонизации⁸⁸³. Далее в своей работе, посвященной унификации договорного права, она констатирует следующее: «...количество предпринятых попыток гармонизации и унификации договорного права... показывает, что до достижения искомых результатов еще далеко... по принципиальным вопросам, предопределенным разницей сложившихся традиций и ценностей... договориться не удастся, а если удастся, остается пространство для разногласий в толковании полученных результатов»⁸⁸⁴. Очевидно, что препятствий для гармонизации и унификации правового режима объектов гражданских прав еще больше. По этой причине количество юридически обязывающих норм международного права, устанавливающих унифицированный либо гармонизированный правовой режим объектов гражданских прав, несущественно (исключая разве что интеллектуальные права). В отношении таких объектов гражданских прав, как имущество, результаты работ и услуг, они представлены либо соглашениями о поощрении и взаимной защите капиталовложений, либо международными договорами, унифицирующими коллизионные нормы, которые лишь определяют порядок, подлежащий применению.

Конституция РФ включает в состав источников международного права общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации. Номенклатура источников

⁸⁸³ См.: Усачева К.А. О современных тенденциях в сфере гармонизации и унификации договорного права // Вестник гражданского права. 2021. № 2. С. 134–148.

⁸⁸⁴ Там же.

международного права не исчерпывается этими инструментами. В статье 38 Статута Международного Суда ООН судебные решения (судебная практика в самом широком смысле этого слова) и «доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций» названы в числе вспомогательных инструментов международного права. Международные договоры играют основополагающую роль. Как верно отмечают Т.Я. Хабриева, А.И. Ковлер и Р.А. Курбанов, перечисленные в ст. 38 Статута Международного Суда ООН инструменты международного права, за исключением разве что международных договоров, являются плодами симбиоза научных воззрений и судебного толкования. Доказательством «всеобщей практики применения» международного обычая является его активное обсуждение в юридической литературе, а общие принципы права формулируются зачастую научной доктриной⁸⁸⁵.

В Гаагской конвенции о праве, применимом к переходу права собственности при международной купле-продаже товаров (материальных движимых вещей), 1958 г. сформулированы самостоятельные коллизионные привязки для решения вопроса о переходе права собственности и риска случайной гибели вещи: вещное право лежит в основе определения прав лица, заявляющего право собственности на проданную вещь, а обязательственный статут – при разрешении вопросов о моменте перехода риска в договорах купли-продажи⁸⁸⁶.

В числе инструментов унификации норм частного права в рамках СНГ действуют три международных договора, заключенные в рамках СНГ и содержащие коллизионные нормы. Соглашение стран СНГ от 20 марта 1992 г. «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением

⁸⁸⁵ См.: Хабриева Т.Я., Ковлер А.И., Курбанов Р.А. Доктринальные основы в деятельности Верховного Суда Российской Федерации: монография / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М., 2023. С. 21.

⁸⁸⁶ См.: Международное частное право: учебник: в 2 т. / Е.А. Абросимова, А.В. Асосков, А.В. Банковский и др.; отв. ред. С.Н. Лебедев, Е.В. Кабатова. М., 2015. Т. 2. (автор разд. 4.3. – Н.А. Шебанова).

хозяйственной деятельности» (далее – Киевское соглашение); Кишиневская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 г. (далее – Кишиневская конвенция); Минская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г.⁸⁸⁷ и Протокол к ней от 28 марта 1997 г. (далее – Минская конвенция).

Киевское соглашение содержит следующие правила определения судами права, применимого к вещно-правовой части правового режима объектов гражданских прав (п. «б» и «в» ст. 11).

Отношения, вытекающие из права собственности, подчинены праву страны местонахождения имущества. Право собственности на транспортные средства, подлежащие внесению в государственные реестры, определяется по законодательству государства, где транспортное средство внесено в реестр.

Возникновение и прекращение вещных прав на имущество определяется по законодательству государства, на территории которого имущество находилось в момент возникновения основания для возникновения или прекращения такого права.

Возникновение и прекращение вещного права на имущество, являющееся предметом сделки, определяется по законодательству места совершения сделки, если иное не предусмотрено международным договором государств – участников Киевского соглашения.

Часть 3 ст. 118 Киевского соглашения дает его участникам право предусмотреть в своих будущих международных договорах иные правила, нежели установленные в ней. К числу таковых относятся многосторонние международные договоры – Минская и Кишиневская конвенции.

Российская Федерация является участником Кишиневской конвенции 2002 года с 28 июня 2021 г. С 28 июня 2023 г. отменено применение к отношениям с участием граждан Российской Федерации Минской конвенции

⁸⁸⁷ Бюллетень международных договоров. 1995. № 2.

1993 г. и другими государствами – участниками Кишиневской конвенции. В отношении государств, по-прежнему являющихся участниками Минской конвенции, применяются нормы Минской конвенции. Например, Грузия, несмотря на факт прекращения членства в СНГ, не осуществила денонсацию Минской конвенции, оставаясь ее участником. Следовательно, к отношениям граждан и юридических лиц по поводу гражданских прав между Российской Федерацией и Грузией, возникшим до 28 июня 2023 г., будут применяться коллизионные нормы Минской конвенции⁸⁸⁸.

В отношениях между Россией, Азербайджаном, Арменией, Беларусью, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном с 28 июня 2023 г. применяются коллизионные нормы Кишиневской конвенции.

Кишиневская конвенция содержит ст. 41, действие которой ограничено разрешением коллизионного вопроса о правопорядке, на основе которого определяются: 1) права собственности на недвижимое имущество и транспортные средства; 2) возникновение и прекращение права собственности и других вещных прав. При этом коллизионная привязка «расщепляется» – возникновение и прекращение вещных прав определяются согласно ч. 4 ст. 41 Кишиневской конвенции по законодательству места совершения сделки (что, впрочем, может быть изменено международным договором, заключенным участниками данной Конвенции), в то же время вопрос о квалификации имущества в качестве недвижимого решается по праву его местонахождения.

⁸⁸⁸ В отношении Грузии, вышедшей из числа членов СНГ, следует отметить, что денонсации Минской конвенции со стороны Грузии, присоединившейся к ней в числе других государств – членов СНГ, после выхода Грузии из состава СНГ не было. Сам по себе факт выхода Грузии из СНГ не влечет выхода Грузии из этой Конвенции автоматически, поскольку Минская конвенция названа в п. 15 Приложения 1 к Решению Совета глав государств СНГ об участии Грузии в международных договорах и решениях органов Содружества Независимых Государств от 9 октября 2009 г., в котором перечислены международные договоры, в которых Грузия продолжает участие ввиду того, что эти международные договоры являются договорами с неограниченным участием.

Минская конвенция содержит аналогичные коллизионные привязки, что, по нашему мнению, делает возможным распространение толкования коллизионных норм Минской конвенции и практики их применения на коллизионные нормы Кишиневской конвенции по аналогии.

Обращает на себя внимание то, что и Минская, и Кишиневская конвенции: 1) отсылают не к праву государства, но к его законодательству⁸⁸⁹; 2) «расщепляют» коллизионную норму, разделяя право, применимое к вещным правам, и право, применимое к их возникновению и прекращению; 3) разделяют право, применимое к недвижимому имуществу, к транспортным средствам, подлежащим регистрации, и к имуществу, являющемуся предметом сделки.

Разделяя право собственности и иные вещные права, обе Конвенции оставляют вне зоны своего действия право собственности и другие вещные права на движимое имущество, не являющееся транспортным средством и предметом сделки, но регулируют возникновение и прекращение вещных прав, в том числе и на это имущество.

В.А. Канашевский отождествляет гипотезу п. 4 ст. 38 Минской конвенции (п. 4 ст. 41 Кишиневской конвенции), согласно которой возникновение и прекращение вещного права на имущество – предмет сделки определяется по законодательству места ее совершения с гипотезой п. «е» ст. 11 Киевского соглашения, согласно которой стороны соглашения не избрали применимое к сделке право, в результате чего применяется право места ее совершения⁸⁹⁰. Диссертант не согласен с данным подходом – основанием возникновения и прекращения вещного права на имущество

⁸⁸⁹ МКАС при ТПП РФ в ряде своих решений трактовал привязку к законодательству, а не к праву как ограничение объема применимого права за счет исключения из него норм международных договоров (см. решения от 26 мая 2014 г. по делу № 241/2014, от 14 января 2009 г. по делу № 93/2008, от 31 октября 2008 г. по делу № 23/2008, от 13 февраля 2008 г. по делу № 81/2007, от 20 октября 2006 г. по делу № 43/2006).

⁸⁹⁰ См.: Канашевский В.А. Внешнеэкономические сделки: материально-правовое и коллизионное регулирование. М., 2008.

могут быть не только двусторонняя сделка⁸⁹¹, но и нормативный (индивидуальный) акт органа публичной власти; решения собраний (в широком смысле слова); судебные решения; основания, предусмотренные законом; иные действия субъектов гражданского права; события, с которыми правовой акт связывает наступление гражданско-правовых последствий (ст. 8 ГК РФ).

Вместе с тем считаем, что Минская и Кишиневская конвенции сыграли регрессивную роль в коллизионно-правовом регулировании отношений обладателей прав на объекты в отличие от положений разд. VI части третьей ГК РФ, которые, отражая обязательственно-правовой элемент правового режима объектов гражданских прав, позволяют применить к возникновению и прекращению вещных прав на движимое имущество право, применяемое к договору, в соответствии с которым указанные права возникают и прекращаются. Приоритет международных договоров над положениями гражданского законодательства и императивный характер коллизионных норм обоих международных договоров не позволяет преодолеть применение закона местонахождения вещи к движимым вещам, как это позволяют сделать коллизионная норма ч. 3 ст. 1206 ГК РФ, которая дает сторонам договора о распоряжении объектом гражданских прав возможность выбрать право, применимое к договору.

Существенную роль в гармонизации и унификации правового режима объектов гражданских прав играют международные договоры, направленные на защиту иностранных инвестиций. В настоящее время универсального многостороннего международного договора, регулирующего отношения государства и инвестора, не существует, поэтому правовой режим иностранных инвестиций основан на «лоскутном одеяле» двусторонних договоров. Исследователями, однако, упоминается проект многостороннего

⁸⁹¹ Очевидно, что В.А. Канашевским имеется в виду именно двусторонняя сделка, поскольку ее стороны имели возможность избрать право, подлежащее применению.

соглашения об инвестициях, который был направлен на защиту любых видов имущественных ценностей (в том числе косвенно контролируемых)⁸⁹².

Юридическое содержание понятия инвестиций в указанных двусторонних договорах практически тождественно понятию объекта гражданских прав. Иллюстрацией этого подхода стали решения Постоянной палаты третейского суда в г. Гааге (Нидерланды), в основу которых было положено признание имущества, находившегося в собственности истцов – субъектов права Украины на территории Крыма и г. Севастополя, после их присоединения к России иностранными инвестициями на территории России, а самих собственников – иностранными инвесторами, результатом чего стало применение к обстоятельствам спора Соглашения между Правительством Российской Федерации и Кабинетом Министров Украины о поощрении и взаимной защите инвестиций от 27 ноября 1998 г.⁸⁹³, хотя указанные инвесторы не были связаны с Россией частноправовыми соглашениями. Таким образом, изменение территориальной принадлежности территории Республики Крым и г. Севастополя сделало Россию, по мнению сформированного Палатой третейского суда *ad hoc*, стороной спора с ними.

Соглашение о поощрении и взаимной защите капиталовложений (далее – СПЗКВ) заключаются Российской Федерацией в соответствии с Регламентом заключения международных договоров Российской Федерации по вопросам поощрения и защиты инвестиций⁸⁹⁴. Несмотря на то что данный Регламент согласно п. 1 определяет лишь «особенности проведения переговоров и заключения международных договоров», он фактически предопределяет их содержание, устанавливая обязательные требования к предлагаемому противоположной стороне условиям инвестиций. Границы

⁸⁹² См.: Международное право = *Völkerrecht* / В. Г. Витцтум и др.; пер. с нем., 2-е изд. / сост. В. Бергманн. М., 2015. С. 661.

⁸⁹³ СЗ РФ. 2001. № 16. Ст. 1534.

⁸⁹⁴ См.: Постановление Правительства РФ от 30 сентября 2016 г. № 992 «О заключении международных договоров Российской Федерации по вопросам поощрения и защиты инвестиций» // СЗ РФ. 2016. № 41. Ст. 5836.

усмотрения участников процедуры заключения СПЗКВ в отношении условий этих соглашений определены в п. 78 Регламента, указывающего на то, что положения Регламента не предопределяют их конкретное содержание, что, однако, не отменяет обязательного характера их требований. Пункт 79 Регламента запрещает использование его норм для целей толкования положений СПЗКВ.

Очерчивая сферу действия СПЗКВ, заключаемых в соответствии с ним, данный Регламент в п. 6–11 предопределяет специфику объектов гражданских прав, являющихся иностранными инвестициями. Вложение должно быть связано с получением прибыли на территории соответствующего государства-реципиента или направлено на ее получение.

Регламент использует в качестве категории, объединяющей инвестиции и остальные виды объектов гражданских прав, термин «активы». Очевидно это сделано с намерением юридически охватить объекты окружающего (материального и виртуального) мира, относящиеся к юридически оборотоспособным объектам гражданских прав в соответствии с нормами правопорядка иностранных государств – потенциальных сторон СПЗКВ с Российской Федерацией. Определенное недоумение вызывает содержание п. 7 Регламента, который лишает активы, вложенные инвестором без соблюдения национального законодательства государства-реципиента об инвестициях, правового статуса инвестиций согласно заключаемым СПЗКВ, но при этом государство-реципиент обязано предоставить им правовой режим инвестиций в соответствии с СПЗКВ.

Регламент определяет сферу действия заключающихся согласно его нормам СПЗКВ и по кругу лиц, и *in rem*⁸⁹⁵.

Регламент не применяется к активам, вкладываемым на территории государства-реципиента гражданами государства-реципиента на дату осуществления инвестиций и юридическими лицами, не осуществляющими

⁸⁹⁵ Досл. с лат. – «в отношении вещей», то есть по критерию объектов гражданских прав, подпадающих под действие соответствующих СПЗКВ.

существенной деловой активности на территории государства, право которого является их личным законом (очевидно с целью избежать инвестирования со стороны офшорных компаний⁸⁹⁶), и к активам юридических лиц, корпоративные права в отношении которых принадлежат лицам государства-реципиента или контролируются ими, а также к активам юридических лиц, которые принадлежат лицам третьего государства или контролируются ими. Обращает на себя внимание то, что степень контроля, как и объем корпоративных прав, положениями Регламента не уточняется (п. 9 и 10).

Пункт 11 Регламента исключает из сферы своего действия «услуги и иные виды деятельности», осуществляемые во исполнение государственных полномочий государств – участников СПЗКВ их носителями. Причем к этой категории относятся и виды деятельности, осуществляемой не с целью извлечения прибыли и при отсутствии конкуренции со стороны других хозяйствующих субъектов.

Очевидно, данная норма призвана не допустить распространение льгот, защиты и гарантий, предусматриваемых СПЗКВ для иностранных инвесторов, на деятельность и имущество иностранных государств *iure imperii*, которая согласно положениям Федерального закона от 3 ноября 2015 г. № 297-ФЗ «О юрисдикционном иммунитете иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации» подпадает под действие юрисдикционного иммунитета, не может быть основанием для применения обеспечительных мер, предъявления исковых требований и исполнения судебного решения⁸⁹⁷.

Вместе с тем потенциально данная норма может создать определенные препятствия иностранным инвестициям, осуществляемым юридическими лицами, являющимися в той или иной степени *alter ego* иностранного

⁸⁹⁶ Офшорным компаниям запрещено осуществлять предпринимательскую деятельность на территории государства их регистрации.

⁸⁹⁷ См. подробнее § 5.2 диссертационного исследования.

государства – очевидно, что, выполняя государственные функции, они не преследуют цель извлечения прибыли в качестве основной, и конкуренция в области осуществления властных полномочий отсутствует по определению⁸⁹⁸.

Поскольку процесс трансформации государства, в частности передача права на выполнение отдельных его функций (в том числе и нормотворческих) частным лицам, является глобальной тенденцией, получившей наименование «приватизация права»⁸⁹⁹, такого рода юридические лица будут все более распространенной категорией субъектов права – участников гражданского оборота.

Примером интеграционного объединения, предполагающего преимущество государственных инвестиций на территории иностранных

⁸⁹⁸ Например, государственные корпорации являются некоммерческими организациями, то есть не преследуют цель извлечения прибыли и выполняют функции *iure imperii*. Так, целями государственной корпорации ВЭБ.РФ согласно ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 17 мая 2007 г. № 82-ФЗ «О государственной корпорации развития "ВЭБ.РФ"» является содействие в обеспечении долгосрочного социально-экономического развития России, повышении качества жизни граждан и создании условий для устойчивого экономического роста, повышении эффективности инвестиционной деятельности, привлечении частных инвестиций в реализацию проектов на территории Российской Федерации и их защиты, расширении инвестирования средств в национальную экономику посредством реализации проектов на территории Российской Федерации и за рубежом, в том числе с участием иностранного капитала, направленных на развитие инфраструктуры, промышленности, инноваций, особых экономических зон, защиту окружающей среды, повышение энергоэффективности, поддержку экспорта и расширение доступа российской промышленной продукции (товаров, работ, услуг) на зарубежные рынки. Согласно п. 2.1 ст. 3 она исходит в своей деятельности из приоритетности достижения общественно полезных экономических и социальных целей развития, создания условий для решения социальных проблем граждан и общества. В соответствии с п. 4.1 ст. 3 ей предоставляется право осуществлять в соответствии с законодательством Российской Федерации и применимым законодательством иностранных государств управление имуществом, принадлежащим российским и иностранным лицам от имени собственника(ов) имущества (а также обладателя(ей) ограниченных вещных прав на него), критерии отнесения к которым определяются наблюдательным советом ВЭБ.РФ, в том числе совершать сделки, предусматривающие передачу ими в управление ВЭБ.РФ имущества. Пункт 5.1 ст. 3 уполномочивает ВЭБ.РФ на координацию деятельности институтов развития по вопросам, отнесенным вышеприведенной ч. 1 ст. 3 указанного федерального закона на основании решения Правительства РФ.

⁸⁹⁹ Эрво Л. Влияние религии на гражданский процесс: восточно-скандинавская перспектива // Вестник гражданского процесса. 2014. № 4. С. 34–48.

государств, является АЛБА (ALBA)⁹⁰⁰, членами которого являются Венесуэла, Куба, Боливия, Никарагуа и ряд государств Карибского бассейна. В учредительных документах АЛБА специально подчеркивается его некоммерческий характер, его принципиальное неприятие меркантилизма и эгоистических интересов.

Так, Согласно ст. 1 Соглашения о применении АЛБА (Acuerdo para la aplicación del ALBA) от 14 декабря 2004 г. торговля и инвестиции должны выступать в качестве инструментов справедливого и устойчивого развития, истинная латиноамериканская и карибская интеграция не может быть ни «слепой дочерью рынка», ни простой стратегией расширения внешних рынков или стимулятором торговли, а интеграция требует эффективного участия государства в качестве регулятора и координатора экономической деятельности. Статьей 6 устанавливается национальный режим государственных инвестиций, предоставляемый государствами-участниками друг другу. В соответствии с данным Соглашением была создана программа «Петрокарибе», которая призвана способствовать преобразованию латиноамериканского и карибского общества в направлении создания более справедливых, образованных солидарных и социально активных (испанск. Participativas) обществ, ликвидации социальных диспропорций, повышения качества жизни населения.

В Преамбуле Соглашения об энергетическом сотрудничестве о создании Петрокарибе (Acuerdo de cooperación energética para la creación de PETROCARIBE) от 29 июня 2005 г. она прямо определена как орган, проводящий в жизнь энергетическую политику и планы, направленные на интеграцию карибских народов путем суверенного использования своих природных энергетических ресурсов к прямой выгоде народов этих государств.

⁹⁰⁰ Боливарианский альянс для народов нашей Америки – Торговый договор народов» (исп. Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América – Tratado de Comercio de los Pueblos, ALBA-TCP) (Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América).

Пункт 11 Регламента распространяется исключительно на деятельность носителей государственно-властных полномочий иностранных государств, но не на объекты гражданских прав, которые также пользуются юрисдикционным иммунитетом.

При этом СПЗКВ, заключенные Россией с иностранными государствами, относят к капиталовложениям именно «имущественные ценности», вложенные инвестором одного государства на территории другого в соответствии с законодательством государства-реципиента. Перечень имущественных ценностей данного СПЗКВ, раскрывающий объем понятия «капиталовложения» в смысле данного СПЗКВ, несмотря на то, что, по мнению И.О. Хлестовой, понятие инвестиций в современных СПЗКВ расширилось⁹⁰¹, также не содержит указаний на услуги и какие-либо другие виды деятельности⁹⁰².

По мнению А.Г. Богатырева, сфера территориального применения СПЗКВ распространяется на территорию договаривающихся государств, тогда как Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. вводит кроме понятия института территориальных вод и понятие таких институтов, как «исключительная экономическая зона» и «континентальный шельф», на основании чего исследователь приходит к выводу о том, что сфера применения СПЗКВ распространяется на территорию договаривающихся государств и на подобные морские пространства этих прибрежных государств⁹⁰³. Мы не вполне согласны с данным выводом, поскольку Конституция РФ (ч. 1 и 2 ст. 67) не включает ни континентальный шельф, ни исключительную экономическую зону в состав территории России, указывая

⁹⁰¹ См.: Хлестова И.О. Международно-правовые договоры о защите иностранного инвестора // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 4. С. 99–105.

⁹⁰² См.: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Государства Палестина о поощрении и взаимной защите капиталовложений (подписано в г. Иерихоне 11 ноября 2016 г.) // СЗ РФ. 2018. № 2. Ст. 406.

⁹⁰³ См.: Богатырев А.Г. Проблема соотношения источников в современном международном инвестиционном праве // Современный юрист. 2012. № 1. С. 109–134.

лишь на осуществление Россией суверенных прав и юрисдикции на этих территориях⁹⁰⁴.

Конвенция о защите прав и основных свобод человека, подписанная 4 ноября 1950 г. и вступившая в юридическую силу в 1953 г.⁹⁰⁵, учредила механизмы защиты от насилия и механизм принуждения государств к соблюдению данной Конвенции. Элементами данной системы защиты стали: Европейская комиссия по правам человека (the European Commission of Human Rights (далее – ЕКПЧ)), Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) и Комитет министров Совета Европы. С вступлением в юридическую силу Протокола от 1 ноября 1998 г. № 11 два первых учреждения объединились в Европейский Суд по правам человека, в который напрямую могут обращаться частные лица, а также государства с жалобами на нарушение гражданских и политических прав и свобод, защищаемых Конвенцией. Это слияние устранило своеобразный «фильтр» Комиссии, которая ранее могла не пропустить жалобу в Суд.

Постановления ЕСПЧ в течение длительного времени являлись достаточно значимым фактором развития российского права. Хрестоматийный пример – расширительная трактовка ЕСПЧ понятия «государство», включающая в него органы местного самоуправления и государственные учреждения, формально не являющиеся согласно нормам национального законодательства органами государственной власти (как, например, Бюро технической инвентаризации (БТИ))⁹⁰⁶.

⁹⁰⁴ Именно по этой причине согласно п. 5 Регламента заключения международных договоров Российской Федерации по вопросам поощрения и защиты инвестиций договор должен применяться ко всей территории каждой из сторон договора, а также к ее исключительной экономической зоне и континентальному шельфу.

⁹⁰⁵ СЗ РФ. 1998. № 20. Ст. 2143. (Документ прекратил действие в отношении России с 16 марта 2022 г.).

⁹⁰⁶ См.: «Галина Петровна Герасимова против Российской Федерации», решение Европейской комиссии от 14 декабря 1988 г. по делу «Ротентурм Коммюн против Швейцарии», жалоба № 13252/87; решение Европейской комиссии от 7 января 1991 г. по делу «Аюнтамьенто де Х. против Испании», жалоба № 15090/89 // Decisions and Reports (DR) 59. P. 251. В международном праве термин «государственная организация» не сводится только к центральным органам власти. В тех случаях, когда государственная

Несмотря на утрату ЕСПЧ своей юрисдикции в отношении России и на то, что его решения более не являются основаниями для пересмотра судебных решений, его новые постановления представляют собой научный интерес⁹⁰⁷. Кроме того, следует отметить, что решения ЕСПЧ по-прежнему обязательны для ряда иностранных государств, право которых продолжает применяться российскими судами и форумами международного коммерческого арбитража в соответствии с положениями разд. VI части третьей ГК РФ и других коллизионных норм российского законодательства (СК РФ, КТМ РФ). Между тем согласно ч. 1 ст. 1191 ГК РФ иностранное право применяется судами так, как у себя на родине, то есть в соответствии с официальным толкованием, практикой применения и доктриной в соответствующем иностранном государстве. Суд ЕС (The European Court of Justice) признал принцип права на имущество неотъемлемой частью европейского права⁹⁰⁸. Таким образом, несмотря на утрату юридической силы на территории Российской Федерации, постановления ЕСПЧ должны учитываться при применении норм права иностранных государств – членов Совета Европы.

Отметим, что положение постановлений ЕСПЧ в иерархии источников права различных государств – членов Совета Европы различается существенно, что само по себе предполагает различное решение того или иного вопроса в зависимости от того, правопорядок какого государства подлежит применению. Следует обратить также внимание на то, что постановления ЕСПЧ выполняют функцию модели для преобразования норм национального права. Типичный пример – расширительное понимание ЕСПЧ термина «имущество» (property, possessions), юридическое содержание которого в национальном законодательстве государств – участников

власть децентрализована, указанное понятие распространяется на любой национальный орган власти, осуществляющий публичные функции (см., например, решение Европейской комиссии по делу «Аюнтамьенто де Х. против Испании»).

⁹⁰⁸ ECJ 13 Dec. 1979, Case C-44/79 Hauer v. Land Rheinland-Pfalz.

Европейской конвенции по правам человека серьезно варьируется. Именно по этой причине катализатором процесса его унификации и гармонизации стала именно практика ЕСПЧ⁹⁰⁹.

Согласно Протоколу № 1 к ст. 1 Конвенции каждое лицо вправе беспрепятственно пользоваться своим имуществом. Никто не может быть лишен его, кроме как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права. Это не означает отсутствия у государства права обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием имущества в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов, других сборов или штрафов. Как указал ЕСПЧ в постановлении по делу *Pye v. Graham* (2002), его задачей является не привлечение к прямой ответственности государств за тот или иной законный или подзаконный акт, а скорее исследование его косвенной ответственности за законодательство, которое реализуется в результате взаимодействия частных лиц⁹¹⁰.

Статья 1 Конвенции, посвященная защите права собственности, к которой и принят Протокол № 1, предусматривает право на мирное использование любого имущества, находящегося во владении у лица. В соответствии с данными положениями запрещено лишение лица имущества, кроме случаев публичного интереса и при соблюдении условий, предусмотренных национальным законом и общими принципами международного права. Однако бесспорны права суверенного государства применять в принудительном порядке такие законы, если это будет необходимо для контроля за использованием имущества в соответствии с

⁹⁰⁹ Европейская комиссия по правам человека (ЕКПЧ) в ее первоначальной редакции не содержала норм, направленных на защиту права собственности именно потому, что государства – члены Совета Европы «...имели в тот период достаточно дифференцированные представления об объеме понятия собственности и способах его регулирования» (Нешатаева Т.Н. Уроки судебной практики о правах человека: европейский и российский опыт. М., 2007).

⁹¹⁰ ECtHR 30 Aug. 2007, n. 44302/02 *Pye (Oxford) Ltd. v. Graham*, sec. 57.

общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или иных обязательных платежей или штрафов.

С точки зрения указанной нормы концепция имущества «имеет автономное значение» в том смысле, что не зависит от того, каков объем этого понятия в национальном законодательстве государства-члена.

Содержание Протокола № 1 к ст. 1 Конвенции и практики ЕСПЧ по его применению стало предметом дискуссии между двумя группами российских ученых-юристов. Т.Н. Нешатаева и В.В. Старженецкий указывают на автономную концепцию права собственности, тогда как М.А. Рожкова и В.В. Туманов полагают, что данная норма направлена на объект гражданских прав – понятие имущества.

Т.Н. Нешатаева указывает на то, что ст. 1 Протокола № 1 к ЕКПЧ гарантирует каждому право на уважение имущественных прав⁹¹¹, что, по мнению Л.А. Терских, является аргументом в пользу автономной концепции права собственности, а не его объекта⁹¹².

М.А. Рожкова обратила внимание на неточность русского перевода термина “property”, что повлекло за собой неверную интерпретацию ст. 1 Протокола № 1 к ЕКПЧ – его сфера действия *in rem* сводилась к имуществу, находящемуся у лица на праве собственности⁹¹³. Л.А. Терских указывает на то, что устоявшимся вариантом перевода термина “property” является слово «собственность», делая оговорку в отношении стран англо-саксонского права⁹¹⁴, что неожиданно, учитывая, что основным государственным языком практически всех стран англосаксонского права является английский,

⁹¹¹ См.: Нешатаева Т.Н. Указ. соч. С. 183

⁹¹² См.: Терских Л.А. Подход Европейского Суда по правам человека к понятию права собственности // Вопросы российской юстиции. 2020. № 5. С. 162–170.

⁹¹³ См.: Рожкова М.А. К вопросу о понятии «собственность» в Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике Европейского Суда по правам человека // Журнал российского права. 2006. № 12. С. 61–62.

⁹¹⁴ См.: Терских Л.А. Указ соч. С. 165.

поэтому относительно перевода термина “property” представляется логичным именно противоположный вывод⁹¹⁵.

Как подчеркивает Л.А. Терских, ЕКПЧ направлена на защиту прав, а не их объектов⁹¹⁶. Действительно защита объектов гражданских прав не является задачей ЕКПЧ, однако в данном случае речь идет не о правах лиц на реализацию определенной линии поведения, а о правах именно на объекты. Представляется логичным определение ЕСПЧ объема данных прав путем установления юридических границ: а) прав лица (лиц) на отдельно взятый объект гражданских прав; б) самого объекта, на который его правообладатели имеют имущественные права в рамках автономной квалификации. Безусловно, что имущественное право является объектом. Л.А. Терских оговаривается исходя из практики ЕСПЧ, действительно ЕСПЧ говорит не об автономной концепции права собственности, а об автономной концепции имущества⁹¹⁷.

В.В. Старженецкий рассматривает две основные концепции права собственности – вещно-правовую и ценностную. Если первая направлена на материальные объекты, то вторая – на все оборотоспособные объекты, обладающие определенными признаками⁹¹⁸. Т.Н. Нешатаева указывает, что объектом права собственности могут быть все оборотоспособные объекты экономических отношений⁹¹⁹. На первый взгляд данная интерпретация ценностной концепции не учитывает существования исключительно государственной собственности на определенные объекты, оборотоспособность которых ограничена. Представляется, что Т.Н.

⁹¹⁵ Например, в DCFR термин «имущество» означает любые объекты, которыми можно обладать на наиболее полном праве: это может быть движимое и недвижимое, телесное и бестелесное имущество (см. Приложение к DFDS). Тогда как "ownership of goods" в терминологии DFDS это право собственности на вещи (ст. VIII.-1:101)

⁹¹⁶ См.: Терских Л.А. Указ. соч.

⁹¹⁷ Там же.

⁹¹⁸ См.: Старженецкий В.В. Соотношение международного (европейского) и российского правового регулирования института собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

⁹¹⁹ См.: Нешатаева Т.Н. Указ. соч.

Нешатаева имеет в виду не юридическую, а фактическую оборотоспособность. Л.А. Терских, основываясь на данных воззрениях, приходит к выводу о том, что ЕСПЧ ориентируется именно на ценностную концепцию права собственности. Таким образом, Л.А. Терских приходит в сущности к тому же выводу, что М.А. Рожкова.

По нашему мнению, при ограничении действия ст. 1 Протокола № 1 к ЕКПЧ отношениями неопределенного круга лиц исключительно с собственником имущества не учитывается, что российское гражданское законодательство (ст. 128 ГК РФ) рассматривает имущественные права именно в качестве объектов гражданских прав.

Право собственности действительно защищается нормой абзаца 1 ст. 1 Протокола № 1 к ЕКПЧ в силу принципа *a fortiori* – очевидно, что каждый имеет право пользоваться имуществом, принадлежащим ему на любом праве, которое позволяет основательно считать имущество своим, как это предусмотрено абзаце 1 ст. 1 Протокола № 1 к ЕКПЧ. Поскольку право собственности является правом, предоставляющим его обладателю максимальную полноту власти над объектом гражданских прав, постольку право пользования объектом, предоставленное обладателю вообще любого права на него, принадлежит и обладателю права собственности.

В деле «Бывший король Греции и другие члены его семьи против Греции» (*Former King of Greece & others v. Greece* (2003)) ЕСПЧ пришел к выводу, что понятие «имущество» в том смысле, в каком оно закреплено в п. 1 ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, имеет независимое от официальной классификации во внутригосударственном праве содержание.

В деле «Йонерилдыз против Турции» ЕСПЧ признал имуществом незаконно построенную и незарегистрированную постройку на том основании, что органы государственной власти не сносили ее, несмотря на ее незаконный характер, что, по мнению суда, указывало на признание ее имуществом.

По результатам рассмотрения спора «Агротексим» и другие против Греции» от 24 октября 1995 г. (жалоба № 14807/89) сформулировано правило о том, что обладатели корпоративных прав на имущество юридического лица не имеют права требовать возмещения ущерба, причиненного соответствующему юридическому лицу, за исключением случаев, когда это юридическое лицо уже не имеет возможности заявить свои требования самостоятельно.

В решении по делу «ОАО «Нефтяная компания "Юкос" (ОАО Neftyanaya Kompaniya "Yukos") против Российской Федерации» (жалоба № 14902/04)⁹²⁰ ЕСПЧ признал имуществом «инфляционные потери» акционеров данной нефтяной компании.

В решении ЕСПЧ по делу “*James v. United Kingdom*”⁹²¹ наследный владелец большинства домов на территории элитных районов Лондона занимал позицию, согласно которой право арендаторов приобретать арендуемое ими имущество у его собственников противоречит ст. 1 Протокола № 1 ЕКПЧ. Суд указал, что Акт о реформе аренды имущества (Leasehold Reform Act) 1967 г.⁹²², разрешающий арендаторам недвижимого имущества приобретать арендуемое имущество у собственников, находится в полной компетенции государства – участника ЕКПЧ, соответственно, данное право не может быть нарушением Конвенции, поскольку принятие данного Акта полностью находится в компетенции государства – участника. Суд указал, что, несмотря на то, что «лишение имущества, произведенное ни по какой другой причине, кроме как для получения частной выгоды частным лицом, не может быть истолковано как произведенное “в интересах общества”», и, следовательно, это противоречило бы фундаментальному принципу защиты – «изъятие имущества, тем не менее, осуществляемое в соответствии с законной социальной, экономической или иной политикой,

⁹²⁰ Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2014. № 4(04).

⁹²¹ [1986] ECHR 2.

⁹²² 1967 Chapter 88.

может быть "в интересах общества", даже если общество в целом не имеет полномочий владеть и пользоваться этим имуществом».

В деле "Kresimir Strunjak v. Croatia" от 5 октября 2000 г. (жалоба № 46934/99) ЕСПЧ отверг существование в рамках ЕКПЧ права арендатора на приобретение в будущем права собственности на арендуемое им имущество (безотносительно того, ожидает ли арендатор автоматического перехода права собственности или права приобрести его в собственность возмездно).

Суд в деле "Stec and others v. the United Kingdom" (2006) сформулировал принцип юридического соотношения полномочий суверенных государств и международных судебных учреждений по вопросам защиты права собственности: «Ввиду их непосредственной осведомленности об обществе и его потребностях органы национальной власти находятся в лучшем положении, нежели судьи международного суда в области определения содержания понятия "публичный интерес", а Суд, как правило, уважает политический выбор законодательного органа, если только этот выбор не является откровенно лишенным разумного обоснования.

Английский прецедент "Ghaidan v. Godin-Mendoza" (2004)⁹²³ содержит следующее толкование, данное Палатой лордов ст. 14 и 8 ЕКПЧ: данные статьи имеют также «горизонтальный» смысл, поскольку применимы в том числе в имущественных отношениях, возникающих между частными лицами, тогда как до этого эти статьи понимались исключительно как применимые к отношениям между государством и частным лицом.

В деле «Гладышев против России» (жалоба №7097/10 от 6 декабря 2011 г.) ЕСПЧ указал на то, что оспариваемое имущество являлось «владением» заявительницы по смыслу ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции, а решение об изъятии имущества в пользу государства (его ЕСПЧ признал

⁹²³ 4 All ER 1162.

правомерным) являлось вмешательством в ее право на пользование этим имуществом.

Также ЕСПЧ затронул вопрос о выплате компенсаций за принудительно изымаемое имущество. С точки зрения ЕСПЧ, Протокол № 1 к ст. 1 Европейской конвенции не создает особого стандарта компенсаций.

Общим принципом компенсации собственнику изымаемого государством имущества является то, что сумма выплаты должна быть разумно связана с ценностью имущества, что, однако, не гарантирует полную компенсацию во всех случаях и обстоятельствах, поскольку «законодательно установленные цели, составляющие “публичный интерес”, такие как экономическая реформа или меры, направленные на достижение большей социальной справедливости, могут устанавливать и правило о меньшей, нежели полная компенсации, рыночной стоимости»⁹²⁴.

Имуществом в практике ЕСПЧ являются в том числе права требования или законные ожидания использования имущества. Эта позиция ЕСПЧ нашла отражение в делах «Салиева против России» (2013), «Юрий Лобанов против России» (2012), «Тронин против России» (2010), «Андреева против России» (2012), «Фомин и другие против России» (2013).

В деле “Müller v. Austria” (1975) ЕСПЧ, отказав заявителю, указал, что ст. 1 Протокола № 1 ЕКПЧ гарантирует лицу право на извлечение выгод и иных преимуществ, но она не может толковаться как гарантирующая лицу определенную сумму денежных средств.

В деле “Poiss v. Austria” (1987)⁹²⁵ ЕСПЧ указал, что национализацией можно считать исключительно определенное и полное лишение права собственности на имущество. В случаях, когда права лица на имущество не исчезли полностью, а лишь подверглись определенному сокращению, ситуация не является необратимой, как в деле “Prötsch v. Austria” (1996).

⁹²⁴ Lithgow v UK (1986) 3 EHRR 329, 371. See also James v. UK (1986) 8 EHRR 123 (an unsuccessful attempt to challenge the valuation provisions of the Leasehold Reform Act 1967, as contrary to Art 1 of Protocol 1.

⁹²⁵ Eur. Ct.H.R. (ser. A)84, 108 (198).

Суть дела состоит в следующем: семья Протц обратилась к Комиссии 12 июня 1989 г. с заявлением о нарушении ст. 1 Протокола № 1, выразившемся в невозможности получить компенсацию за временные лишения, которые они испытывали в связи с процедурой консолидации сельскохозяйственных земель. Кроме того, заявители указали в соответствии со ст. 6 ЕКПЧ, что Совет Австрии по вопросам земельной реформы действовал в отношении них пристрастно. В результате временных переходных мер они были наделены земельным участком меньшей себестоимости по сравнению с тем, которым владели ранее, в результате чего потери составили 30 тыс. австрийских шиллингов в год, что за семь лет составило 210 тыс. австрийских шиллингов. При этом в указанный период законодательство не предусматривало финансовой компенсации за ущерб – они были представлены в парламент в это время, но вступили в юридическую силу лишь 1 января 1994 г., то есть фактическая ситуация идентична сложившейся в деле “*Poiss v. Austria*”, где Суд удовлетворил требования заявителей. Однако состав суда пришел к выводу о том, что передача земельного участка, законность которой оспаривали заявители, не может составлять по сути своего временного характера «лишение имущества» по смыслу второго предложения абз. 1 ст. 1. Эта предварительная передача была в основном предназначена не для ограничения или контроля «использования» земли (п. 2 ст. 1), а для скорейшей реструктуризации района и консолидации земель с целью улучшения рационального земледелия «временными собственниками». В результате Суд отказался удовлетворить требования заявителей.

В понимании ЕСПЧ в объем понятия «имущество» (ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции) входят не только материальное имущество или активы, но и экономические интересы; частноправовые соглашения, имеющие денежную оценку; права требования к государству и публично-правовые по

своему характеру выплаты – пособия, пенсии и т.д.⁹²⁶ Столь же расширительно ЕСПЧ подходит к понятиям «государство» и «собственность», что представляется значимым для диссертационного исследования.

Понятие «законное ожидание» в контексте ст. 1 Протокола № 1 первоначально было использовано ЕСПЧ в постановлении по делу “Pine Valley Developments Ltd. and others v. Ireland” от 29 ноября 1991 г.⁹²⁷

В решении от 9 декабря 1994 г. по делу “Stran Greek Refineries and Stratis Andreadis v. Greece”⁹²⁸ ЕСПЧ отождествил с правами ожидания арбитражное решение. Правительство Греции утверждало, что арбитражное решение в пользу компании Stran Greek Refineries and Stratis Andreadis нельзя рассматривать в качестве имущественного права, однако Суд пришел к противоположным выводам. В деле “Presses Compañía Naviera S.A. and others v. Belgium” от 20 ноября 1995 г. суть спора состояла в признании требования о возмещении ущерба имущественным активом.

Унификация правового режима имущества как объекта гражданских прав ограничивается закреплением полярных относительно друг друга принципов – принципа неприкосновенности имущества (п. 1 ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ETS N 9) от 20 марта 1952 г. и принципа суверенного права государств выбирать свою экономическую систему, осуществлять полный постоянный суверенитет над

⁹²⁶ Eide Asbjorn, Alfredsson Gudmundur. The Universal Declaration of Human Rights: a common standard of achievement. Martinus Nijhoff Publishers. 1999. P. 367.

⁹²⁷ В указанном деле Суд счел, что «законное ожидание» возникло, когда компании было выдано разрешение на проведение планировочных работ, основываясь на котором она приобрела в собственность землю для указанных целей. Разрешение на проведение планировочных работ, которое не могло быть отменено по инициативе официальных властей, являлось, по мнению ЕСПЧ, «составной частью собственности компании» (см.: Кириенков П.В. Защита права собственности по европейскому праву: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 59.

⁹²⁸ Интернет-сайт О. Анщика о подаче жалоб против России в ЕСПЧ. URL: <http://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/grecheskie-neftepererabatyvayushhie-zavody-stren-i-stratis-andreadis-protiv-grecii-postanovlenie-evropejskogo-suda>.

всеми своими богатствами и экономической деятельностью, включая право на владение объектами гражданских прав, их использование и эксплуатацию (ст. 1 и 2 Хартии экономических прав и обязанностей государств от 12 декабря 1974 г.⁹²⁹).

В связи с этим существенную роль играют, по выражению К. Томушата, условно вспомогательные источники международного права⁹³⁰. К неформальным источникам М.П. Шестакова относит типовые общие условия, своды единообразных принципов и правил договорного права, регламенты, типовые контракты, международные торговые обычаи и обыкновения и др.⁹³¹

Самым обширным по кругу регулируемых отношений и детально разработанным актом частноправовой унификации являются Модельные правила европейского частного права (далее – DCFR). Являясь плодом юридической науки, они представляют собой, по утверждению ряда исследователей, проект европейского гражданского кодекса⁹³². Их неформальное влияние обусловлено тем, что они были разработаны выдающимися учеными-юристами, которые, сотрудничая друг с другом в рабочих группах и консультативных советах с коллегами, профессионально развивавшимися и практикующими в разных правовых системах, были вынуждены пересматривать свои правовые убеждения. Впрочем Дж. Греттон менее сдержанно оценивает роль, которую данный документ сыграл в унификации частного права⁹³³.

⁹²⁹ См.: Действующее международное право. М., 1997. Т. 3. С. 135–145.

⁹³⁰ См.: The Statute of the International Court of Justice: A Commentary / ed. by A. Zimmermann, C. Tomuschat, K. Oellers-Frahm, C.J. Tams. P. 853–854; Shahabuddeen M. Precedent in the WorldCourt. Cambridge; New York: Cambridge University Press. 1996. P. 76–83.

⁹³¹ См.: Шестакова М.П. О неформальных источниках регулирования внешнеэкономических отношений // Международное публичное и частное право. 2019. № 6. С. 31–35.

⁹³² См.: Подшивалов Т.П. Систематизация вещных исков в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2022. № 5. С. 85–118.

⁹³³ См.: Ефремов Е., Путинцева А. Интервью Джорджа Греттона // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 194–210.

DCFR направлены прежде всего на регулирование отношений, связанных с договорами и другими юридически значимыми действиями, договорными и внедоговорными правами и обязанностями с соответствующими имущественными отношениями (Книга I – 1:101:I). Прямо исключены из сферы их регулирования отношения собственности на недвижимое имущество или обеспечительных прав на него, а также корпоративные отношения, причем независимо от наличия у образования статуса юридического лица (п. «f» и «g» Книги I.–1:101:2), то есть такие объекты гражданских прав, как права корпоративного участия и права участия в простом товариществе, находятся вне зоны регулирования DCFR.

Тем не менее в отношении остальных объектов гражданских прав DCFR устанавливают определенный правовой режим.

Книга VIII DCFR содержит общее правило оборотоспособности вещей за изъятиями, предусмотренными исключительно законом. Это правило сформулировано как императивная норма – оно превалирует над автономией воли сторон гражданского правоотношения: гражданско-правовые сделки, будь то договор или односторонняя сделка, не могут запретить или ограничить оборотоспособность вещей.

Система объектов гражданских прав, созданная DCFR, выглядит следующим образом: определения, содержащиеся в Приложении (Annex) 1, применимы к любой части DCFR по умолчанию или если из их контекста не следует иное⁹³⁴.

Общим является понятие «активы», которое в смысле DCFR включает в себя все, что имеет экономическую ценность, в том числе имущество,

⁹³⁴ Principles, Definitions And Model Rules Of European Private Law Draft Common Frame of Reference (DCFR) Articles and Comments [Interim Edition, to be completed] Prepared by the Study Group on a European Civil Code and the Research Group on the Existing EC Private Law (Acquis Group) Based in part on a revised version of the Principles of European Contract Law edited by C. von Bar, E. Clive, H. Schulte-Nölke, H. Beale, J. Herre, J. Huet, P. Schlechtriem, M. Storme, S. Swann, P. Varul, A. Veneziano and F. Zoll. P. 3.

права, имеющие денежную оценку, и деловая репутация⁹³⁵. Имущество – любые объекты, которыми можно обладать на наиболее полном праве. Это может быть движимое и недвижимое, телесное и бестелесное имущество. Термин «вещи» согласно Книге VIII–1:201 DCFR означает телесные движимости. В это понятие включаются водные и воздушные суда, космические объекты, животные, жидкости и газы. Отношения, возникающие по поводу электрической энергии, находятся вне сферы действия DCFR (п. «b» ч. 4 ст. Книги VIII–1:101 DCFR). Энергия в отличие от энергоносителей также не рассматривается DCFR в качестве вещи.

§ 2. Общие черты и специфика правового режима объектов гражданских прав в государствах континентально-правовой системы

Практическая роль дискуссий о правовом статусе объектов гражданских прав достаточно очевидна – несомненна истинность высказывания Аристотеля о том, что корень истинного благосостояния состоит не в собственности, но в пользовании благами. Во всем мире развивается шеринговая экономика как форма поведения потребителей. Одной из форм разделения функций собственника и управления является делегирование собственником имущества своих прав пользователям. В эту сферу попадает достаточно широкий круг отношений – от аренды до доверительного управления (или доверительной собственности). Между собственником имущества и неопределенным кругом лиц возникает существенное количество субъектов, обладающих разнообразными полномочиями и правами по отношению к имуществу.

⁹³⁵ В опубликованном в СПС «КонсультантПлюс» переводе содержится также указание на «клиентеллу», что не соответствует действительности (см.: Модельные правила европейского частного права / пер. с англ.; науч. ред. Н.Ю. Рассказова. М., 2013).

Международное право создается прежде всего государствами⁹³⁶. В настоящее время роль правопорядков стран – членов ЕС как недружественных России государств для российской юридической науки несколько снизилась по сравнению с предыдущими периодами. Тем не менее именно частное право характеризуется особой ригидностью относительно изменившихся общественных отношений – политических, экономических, международных. Если праву в целом имманентна вторичность по отношению к регулируемым им отношениям, то частное право, предметом которого являются отношения невластного характера, подвергается изменениям уже во вторую очередь⁹³⁷. Не являются исключением и правовые системы недружественных России государств.

На территории государств – членов ЕС или в их юрисдикции находится ряд объектов гражданских прав, принадлежащих субъектам российского права. Субъект права, подконтрольный в той или иной правовой форме субъектам права государства – члена ЕС, будет как минимум учитывать нормы законодательства этого государства, а не только законодательства государства его регистрации и фактического места деятельности⁹³⁸, что очевидно повлияет на его способность заключать сделки, предметом которых будут являться имущественные отношения с объектами, имущественные права на которые принадлежат субъектам российского права. К тому же представляется недальновидным игнорировать тот факт, что нормы *lex mercatoria* (например, Инкотермс и Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА) разработаны в том числе на основе права недружественных государств. Не является исключением и национальное

⁹³⁶ Лишь некоторые международные организации из числа субъектов международного права в состоянии создавать нормы международного права.

⁹³⁷ Так, после победы Октябрьской революции Основы гражданского законодательства Союза ССР 1991 г. действовали до 2002 г. В качестве современного примера можно привести развитие права ЕАЭС, которое на данном этапе состоит из публичного права.

⁹³⁸ См.: Современная концепция взаимодействия международного и внутригосударственного права / А.Я. Капустин, В.Р. Авхадеев, Г.М. Азнагулова и др. М., 2023.

законодательство государств, с которыми Россия поддерживает дружеские отношения⁹³⁹. Таким образом, политическая позиция того или иного государства играет незначительную роль для сравнительно-правового исследования. По мнению Э. Фромма, вся история человечества – это история конфликта и разлада⁹⁴⁰. Напротив, нам представляется, что состояние межгосударственного конфликта, последствия которого распространяются на частных лиц, определенно делает правовые нормы соответствующего государства крайне востребованными для исследователей. Именно они будут либо основным средством разрешения конфликтов между частными лицами и государством, либо объектом посягательства в том случае, если государство, будучи участником конфликта, решит нарушить эти нормы. Именно такая ситуация сложилась в ряде государств – членов ЕС, где осуществляется присвоение активов⁹⁴¹ не только Российской Федерации, но и российских граждан, а также граждан и юридических лиц, имеющих юридическую связь с Российской Федерацией в той или иной форме.

Нормы гражданского права Испании избраны диссертантом для исследования по следующим причинам: 1) Испания является ассиметричной федерацией⁹⁴²; 2) право Испании – типичный продукт развития романо-

⁹³⁹ См.: Конституции государств Африки и Океании / А.С. Автономов, А.М. Белялова, Н.М. Касаткина и др. Т. 4. М., 2021.

⁹⁴⁰ См.: Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990. С. 39.

⁹⁴¹ Автор диссертации намеренно употребляет юридически нейтральный термин «активы», поскольку в данную категорию входят как вещи, так и вещные и имущественные права, а также объекты, которые, обладая товарной ценностью, не попадают по российскому законодательству в юридический объем понятия «объекты гражданских прав», например доменные имена (см., например, Апелляционное определение Московского городского суда от 10 июля 2023 г. по делу № 33-30620/2023) и телефонные номера (постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 17 сентября 2021 г. № Ф04-3284/2021 по делу № А75-7664/2018), а также виртуальные объекты.

⁹⁴² В российской юридической литературе возник спор относительно истинного содержания Конституции Испании. А.А. Васяев характеризует государственный строй Испании как «сложную федерацию» (Васяев А.А. Адвокатура в правозащитной системе Российской Федерации: теория и практика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 59). А.Н. Латыев возражает ему: «...утверждение о том, что Испания, как и Россия, является сложной федерацией... прямо противоречит Конституции Испании, объявляющей Испанию унитарным государством». URL:

германской правовой семьи⁹⁴³; 3) правовая система Испании послужила моделью развития правовых систем государств Латинской Америки⁹⁴⁴; 4) в науке гражданского права Испании, так же как и в российской доктрине вещного права, идет дискуссия об открытом или закрытом перечне ограниченных вещных прав, причем в данный момент большинство исследователей склоняются к открытому характеру такого перечня⁹⁴⁵.

Так, профессор Университета короля Хуана Карлоса А. К. Эрнандес (Ana Crespo Hernández) дает следующий перечень вещных прав:

- права собственности и владения;
- другие вещные права пользования и наслаждения (узуфрукт или сервитут);
- вещные обеспечительные права (los derechos reales de garantía) (залога или ипотеки);

https://zakon.ru/blog/2023/10/05/poluchila_li_nauchnoe_obosnovanie_ideya_vvedeniya_advokatskoj_monopolii). На самом деле Конституция Испании не содержит такой нормы, а «конституционный запрет» в ст. 145.1 Конституции Испании, который очевидно имеет в виду А.Н. Латыев, сформулирован следующим образом: «Ни в каком случае федерация Автономных Сообществ не будет принята». Данная норма означает не что иное, как запрет регионов Испании на самостоятельное объединение друг с другом без участия органов центральной власти (см.: Rodríguez-Zapata y Pérez, J., “Comentario al artículo 145” en Comentarios a las leyes políticas (Alzaga, O. dir.). Tomo XI. Madrid, Edersa, 1988. P. 68; y Santolaya Machetti, P., Descentralización y cooperación. Madrid, Instituto de Estudios de Administración Local, 1984. P. 381). Эта дискуссия не была бы важна для данного исследования, если бы вещное право Испании не находилось частично в ведении Автономных Сообществ. Конституция Испании (ст. 149.1.8), относя гражданское законодательство к ведению центральной власти, содержит оговорку о том, что данное правило не должно пониматься в ущерб праву Автономных Сообществ. Следствием расширительного толкования данной нормы Конституции является существование Гражданского кодекса Каталонии, содержащего в том числе нормы о вещных правах.

⁹⁴³ Испанское право в своей основе – продукт не только римского частного права, но, как и российское право, в значительной степени связано с немецкой теорией права (см.: Albrecht Weber. El principio de estado de derecho como principio constitucional común europeo // Revista Española de Derecho Constitucional. 2008. No. 84. Septiembre–diciembre. P. 27–28.)

⁹⁴⁴ См.: Современные концепции верховенства права и правового государства: сравнительно-правовое исследование: монография / отв. ред. Т.Я. Хабриева, А.И. Ковлер. М., 2024. С. 315.

⁹⁴⁵ См.: Blanco A.E. (2019) Numerus clausus en materia de derechos reales: Alcances y efectos en los contratos // Derecho Y Ciencias Sociales, (№?) No. 20. P. 72–87; Goñi Rodríguez de Almeida M. Examen de la evolución jurisprudencial y doctrinal hacia la admisión de un numerus apertus en los derechosreales y su estrecha relación con el principio de especialidad // Revista Crítica de Derecho Inmobiliario. No. 693. Enero-febrero. 2006. P. 311–315.

– вещные права преимущественного приобретения (право преимущественной покупки или отзывает), при этом специально указывается на открытый характер данного перечня (*sin ánimo exhaustivo*)⁹⁴⁶.

Наконец, Испания является одним из государств, проводящих недружественную политику в отношении Российской Федерации, что неизбежно повлечет за собой проблемы владения, пользования и распоряжения находящимся на ее территории имуществом субъектов российского права.

Коллизионные нормы российского права формируют следующую модель определения права, применимого к имущественным отношениям: согласно ст. 1205 ГК РФ вещные права определяются по праву страны местонахождения в пределах, установленных ст. 1205.1 ГК РФ⁹⁴⁷; при этом п. 5 указанной статьи отсылает к праву страны местонахождения объекта гражданских прав, в том числе в вопросе о возникновении и прекращении вещных прав на него; в то же время коллизионная привязка ч. 1 ст. 1206 ГК РФ указывает на право страны, где это имущество находилось в момент появления основания для возникновения (прекращения) вещных прав на данный объект. Учитывая, во-первых, то, что данная норма применяется не только к вещам в пути, но и к любым видам имущества, и, во-вторых, то, что в современной ситуации даже недвижимое имущество может изменять государство местонахождения⁹⁴⁸, возникновение коллизий между этими нормами более чем вероятно. При этом и норма ст. 1205, и норма ст. 1206 ГК РФ являются бланкетными, что только увеличивает энтропию, разрешаемую

⁹⁴⁶ См.: С. Hernández A. Temario De Derecho Internacional Privado Apuntes de la asignatura Repositorio digital BURJC 2023. P. 183.

⁹⁴⁷ Хотя формулировка «в частности», используемая при перечислении видов отношений, входящих в сферу действия вещного статута, указывает на открытый перечень таких отношений.

⁹⁴⁸ См.: Берг Л.А. Международно-правовая характеристика интеграционных процессов в Северной Европе и их влияние на национальную безопасность России // Военное право. 2022. № 2 (72). С. 245–251.

скорее путем судебного усмотрения, нежели с помощью толкования норм законодательства.

Второй заслуживающий внимания вопрос – проблема конфликта вещного и договорного статутов. Оборотоспособность объектов вещных прав, содержание вещных прав (в том числе право их обладателей на их отчуждение или иное распоряжение ими или их частью), возникновение и прекращение, в том числе переход права собственности, являются сферой действия вещного статута, но при этом сам договор, на основе которого осуществляется отчуждение (распоряжение) имущества или права на него, основан на нормах частного права, определенного в соответствии с совершенно иными нормами. Во-первых, ч. 3 ст. 1206 ГК РФ в отношении движимого имущества дает возможность сторонам сделки по распоряжению вещью или вещными правами на нее подчинить возникновение и прекращение вещных прав на него избранному ими правопорядку без ущерба для прав третьих лиц. При этом избранное сторонами право действует, по выражению Н.Г. Вилковой, *inter partes*⁹⁴⁹, то есть регулирует отношения отчуждателя и получателя вещных прав, а права третьих лиц регулируются *lex rei sitae*⁹⁵⁰. Следует подчеркнуть, что речь в данном случае идет только о движимом имуществе и об определении моментов возникновения и прекращения вещных прав на него. Во-вторых, ст. 1210 ГК РФ дает сторонам имущественного правоотношения, опосредованного договором, возможность подчинить его любому правопорядку – причем как полностью, так и в части. Более того, отсутствие указания на применимое право, что может быть допущено сторонами и вполне сознательно, автоматически подчиняет договор праву продавца (арендодателя, подрядчика⁹⁵¹).

⁹⁴⁹ См.: Вилкова Н.Г. Право собственности в международном частном праве Российской Федерации // Международный коммерческий арбитраж и вопросы частного права: сборник статей / отв. ред. И.П. Грешников. М., 2015. С. 69.

⁹⁵⁰ Право, действующее на территории местонахождения вещи (лат.).

⁹⁵¹ Так, строительство усилиями российского застройщика на территории иностранного государства объекта инфраструктуры будет регулироваться договором подряда, стороны которого могут выбрать право Российской Федерации в качестве применимого права

Природа прав на имущество, ответ на вопрос о том, является ли тот или иной актив имуществом в собственном смысле этого слова⁹⁵², характеристика того или иного права в качестве вещного, а также определение имущества в качестве недвижимого подчиняются вещному статусу – праву места нахождения вещи.

Статья 333 Гражданского кодекса Испании⁹⁵³ охватывает как объекты вне оборота, так и находящиеся в обороте. Вещи, которые являются или могут быть объектом присвоения, рассматриваются как «имущества». Именно последние делятся на движимые и недвижимые. К последним закон, например, прямо относит в том числе вещные права на недвижимое имущество (§ 10 ч. 1 ст. 334 ГК Испании).

Статья 348 Гражданского кодекса Испании дает определение собственности как праву «наслаждаться⁹⁵⁴ и распоряжаться» вещами с ограничениями, установленными законами.

Считающаяся классической триада полномочий собственника в испанском вещном праве нашла отражение в форме не права, но полномочия действовать против физического обладателя и владельца вещи с тем, чтобы требовать ее передачи. Владение – физическое обладание вещью или правом, которое защищается законом и является юридическим фактом (имеет юридические последствия), и никто не может завладеть им силой, даже собственник⁹⁵⁵.

(подп. 5 п. 2 ст. 1211 ГК РФ). Лишь недействительность или отсутствие выбора применимого права подчиняют договор строительного подряда праву будущего местонахождения строящегося объекта (ч. 3 ст. 1211 ГК РФ). Однако для этого необходимо доказать, что результат подрядных работ создается на территории соответствующего государства.

⁹⁵² Например, отнесение тех или иных активов к категории имущества по российскому праву достаточно спорно, например, – криптовалюта как цифровое право сравнительно недавно стала объектом гражданских прав – ст. 128 ГК РФ отнесла ее не к имуществу, но к имущественным правам.

⁹⁵³ Gaceta de Madrid. Núm. 206, de 25/07/1889.

⁹⁵⁴ Перевод термина “gozar”, впрочем, несколько шире – «наслаждаться и использовать».

⁹⁵⁵ Lucas A. Esteve Posesión, detentación y tenencia. La posesión en el Código Civil de Cataluña // Revista Crítica de Derecho Inmobiliario. Núm. 757. Septiembre 2016. P. 2549–2598.

Владение, таким образом, это «вещное право, являющееся правом непосредственного владения или пользования, которое закон предоставляет на временно преобладающей основе тому, кто фактически владеет вещью, подчиненной действию его воли и независимо от существования вещного права, оправдывающего окончательное присвоение этой власти»⁹⁵⁶. По испанскому праву владение – фактическое обладание вещью, пользующееся юридической защитой. Собственник имеет право только истребовать ее через суд, но ни в коем случае не вправе возвращать вещь самостоятельно. Законность владения как фактического состояния в испанском праве презюмируется.

Собственность на имущество дает обладателю право следования на все, что они производят, и на то, что является его частью или входит в него как в силу естественных причин, так и искусственно.

Испанскому гражданскому праву знакомо также понятие “patrimonio” – совокупность имеющих экономическое содержание прав и обязательств, обладающая единым правовым режимом, например наследственная масса или имущество супругов⁹⁵⁷.

Как и российское гражданское законодательство, испанское право не содержит легального определения вещного права, что обуславливает определенную свободу толкования этого понятия представителям юридической науки.

⁹⁵⁶ Puig Peña F. Tratado de derecho civil español. Vol. 1. Madrid: Revista de Derecho Privado. 1972.

⁹⁵⁷ Российская судебная практика, напротив, исходит из того, что дебиторская задолженность не входит ни в состав имущества налогоплательщика, ни в состав имущественных прав (см. решение Верховного Суда РФ от 12 мая 2022 г. № АКПИ22-118 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании частично недействующими форм "Решение о принятии обеспечительных мер" и "Решение об отмене обеспечительных мер"», утвержденное приказом ФНС России от 7 ноября 2018 г. № ММВ-7-2/628@).

М. К. О'Каллахан (O'Callaghan) определяет вещное право как данную правом порядком непосредственную и абсолютную власть над вещью, которая подразумевает полное или частичное господство ее обладателя над ней⁹⁵⁸.

К. М. Диез Сото (Díez Soto) называет вещными те права, которые предоставляют их обладателю прямую и непосредственную власть над вещью, тогда как обязательства – над действиями или поведением другого субъекта права⁹⁵⁹. Эта власть противопоставлена неопределенному кругу лиц, а не конкретному лицу. Обладатель вещного права сохраняет свое право даже в случае смены собственника или владельца вещи.

Современная ситуация поставила под вопрос и принцип неприкосновенности собственности на территории недружественных государств. Если до этого развитие правового регулирования отношений собственника и неопределенного круга лиц шло в направлении обременения собственника все большим количеством обязанностей, то практика изъятия имущества (или их плодов) может стать уже качественно новым правовым явлением. Неприкосновенность имущества, принадлежащего государству, гарантирована в том числе его иммунитетом от юрисдикции судов иностранного государства. В связи с этим дискуссия об объектах гражданских прав приобретает практическую значимость: история юрисдикционного иммунитета иностранного государства, как и история многих правовых институтов, это история формирования исключений из общего принципа – доктрин ограниченного и функционального иммунитета. Юрисдикционный иммунитет государственных активов также испытывает воздействие конфликта вещных и обязательственных прав – судьям приходится отвечать, во-первых, на вопрос, является ли спорный объект гражданских прав имуществом согласно закону страны суда, а во-вторых, на вопрос о степени связанности того или иного имущества с государством.

⁹⁵⁸ См.: O'Callaghan M. X. (2016). *Compendio de Derecho civil. Tomo III. Derechos reales e hipotecario*. Madrid: Editorial Universitaria Ramón Areces.

⁹⁵⁹ См.: Díez Soto C. M. *Lecciones de introducción al derecho patrimonial* // Universidad Politécnica de Cartagena. Cartagena, 2017. P. 24, 85.

Очевидно, что государство может быть не только собственником имущества, но и носителем иных, ограниченных прав на него.

Если Федеральный закон от 3 ноября 2015 г. № 297-ФЗ «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и его собственности»⁹⁶⁰ направлен исключительно на имущество, находящееся в собственности иностранного государства, то Органический закон Испании от 26 октября 2015 г. № 1/2015 о привилегиях и иммунитетах иностранных государств, международных организаций, имеющих штаб-квартиру и офис на территории Испании, а также международных конференций и саммитов, проходящих в Испании (далее – Органический закон о привилегиях и иммунитетах иностранных государств, включает в сферу своего действия *in rem*⁹⁶¹ имущество иностранных государств (п. § «а» и «с» ст. 1) и международных организаций, имеющих штаб-квартиру или офис в Испании (п. «е» ст. 1) независимо от того, на каком имущественном или вещном праве они находятся. Статья 12 данного закона исключает из сферы действия юрисдикционного иммунитета споры, связанные с определением:

а) вещных прав на недвижимое имущество, находящееся на территории Испании, владение им и его использование иностранным государством в иной форме;

б) обязательств иностранного государства из вещных прав;

в) прав иностранного государства на имущество, приобретаемое путем наследования, завещания или иного правопреемства или пожертвования;

г) прав иностранного государства по управлению имуществом, находящимся в доверительном управлении или являющимся имуществом юридических лиц, находящихся в состоянии банкротства или ликвидации.

Статья 20 Органического закона о привилегиях и иммунитетах иностранных государств содержит специальное правило об имуществе, принадлежащем иностранному государству и предназначенном для

⁹⁶⁰ Российская газета. 2015. № 251.

⁹⁶¹ Действие в отношениях, складывающихся по поводу объектов (лат.).

использования в публичных некоммерческих целях, то есть об имуществе, априори подпадающем под действие юрисдикционного иммунитета.

Примечательно, что в этот перечень входит не только имущество, принадлежащее иностранному государству на праве собственности, но и то, над которым оно обладает «владением и контролем». В перечисляемых в данной статье категориях имущества особого внимания заслуживает то, что в п. «б» указано имущество государства «военной природы или используемое или же предназначенное для использования в военных целях». В связи с этим следует подчеркнуть, что непосредственным объектом антироссийских санкций ЕС являются именно продажи, поставки, перевозка или экспорт технологий и товаров двойного назначения⁹⁶² независимо от того, является ли местом его происхождения ЕС, любому лицу или органу в России или для использования в России (1,1а ст. 2)⁹⁶³.

Кроме того, исключения из данного правила именно касаются товаров и технологий, «предназначенных для использования в невоенных целях и для использования невоенным конечным потребителем» (п. 3 ст. 2). Представляется, что в практических целях необходимо использовать данное концептуальное противоречие национального правопорядка Испании об иммунитете государственного имущества военного назначения и используемого для военных целей и норм «коммунитарного права» ЕС о недопустимости оборота такого имущества.

Ранее мы указывали на органическую связь правовых систем Испании и государств Латинской Америки.

Ни Кодекс Бустаманте, ни международные конвенции, разработанные в рамках CIDIP (Специализированных межамериканских конференций по

⁹⁶² Товары и технологии двойного назначения (dual-use goods and technology) перечислены в приложении (Annex) I к Регламенту ЕС 2021/821.

⁹⁶³ Council Regulation (EU). No 833/2014 of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // OJ L 229 31.07.2014. P. 1.

международному частному праву⁹⁶⁴), являющиеся наиболее эффективным региональным механизмом унификации международного частного права на территории Латинской Америки, не выработали унифицированных норм права, относящихся к имуществу.

Аргентина первой среди государств Латинской Америки объединила гражданский и коммерческий кодексы в единый кодифицированный нормативный правовой акт – Гражданский и коммерческий кодекс (Código Civil y Comercial (CCyC) 2015 г. Лица обладают личными правами на блага, которые являются составной частью их имущества и потенциально обладают экономической ценностью. Вещами признаются только материальные блага. Положения о вещах применимы к энергии и природным силам, которые могут служить человеку (имеются в виду различные формы производства энергии – гидроэлектрическая, ветровая, ядерная, солнечная, тепловая и др.). Очевидно, что потенциальную экономическую ценность могут иметь и блага, которые не являются вещами.

Представляется, что указание Гражданского и коммерческого кодекса на возможность как юридическую категорию дает основание для расширительного толкования при юридической характеристике объекта материального мира в качестве объекта гражданских прав – в данном случае: а) благ; б) энергии и природных сил.

Аргентинская юридическая доктрина разделяет полезность и экономическую ценность (например, экономической ценности не имеют органы или генетический материал), а также другие ценности, принадлежащие сообществам (ст. 18) или составляющие категорию коллективных благ (окружающая среда).

Согласно положениям Гражданского и коммерческого кодекса Аргентины блага юридически делятся на четыре категории:

⁹⁶⁴ Las Conferencias Especializadas Interamericanas sobre Derecho Internacional Privado (CIDIP).

- а) индивидуальные права лиц на имущество, составляющее их имущество (ст. 15, 16, 225, 235 и последующие и ст. 1882 и последующие);
- б) индивидуальные права человека на свое тело (ст. 17);
- в) права сообществ на общинное имущество (ст. 18);
- г) права коллективного действия (ст. 14, 240, 241).

Права сообществ сводятся к правам сообщества коренных народов, населяющих территорию Аргентины. Они имеют право на владение и общинную собственность не только на земли, которые они традиционно занимают, но и на земли, пригодные и достаточные для человеческого развития.

Как указала Палата по административным спорам провинции Чако в решении по спору между сообществом Нуэва Помпея и др. и провинцией Чако и др., «очевидно, что земля, будучи далеко не только средством экономического производства для коренного населения Латинской Америки, представляет собой, прежде всего,местилище духовных, культурных и символических ценностей»⁹⁶⁵.

В решении по спору “Petrolera Piedra del Águila SA c/ Curruhuinca, Victorino y otros s/ Acción de amparo” от 26 февраля 2011 г. суд первой инстанции № 2 II судебного округа г. Кутраль-Ко указал на разницу между общинным владением коренными народами и индивидуальным владением – любое традиционное владение, принадлежность коренной общины должно рассматриваться как общинное владение, даже если ее члены сами не совершали посессорных действий. Конституция Аргентины указывает, что эти общины владели и законно владеют имуществом по той простой причине, что ранее существовало государство и сохранялись традиционные

⁹⁶⁵ Asociación Comunitaria de Nueva Pompeya; Asociación Comunitaria de Comandancia Frías y Asociación Comunitaria Nueva Población c/ Provincia del Chaco y/o Subsec. s/ acción de amparo colectivo de intereses difusos Sentencia Definitiva 06.06.2006. II-DCCXCII-77 fallo cit., Resulta V. Цит. по: Zimerman S. El derecho a la posesión y propiedad comunitaria de las tierras tradicionales indígenas. La jurisprudencia y la doctrina argentinas a casi veinte años de la Reforma // Derechos Humanos Año III. N° 5. Junio 2014. P. 17.

занятия⁹⁶⁶. М.А. Джелли (María Angélica Gelli) утверждает, что «совместное имущество неотчуждаемо, непередаваемо, необременяемо и не подлежит налогообложению, следует в русле принципов, закрепленных в Гражданском кодексе в отношении частной собственности, в целях содействия защите земли как объединяющего общество фактора»⁹⁶⁷.

Отнесение категории «права коллективного действия» к правам неопределенного круга лиц, противопоставляемым личным правам частного лица, делает права неопределенного круга лиц, противопоставленные частному лицу, объектом гражданских прав. Как указывает М.А. Джелли, «на них могут ссылаться субъекты, имеющие размытый, коллективный или общественный интерес»⁹⁶⁸.

Гражданский и коммерческий кодекс Аргентины разрешил проблему фигуры носителей публичного интереса, разделив интересы публичной власти и интересы неопределенного круга лиц. Статья 14 отказывает злоупотреблениям в праве на защиту, когда они направлены против права коллективного действия. Статья 240 обусловила реализацию прав на имущество совместимостью с правами коллективного действия – оно должно соответствовать нормам национального и местного административного права, продиктованным общественными интересами, и не должно влиять на функционирование или устойчивость экосистем флоры, фауны, биоразнообразия, воды, культурных ценностей, ландшафта и т.д.

Права неопределенного круга лиц, таким образом, отождествлены в юридическом смысле с объектами гражданских прав.

⁹⁶⁶ Juzg. de 1° Instancia N° 2 en lo Civ., Com., Especial de Procesos Ejecutivos, Laboral y de Minería de la II Circunscripción Judicial Cutral Có, “Petrolera Piedra del Águila SA c/ Curruhuinca, Victorino y otros s / Acción de amparo”, sentencia del 26/02/2011, consid. II.

⁹⁶⁷ Gelli, M., Constitución de la Nación Argentina: comentada y concordada. Bs. As., La Ley, 2004. P. 574.

⁹⁶⁸ Abidem. P. 43.

**§ 3. Объект гражданских прав как «иностранный элемент»
частноправовых отношений и определение применимого к ним
правопорядка**

Местонахождение объекта гражданских прав за границей является одним из немногих оснований для применения иностранного права, прямо закрепленных в положениях разд. VI части третьей ГК РФ (п. 1 ст. 1186).

Определение права, применимого на основании ст. 1205 и 1205.1 ГК РФ, распространяется на имущество в целом, то есть с учетом содержания ст. 128 ГК РФ действие этих коллизионных норм распространяется не только на вещи, но и на имущество, не относящееся к вещам, и на имущественные права, в том числе цифровые). Возникает проблема, состоящая в том, что имущественные права как разновидность имущества могут быть как вещными, так и обязательственными (в силу прямого указания ч. 1 ст. 141.1). Например, цифровые права в большинстве своем являются именно правами требования, поскольку предполагают не передачу вещей (иного имущества), выполнение работ или оказание услуг, но именно возможность заявления требований о передаче вещи (иного имущества), выполнении работ, оказании услуг. Отнесение и имущества, и имущественных прав в ст. 128 ГК РФ к одной категории (иное имущество) порождает таким образом проблему определения применимого права, определяющего правовой режим объектов гражданских прав.

Содержание прав на такие объекты устанавливается по праву страны их нахождения.

Вещные права на имущество определяются по праву страны местонахождения этого имущества. Вместе с тем ст. 1205.1 ГК РФ, очерчивая сферу применения этого права, включает в вещный статут практически все элементы правового режима имущества, причем данный перечень сформулирован как открытый и сама норма является бланкетной,

так как это указывает на ее общий характер относительно других положений ГК РФ, устанавливающих иную сферу применения вещного статута и играющих роль специальных норм, пользующихся приоритетом относительно ст. 1205.1 ГК РФ. Представляется, что истинное предназначение перечня элементов вещного статута, закрепленного в ст. 1205.1 ГК РФ, состоит не в ограничении сферы действия права страны его местонахождения, но в определении ключевых вопросов вещного права, которые могут «вызвать к жизни» коллизионный вопрос.

Возникновение и прекращение вещных прав на имущество определяются по праву страны его местонахождения в момент возникновения юридического основания для их возникновения или прекращения, однако стороны вправе договориться о применении к договору, на основании которого собственно возникают и прекращаются вещные права, права страны, которое применяется в силу коллизионных норм и автономии воли сторон к договору без ущерба для прав третьих лиц.

Пленум Верховного Суда РФ уточнил, что третьи лица, не являющиеся сторонами соответствующего договора (например, собственник, утративший владение вещью, предъявляет иск о ее истребовании), вправе заявлять свои требования в отношении той же вещи на основании права страны ее местонахождения⁹⁶⁹.

Возникает иллюзия противоречия объема коллизионной привязки ст. 1205 и 1205.1 и объема привязки коллизионной нормы ст. 1206 ГК РФ. В то время как ст. 1205 привязывает к праву местонахождения имущества право собственности и иные вещные права на него, п. 5 ст. 1205.1 включает в сферу действия применимого права возникновение и прекращение вещных прав, подчиняя их праву местонахождения имущества. В то же время ч. 1 ст. 1206 ГК РФ подчиняет возникновение и прекращение вещных прав уже

⁹⁶⁹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» (п. 19) // Российская газета. 2019. № 154.

другому правопорядку – праву страны, где это имущество находилось в момент, когда имело место действие или иное обстоятельство, послужившее основанием для возникновения либо прекращения вещных прав. С юридико-технической точки зрения все безупречно – ст. 1205.1 применяется субсидиарно, если иное правило не предусмотрено ГК РФ, и в данном случае правило п. 1 ст. 1206 носит специальный характер относительно правила ст. 1205.1. Проблема заключается в самом смысле юридического существования нормы п. 5 ст. 1205.1. Если руководствоваться п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации», специальная норма ч. 1 ст. 1206 ГК РФ применяется к договорам, предполагающим перемещение товара из одной страны в другую, причем товар при этом не находится в пути. Вместе с тем данное разъяснение не снимает противоречия в случаях, когда вещные права возникают не в силу договора, а в силу закона. Конечно, данная норма применяется традиционно для вещей, находящихся в пути, однако, учитывая подмечаемую в российской юридической науке «смерть автора» правовых норм⁹⁷⁰, было бы недальновидным полагать, что она непременно сохранит смысл, придаваемый ей изначально разработчиками.

Абстрактный характер нормы п. 1 ст. 1206 ГК РФ придал ей в современных условиях дополнительный смысл, причем неожиданный для ее разработчиков. Возникла ситуация, в отношении которой английскими судами применяется такой прием применения нормы права, как *distinguishing* – изменение прецедента в соответствии с новыми фактическими обстоятельствами применения нормы⁹⁷¹. Новым обстоятельством стало

⁹⁷⁰ См.: Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации: монография / Т.Я. Хабриева, А.И. Ковлер, Р.А. Курбанов; отв. ред. Т.Я. Хабриева; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М., 2023. С. 14.

⁹⁷¹ В отечественной правовой литературе переводится как «отличение фактуры споров» (см.: Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям

изменение границ Российской Федерации за счет присоединения бывших территорий Украины. В результате, во-первых, изменилось место нахождения не только движимого, но и недвижимого имущества, а во-вторых, возникновение и прекращение права на него не всегда имели договор в качестве правового основания.

Весьма показательна ситуация, описанная в Кассационном определении Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 12 июля 2019 г. № 127-КА19-6, – кассатору было отказано в государственной регистрации права собственности на земельный участок на территории Республики Крым, перешедший к заявительнице на основании договора купли-продажи, заключенного до присоединения Республики Крым к России, ввиду непредставления ею в органы государственной регистрации прав на недвижимое имущество документа о праве собственности, выданного органами государственной власти Украины, – государственного акта с отметкой органа по земельным ресурсам о регистрации права нового правообладателя (кассатора). Первая и апелляционная инстанции приняли решения в пользу органа государственной регистрации со ссылкой на норму п. 1 ст. 1206 ГК РФ. Верховный Суд РФ, не согласившись с выводами предыдущих инстанций, указал, во-первых, на то, что задачей государственной регистрации является удостоверение со стороны государства юридической силы соответствующих правоустанавливающих документов, а во-вторых, на то, что действующее законодательство не требует предоставления документа о регистрации права собственности иностранного государства для государственной регистрации права собственности в Российской Федерации, но содержит перечень документов, подтверждающих наличие ранее возникших прав на недвижимость и необходимых для государственной регистрации, в том числе договор купли-продажи, который был представлен кассатором. Вместе с тем вывод

судебной коллегии о том, что «федеральный законодатель исключил возможность применения на территории Российской Федерации законов Украины», даже сделанный *obiter dictum*⁹⁷², не вполне корректен применительно к гражданскому законодательству.

Часть 1 ст. 9 Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов указала на вступление в силу нормативных правовых актов Российской Федерации на территориях Республики Крым и г. Севастополя с даты их принятия в Российскую Федерацию и образования в составе Российской Федерации новых субъектов, сохранив при этом для законодателя возможность установить иной порядок их вступления в силу.

Согласно ч. 1 ст. 23 Федерального конституционного закона от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» нормативные правовые акты Российской Федерации, в том числе и нормы ГК РФ, действуют на территориях Республики Крым и г. Севастополя со дня принятия в Российскую Федерацию этих территорий и образования в составе Российской Федерации новых субъектов, если иное не предусмотрено этим федеральным конституционным законом, который не содержит норм о придании актам гражданского законодательства обратной силы. В связи с этим к гражданско-правовым отношениям применяются положения ГК РФ о действии актов гражданского законодательства Российской Федерации во времени. В соответствии с п. 1 ст. 4 ГК РФ они не имеют обратной силы и применимы только к отношениям, возникшим после введения их в действие. Однако п. 2 данной статьи оставляет возможность для распространения

⁹⁷² Попутно (лат.).

действия норм гражданского законодательства на отношения, возникшие до их вступления в силу путем указания на это в федеральном законе.

Носящая императивный характер ст. 5 Федерального закона от 30 ноября 1994 г. № 52-ФЗ «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» подтверждает, что часть первая ГК РФ (в том числе положения об объектах гражданских прав, об имущественных и о вещных правах на них) применяется к гражданским правоотношениям, возникшим после введения ее в действие, а по правоотношениям, возникшим до введения ее в действие, она применяется к правам и обязанностям, возникшим после введения ее в действие. Статьи 21 и 21.1 данного закона сохраняют за договорами, заключенными на территориях Республики Крым, г. Севастополя, ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей, юридическую силу, если иное не установлено федеральными законами. В части отношений, возникших на основании односторонних сделок, заключенных на территории Республики Крым, гражданское законодательство Российской Федерации имеет обратную силу, а в отношении односторонних сделок, вступивших в силу на территориях ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей, – применяется к правам и обязанностям, возникшим со дня их принятия в Российскую Федерацию.

Что же касается действия норм российского гражданского законодательства в отношении имущественных прав на имущество, возникших на иных основаниях (например из актов органов публичной власти, в результате приобретения имущества по основаниям, допускаемым законом; вследствие событий, с которыми правовой акт связывает наступление гражданско-правовых последствий), то Федеральный закон «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации РФ» не содержит правового ответа на данный вопрос. Нет в данном федеральном законе и ответа на вопрос о применении права, подлежащего применению к вещным правам в пределах, определенных ст. 1205.1 ГК РФ.

Статья 5 Федерального закона от 26 ноября 2001 г. № 147-ФЗ «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» указывает на то, что положения части третьей ГК РФ (в том числе и разд. VI) применяются исключительно к гражданским правоотношениям, возникшим после введения ее в действие.

Таким образом, к имущественным отношениям, основанным на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников, возникшим на территории Республики Крым и г. Севастополя до дня их принятия в Российскую Федерацию, применяются нормы гражданского законодательства Украины. В связи с этим представляется необходимым закрепить в Федеральном законе «О введении в действие Гражданского кодекса Российской Федерации» правила преобразования вещных (имущественных) прав, приобретенных в соответствии с законодательством Украины, в вещные (имущественные) права по законодательству Российской Федерации.

Определение правопорядка, применимого к объектам гражданских прав по испанскому праву, осуществляется на основе положений ст. 10 ГК Испании. Права на имущество (право собственности, право владения и др. права) определяются на основе права, действующего в месте их нахождения (независимо от того, является ли имущество движимым или недвижимым). Для целей возникновения или передачи прав на имущество, находящееся в пути, ст. 10 ГК Испании устанавливается презумпция его местонахождения в месте отправки, кроме случаев, когда отправитель и получатель не договорились прямо или молчаливо считать его находящимся в месте их назначения.

Параграф 5 ст. 10 ГК Испании подчиняет обязательства, вытекающие из договора, праву, прямо определенному сторонами, при условии, что он «имеет некоторую связь с отношениями, регулируемыми им»; в противном случае применяется национальное право, общее для сторон договорного обязательства, а при его отсутствии – право страны общего обычного

местонахождения сторон договора⁹⁷³, в последнюю очередь, право места его заключения.

Несмотря на положения предыдущего параграфа, при отсутствии явно выраженного представления к договорам о недвижимых имуществах применяется право места нахождения этих имуществ, а к договорам купли-продажи движимых телесных вещей на территориях торговых помещений – право места расположения этих площадей.

А. К. Эрнандес констатирует «расщепление» коллизионной привязки: сделка с товаром охватывает договорные и вещно-правовые аспекты, поэтому она может порождать две серии правовых проблем: а) проблемы, связанные с договором и его действительностью (обязательственно-правовые аспекты); б) проблемы, которые относятся к последствиям договора о передаче имущества (вещно-правовые аспекты). Оба аспекта тесно связаны, но подчиняются разным законам: обязательственные аспекты – праву, которому подчинен договор сторон, а вещно-правовые – *lex rei sitae*⁹⁷⁴.

Изложенное позволяет сформулировать ряд выводов.

Унификации материально-правовых норм об объектах гражданских прав международного права не произошло, если не считать унификацию и гармонизацию законодательства об интеллектуальной собственности. На

⁹⁷³ Определение понятия «общее обычное местонахождение» осуществляется судебной практикой, которая констатирует отсутствие юридического определения данного понятия в испанском законодательстве (SAP Barcelona (Sección 13ª), de 30 de septiembre de 2022, rec. nº 552/2020.). Испанские исследователи сфокусировались на определении общего обычного местонахождения как на критерии выбора права, примененного к имуществу сторон брачного договора. В результате критерием обычного местонахождения, имеющим универсальный характер, стала «тесная и стабильная связь с соответствующим государством» (*un vínculo estrecho y estable con el Estado de que se trate*). Представляется, что к отношениям сторон применимо определение domicilia юридического лица ст. 41 Коммерческого кодекса Испании). Таковым является место, в котором расположено его юридическое представительство или где реализуются его основные функции (*lugar en que se halle establecida su representación legal, o donde ejerzan las principales funciones de su instituto*), если ни закон, которым они созданы или признаются, ни учредительные документы не указывают на него.

⁹⁷⁴ См.: Hernández A.C. Op. cit.

уровне региональных интеграционных объединений унифицируются коллизионные нормы.

Вместе с тем применение к вещным отношениям договорного статута связано с тем, что режим объектов гражданских прав предполагает наличие не только вещного, но и обязательственно-правового элемента.

Нормы международных договоров сдерживают развитие национально-правового регулирования – длительный и сложный процесс принятия международных договоров обуславливает отставание норм международного права по сравнению с нормами национального законодательства. Если п. 3 ст. 1206 ГК РФ, отражая обязательственно-правовой элемент правового режима объектов гражданских прав, фактически отсылает к праву, применимому к договору, на основе которого происходит распоряжение объектом гражданских прав, сохраняя при этом возможность применения к нему права места его нахождения, то Кишиневская конвенция содержит императивную коллизионную норму, указывающую на право государства местонахождения вещи. Приоритет международных договоров над положениями разд. VI части третьей ГК РФ и императивный характер коллизионных норм обоих международных договоров не позволяют преодолеть данную коллизионную норму частноправовыми средствами.

Наличие иностранного элемента (местонахождение объекта гражданских прав на территории иностранного государства) обуславливает два формально-юридических противоречия в применении к имущественным отношениям права иностранного государства. Эти противоречия имеют в своей основе конкуренцию вещного и обязательственного статута в определении правового режима объекта гражданских прав.

Первое противоречие – это сам конфликт вещного и обязательственного статута. Если отношения лица, утрачивающего имущественные права, и лица, приобретающего их, подчинены праву, избранному в соответствии с принципами автономии воли сторон, то

отношения обладателя имущественных прав с неопределенным кругом лиц подчинены *lex rei sitae*.

Таким образом, природа имущественных прав на объект гражданских прав, юридическое положение самого этого объекта (ответ на вопрос о том, является ли тот или иной актив имуществом в юридическом смысле), характеристика того или иного права в качестве вещного, а также определение имущества в качестве недвижимого, его оборотоспособность определяются правом места нахождения вещи.

Второе противоречие состоит в том, что в то время как ст. 1205 и п. 5 ст. 1205.1 ГК РФ подчиняют вещные права праву страны местонахождения объекта на момент судебного разбирательства, включая и вопросы возникновения и прекращения вещных прав на этот объект, коллизионная привязка ч. 1 ст. 1206 ГК РФ отсылает уже к правопорядку государства, на территории которого это имущество находилось в момент появления основания для возникновения (прекращения) вещных прав на данный объект.

При этом нормы ст. 1205 и 1206 ГК РФ являются бланкетными, что только увеличивает энтропию, разрешаемую скорее путем судебного усмотрения, нежели с помощью толкования норм законодательства.

С технико-юридической точки зрения вопрос решается следующим образом: коллизионная норма ст. 1205.1 ГК РФ применяется субсидиарно, если иное правило не предусмотрено самим ГК. В данном случае норма ч. 1 ст. 1206 ГК РФ является *lex specialis* по отношению к правилу ст. 1205.1. Проблема заключается в самом смысле юридического существования нормы п. 5 ст. 1205.1 – какой смысл в привязке возникновения и прекращения вещных прав к закону местонахождения вещи, если специальная норма ст. 1205.1 полностью дезавуирует эту привязку? Если руководствоваться п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации», специальная норма ч. 1 ст. 1206 ГК РФ применяется к

договорам, предполагающим перемещение товара из одной страны в другую, и товар при этом не находится в пути.

Вместе с тем данное разъяснение не снимает противоречия в случаях, когда вещные права возникают не в силу договора, а в силу закона.

Статья 1205.1 ГК РФ включает в сферу применения определенного на основе ст. 1205 правопорядка (вещный статут) практически все элементы правового режима имущества, причем этот перечень сформулирован как открытый и сама норма является бланкетной. Элементы вещного статута, перечисленные в ст. 1205.1, имеют целью не ограничить сферу действия применимого права страны местонахождения объекта гражданских прав, а определить «ключевые» вопросы правового режима объектов гражданских прав, которые могут «вызвать к жизни» коллизионный вопрос.

С учетом содержания ст. 128 ГК РФ действие этих коллизионных норм распространяется не только на вещи, но и на имущество, не относящееся к вещам, и на имущественные права (в том числе цифровые), которые могут быть как вещными, так и обязательственными (в силу прямого указания ч. 1 ст. 141.1). Отнесение и имущества, и имущественных прав в ст. 128 ГК РФ к одной категории – «иное имущество» – порождает, таким образом, проблему установления применимого права, определяющего правовой режим объектов гражданских прав.

Абстрактный характер нормы п. 1 ст. 1206 ГК РФ придал ей в современных условиях дополнительный смысл. Присоединение бывших территорий Украины к Российской Федерации изменило страну местонахождения недвижимого имущества, и, хотя изначально норма применялась исключительно к движимым вещам, судебная практика распространила ее действие на недвижимое имущество.

Кроме того, присоединение к России новых территорий повлекло за собой возникновение интертемпоральных коллизий, относимость которых к Международному частному праву вызывала в российской правовой науке обоснованные сомнения. Во-первых, речь идет о коллизиях между нормами

международного частного права (коллизийными) России и Украины, применимыми к имущественным отношениям при наличии в их структуре иностранного элемента, во-вторых, о коллизиях между нормами материального права России и Украины, устанавливающими правовой режим объектов гражданских прав.

В отношении интертемпоральных коллизий первой категории действует ст. 5 Федерального закона «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», которая указывает на то, что положения части третьей ГК РФ (в том числе разд. VI) применяются исключительно к гражданским правоотношениям, возникшим после введения ее в действие.

В отношении интертемпоральных коллизий второй категории можно говорить о ряде проблемных вопросов при их разрешении.

Федеральный закон «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» не содержит ответа на вопрос о действии норм российского гражданского законодательства в отношении имущественных прав на имущество, возникших на иных основаниях, нежели гражданско-правовой договор или односторонняя сделка, например на основании акта органов публичной власти; в результате приобретения имущества по основаниям, допускаемым законом (переход права собственности в силу залога); вследствие событий, с которыми правовой акт связывает наступление гражданско-правовых последствий.

В связи с этим представляется необходимым закрепить в Федеральном законе «О введении в действие Гражданского кодекса Российской Федерации» правила преобразования вещных (имущественных) прав, приобретенных в соответствии с законодательством Украины, в вещные (имущественные) права по законодательству Российской Федерации.

Минская и Кишиневская конвенции: 1) отсылают не к праву государства, но к его законодательству, потенциально ограничивая объем применения иностранного права; 2) «расщепляют» коллизийную норму,

разделяя право, применимое к вещным правам, и право, применимое к их возникновению и прекращению; 3) разделяют право, применимое к недвижимому имуществу, к транспортным средствам, подлежащим регистрации, и к имуществу, являющемуся предметом сделки.

Разделяя право собственности и иные вещные права, обе конвенции оставляют вне зоны своего действия право собственности и другие вещные права на движимое имущество, не являющееся транспортным средством и предметом сделки, но регулируют возникновение и прекращение вещных прав, в том числе и на это имущество.

Юридическое содержание понятия инвестиций в заключаемых Российской Федерации соглашениях о поощрении и защите капиталовложений – двусторонних межправительственных международных договорах – практически тождественно понятию объекта гражданских прав, особенно с учетом открытого характера перечня данных объектов в российском гражданском законодательстве. Несмотря на то что Регламент заключения международных договоров Российской Федерации по вопросам поощрения и защиты инвестиций⁹⁷⁵ согласно п. 1 данного документа определяет лишь «особенности проведения переговоров и заключения международных договоров», фактически он предопределяет содержание двусторонних инвестиционных договоров Российской Федерации, устанавливая обязательные требования к предлагаемым противоположной стороне условиям инвестиций, которые являются объектами гражданских прав.

Правило п. 10 данного Регламента о неприменении его к активам, вкладываемым на территории государства-реципиента юридическими лицами, «принадлежащими или контролирующимися» лицами государства-реципиента и лицами третьего государства, которое не является договаривающейся стороной, не дополняется указаниями на степень

⁹⁷⁵ СЗ РФ. 2016. № 41. Ст. 5836.

контроля, в частности, как и объем принадлежащих перечисленным в данном пункте лицам корпоративных прав.

Услуги и другие виды деятельности, осуществляемые во исполнение государственно-властных полномочий государств – участников СПЗКВ их носителями, исключены из сферы действия данного Регламента. Более того, деятельность, осуществляемая не с целью извлечения прибыли и при отсутствии конкуренции со стороны других хозяйствующих субъектов, презюмируется в качестве таковой. Таким образом, Регламент использует одновременно два разных критерия, не раскрывая их соотношения, что негативно отражается на требовании определенности норм права.

Цель данной нормы – не допустить распространения льгот, защиты и гарантий, предусматриваемых СПЗКВ для иностранных инвесторов, на деятельность иностранных государств *iure imperii*, которая согласно положениям Федерального закона «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации» подпадает под действие юрисдикционного иммунитета. Во-первых, это создает излишние препятствия иностранным инвестициям юридических лиц, являющихся в той или иной степени *alter ego* иностранного государства, – очевидно, что, выполняя государственные функции, они не преследуют цель извлечения прибыли и действуют вне рыночной конкуренции. Представляется, что из этого правила можно было бы сделать исключение, например для случаев, когда соответствующее государство отказалось от юрисдикционного иммунитета. Во-вторых, это правило само по себе негативно влияет на инвестиционный климат дружественных России государств, в частности государств Латинской Америки, в системе экономики которых основным инвестором является государство. Наконец, в-третьих, данное ограничение практически бессмысленно – услуги и вообще деятельность не относятся к капиталовложениям в соответствии с СПЗКВ. К ним отнесены исключительно имущественные ценности, действие юрисдикционного

иммунитета в отношении которых в соответствии с положениями п. 2 ст. 1, п. 2 ст. 2, ст. 10 и 15 Федерального закона «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации» ограничено.

Несмотря на прекращение действия Конвенции Совета Европы по правам человека для Российской Федерации, постановления ЕСПЧ не утратили научной познавательной ценности, представляя, во-первых, исследовательский интерес, во-вторых, являясь в прошлом фактором развития российского права, в-третьих – составной частью правовой системы иностранных государств, право которых может быть применено на территории Российской Федерации судом.

Норма, содержащаяся в ст. 1 Протокола № 1 к ЕКПЧ, защищает права собственников не только имущества, но и любых имущественных прав (вещной и обязательственно-правовой природы).

Право собственности также защищается данной нормой в силу принципа *a fortiori*. Если право пользования имуществом принадлежит каждому, обладающему им на любом предусмотренном законом праве, позволяющем основательно считать имущество своим, и ввиду универсального характера права собственности оно предоставляет его обладателю максимальный объем правомочий в отношении объектов гражданских прав, право пользования объектом, предоставленное обладателю любого права на него, принадлежит и обладателю права собственности.

Европейский Суд по правам человека исходит из максимально широкой трактовки объема понятия имущества, аналогичного объему понятия объектов гражданских прав.

Конфликтная ситуация в мире, имеющая очевидные последствия для имущественных отношений частных лиц (особенно для субъектов иностранного права и подконтрольных им лиц), обуславливает востребованность исследований правовых норм государства, допускающего

нарушения имущественных прав. Именно они являются либо основным средством разрешения противоречий указанных лиц и соответствующего государства, либо основным объектом посягательства.

Испанскому и латиноамериканскому праву незнакомо юридическое выделение категории объекта гражданских прав, аналогичное норме ст. 128 ГК РФ. Вещи, которые являются или могут быть объектом присвоения, рассматриваются как «имущество». Что же касается понятия “*patrimonio*” – совокупности имеющих экономическое содержание прав и обязательств, обладающих единым правовым режимом, то юридический объем данного понятия шире понятия «имущественные права», поскольку в него помимо прав требований входят обязательства его обладателя.

Для испанского права характерно также наделение фактического владения качеством презюмируемого вещного права, что обязывает законного собственника вещи обратиться в суд с негативным иском о прекращении владения, тогда как в российском гражданском праве владение является фактическим состоянием и лишь в отдельных случаях (например, при владении выморочным имуществом) порождает юридические последствия.

При применении норм права о юрисдикционном иммунитете активов, принадлежащих иностранному государству, во-первых, необходимо ответить на вопрос о том, является ли спорный объект гражданских прав имуществом согласно закону страны суда, а во-вторых, на вопрос о степени связанности того или иного имущества с государством. Если российское законодательство предоставляет юрисдикционный иммунитет исключительно имуществу, находящемуся у иностранного государства на праве собственности, то Органический закон Испании «О привилегиях и иммунитетах иностранных государств» исключает из сферы действия принципа юрисдикционного иммунитета споры, связанные с определением имущественных прав иностранного государства на территории Испании (ст. 12). С учетом отсутствия легального определения вещного права,

открытого характера перечня вещных прав в испанском гражданском законодательстве толкование и практическое применение данной статьи как минимум не будет однозначным.

Представляется, что придание нормами Гражданского и коммерческого кодекса Аргентины категории «возможности» качества юридического критерия, например возможности обладания экономической ценностью, или о применении норм его положений о вещах к природным силам, которые могут служить человеку, или о юридической характеристике объекта материального мира в качестве объекта гражданских прав, то есть наличие самой по себе возможности, признается юридически значимым разрешает вопрос о распространении норм имущественного права на новые категории имущества (например, на цифровые права).

Гражданский и коммерческий кодекс Аргентины разрешил проблему фигуры носителей публичного интереса, разделив интересы публичной власти и интересы неопределенного круга лиц. Кроме того, права и интересы неопределенного круга лиц отождествлены в ГК Аргентины в юридическом смысле с объектами гражданских прав.

Основной дискуссионный вопрос юрисдикционного иммунитета о разграничении сделок *iure imperii* и сделок *iure gestionis* актуален и для имущества – ст. 20 Органического закона «О привилегиях и иммунитетах иностранных государств» формирует исключение и из этого правила, предоставляя юрисдикционный иммунитет не только имуществу, принадлежащему иностранному государству на праве собственности, но и имуществу, над которым иностранное государство обладает «владением и контролем» при условии, что это имущество предназначено для использования в некоммерческих целях. Таким образом, вопросы определения правовой природы вещного права, перечня вещных прав, критериев их классификации приобретают практическое значение. В приведенном примере именно от ответов на эти вопросы зависит

предоставление имуществу, принадлежащему государству, юрисдикционного иммунитета.

На основании проведенного исследования возможно сформулировать следующие выводы-положения:

1) к имущественным отношениям, основанным на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников, возникшим на территории любых иностранных государств, будет подлежать применению российское право по принципу наиболее тесной связи с момента вхождения таких территорий в состав Российской Федерации;

2) гармонизация правового режима объектов гражданских прав на пространстве ЕАЭС является необходимым условием правовой интеграции и компонентом формирования единого экономического пространства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Созданный российским законодательством правовой режим объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) в настоящее время трудно назвать соответствующим современному уровню общественного развития не только в связи с неполной определенностью относительно понятия объектов гражданских прав и их систематизации, но и ввиду крайней неопределенности положения в этой системе новых объектов, в том числе цифровых прав.

Наиболее распространенные дефиниции понятия объектов гражданских прав, предлагаемые в гражданско-правовой доктрине, основаны на различных подходах в соответствии со ст. 128 ГК РФ, в которой законодатель ограничился перечислением того, что может быть объектом, но не указал на единые для всех них свойства, тем самым устранившись от поиска единого объекта гражданских прав. Полученные в результате диссертационного исследования выводы заключаются в том, что понятие «объекты гражданских прав» (его следует отличать от правовой категории «объекты гражданских правоотношений») целесообразно раскрывать через обобщенную категорию «явления действительности», рассматриваемую в работе как объективная реальность – совокупность существующего как результат закономерного развития природы, общества и духовной культуры в ее объективном значении. На основе признаков дискретности и нормативного закрепления в качестве объекта гражданских прав сформулировано теоретическое определение данной правовой категории.

Сформулированная еще в древнеримском праве классификация вещей на телесные и бестелесные преследовала цель распространения правил о телесных вещах в отношении нематериальных вещей. С появлением специально разработанных правил об имущественных правах необходимость

применения в их отношении правил о вещном праве отпала. Современная юриспруденция находится в аналогичной ситуации. В свое время перед законодателем стоял вопрос о месте в системе объектов гражданских прав бездокументарных ценных бумаг и безналичных денежных средств⁹⁷⁶, в настоящее время это коснулось цифровых прав и иных новых нематериальных объектов: уровень и темпы развития науки и техники с каждым годом стремительно растут, при этом наблюдается тенденция к дематериализации объектов гражданских прав, чем в том числе обусловлена необходимость правовой регламентации новых объектов, фактически находящихся в обороте, но правовая природа которых не определена.

Принимая во внимание то, что фокус в системе объектов гражданских прав в перспективе, по нашему мнению, сместится в сторону виртуальных (цифровых) объектов, для обозначения обобщающей категории таких объектов предложено использовать термин «виртуальное (цифровое) имущество». В результате анализа таких объектов выявлены их универсальные признаки (обладание экономической или потенциальной стоимостью; существование в рамках определенной информационной системы; неотделимость от такой системы без потери основных свойств, определяющих ценность виртуального (цифрового) объекта). На основе таких признаков предложено теоретическое определение виртуального (цифрового) имущества.

Выявлено, что имеются серьезные концептуальные расхождения между учеными и практиками в отношении природы информации и нематериальных благ, а также возможности включения их в гражданский оборот. Диссертантом сделан вывод о том, что информация является опосредованным объектом гражданских прав, правовой режим которого

⁹⁷⁶ Когда с развитием новых, в том числе информационных, технологий в гражданском обороте возникла необходимость в урегулировании бездокументарных ценных бумаг и безналичных денежных средств, законодатель, затрудняясь в определении их правовой природы (вещи или иное имущество, а в настоящее время это имущественные права), разработал для каждого из них свой правовой режим.

определен объектом гражданских прав, частью (содержанием) которого она является. Поскольку некоторые нематериальные блага могут выступать объектом гражданско-правовых сделок, перечисленные в ст. 150 ГК РФ нематериальные блага предложено классифицировать на имеющие имущественное содержание и не имеющее такового, а также сформулированы характерные их признаки.

Одной из неоднозначно трактуемых правовых категорий в юридической науке является термин «имущество», который употребляется законодателем в различных значениях даже в рамках одного нормативного правового акта (ГК РФ). Являясь собирательным, данный термин объединяет совершенно различные по форме и правовой природе объекты гражданских прав, в отношении которых у субъектов возникают вещные и обязательственные права, что приводит к доктринальным и практическим проблемам. Одна из теоретических дискуссий состоит в возможности (или невозможности) применения к обязательственным правоотношениям норм вещного права. В диссертации обоснована целесообразность отказа от обобщающей категории «имущество» и предложены пути дальнейшего совершенствования конструкции ст. 128 ГК РФ, в их числе: замена понятия «иное имущество» категорией «бестелесное имущество»; сохранение понятия «имущество» в структуре ст. 128 ГК РФ, но понимание под данным термином совокупности вещей и (или) прав (разновидностью имущества предложено считать имущественный комплекс и единый недвижимый комплекс).

Рассмотрев спорные вопросы, связанные с определением признаков недвижимых вещей, диссертант сделал вывод о том, что перечисленные в ст. 130 ГК РФ критерии отнесения к недвижимым вещам иных объектов являются достаточными, их смысловая нагрузка не утратила актуальности и в настоящее время. Проведенное исследование позволило спрогнозировать дальнейшее развитие института недвижимого имущества: в частности, дополнение перечня объектов недвижимости новыми объектами, не

свидетельствует об отказе законодателя от внедрения в российское законодательство концепции «единого объекта недвижимости» – внесение последних изменений в гражданское законодательство в части расширения перечня объектов недвижимых вещей обусловлено комплексом причин, в первую очередь сохранением господствующей роли государственной собственности на землю, а также современным социально-экономическим состоянием рынка недвижимости, и не свидетельствует об отказе законодателя от внедрения в отечественную правовую систему концепции единого объекта недвижимости. Тем не менее сокращение перечня объектов недвижимых вещей возможно за счет исключения из ст. 130 ГК РФ упоминания об участках недр, объектах незавершенного строительства, а также о воздушных и морских судах, судах внутреннего плавания. Последние предложено отнести к движимым вещам с сохранением требования об их государственной регистрации.

В числе объектов гражданских прав прямо названы имущественные права. Однако, признав имущественные права объектом права и активно используя данный термин в нормах гражданского законодательства, законодатель не счел необходимым установить его легальную дефиницию, что порождает ряд теоретических и практических проблем. Основу имущественных прав составляют право собственности, исключительное и обязательственное право. Считаем, что в настоящее время обязательственные и исключительные права (как обладающие самостоятельной экономической ценностью и являющиеся оборотоспособными), в числе имущественных прав являются отдельными объектами гражданского права. При этом в результате анализа интеллектуальных прав с позиции их отнесения к объектам гражданских прав сформулирован вывод о том, что наряду с интеллектуальной собственностью самостоятельными объектами гражданских прав в контексте ст. 128 ГК РФ могут выступать также исключительные права и иные интеллектуальные права имущественного характера.

Иная ситуация складывается в отношении вещного права. Выявленные признаки имущественных прав как объектов гражданских прав (связь с имуществом; оборотоспособность и возможность денежной оценки) не являются отличительными характеристиками вещного права и в первую очередь (права собственности). Оно неотделимо от «своего объекта» (на этот счет в доктрине развернулась дискуссия – одни ученые допускают самостоятельный переход вещного права в отрыве от своего объекта, другие категорически отрицают такую возможность) и поэтому в принципе не может иметь денежного выражения – денежную оценку имеет не право собственности, а «его объект». В силу этого к вещному праву в целом и праву собственности в частности конструкция «право на право» неприменима. Как следствие, вещное право не является самостоятельным объектом гражданских прав.

Особое внимание в диссертации уделено одному из спорных вопросов современной правовой доктрины – правовой природе доли в праве собственности (эта проблема исследуется цивилистами еще со времен римского права). Проанализировав основные сложившиеся к настоящему времени теории, диссертант пришел к выводу о том, что каждая из концепций имеет как достоинства, так и недостатки, что не позволяет признать ту или иную концепцию единственно верной. В связи с этим концептуально поддерживаем теорию о доле в праве, однако с определенными особенностями, которые позволяют ее квалифицировать в качестве самостоятельного объекта гражданских прав (вне категории имущественных прав).

Работы и услуги рассматриваются в работе как однопорядковые явления. Этому способствуют два фактора – и работы, и услуги являются объектами обязательственного права, кроме того, по сути работы и услуги представляют собой совершение исполнителем действий (деятельности). Раскрыта проблема соотношения работ и услуг, рассмотрены доктринальные признаки, позволяющие отграничить работы от услуг. Так, одним из

основных и наиболее популярных в доктрине признаков является овеществленный результат работ и получаемый эффект и (или) неовеществленный результат услуг. Проанализированы такие признаки, как неустойчивость качества услуг, одномоментность оказания и получения услуги, фактическая и юридическая осуществимость, эксклюзивность и т.д. По результатам проведенного исследования мы пришли к выводу о том, что как в законе, так и в научной доктрине отсутствуют единственно верные квалифицирующие признаки работ и услуг, позволяющие разграничить данные объекты гражданских прав. И те и другие по своей природе представляют собой совершение действия (деятельности), поэтому для практического решения проблемы квалификации отношений в качестве подрядных отношений или возмездного оказания услуг предложено сместить акцент на предмет действий (деятельности), которые совершает исполнитель.

На основе анализа перечисленных в ГК РФ основных объектов гражданских прав сформулирована авторская концепция систематизации объектов гражданских прав и предложена новая редакция ст. 128 ГК РФ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативные источники

1. Конвенция, учреждающая Всемирную Организацию Интеллектуальной Собственности (подписана в Стокгольме 14.07.1967, изменена 02.10.1979) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Конвенция по охране промышленной собственности (заключена в Париже 20.03.1883) (ред. от 02.10.1979) // Закон. 1999. № 7 (извлечение).
3. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Минске 22.01.1993) (ред. от 28.03.1997) (вступила в силу 19.05.1994, для Российской Федерации – 10.12.1994) // Бюллетень международных договоров. 1995. № 2.
4. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (заключена в г. Вене 11.04.1980) // Вестник ВАС РФ. 1994. № 1.
5. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) (вместе с Протоколом № 1 (подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), "Протоколом N 7 (подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // СЗ РФ 2001. № 2. Ст. 163.
6. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS) (заключено в г. Марракеше 15.04.1994) (с изм. от 06.12.2005) // СЗ РФ. 2012. № 37 (приложение, ч. VI). С. 2818–2849.
7. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Кабинетом Министров Украины о поощрении и взаимной защите инвестиций (заключено в г. Москве 27.11.1998) // СЗ РФ. 2001. № 16. Ст. 1534.
8. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Государства Палестина о поощрении и взаимной защите

капиталовложений (подписано в г. Иерихоне 11.11.2016) // Собрание законодательства РФ, 08.01.2018, № 2, ст. 406.

9. Модельный кодекс интеллектуальной собственности для государств – участников СНГ (принят в г. Санкт-Петербурге 07.04.2010 постановлением 34-6 на 34-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. 2010. № 47.

10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.09.2023) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

12. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2023) // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

13. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496.

14. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // СЗ РФ. 1997. № 12. Ст. 1383.

15. Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 07.03.2001 № 24-ФЗ (ред. от 19.10.2023) // СЗ РФ. 2001. № 11. Ст. 1001.

16. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ (ред. от 19.10.2023) // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2207.

17. Федеральный закон от 21.12.2021 № 430-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8989.

18. Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3434.

19. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 06.02.2023) «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

20. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

21. Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ (ред. от 14.02.2024) «Об электроэнергетике» // СЗ РФ. 2003. № 13. Ст. 1177.

22. Федеральный закон от 21.11.2011 № 325-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об организованных торгах» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6726.

23. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О защите конкуренции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). ст. 3434.

24. Федеральный закон от 03.08.2018 № 283-ФЗ (ред. от 14.04.2023) «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 32 (ч. I). Ст. 5076.

25. Федеральный закон от 04.12.2006 № 201-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «О введении в действие Лесного кодекса Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023) // СЗ РФ. 2006. № 50. Ст. 5279.

26. Федеральный закон от 30.12.2004 № 213-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 39.

27. Федеральный закон от 17.05.2007 № 82-ФЗ «О государственной корпорации развития "ВЭБ.РФ"» // СЗ РФ. 2007. № 22. Ст. 2562.

28. Закон Российской Федерации от 21.02.1992 № 2395-1 (ред. от 25.12.2023) «О недрах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // СЗ РФ. 1995. № 10. Ст. 823.

29. Постановление Правительства РФ от 27.12.2010 № 1172 (ред. от 07.02.2024) «Об утверждении Правил оптового рынка электрической энергии и мощности и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам организации функционирования оптового рынка электрической энергии и мощности» // СЗ РФ. 2011. № 14. Ст. 1916.

30. Постановление Правительства РФ от 30.09.2016 № 992 (ред. от 15.12.2022) «О заключении международных договоров Российской Федерации по вопросам поощрения и защиты инвестиций» (вместе с Регламентом заключения международных договоров Российской Федерации по вопросам поощрения и защиты инвестиций) // СЗ РФ. 2016. № 41. Ст. 5836.

31. Распоряжение Правительства РФ от 10.07.2001 № 910-р (ред. от 06.06.2002) «О программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2002–2004 годы)» // СЗ РФ. 2001. № 31. Ст. 3295.

32. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

33. Экспертное заключение по проекту федерального закона № 47538-6/5.1 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» (принято на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 21.10.2021 № 212-1/2021) // СПС «КонсультантПлюс».

34. Проект федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования законодательства о недвижимом имуществе» (подготовлен Росреестром) (не внесен в Государственную Думу Федерального Собрания РФ, текст по состоянию на 31.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

35. Приказ Минфина России от 27.12.2007 № 153н (ред. от 16.05.2016) «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету “Учет нематериальных активов” (ПБУ 14/2007)» (зарегистрирован в Минюсте России 23.01.2008 № 10975) (документ утратил силу) // Российская газета. 2008. № 22.

36. Письмо Рособразования от 22.10.2007 № 13342/16-03-09 «О разъяснении норм Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ применительно к отношениям, связанным с арендой имущества» // Официальные документы в образовании. 2007. № 33.

37. Гражданский кодекс Р.С.Ф.С.Р. (утратил силу) // СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.

38. Гражданский кодекс РСФСР (утратил силу) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

39. Закон СССР от 08.12.1961 (ред. от 12.06.1990) «Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» (утратил силу) // Ведомости ВС СССР. 1961. № 50. Ст. 525.

40. Постановление Совмина СССР от 21.08.1973 № 584 (ред. от 09.01.1989) «Об утверждении Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях» (утратило силу) // Свод законов СССР. 1990. Т. 2.

41. Постановление ВЦИК от 11.11.1922 (ред. от 01.02.1949) «О введении в действие Гражданского кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с Гражданским кодексом Р.С.Ф.С.Р.) (утратило силу) // Известия ВЦИК. 1922. № 256.

Судебная практика

42. Постановление Конституционного Суда РФ от 03.04.2023 № 14-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 статьи 428 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина К.В. Матюшова» // СЗ РФ. 2023, № 15. Ст. 2748.

43. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

44. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 5. 2016.

45. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26.03.2009 № 29 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2009. № 6.

46. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

47. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7.

48. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Российская газета. 2019. № 154.

49. Определение Верховного Суда РФ от 30.09.2015 № 305-КГ15-12154. URL: <https://sudact.ru/>

50. Определение Верховного Суда РФ от 02.08.2023 № 207-ПЭК23 по делу № А41-88921/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

51. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26.07.2016 № 13-КГ16-9 // СПС «КонсультантПлюс»

52. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29.05.2012 №11-КГ12-2 // СПС «КонсультантПлюс».

Постановление Конституционного Суда РФ от 24.03.2015 № 5-П // СПС «КонсультантПлюс».

53.

54. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 02.02.2021 № 5-КГ20-146-К2 // СПС «КонсультантПлюс».

55. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021) (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 07.04.2021 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 7.

56. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. № 1 (2017) (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ (16.02.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1.

57. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2019) (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 24.04.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 10.

58. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25.02.1998 № 8 «О некоторых вопросах практики разрешения споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (документ утратил силу) // Вестник ВАС РФ. 1998. № 10.

59. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20.05.2013 № 17085/12 // Вестник ВАС РФ. 2013. № 12.

60. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17.01.2012 № 4777/08 // Вестник ВАС РФ. 2012. № 5.

61. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26.01.2010 № 11052/09 // Вестник ВАС РФ. 2010. № 5.

62. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20.10.2010 № 6200/10 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 1.

63. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15.01.2013 № 153 «Обзор судебной практики по некоторым

вопросам защиты прав собственника от нарушений, не связанных с лишением владения» // Вестник ВАС РФ. 2013. № 4.

64. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 24.09.2002 № 69 «Обзор практики разрешения споров, связанных с договором мены» // Вестник ВАС РФ. 2003. № 1.

65. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 01.07.2011 по делу № А26-6171/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

66. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 06.05.2002 № А19-9515/01-10-Ф02-1110/02-С2 // СПС «КонсультантПлюс».

67. Постановление ФАС Московского округа от 19.11.2008 № КГ-А40/8332-08 по делу № А40-26824/07-27-240 // СПС «КонсультантПлюс».

68. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 26.03.2002 по делу № Ф03-А51/02-1/448 // СПС «КонсультантПлюс».

69. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 11.11.2004 по делу № А26-4472/03-212 // СПС «КонсультантПлюс».

70. Постановление ФАС Центрального округа от 22.02.2006 по делу № А48-626/05-15 // СПС «КонсультантПлюс».

71. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 03.06.2016 № С01-342/2016 по делу № А40-102695/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

72. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 21.10.2021 № 10АП-13943/2021, 10АП-13942/2021 по делу № А41-78704/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

73. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 22.11.2019 № Ф04-5052/2019 по делу № А46-1191/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

74. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 17.09.2021 № Ф04-3284/2021 по делу № А75-7664/2018

75. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 13.11.2019 № Ф02-5324/2019 по делу № А19-27336/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

76. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 19.11.2018 № Ф08-9608/2018 по делу № А63-3439/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

77. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 16.01.2018 № Ф02-7424/2017 по делу № А33-3574/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

78. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 15.03.2018 № Ф02-705/2018 по делу № А19-19762/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

79. Решение Арбитражного суда города Москвы от 08.04.2015 по делу № А40-56211/14-90-70 // СПС «КонсультантПлюс».

80. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.03.2018 № Ф05-2605/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

81. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 12.10.2016 № 19АП-3642/2016. URL: <https://19aas.arbitr.ru/>

82. Постановление Президиума Московского городского суда по делу от 18.09.2018 № 44Г-259/18. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/80d1e2ab-ee2d-4e72-90f6-062d405fdad5>

83. Апелляционное определение Ленинского городского суда г. Кемерово от 26.04.2013 № 11-59/2013 по делу № 11-59/2013. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uQ81NVpYhP1v/>

84. Решение Мытищинского городского суда Московской области от 30.11.2011 по делу № 2-4006/2011 // Официальный сайт Мытищинского городского суда Московской области: http://mitishy.mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=sf&delo_id=1540005

85. Решение Ярославского областного суда от 05.10.2022 № 3А-375/2022 3А-375/2022~М-256/2022 М-256/2022 по делу № 3А-375/2022. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/bVsVygTrvllb/>

86. Определение Санкт-Петербургского городского суда от 17.01.2011 № 33-302/2011. URL: <https://sankt-peterburgsky.spb.sudrf.ru/>

Литературные источники

87. Adolfo Lucas. Esteve Posesión, detentación y tenencia. La posesión en el Código Civil de Cataluña // Revista Crítica de Derecho Inmobiliario Núm. 757, Septiembre 2016. P. 2549–2598

88. Albrecht Weber. El principio de estado de derecho como principio constitucional común europeo // Revista Española de Derecho Constitucional. No. 84. Septiembre – diciembre 2008. P. 27–28.

89. Ana Crespo Hernández. Temario De Derecho Internacional Privado Apuntes de la asignatura Repositorio digital BURJC 2023.

90. Blanco A.E. (2019) Numerus clausus en materia de derechos reales: Alcances y efectos en los contratos // Derecho Y Ciencias Sociales, (20), 72–87.

91. Burton P.R., Hansell A.L., Fortier I., et al. Size matters: just how big is BIG? Quantifying realistic sample size requirements for human genome epidemiology // International Journal of Epidemiology. 2009. Vol. 38. N 1. P. 263–273.

92. Cancik H. “Dignity of Man” and “Personal” in Stoic Anthropology: Some Remarks on Cicero, De Officiis I // Concept of Human Dignity in Human Rights Discourse / ed. by D. Kretzmer, E. Klein. Netherlands, 2002. P. 105–107.

93. Carlos Manuel Díez Soto. Lecciones de introducción al derecho patrimonial Universidad Politécnica de Cartagena. Cartagena, 2017. P. 24, 85.

94. David J. Chalmers The Virtual as the Digital 454. URL: file:///C:/Users/user/Downloads/The_Virtual_as_the_Digital.pdf

95. Duranske B.T. Virtual Law: Navigating the Legal Landscape of Virtual Worlds. Chicago: ABA Publishing. 2008.

96. E-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование): сборник статей / А.А. Богустов, О.Н. Горохова, Д.А. Доротенко и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2019. 448 с.

97. Erlank W. Property in virtual worlds. 2012. URL: SSRN 2216481

98. Goñi Rodríguez de Almeida, María. Examen de la evolución jurisprudencial y doctrinal hacia la admisión de un numerus apertus en los derechosreales y su estrecha relación con el principio de especialidad // Revista Crítica de Derecho Inmobiliario. No. 693. Enero-febrero 2006. P. 311–315.

99. Greenstein N. Striking the Right Chord: A theoretical Approach to balancing Artists' Intellectual Property Rights on Remix Audio-Sharing Platforms // Cornell Law Review. 2016. № 1. P. 211–240.

100. Lastowka G. Virtual justice The New Laws of Online worlds, 2010. Ch. 1.

101. Hunt K. This Land is not Your Land: Second Life, Copybot and the Looming Question of Virtual Property Right // Texas Review of Entertainment and Sports Law. 2007. Vol. 9.

102. Lastowka G. and Hunter D. The Laws of the Virtual Worlds. California Law Review. 2004. Vol. 92. № 1. URL: <https://ssrn.com/abstract=402860>

103. Lessig Lawrence Code and other laws of cyberspace Basic Books, New York, 1999.

104. Levy E. Natural Law in the Roman Period // Natural Law Institute Proceedings. University of Notre Dame. 1949. Vol. 2. P. 43–72.

105. McCrudden Ch. Human Dignity and Judicial Interpretation of Human Rights // The European Journal of International Law. 2008. Vol. 19. № 4. P. 656–657.

106. Moore A.D. A Lockean Theory of Intellectual Property // Hamline Law Review. 1997. № 21. P. 65–108.

107. Nozick R. Anarchy, State and Utopia. N.Y.: Basic Books, 1974. P. 178–182. Hughes J. The Philosophy of Intellectual Property // Georgetown Law Journal. 1988. № 77. P. 287–350.

108.

109. O’Callaghan Muñoz, Xavier. 2016. Compendio de Derecho civil. Tomo III. Derechos reales e hipotecario. Madrid: Editorial Universitaria Ramón Areces.

110. Brown P. Richard Raysman. Property rights in cyberspace games and other novel legal issues in virtual property / The industrial journal of law and technology. 2006. Vol. 2. URL: http://ijlt.in/wp-content/uploads/2015/08/Peter_Brown.pdf

111. Puig Peña, F. (1972). Tratado de derecho civil español. Madrid: Revista de Derecho Privado Vol. 1.

112. Radin M.J. Contested Commodities: The Trouble with Trade in Sex, Children, Body Parts, and Other Things. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996.

113. Shumway E.S. Freedom and Slavery in Roman Law // Law Review. University of Pennsylvania. 1901. № 49. P. 640.

114. Tarasco Antonio Leo Proprietary Fragmentation And Public-Private Management Of UNESCO Sites Owned By The Italian State // Правоведение. 2020. № 1. С. 184–195.

115. Ward M. Does Virtual Crime Need Real Justice? URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/technology/3138456.stm>.

116. Knight W. Gamer Wins Back Virtual Booty in Court Battle. URL: <https://www.newscientist.com/article/dn4510-gamer-wins-back-virtual-booty-in-court-battle>.

117. Windsor R. Defining Digital Assets. 2017. URL: <https://digitalassetnews.org/assets/defining-digital-assets/>

118. Абрамова Е.Н. Легальные и фактические признаки цифрового права как объекта гражданских прав // Право и экономика. – 2023. – № 7. – С. 26–31.

119. Абстрактный и конкретный человек перед лицом гражданского права / И.А. Покровский. – СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1913. – 24 с.

120. Аверченко Н.Н. Понятие и признаки вещи как объекта гражданских прав // Журнал российского права. 2004. № 5. С. 86–92.

121. Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. – М.: , – 2002. – Т. 1. – 490 с.

122. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву. – Т. 1. М.: 2002. – 490 с.

123. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. – М.: 1940. – 192 с.

124. Агарков М.М. Подряд (текст и комментарий к ст. 220–235 Гражданского кодекса). – М.: 1924. – 44 с.

125. Агарков М.М. Право на имя // Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. – Т. 1. – М.: Статут, 2012. – 428 с.

126. Акимов А. Спорная доля собственника // ЭЖ-Юрист. 2007. № 1.

127. Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. – М.: Госюриздат, 1955. – 176 с.

128. Александров Н. Краткое руководство к наглядному ознакомлению с гражданским правом, или Азбука этого права. – Одесса: Типография Л. Нитчи, 1869. – 76 с.

129. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. – Свердловск: 1964. – Вып. 2. – 226 с.

130. Алексеев С.С. Об объекте права и правоотношения. В кн.: Вопросы общей теории советского права: сборник статей / под ред. С.Н. Братуся. – М.: 1960. – С. 284–308.

131. Кочева Д.В. Полномочия прокурора в понятийно-категориальном аппарате теории и практики прокурорской деятельности вне уголовно-правовой сферы // Юридические исследования. – 2021. – № 5. – С. 58–68. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35662.
132. Алексеев С.С. Общая теория права: курс в 2 т. – Т. 2. – М.: Юридическая литература, 1981. – 360 с.
133. Алексеев С.С. Общие дозволения и запреты в советском праве. – М.: Юридическая литература, 1998. – 286 с.
134. Алексеев С.С. Право собственности. Проблемы теории: монография. – М.: Норма: Инфра-М, 2012. – 240 с.
135. Алексеев С.С. Собственность и право: актуальные проблемы // Цивилистические записки: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2. – М.: Статут; Екатеринбург: Институт частного права, 2002. – 148 с.
136. Алексеев С.С. Теория права. – М.: БЕК, 1994. – 320 с.
137. Алланина Л.М. Гражданско-правовое регулирование отношений недропользования. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2011. – 139 с.
138. Алферова Ю.Н. Оговорка о сохранении права собственности за продавцом: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2015. – 152 с.
139. Амелин Р.В., Чаннов С.Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. – М.: Норма, 2023. – 280 с.
140. Андреев В.К. Проблемы адаптации обязательственных прав к обращению в инвестиционной платформе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 85–90.
141. Анисимова А.И. Недвижимое имущество: нормативные, научные, правоприменительные подходы к определению // Правовые вопросы недвижимости. – 2023. – № 1. С. 15–18.
142. Анненков К.Н. Система русского гражданского права. – СПб.: 1895. Т. 2: Права вещные. – 670 с.

143. Анненков К.Н. Система русского гражданского права. – Т. I. Введение и общая часть. – 2-е изд. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. – 672 с.

144. Арзиани С.Э. Право общей собственности социалистических организаций в советском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. – Одесса, 1983. – 219 с.

145. Аристотель. Политика. – М.: Знание, 1990. – 524 с.

146. Архипов В.В. Виртуальная собственность: системные правовые проблемы в контексте развития индустрии компьютерных игр // Закон. – 2014. № 9. С. 69–90.

147. Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. - 2017. - №6. - С. 46-62.

148. Архипов В.В. Проблема квалификации персональных данных как нематериальных благ в условиях цифровой экономики, или Нет ничего более практичного, чем хорошая теория // Закон. – 2018. – № 2. – С. 52–68.

149. Астахова М.А. К вопросу о понятии гражданского оборота // Бюллетень нотариальной практики. – 2006. – № 5. – С. 2–6.

150. Ахметьянова З.А. Правовой статус имущества юридических лиц. – М.: 1998. – 228 с.

151. Бадаева Н.В. Система вещных прав в Южно-Африканской Республике // Международное публичное и частное право. – 2017. – № 4. – С. 3–6.

152. Байгушева Ю.В. Обязательственный договор представителя без полномочия до одобрения представляемого // Закон. – 2020. – № 10. – С. 50 - 59.

153. Бакаева И.В. Понятие и признаки нематериальных благ: законодательство, теория и практика // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 4. – С. 9–13.

154. Банакас Ст. (Эфстатиос), Петров Д.А., Попондопуло В.Ф., Силина Е.В. Цифровые отношения как предмет правового исследования // Вестник СПбГУ. – Серия 14 «Право». – 2023. – № 2. – С. 492–509.
155. Баракина Е.Ю. Субъекты правоотношений цифровых платформ как механизма реализации финансовых технологий // Юрист. – 2023. – № 3. – С. 16–22.
156. Барберини Р. Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 г. // Московское государство XV – XVII вв. – Л.: 1986. – с.
157. Басин Ю.Г. Вопросы советского жилищного права. – Алма-Ата: 1963. – 244 с.
158. Бачило И.Л. О праве собственности на информацию // Труды Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – 1992. – № 52. – 134 с.
159. Бевзенко Р.С. Объекты гражданских правоотношений. – М.: , 2010. – 72 с.
160. Бевзенко Р.С. Очерк теории титульного обеспечения // Вестник гражданского права. 2021. № 2. С. 9–87.
161. Бекиев Р.Я. Категория «передача» в гражданском праве // Вестник Московского университета. – Серия «Право». – 1978. – № 2. – С. 62–68.
162. Белая О.В., Кононенко Д.Б., Семченкова М.Н. Правовое регулирование стартапов в области Big Data (Большие данные) // Бизнес. Образование. Право. – 2018. – № 1. – С. 174–179.
163. Белов В.А. Гражданское право: Общая и Особенная части: учебник. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. – 960 с.
164. Белов В.А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий // Объекты гражданского оборота: сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. – М.: 2007. – С. 6–77.

165. Белов В.А. Сингулярное правопреемство в обязательстве: опыт исторического исследования, теоретической и догматической конструкции и обобщения российской судебной практики М.: ЮрИнфоР, 2001. – 288 с.
166. Белов В.А. Юридическая природа прав ожидания (гарантийных правоотношений) // Законодательство. – 2008. – № 7. – С. 13–26.
167. Белова Е.Б. Энергия как самостоятельный объект прав // Юрист. – 2019. – № 6. – С. 37–43.
168. Беляева Г.С. Правовой режим: понятие и признаки // Вестник РУДН. – Серия «Юридические науки». – 2021. – Т. 25. – № 1. – С. 281–293.
169. Беляцкий С.А. Новое авторское право в его основных принципах. – СПб.: Издание Юридического книжного склада «Право», 1912. – 95 с.
170. Берг Л.А. Международно-правовая характеристика интеграционных процессов в Северной Европе и их влияние на национальную безопасность России // Военное право. – 2022. – № 2 (72). – С. 245–251.
171. Березин Д.А. Осуществление оценочной деятельности – оказание услуг или выполнение работ? // Юрист. – 2019. – № 12. – С. 39–45.
172. Берновский К.О. Объект права. – Харьков: 1931. – 136 с.
173. Блинкова Е.В. Гражданско-правовое регулирование снабжения товарами через присоединенную сеть: теоретико-методологические и практические проблемы единства и дифференциации: монография. – М.: Юрист, 2005. – 322 с.
174. Богатырев А.Г. Проблема соотношения источников в современном международном инвестиционном праве // Современный юрист. – 2012. – № 1. – С. 109–134.
175. Богатырев Ф.О. Залог прав // Актуальные проблемы гражданского права: сборник статей. – Вып. 4 / под ред. М.И. Брагинского. – М.: 2002.
176. Богатырев Ф.О. О сущности залога имущественных прав // Журнал российского права. – 2001. – № 4. – С. 84–92.

177. Богданов В.М. Информация как объект гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2005. – 189 с.
178. Болотова О.В. Проблема обособления финансовых активов при определении налоговых обязательств // Налоги. – 2022. – № 6. – С. 2–5.
179. Болтанова Е.С. Операции с недвижимостью: Купля-продажа. Дарение. Наследование. Налогообложение. – Ростов н/Д: Феникс, 2002. – 320 с.
180. Большой энциклопедический словарь / общ. ред. А.М. Прохорова. – М.: 1999. – 1434 с.
181. Брагинский М.И. Актуальные вопросы гражданского права / Исследовательский центр частного права. Российская школа частного права. – М.: Статут, 1998. – 464 с.
182. Брагинский М.И. Договор подряда и подобные ему договоры. – М.: 1999. – 254 с.
183. Брагинский М.И. Общее учение о хозяйственных договорах. – Минск: 1967. – 260 с.
184. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 1: Общие положения. – 3-е изд. – М.: , 2008. – 847 с.
185. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 2: Договоры о передаче имущества. – М.: Статут, 2000. – 796 с.
186. Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. – М.: 1963. – 197 с.
187. БРИКС: контуры многополярного мира: монография / О.А. Акопян, Н.М. Бевеликова, К.М. Беликова и др. / отв. ред. Т.Я. Хабриева. – М.: ИЗиСП; Юриспруденция, 2015. – 128 с.
188. Брынова Т.И. Споры, связанные с применением законодательства, регулирующего отношения по договору оказания услуг по передаче электрической энергии // Арбитражные споры. – 2013. – № 2. – С. 17–34.

189. Будылин С.Л. Кriptoактивы: роль в гражданском обороте и правовая природа // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2023. – № 5. – С. 74–115.
190. Вакулина Г.А. О видах цифровых прав // Хозяйство и право. – 2023. – № 6. С. 3–12.
191. Валеев М.М. Вещи как объекты гражданских правоотношений: автореф. дис. канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2003. – 23 с.
192. Василевская Л.Ю. Цифровые права как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации // Хозяйство и право. – 2019. – № 5. С. 3–14.
193. Василькова С.В. Правовые аспекты обеспечения продовольственной безопасности в контексте национальной и экономической безопасности государства // Экономика. Право. Общество. 2023. – № 1(33). – С. 120–125.
194. Васьковский Е.В. Учебник гражданского права. – М.: , 2003. – 382 с.
195. Вельяминов-Зернов В.Ф. Опыт начертания российского гражданского частного права. Ч. II. Право вещей. – СПб.: , 1823. – 240 с.
196. Венгеров А.Б. Теория государства и права. – М. , 1998. – 624 с.
197. Ветютнев Ю.Ю. Идея блага и ее отражение в современном праве // Правоведение. – 2012. – № 6. – С. 36–45.
198. Вехов В.Б. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств ее обработки: монография. – Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2008. – 404 с.
199. Вилкова Н.Г. Право собственности в международном частном праве Российской Федерации // Международный коммерческий арбитраж и вопросы частного права: сборник статей / отв. ред. И.П. Грешников. – М.: , 2015. – 304 с.

200. Виноградов П.Г. Очерки по теории права. – М.: Скл. изд.: т-во А. А. Левенсон, 1915. – 155 с.
201. Витко В.С., Цатурян Е.А. Юридическая природа договоров аутсорсинга и аутстаффинга. – М.: Статут, 2012. – 128 с.
202. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. – 2-е изд. – М.: Статут, 2018. – 528 с.
203. Власенко Н.А. Проблемы точности выражения формы права (лингвологический анализ): дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 1997. – 71 с.
204. Волочай Ю.А. Приобретение права собственности на недвижимое имущество по договору: сравнительный анализ законодательства России и Германии. – М.: Статут, 2013. – 224 с.
205. Вольвач Я.В. К вопросу о надлежащем исполнении договорного обязательства по оказанию услуг // Адвокат. – 2013. – № 6.
206. Ворожевич А.С. Исключительные права в цифровой сфере: объекты, границы, пределы осуществления (комментарий законодательства) // Современные информационные технологии и право: монография / Московский госуниверситет имени М.В. Ломоносова, Юридический факультет / отв. ред. Е.Б. Лаутс. – М.: Статут, 2019. – с.
207. Воронина А.А. Недра как объект гражданских правоотношений // Известия Рос. гос. пед. ун-та. – 2008. – № . – С. 68–72.
208. Габов А.В. Цифровой рубль Центрального банка как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 4. С. 55–65.
209. Гай. Институции. – М.: Юрист, 1997. – 368 с. URL: <https://ancientrome.ru/ius/i.htm?a=1446002000>
210. Галеева Р.Ф. Сущность объектов гражданских прав // Ученые записки Казанского государственного университета. – Т. 151. Кн. 4. – Гуманитарные науки. – 2009. – С. 91–98.

211. Галкин Б. А. Советский уголовно-процессуальный закон. – М.: , 1962. – 255 с.
212. Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть. – Серия «Русское юридическое наследие». – М.: , 2003. – 796 с.
213. Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть. – М.: , 2003. – 796 с.
214. Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть: лекции. 1897–1898 гг. // СПС «Гарант».
215. Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. Т. 1: Общая часть. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1911. – 780 с.
216. Гамбаров Ю.С. Раздел «вещь» Энциклопедического словаря русского библиографического института «Гранат». – Т. 10. – М.: , 1937. – 358 с.
217. Гатин А.М. Гражданское право: учебное пособие. – М.: Дашков и К, 2007. – 384 с.
218. Гладкая Е.И. Правовой режим доменного имени в России и США: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014. – с.
219. Голубев К.И., Нарижный С.В. Компенсация морального вреда как способ защиты неимущественных благ личности. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 327 с.
220. Голунский С.А., Строгович М.С. Теория государства и права. – М., 1949. – 511 с.
221. Гонгало Б.М., Новоселова Л.А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // Пермский юридический альманах. – 2019. – № 2. – С. 179–192.
222. Гордон М.В. Советское авторское право. – М.: Госюриздат, 1955. – 232 с.
223. Городов О.А. Интеллектуальная собственность: правовые аспекты коммерческого использования. СПб.: , 2007. – Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. – М.: , 2005. –

224. Городов О.А. О нетрадиционных объектах гражданских прав // Правоведение. – 2013. – № 6. – С. 96–107.
225. Городов О.А. Введение в энергетическое право: учебное пособие. – М.: , 2015. – 222 с.
226. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 6 – 12 / Д.Х. Валеев, А.В. Габов, М.Н. Илюшина и др.; под ред. Л.В. Санниковой. – М.: Статут, 2014. – 383 с.
227. Гражданское право / Р.А. Курбанов, О.В. Шведкова, Л.Л. Баланюк и др. – М.: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 2019. – 110 с.
228. Гражданское право / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – 3-е изд., перераб. и доп. – Ч. 1. – М.: Проспект, 1998. – 632 с.
229. Гражданское право России. Часть первая: учебник / под ред. З.И. Цибуленко. – М.: Юристъ, 1998. – 464 с.
230. Гражданское право России: курс лекций. Часть первая / под ред. О.Н. Садикова. – М.: Юридическая литература, 1996. – 304 с.
231. Гражданское право. Общая и особенная части: учебник / Р.А. Курбанов, О.А. Рузакова, А.С. Лалетина и др. – М.: Проспект, 2020. – 736 с.
232. Гражданское право: учебник. Ч. 1 / под ред. А.Г. Калпина, А.И. Масляева. – М.: , 2002. – 472 с.
233. Гражданское право: Ч. 1 / отв. ред. В.П. Мозолин, А.И. Масляев. – М.: , 2003. – 719 с.
234. Гражданское право. Часть I: учебник / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: , 1997. – 600 с.
235. Гражданское право. Часть первая: учебник / под ред. А.Г. Калпина, А.И. Масляева. – М.: Юристъ, 2001. – 160 с.
236. Гражданское право. Часть первая: учебник / под ред. А.Г. Калпина, А.И. Масляева. – М.: , 2001. – 536 с.
237. Гражданское право: в 2 т. – Т. 1 / отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: БЕК, 2003. – 816 с.

238. Гражданское право: в 2 т.: учебник под ред. Е.А. Суханова. – Т. 1. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 405 с.
239. Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т. 3. / под ред. А.П. Сергеева. – М.: ТК Велби, 2009. – 880 с.
240. Гражданское право: учебник / Отв. ред. С.С. Алексеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект; Екатеринбург: Институт частного права, 2009. – 528 с.
241. Гражданское право: учебник / под ред. Е.А. Суханова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: , 2008. – Т. 1. – 720 с.
242. Гражданское право: учебник / под ред. Е.А. Суханова. – 2-е изд. Т. 1. – М.: , 1998. – 816 с.
243. Гражданское право: учебник / под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. – М.: , 1996. – Ч. 1. – 405 с.
244. Гражданское право: учебник. Т. 1 / под ред. М.М. Агаркова, Д.М. Генкина. – М.: , 1944. – 419 с.
245. Гражданское право: учебник. Т. 1 / под ред. О.Н. Садикова. М.: Контракт; Инфра-М, – 2006. – 493 с.
246. Гражданское право: учебник: в 3 т. – Т. 1 / под ред. С.А. Степанова. – М.: Проспект; Екатеринбург: Институт частного права, 2010. – 445 с.
247. Гражданское право: учебник: в 3 т. – Т. 1. – 6-е изд., перераб. и доп. / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: ТК «Велби»; Проспект, 2003. – 773 с.
248. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. – М.: Статут, 2000. – 411 с.
249. Grimm Д.Д. К учению об объектах прав // Вестник гражданского права. 2007. № 1. С. 157–196.
250. Grimm Д.Д. К учению об объектах прав // Вестник права. Журнал Санкт-Петербургского юрид. общества. – 1905. Кн. 7. – С. 161–162.

251. Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2002. – с.
252. Гримм Д.Д. Энциклопедия права: лекции. – СПб.: , 1895. – 238 с.
253. Гришаев С.П. Эволюция законодательства об объектах гражданских прав // СПС «КонсультантПлюс».
254. Груздев В.В. Гражданско-правовые сообщества: понятие и виды // Журнал российского права. 2021. № 10. С.
255. Груздев В.В. Гражданско-правовые сообщества: понятие и виды // Журнал российского права. 2021. № 10. – С. 61–71.
256. Гумаров И. Понятие вещи в современном гражданском праве России // Хозяйство и право. – 2000. – № 3. – С. 78–84.
257. Гунин Д.И. Информация как объект правового регулирования // Российский юридический журнал. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА. – 2008. – № 4. – С. 182–184.
258. Гурко А. 3D-печать и право интеллектуальной собственности: взгляд в будущее // ИС. Авторское право и смежные права. – 2016. – № 5. – С. 29–42.
259. Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. – М.: ИЗиСП; Контракт, 2019. – 488 с.
260. Гутников О.В., Сеницын С.А. Множественность обладателей исключительного права: проблемы теории и практики // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2019. – № 12. – С. 67–73.
261. Даниленков А.В. К вопросу о разграничении понятий «объекты интеллектуальной собственности» и «интеллектуальные права» // ИС. Промышленная собственность. – 2022. № – 10. С. 45–55.
262. Действующее международное право. – Т. 3. – М.: Московский независимый институт международного права, 1997. – С. .
263. Демин А.А. Цивилистическое понимание гражданского оборота // Цивилист. – 2022. – № 1. – С. 62–67.

264. Джазоян Е.А. Категория фикции в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – 23 с.
265. Диалектическая логика / под ред. З.М. Оруждева, А.П. Шептулина. – М.: МГУ, 1986. – 300 с.
266. Димитриев М.А. К вопросу об участках недр как объектах гражданских прав // Российский судья. – 2011. – № 12. – С. 17–20.
267. Добрынин О.В. Право интеллектуальной собственности / под ред. И.А. Близнеца. – М.: Проспект, 2010. – 950 с.
268. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации: сборник статей / Исследовательский центр частного права. – М.: Статут, 2003. – 416 с.
269. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации: монография / Т.Я. Хабриева, А.И. Ковлер, Р.А. Курбанов; отв. ред. Т.Я. Хабриева; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М.: Норма. ИНФРА-М, 2023. – 384 с.
270. Долинская В.В. Предмет гражданского права: тенденции и проблемы развития // Цивилист. – 2011. № 4. – С. 18–26.
271. Дорожинская Е.А. Правовое регулирование сделок с недвижимостью. – Новосибирск: СибАГС, 1999. – 135 с.
272. Доронина Н.Г. Унификация и гармонизация права в условиях международной интеграции // Журнал российского права. – № 6. – 1998. – С. 53–67.
273. Дудин А.П. Объект правоотношения (вопросы теории). – Саратов: , 1980. URL: https://ukrreferat.com/chapters_book/istoriya-derjprava-books/dudin-ap-1980-obekt-pravootnosheniya-voprosy-teorii-kniga.html
274. Дудырин Д.С. Требования к правовой дефиниции. URL: <https://journal.mrsu.ru/wp-content/uploads/2015/06/dudyrin-d.pdf>

275. Дюбко Е.Г. Нематериальные блага и личные неимущественные права граждан и юридических лиц: теоретические и практические проблемы их защиты: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2015. – 183 с.

276. Дювернуа Н.Л. Чтения по гражданскому праву. Т. 1. Введение и часть общая. – Вып. 1. – Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1902. – 936 с.

277. Емелькина И.А. Вещные «ожидаемые права» в гражданском праве России и зарубежных стран // Вестник гражданского права. – 2010. – № 6. – С. 35–57.

278. Емелькина И.А. Право ожидания и право приобретения чужой недвижимой вещи как вещные права // Вещные права: постановка проблемы и ее решение: сборник статей. – Серия «Анализ современного права». – 2011. – С.

279. Ермолаев С.Н., Параскевова С.А. Признаки, характеризующие содержание правоотношения со множественностью лиц // Власть Закона. – 2014. – № 2. С. 44–49.

280. Ермолова О.Н. Нематериальные блага и их защита: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1998. – 22 с.

281. Ершов В.А., Сутягин А.В., Кайль А.Н. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

282. Ефимова Л.Г. О соотношении вещных и обязательственных прав // Государство и право. – 1998. – № 10. С. 37–44.

283. Ефимова Л.Г. Цифровые активы и права на них в контексте изменения гражданского и банковского законодательства // Банковское право. – 2021. – № 5. – С. 7–20.

284. Ефремов А.А. Понятие и виды конфиденциальной информации. URL: www.russianlaw.net. Суханов Е.А. Объекты права собственности // Закон. – 1995. – № 4. – С. 94–98.

285.

286. Ефремов Е., Путинцева А. Интервью Джорджа Греттона // Вестник гражданского права. – 2021. – № 6. – С. 194–210.

287. Еременко В.И. О совершенствовании правового регулирования доменных имен в Российской Федерации // Законодательство и экономика. – 2012. – № 10. – С. 41 – 64.

288. Желонкин С.С., Ивашин Д.И. Наследственное право: учебное пособие. – М.: Юстицинформ, 2014. – 134 с.

289. Жужжалов М.Б. Требование о государственной регистрации перехода права собственности // Проблемы регистрации прав, фиксации и удостоверения юридических фактов гражданского права: сборник статей / А.Д. Батуева, Ю.В. Виниченко, С.А. Громов и др.; отв. ред. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2013. – 336 с.

290. Зайченко Н.М. Предмет договора энергоснабжения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук М., 2007. – 32 с.

291. Законодательная техника / под ред. Ю.А. Тихомирова. – М.: , 2000. 272 с.

292. Захаркина А.В. Основы цивилистической теории цифровых финансовых активов // Вестник Пермского университета. Серия «Юридические науки». – 2022. – № 3. – С. 504–526.

293. Захаров В.А. Создание юридических лиц: правовые вопросы. – М.: Норма, 2002. – 208 с.

294. Защита данных: научно-практический комментарий к судебной практике / Э.В. Алимов, Д.Р. Алимова, Х.И. Гаджиев и др.; отв. ред. В.В. Лазарев, Х.И. Гаджиев. – М.: ИЗиСП; Контракт, 2020. – 176 с.

295. Зимелева М.В. Общая собственность в советском гражданском праве. Часть первая // Вестник гражданского права. – 2009. – № 4. – С. 198–234.

296. Зинченко С.А., Галов В.В. Собственность и производные вещные права: теория и практика. – Ростов-н/Д: СКАГС, 2003. – 200 с.

297. Зыков С.В. Система имущественных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации // Российский юридический журнал. – 2020. – № 1. – С. 117–130.

298. Иванов А.А. Вещные права и цифровизация // Интеграция науки и образования в условиях цифровой трансформации: монография: в 3 т. – Т. 3 / отв. ред. С.Д. Могилевский, О.В. Шмалый, И.А. Емелькина. – М.: РГ-Пресс, 2022. – с.

299. Иванов А.А. Искусство добра и справедливости в цифровую эпоху // Digital Law Journal. Том 4. – 2023. – № 1 // СПС «Гарант».

300. Иванов Н. Право на вознаграждение в системе авторских и смежных прав // ИС. Авторское право и смежные права. – 2016. – № 10. – С. 4–14.

301. Иванчак А.И. Гражданское право Российской Федерации: общая часть. – М.: Статут, 2014. – 268 с.

302. Интервью с Рыбаловым А.О. Нам нужно учение о вещном праве, а не изменения в Гражданский кодекс // Закон. 2023. № 7. URL: <https://zakon.ru/publication/igzakon/10416> 30.08.2023

303. Инюшкин А.А. Информация в системе объектов гражданских прав и ее взаимосвязь с интеллектуальной собственностью на примере баз данных // Информационное право. – 2016. – № 4. – С. 4–7.

304. Инясевский С.А. Ресурсные характеристики менеджеров как социально-профессиональной группы современного российского общества: дис. ... канд. социологических наук. – М., 2009. – 156 с.

305. Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву. – М.: , 2000. – 777 с.

306. Иоффе О. С. Спорные вопросы учения о правоотношения. В кн.: Очерки по гражданскому праву. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1957. – с.

307. Иоффе О.С, Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. – М.: , 1961. – 381 с.

308. Иоффе О.С. Обязательственное право. – М.: Юридическая литература, 1975. – 880 с.

309. Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву / О.С. Иоффе // Избранные труды по гражданскому праву. Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». – М.: Статут, 2000 // СПС «КонсультантПлюс».

310. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307 – 328 и 407 – 419 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.О. Батищев, А.А. Громов, А.Г. Карапетов и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2022. – 1496 с.

311. Камышанский, В. П. Некоторые тенденции модернизации вещных прав в Гражданском кодексе Российской Федерации // Власть Закона. – 2012. – № 2(10). – С. 35-44.

312. Калинин В.М. Комментарий законодательства о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью военнослужащих. – М.: За права военнослужащих, 2004. – 272 с.

313. Калининченко К.С. Здания и сооружения как составные части земельного участка. Сравнительный анализ по российскому и германскому праву // Закон. – 2014. – № 12. – С. 121–131.

314. Калининченко К.С. Правовой режим земельного участка и расположенных на нем зданий, сооружений в России и Германии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб: Тип. «Адмирал», 2016. – 22 с.

315. Камышанский В.П. О праве пользования участками недр в науке гражданского права // Власть Закона. – 2016. – № 2 (26). – С. 15–21.

316. Камышанский В.П. О цифровой технологии и цифровом праве // Власть Закона. – 2019. – № 1. – С. 14–18.

317. Камышанский В.П., Зелюка П.А., Иванов С.А. Суперфиций и эмфитевзис в гражданском праве: история и современность // Общество и право. – 2011. – № 3. – С. 105–109.

318. Канашевский В.А. Внешнеэкономические сделки: материально-правовое и коллизионное регулирование. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 608 с.
319. Канторович Я.А. Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения. – СПб.: Издание Юридического книжного склада «Право», 1911. – 424 с.
320. Канцер Ю.А. О предмете договора энергоснабжения // Советник юриста. – 2015. – № 5. С.
321. Карапетов А.Г. Условные права и обязанности: обзор проблемных вопросов применения ст. 157 и 327 ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2017. – № 6. – С. 71–128.
322. Карапетов А.Г. Экономический анализ права. – М.: Статут, 2016. – 528 с.
323. Карнер Э. Права человека и защита прав личности в гражданском праве // Вестник гражданского права. – 2014. – Т. 14. – № 4. С. 258–261.
324. Кашанин А.В. Кауза гражданско-правового договора как выражение его сущности // Журнал российского права. – 2001. – № 4. – С. 93–104.
325. Кашанин А.В. Творческий характер как условие охраноспособности произведения в российском и иностранном авторском праве // Вестник гражданского права. – 2007. – № 2. – С. 75–119.
326. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). – М.: Аванта+, 2000. – 560 с.
327. Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. – М.: , 1958. – 187 с.
328. Кириченко О.В. Информация как объект гражданских правоотношений // Современное право. – 2014. – № 9. – С. 77–81.
329. Кирсанова Е.Е. Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике: монография. – М.: Юстицинформ, 2022. – 228 с.

330. Кичигин Ю.А. Оценка стоимости – работа или услуга? // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2010. – № 9. – С. 55–59.

331. Клейнман А.Ф. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права. – М.: , 1967. – 119 с.

332. Кнопперс Б.М. Генетика, геномика и права человека // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. – 2018. – № 3. – С. 35–41.

333. Кожемякин Д.В. Доменное имя в системе объектов гражданских прав: монография. – М.: Проспект, 2019. – 152 с.

334. Козлов И.И. Гражданско-правовое регулирование оказания услуг проводной телефонной связи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2006. – 27 с.

335. Козьменко О.Г. Модели общей собственности по гражданскому законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2006. – 221 с.

336. Колосов В., Шварц М. Право на изображение в российском праве с учетом зарубежного опыта // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2008. – № 3. – С. 4–12.

337. Комиссарова Е.Г. Формально логические аспекты понятия «правовая природа» // Вестник Пермского университета. Серия «Юридические науки». – 2012. Вып. 2 (16). URL: <http://www.jurvestnik.psu.ru/vypusk-2162012/441-komissarova-formalno-logicheskie-aspekty-ponyatiya-lpravovaya-prirodat.html>

338. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть 1 / под ред. О.Н. Садикова. – М.: , 1997. – 778 с.

339. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации: в 2 т. Т. 1. Части первая, вторая ГК РФ / под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина; Институт государства и права РАН. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2009. – 926 с.

340. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ, части второй / под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. – М.: , 2003 // СПС «КонсультантПлюс».

341. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ, части первой (постатейный) / под ред. О.Н. Садикова. – М.: Контракт; Инфра-М, 2005. – С. 394 – 397 (автор главы – К.Б. Ярошенко).

342. Комментарий к Закону Российской Федерации от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах» // СПС «КонсультантПлюс».

343. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. А.Л. Маковского; вступ. ст. В.Ф. Яковлева; Иссл. центр частн. права. – М.: Статут, 2008. – 714 с.

344. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (поглавный) / Г.Е. Авилов, К.В. Всеволожский, В.О. Калятин и др.; под ред. А.Л. Маковского. – М.: Статут, 2008. – 715 с.

345. Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики) / О.А. Беляева, В.Г. Богдан, С.А. Бурлаков и др.; отв. ред. О.В. Гутников, С.А. Сеницын. – М.: Инфотропик Медиа, 2023. – Вып. 29. – 160 с.

346. Комментарий части первой Гражданского кодекса Российской Федерации для предпринимателей. – М.: Фонд «Правовая культура»; «Хозяйство и право», 1995. – 480 с.

347. Конституции государств Африки и Океании / А.С. Автономов, А.М. Белялова, Н.М. Касаткина и др. – Т. 4. – М.: Юриспруденция, 2021. – 1040 с.

348. Концептуальные основы развития науки и признание иностранных научных степеней и званий как форма межгосударственной интеграции: сравнительно-правовое исследование / под ред. Р.А. Курбанова. – М.: Проспект, 2022. – 296 с.

349. Копылов А.Ю. Творчество как условие охраноспособности произведения // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2019. – № 12. – С. 56–62.

350. Копылов К.В. Залоговое обязательство в гражданском праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2001. – 25 с.
351. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. – СПб.: , 2003. – 430 с.
352. Корнеев С.М. Юридическая природа договора энергоснабжения // Закон. – 1995. – № 7. – С. 118–121.
353. Корнеева Л.А. К вопросу о проблемах правового регулирования оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности // Юрист. – 2023. – № 5. – С. 55–60.
354. Корнихин С.В. Преемство в исключительных правах по российскому гражданскому законодательству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – 29 с.
355. Косьяненко Е.М. Информация как гражданско-правовая категория: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2009. – 180 с.
356. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. – М.: , 1959. – 181 с.
357. Красильникова Т.К., Егоров Г.Г. Механизм реализации конституционного принципа свободы перемещения товаров, услуг и финансовых средств в Российской Федерации // Конкурентное право. – 2023. – № 2. – С. 6–9.
358. Краснов Н.И. О соотношении земельного и гражданского права при переходе к рыночной экономике // Государство и право. – 1994. – № 7. – С. 53–58.
359. Крассов Е.О. Система договорных связей в сфере организации снабжения электрической энергией: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – 221 с.
360. Красюков А.В. Определение объекта налогового обязательства как средство конкретизации и защиты прав его сторон // Налоги. – 2019. – № 1. – С. 11–14.

361. Краткий словарь по философии / под ред. И.В. Блауберга, П.В. Копнина, И.К. Пантина. – М.: , 1970. – 398 с.

362. Крашенинников П.В. Вступительное слово // Объекты гражданских прав: постатейный комментарий к главам 6, 7 и 8 Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. П.В. Крашенинникова. – М., 2009 // СПС «КонсультантПлюс».

363. Кресс В.В. Цифровые права как объекты гражданских прав: правовое регулирование и перспективы развития в условиях цифровизации гражданского оборота // Журнал российского права. – 2022. – № 4. – С. 67–76.

364. Кудашкин В.В. Правовые основы военно-технического сотрудничества: в 3 т. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2018. – Т. 1: Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами». – 1120 с.

365. Кузнецов А.П., Генералов А.В., Ворончихин Д.В. Оценочная деятельность в арбитражном и гражданском процессе: учебное пособие. – М.: Статут, – 2016. – 223 с.

366. Кукольник В.Г. Начальные основания римского гражданского права для руководства в преподавании одного на публичных курсах. – СПб.: , 1810. – 292 с.

367. Кулаков В.В. К вопросу о признаках недвижимости как критериях ее государственной регистрации // Современный юрист. – 2020. – № 2. С. 21–32.

368. Кулаков В.В. Обязательство и осложнения его структуры в гражданском праве России: монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: РАП; Волтерс Клувер, 2010. – 188 с.

369. Куповых В.А. Системные проблемы оспаривания властных актов – объекты, субъекты и структура // Экономика. Право. Общество. 2022. – Т. 7. – № 4 (32). – С. 73–78.

370. Курбанов Р.А., Налетов К.И. Процесс цифровизации органов правосудия в государствах – членах ЕС: сравнительно-правовое исследование // Взгляд поколения XXI века на будущее цифровой экономики: сборник статей преподавателей IX Международной научно-практической конференции «Современная экономика: концепции и модели инновационного развития» (Москва, 15–16 февраля 2018 г.) – М.: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 2018. – с.

371. Курбанов Р.А., Савина В.С., Гурко А.В. Характеристика правового регулирования цифровых прав в Российской Федерации // ИС. Авторское право и смежные права. 2022, № 8. С. 4–12.

372. Курбанов Р.А., Налетов К.И. Статус оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26. – № 12. – С. 45–57.

373. Курбатов А.Я. Предпринимательское право: проблемы теории и правоприменения: монография. – М.: Юстицинформ, – 2022. – 244 с.

374. Курс гражданского права: в 3 ч. // Сочинения К. Победоносцева. – СПб.: Тип. А.А. Краевского, 1868–1880. – с.

375. Кухтевич С.А. Правотворчество Президента Российской Федерации: от подзаконных актов нормативного характера до использования права законодательной инициативы // Экономика. Право. Общество. – 2021. Т. 6. – № 4 (28). – С. 23–29.

376. Кучеров И.И. Отдельные вопросы финансово-правового регулирования цифровой экономики: цифровая валюта // Финансовое право. – 2021. – № 4. – С. 3–8.

377. Лабзин М.В. Научные концепции понимания права интеллектуальной собственности / Патенты и лицензии // Интеллектуальные права. – 2014. – № 8. – С. 57–68.

378. Лазарев В.В. Юридическая наука в свете перспектив цифровизации // Журнал российского права. – 2023. – № 2. – С. 5–19.

379. Лазарева Е.А. Правовое регулирование виртуальных объектов многопользовательских игр // Юриспруденция 2.0: новый взгляд на право: сборник материалов межвузовской научно-практической конференции с международным участием. – М.: РУДН, 2019. – с.

380. Лалетина А.С. Газопровод как объект гражданского оборота: некоторые подходы к проблеме // Кавказские научные записки. 2011. – №1 (6). – С. 118–119.

381. Лалетина А.С. Правовой режим газопроводов как объектов предпринимательского права: дис. д-ра юрид. наук. – М., 2011. – 518 с.

382. Лапач В.А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. – СПб.: Юридический Центр ПРЕСС, 2002. 544 с.

383. Лапач Л. Понятие «имущество» в российском праве и в Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Российская юстиция. 2003. – № 1. – С. 18–20.

384. Лапач Л.В. Проблема строения категории «имущество» в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2007. – 27 с.

385. Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. – № 2. – С. 79–101.

386. Лаптев В.А. Цифровые активы как объекты гражданских прав // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 2 (42). – С. 199–204.

387. Лаптев В.А., Тарасенко О.А., Андреева Л.В. Цифровая экономика. Концептальные основы правового регулирования бизнеса в России. – М.: Проспект, 2023. – 488.

388. Лаптев В.А., Чуча С.Ю., Фейзрахманова Д.Р. Цифровая трансформация инструментов управления современными корпорациями: состояние и пути развития // Правоприменение. – 2022. – № 1. – С. 229–244.

389. Латышев А.Н. Вещные права в гражданском праве: понятие и особенности правового режима: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург: Уральская гос. юрид. акад., 2004. – 211 с.

390. Лахно П.Г. Энергетическое право – это реальность // Юрист. – 2008. – № 10. С.

391. Левинзон В.С., Митин Р.К. Правовое регулирование виртуального имущества // Закон и право. – 2020. – № 5. – С. 39–42.

392. Левочки В.В. Объекты гражданских прав в недропользовании: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2018. – 218 с.

393. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – 5-е изд-е. – М.: , 1961. Т. 18. – с.

394. Лисаченко А.В. Право виртуальных миров: новые объекты гражданских прав. – М.: Юрайт, 2015. – с.

395. Лисаченко А.В. Правовой режим «больших геномных данных»: за и против свободного обращения // Российский юридический журнал. – 2022. – № 2. – С. 140–151.

396. Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. – Л.: , 1978. – 359 с.

397. Лобанов Г.А. Информация как объект гражданских правоотношений // Бизнес-адвокат. – 1998. – № 6. – С. 72–84.

398. Лузина А.Н. Недвижимое имущество: понятие и отдельные виды: учебное пособие. – М.: РГУП, 2017. – 150 с.

399. Лузина А.Н. Понятие недвижимого имущества и отдельные объекты недвижимого имущества. – М.: , 2013. – 130 с.

400. Лукьянцева И.А. Правовая природа электроэнергии как объекта гражданских прав // Журнал российского права. – 2008. – № 3. – С. 53–61.

401. Лысенко А.Н. «Бестелесные вещи» в гражданском праве: подходы к определению содержания. URL: <http://www.yurclub.ru/>

402. Лысенко А.Н. Имущество в гражданском праве России. – М.: Деловой двор, 2010. – 200 с.

403. Любутин К.Н., Пивоваров Д.В. Диалектика субъекта и объекта. – Екатеринбург: , 1993. – 416 с.
404. Магазинер Я.М. Советское хозяйственное право. – Л.: , 1928. – 174 с.
405. Маковский А.Л. Комментарий к статьям 1225–1227 // Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (поглавный) / Г.Е. Авилов, К.В. Всеволожский, В.О. Калятин и др.; под ред. А.Л. Маковского. – М.: Статут, 2008. – 715 с.
406. Маковский Л.А. О кодификации гражданского права (1922 – 2006). – М.: Статут, 2010. – 736 с.
407. Максимов В.А. Система охраняемых законом интересов в гражданском праве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 2 (82). – С. 114–123.
408. Малахов П.С. Имущественные права и обязанности как объекты сделок в банковской сфере: дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 2007. – 262 с.
409. Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. – М.: МЗ «Пресс», 2000. – 244 с.
410. Малеина М.Н. Право на тайну и неприкосновенность персональных данных // Журнал российского права. – 2010. – № 11. – С. 18–28.
411. Малюгин С.В. Категория «правовая категория»: понятие, детерминанты, основные характеристики и подходы к определению // Российский юридический журнал. – 2016. – № 3 (108). – С. 46–58.
412. Мананкова Р.П. Правоотношение общей долевой собственности граждан по советскому законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 1970. – 265 с.
413. Маркова М.Г. Понятие и содержание права общей собственности // Очерки по гражданскому праву. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1957. – с.
414. Мартышин О.В. Проблема ценностей в теории государства и права // Государство и право. – 2004. – № 10. – С. 4–6.

415. Матвеев А.Г., Синельникова В.Н. Объекты интеллектуальной собственности, получающие охрану в XXI веке // Вестник Пермского университета. Серия «Юридические науки». – 2019. – № 2. – С. 281–309.

416. Матвеев И.В. Правовая природа недействительных сделок. – М.: Юрдитинформ, 2004. – 176 с.

417. Матиящук С.В. Правовое регулирование договорных отношений в сфере электро- и теплоснабжения. – М.: , 2011. – 234 с.

418. Матиящук С.В. Электрическая энергия и мощность как особые объекты гражданского оборота: вопросы теории и практики // Журнал российского права. – 2008. – № 12. – С. 94–99.

419. Маттеи У., Суханов Е.А. Основные положения права собственности. – М.: , 1999. – 384 с.

420. Матузов Н.И. Субъективные права граждан СССР. – Саратов: , 1966. – 190 с.

421. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. – М.: Юрист, 2004. – 512 с.

422. Медведев Д.А. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы // Вопросы экономики. – 2015. – № 10. – С. 5–29.

423. Медведев Д.Е. Новеллы законопроекта о внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации применительно к осуществлению деятельности по строительству объектов нефтегазодобывающих производств и иных аналогичных объектов гражданских прав // Вестник экономики, права и социологии. – 2012. – № 2. – С. 132–136.

424. Международное право = Völkerrecht / В. Г. Витцтум и др.; пер с нем., 2-е изд. / сост. В. Бергманн. – М.: Инфотропик Медиа, 2015. – с.

425. Международное частное право: учебник: в 2 т. Т. 2: Особенная часть / Е.А. Абросимова, А.В. Асосков, А.В. Банковский и др.; отв. ред. С.Н. Лебедев, Е.В. Кабатова. – М.: Статут, 2015. – 764 с.

426. Мейер Д.И. Русское гражданское право. – 3-е изд. – СПб.: , 1864. – 789 с.

427. Мейер Д.И. Русское гражданское право: в 2 ч. М.: , 2003. – Римское частное право: учебник / В.А. Краснокутский, И.Б. Новицкий, И.С. Перетерский и др.; под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. – М.: Юрист, 2004. – 544 с.

428. Мейер Д.И. Русское гражданское право: в 2 ч. Ч. 1. По изд. 1902 г. – М.: Статут, 1997. – 290 с.

429. Мейер Д.И. Русское гражданское право: чтения Д.И. Мейера, изданные по запискам слушателей / под ред. А. Вицына. 5-е. изд. – М.: типография Современ. Изв., 1873. – 730 с.

430. Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга // Утверждение династии. – М.: , 1997. – с.

431. Мельникова Т.В., Никиташина Н.А., Шалеева Ю.В. Цифровые финансовые активы как объекты гражданских прав // Юрист. – 2023. – № 11. – С. 37–42.

432. Мехтиев М.Г. Исследовательские центры международных финансовых институтов и их аналитическая деятельность в условиях чрезвычайных ситуаций // Научно-исследовательская деятельность международных организаций в условиях чрезвычайных ситуаций. – М.: Норма, 2021. – с.

433. Мехтиев М.Г. Природа криптовалют и их правового регулирования: международно-правовой и сравнительно-правовой аспекты // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. – Т. 19. – № 3. – С. 31–42.

434. Мехтиев М.Г. Регулирование искусственного интеллекта: некоторые аспекты взаимодействия международного и национального права // Цивилист. – 2023. – № 5 (45). – С. 10–17.

435. Минкина Л.М. Право общей долевой собственности: понятие и особенности осуществления: дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2004. – 200 с.

436. Михайлов Д.И. Коммунальные услуги как объект гражданских прав // Новый юридический журнал. – 2012. – № 4. – С. 97–106.

437. Модельные правила европейского частного права / пер. с англ.; науч. ред. Н.Ю. Рассказова. – М.: Статут, 2013. – 989 с.

438. Мозолин В.П. Гражданское право. – М.: 1969. Т. I. – с.

439. Мозолин В.П. О концепции интеллектуальных прав // Журнал российского права. 2007. № 12. С.

440. Монахов В.Н. Социальные сети как объект регулирования // Эволюция государственных и правовых институтов в условиях развития информационного общества / отв. ред. И.Л. Бачило. – М.: ИГП РАН; ЮРКОМПАНИ, 2012. – с.

441. Моргунов С.В. Виндикация в гражданском праве. Теория. Проблемы. Практика. – М.: Статут, 2006. – 301 с.

442. Морозова И.Г., Курпякова С.И. К вопросу о классификации цифровых прав // Хозяйство и право. – 2022. – № 11. – С. 18–28.

443. Морхат П.М. Право и искусственный интеллект. – М.: , 2019. – 420 с.

444. Мотовиловкер Е.Я. Гражданское право на защиту как право на присуждение или исковое право требования к правонарушителю (миф о едином субъективном праве) // Lex russica. – 2016. – № 11. – С. 9–21.

445. Мурзин Д.В. Бестелесные вещи // Цивилистические записки: межвузов. сб. науч. тр. (к 80-летию С.С. Алексеева). – М.: , 2004. – Вып. 3. – 462 с.

446. Мурзин Д.В. Моделирование безвозмездного обязательства по оказанию услуг // Цивилистические записки. Межвузовский сборник научных трудов УГЮА. – Вып. 2. – М.: Статут, 2002. – С. 368–370.

447. Мурзин Д.В. Ценные бумаги – бестелесные вещи. Правовые проблемы современной теории ценных бумаг. – М.: , 1998. – 176 с.
448. Муромцев С.А. Избранные труды. – М.: Рос. полит. энцикл., 2010. – 600 с.
449. Нагорный Р.С. Доменное имя как объект гражданского права // Журнал российского права. – 2008. – № 2. – С. 128.
450. Налетов К.И. Разведка и добыча нефти и газа: проблемы соотношения публичного и частного права // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2023. – № 2. – С. 52–57.
451. Налетов К.И. Эффективное государство. Правовые и управленческие аспекты // Ученые записки юридического факультета. 2022. – № 4. – С. 54–59.
452. Налетов К.И. Трансформация частноправового аспекта деятельности государства в эпоху глобализации // Страховое право. – 2018. № 2 (79). – С. 3–9.
453. Напсо М.Д. Коммодификация как современный тип рациональности // Народное образование. – 2020. – № 3. С. 35–40.
454. Насонова Е.Н. Информация как объект гражданского права: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – 185 с.
455. Наумов В.Б. Право и Интернет. Очерки теории и практики. – М.: , 2002. – 432 с.
456. Незнамова А.А. Оценочная услуга как гражданско-правовая категория // Гражданское право. – 2018. – № 1. – С. 29–31.
457. Нестеров А.В. Правовая категория нематериальных (существующих) благ и их систематизация // Журнал российского права. – 2020. – № 3. – С. 19–30.
458. Нестолый В.Г. Договор энергоснабжения – самостоятельный институт российского гражданского права // Сибирский юридический вестник. – 2003. – № 3. – С. 26–28.

459. Нешатаева Т.Н. Уроки судебной практики о защите прав человека: европейский и российский опыт / Т.Н. Нешатаева. – М.: Городец, 2007. – 320 с.

460. Никитин А.В. Применение общих положений о подряде к договорам возмездного оказания услуг // Российский юридический журнал. – 2018. – № 4. – С. 94–100.

461. Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. – М.: , 1950. – 416 с.

462. Новокшенова Н.А. Виртуальное игровое имущество как объект гражданского права // Управление в современных системах: сборник трудов XI Всероссийской (национальной) научно-практической конференции научных, научно-педагогических работников и аспирантов. – Челябинск: Южно-Уральский технологический университет, 2021. с.

463. Новоселова Л., Габов А., Савельев А. и др. Цифровые права как новый объект гражданского права // Закон. – 2019. – № 5. – С. 31–54.

464. Новоселова Л.А., Рожкова М.А. Интеллектуальная собственность: некоторые аспекты правового регулирования: монография. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2014. – 128 с.

465. Новосельцев О.В. Интеллектуальная собственность в системе гражданского права: проблемы правопонимания // Интеллектуальная собственность. Актуальные проблемы теории и практики: сборник научных трудов. Т. 1 / под ред. В.Н. Лопатина. – М.: Юрайт, 2008. – с.

466. Нохрина М.Л. Гражданско-правовое регулирование личных неимущественных отношений, не связанных с имущественными. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 372 с.

467. Нохрина М.Л. Понятие и признаки нематериальных благ: законодательство и цивилистическая наука // Правоведение. – 2013. – № 5. – с.

468. Общая теория советского права / под ред. С.Н. Братуся и И.С. Самощенко. – М.: Юридическая литература, 1966. – 491 с.

469. Объекты гражданских прав: учебник / отв. ред. Т.В. Дерюгина, В.Н. Ткачев, Л.А. Чеговадзе. – М.: Зерцало-М, 2021. – 472 с.
470. Обязательство по советскому гражданскому праву / М.М. Агарков. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. – 192 с.
471. Одинцов С.В., Миронов В.Ю. Цифровизация имущественного оборота: доктринальные трактовки и законодательная практика // Современное право. – 2020. – № 11. – С. 97–104.
472. Олеарий А. Описание путешествия в Московию. – М.: , 1996.
Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника // Источники истории. – Рязань: , 2005. – с.
473. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1 – 16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.В. Асосков, В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2020. – 1469 с.
474. Останина Е.А. О соотношении понятий «секундарное право» и «право ожидания» // Вестник ЧелГУ. – 2011. – № 29. – С. 48–51.
475. Павлова Д.А. К вопросу о дефиниции цифровых прав // Научные исследования современных проблем развития России: цифровая трансформация экономики: материалы Международной научно-практической конференции молодых ученых СПбГЭУ: сб. науч. ст. / редкол.: М.Ю. Сучкова, А.Д. Колбина, О.Д. Димитриченко и др.; под ред. Е.А. Горбашко. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2021. – с.
476. Пандекты: вещное право / пер. с нем. Т. 2 (Т. 1: ч. 2) / Г. Дернбург; под ред. А.Ф. Мейендорф; пер. А.Ю. Блох, А.Я. Гальперн; соавт. И. Бирман. – 6-е изд., испр. – СПб.: Гос. тип., 1905. – 376 с.
477. Паничкин Р.М. Правовая природа доли в общей долевой собственности // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 6. – С. 72–81.

478. Пергамент А. К вопросу об объекте правоотношения по советскому гражданскому праву (доклад И.Л. Брауде) // Советское государство и право. – 1950. – № 9. – С. 85–86.

479. Перепелкина Я.А. Виртуальное игровое имущество: перспективы правового регулирования // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2020. – № 3 (29). – С. 45–59.

480. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. – СПб.: , 2000. – 608 с.

481. Писков И.П. Право собственности: актуальные проблемы / отв. ред. В.Н. Литовкин, Е.А. Суханов, В.В. Чубаров; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации – М.: Статут, 2008. – с.

482. Плешаков Н.В. Проблемы правового регулирования договорных отношений на оптовом рынке электрической энергии: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 234 с.

483. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Ч. 1: Вотчинные права. – 2013. – 793 с.

484. Подузова Е.Б. Субъекты цифровых правоотношений: тенденции права и бизнеса // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – № 2. – С. 55–60.

485. Подузова Е.Б. Право как объект гражданских правоотношений в контексте цифровой среды и экономики совместного потребления // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 2. – С. 86–93.

486. Подшивалов Т.П. Объект гражданских прав и правовой режим: проблема определения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – Серия «Право». – 2013. – Т. 13. – № 3. – С. 49–54.

487. Подшивалов Т.П. Систематизация вещных исков в гражданском праве // Вестник гражданского права. – 2022. – № 5. – С. 85–118.

488. Покровский И.А. Абстрактный и конкретный человек перед лицом гражданского права // Вестник гражданского права. – 1913. – № 4. – С. 202–213.

489. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Серия «Классика российской цивилистики». – М.: , 2013. – 351 с.

490. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – Петроград: , 1917. – с.

491. Попондопуло В. Ф. Правовые формы цифровых отношений // Юрист. – 2019. – № 6. – С. 29–36.

492. Попцов А.В. Правовое регулирование доменного имени в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – 37 с.

493. Право и экономическая деятельность (экономическое право): учебник / Р.А. Курбанов, Ю.А. Крохина, Р.А. Гарагурбанлы и др. – М.: Проспект, 2023. – 448 с.

494. Право интеллектуальной собственности / под ред. И.А. Близнаца. – М.: Проспект, 2010. – 960 с.

495. Право интеллектуальной собственности: учебник для вузов / Л.А. Новоселова и др. / под ред. Л.А. Новоселовой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2023. – 335 с.

496. Право интеллектуальной собственности: учебник: в 4 т. / под общ. ред. Л.А. Новоселовой. Т. 1. Общие положения / Е.В. Бадулина, Д.А. Гаврилов, Е.С. Гринь и др. – М.: Статут, 2017. – 512 с.

497. Право собственности: актуальные проблемы / отв. ред. В.Н. Литовкин, Е.А. Суханов, В.В. Чубаров. – М.: Статут, 2008. – 731 с.

498. Правовая парадигма энергетики в контексте устойчивого экономического роста / А.Н. Варламова, О.А. Символоков, В.А. Северин и др. – М.: Юрист, 2022. – 384 с.

499. Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: монография / Московское отделение Ассоциации юристов России, МГУ имени М.В.

Ломоносова, Ассоциация российских дипломатов; отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. – М.: Юстицинформ, 2019. – 376 с.

500. Правовые основы деятельности корпораций и их объединений холдингового типа / Р.А. Курбанов, Е.В. Богданов и др. М.: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 2017. – 92 с.

501. Правовые основы противодействия коррупции: международные и национальные стандарты и инициативы: научно-практическое пособие: в 2 т. / Т.Я. Хабриева, Р.А. Курбанов, Н.А. Абузязова и др. Т. 1. – М.: Инфра-М, 2021. – 522 с.

502. Правовые памятники Древнего мира: учебные материалы по всеобщей истории государства и права для слушателей военно-юридического факультета / под ред. Ю.М. Бирюкова. – М.: , 1969. – 87 с.

503. Прокаев А.В. Гражданско-правовое регулирование отношений в сфере недропользования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, , 2010. – 26 с.

504. Протасов В.Н. Правоотношение как система. – М.: , 1991. – 143 с.

505. Псел О.П. Правовые проблемы реализации принципа единой судьбы земельного участка и расположенного на нем строения при их наследовании // Право и политика. – 2008. – № 1. – С. 208–211.

506. Пучков В.О. Информация – объект гражданского права? // Арбитражные споры. – 2020. – № 2. – С. 135–144.

507. Пучков В.О. Посмертная передача цифровых объектов: пользовательское соглашение vs национальное наследственное право // Наследственное право. – 2020. – № 3. – С. 17–23.

508. Пучков Е.А. Правовое регулирование договора возмездного оказания услуг: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – 146 с.

509. Рагулина А.В., Никитова А.А. Интеллектуальная собственность: понятие, содержание и защита. – М.: Редакция «Российской газеты», 2017. – Вып. 21. – 176 с.

510. Ровный В.В. Проблемы объекта в гражданском праве. – Иркутск:, 1998. – с.

511. Рожкова М.А. Понятие деловой репутации, содержание прав на деловую репутацию // Защита деловой репутации в случаях ее диффамации или неправомерного использования (в сфере коммерческих отношений): научно-практическое пособие / под общ. ред. М.А. Рожковой. – М.: Статут, 2015. – с.

512. Рожкова М.А. К вопросу о понятии «собственность» в Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике Европейского Суда по правам человека // Журнал российского права. – 2006. – № 12. – С. 61–62.

513. Рожкова М.А. Категории «цифровое право», «цифровые права» и «цифровая валюта» в российском праве // Право цифровой экономики. 2021 (17). Ежегодник-антология / рук. и науч. ред. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2021. – № 17. – С. 10–68.

514. Рожкова М.А. О некоторых вопросах оборота исключительных прав и материальных носителей объектов интеллектуальной собственности // Журнал российского права. – 2014. – № 9. – С. 5–11.

515. Рожкова М.А. Обладатель прав на доменное имя: характеристика правовых возможностей // Хозяйство и право. – 2015. – № 12 (467). – С. 3–16.

516. Рожкова М.А. Право в сфере Интернета: сборник статей / М.З. Али, Д.В. Афанасьев, В.А. Белов и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2018. – 528 с.

517. Рожкова М.А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым // ЭЖ Закон.ru. URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositsya_virtualnoe_s_cifrovym#comment_466344

518. Рожкова М.А. Является ли цифровое право отраслью права и нужно ли ожидать появления Цифрового кодекса? // Хозяйство и право. – 2020. – № 4. – С. 3–13.

519. Розин Н.Н. О похищении электрической энергии // Вестник права. – 1899. – № 10. – С. 89–104.
520. Романец Ю.В. Договор возмездного оказания услуг // Закон. – 1999. № 10. – С. 119–122.
521. Романец Ю.В. Общая характеристика договоров оказания юридических услуг (поручение, комиссия, агентирование // Законодательство. – 2001. – № 4. – С. 38–43.
522. Романец Ю.В. Система договоров в гражданском праве России. – М.: , 2001. – 496 с.
523. Романов Г.В. Критерии охраноспособности произведения в авторском праве // Российский юридический журнал. – 2021. – № 3. – С. 79–93.
524. Ромовская З.Л. Личные неимущественные права граждан СССР: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Киев, 1968. – 20 с.
525. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / В.С. Ем, И.А. Зенин, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. – М.: Статут, 2011. – 958 с.
526. Руденко Е.Ю. К вопросу о понятии цифровых прав как объектов гражданских правоотношений // Гражданское право. – 2021. – № 4. – С. 7–10.
527. Йеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Часть первая / Рудольфа Йеринга, ординарного профессора прав в Геттингене; перевод с третьего, испр. нем. изд. – СПб.: Типография В. Безобразова и Комп., 1875. – 309 с.
528. Рыженков А.Я. Объекты гражданских прав: теоретические и философские аспекты // Гражданское право. – 2017. – № 6. – С. 19–22.
529. Саватье Р. Теория обязательств: юридический и экономический очерк. – М.: Прогресс, 1972. – 440 с.

530. Савельев А.И. Гражданско-правовые аспекты регулирования оборота персональных данных // Вестник гражданского права. – 2021. – № 4. – С. 104–129.

531. Савельев А.И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. – 2017. – № 8. – С. 136–153.

532. Савельев А.И. Направления регулирования Больших данных и защита неприкосновенности частной жизни в новых экономических реалиях // Закон. – 2018. – № 5. – С. 122–144.

533. Савельев А.И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. – 2014. – № 1. – С. 127–150.

534. Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права: в 8 т. Т. II / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. – М.: , 2012. – 573 с.

535. Садовский В.Н. Основания общей теории систем: логико-методологический анализ. – М.: , 1974. – 279 с.

536. Санникова Л.В. Услуги в гражданском праве России. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 160 с.

537. Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Правовая сущность новых цифровых активов // Закон. – 2018. – № 9. – С. 86–95.

538. Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Цифровые активы как объекты предпринимательского оборота // Право и экономика. – 2018. – № 4. – С. 27–34.

539. Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М.: 4 Принт, 2020. – 304 с.

540. Сараев Д.В. О соотношении понятий нематериальные блага и личные неимущественные права // Юрист. – 2002. – № 7. – С. 3–6.

541. Сарбаш С.В. Гражданский оборот в цифровую эпоху. URL: https://zakon.ru/blog/2017/10/21/grazhdanskij_oborot_v_cifrovuyu_epohu

542. Свирков С.А. Гражданско-правовое регулирование в сфере энергоснабжения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – 56 с.
543. Свирков С.А. К вопросу об объектах гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. – 2012. – № 1. – С. 102–116.
544. Свирков С.А. Основные проблемы гражданско-правового регулирования оборота энергии: монография. – М.: Статут, 2013. – 479 с.
545. Семенова Е.Г. Правовой режим участка недр как объекта гражданских прав // Власть Закона. – 2017. – № 2. – С. 177–189.
546. Сенчищев В.И. Объект гражданского правоотношения // Актуальные проблемы гражданского права / под ред. М.И. Брагинского. – М.: Статут, 1999. – с.
547. Сергеев А.П. Авторское право России. – СПб.: , 1994. – 312 с.
548. Сергеев А.П., Терещенко Т.А. Большие данные: в поисках места в системе гражданского права // Закон. – 2018. – № 11. – С. 106–123.
549. Сердюков К.А. Правоотношения со множественностью лиц в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2011. – 26 с.
550. Серебровский В.И. Вопросы советского авторского права. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. – 283 с.
551. Серебровский В.И. Очерки советского наследственного права // Избранные труды. – М.: , 1997. – с.
552. Серебрякова Д. Имущественная составляющая интеллектуальных прав // ИС. Авторское право и смежные права. – 2017. – № 4. – С. 33–40.
553. Серова О.А. Саморегулирование в условиях цифровой трансформации общественных отношений // Гражданское право. – 2023. – № 3. – С. 16–18.
554. Сидорова О.Ю. Информация как объект абсолютных и относительных гражданских правоотношений: дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2003. – 196 с.

555. Символоков О.А. Договоры в электроэнергетике: проблемы теории и практики: монография. – М.: Инфотропик Медиа, 2021. – 186 с.
556. Синайский В.И. Русское гражданское право. Серия «Классика российской цивилистики». – М.: , 2002. – 636 с.
557. Синицын С.А. Вещь как объект гражданских прав: возможные и должные критерии идентификации // Законодательство и экономика. – 2016. – № 11. – С. 7–17.
558. Синицын С.А. Некоторые общие особенности развития категории «недвижимость» в российском гражданском праве // Гражданское право. – 2023. – № 2. – С. 30–34.
559. Синицын С.А. Общие положения о вещном праве: сравнительно-правовое исследование: монография. – М.: Инфотропик Медиа, 2019. – 276 с.
560. Синицын С.А. Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации. Опыт междисциплинарного и отраслевого исследования: монография. – М.: Инфотропик Медиа, 2020. – 212 с.
561. Большой российский энциклопедический словарь. – М.: БРЭ, 2003. – 1887 с.
562. Ситдикова Л.Б. Нормативная модель договора возмездного оказания услуг // Российский судья. – 2008. – № 1. – С. 32–34.
563. Ситдикова Л.Б. Правовое регулирование отношений в сфере оказания информационных и консультационных услуг в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2009. – 50 с.
564. Ситдикова Л.Б. Правовое регулирование отношений по возмездному оказанию услуг: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2002. – 23 с.
565. Ситдикова Л.Б. Теоретические и практические проблемы правового регулирования информационных и консультационных услуг в гражданском праве России. – М.: Юрист, 2008. – 343 с.

566. Ситдикова Л.Б. Условия применения ответственности за причинение нематериального вреда // Российская юстиция. – 2015. – № 11. – С.11–14.

567. Скловский К.И. Механизм перехода права и последствия цессии // Хозяйство и право. – 2002. – № 2. – С. 60–67.

568. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. – 5-е изд., перераб. – М.: Статут, 2010. – 893 с.

569. Собчак А.А., Егоров Н.Д. Основы гражданского законодательства: проблемы совершенствования // Советское государство и право. – 1988. – № 10. – С. 47–55.

570. Советское гражданское право: в 2 т. / под ред. О.А. Красавчикова. – Т. 1. – М.: Высшая школа, 1968. – 520 с.

571. Советское гражданское право: учебник / отв. ред. О.С. Иоффе, Ю.К. Толстой, Б.Б. Черепахин. Т. 1. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. – 472 с.

572. Современная концепция взаимодействия международного и внутригосударственного права / А.Я. Капустин, В.Р. Авхадеев, Г.М. Азнагулова и др. – М.: Инфра-М, 2023. – 336 с.

573. Современные концепции верховенства права и правового государства: сравнительно-правовое исследование: монография / отв. ред. Т.Я. Хабриева, А.И. Ковлер. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Норма; ИНФРА-М, 2024. – 416 с.

574. Соломин С.К., Соломина Н.Г. Юридические факты и иные жизненные обстоятельства: цивилистический очерк: монография. – М.: Юстицинформ, 2022. – 168 с.

575. Старженецкий В.В. Соотношение международного (европейского) и российского правового регулирования института собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – 29 с.

576. Степанов Д. Услуги как объект гражданских прав // Российская юстиция. 2000. – № 2..

577. Степанова В.Е. Система объектов гражданского права – фикция или реальность? // Власть. 2013. № 10. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/2898/2697>

578. Степанян А.С. Некоторые проблемы гражданско-правового оборота цифровых прав // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2020. – № 7. – С. 27–31.

579. Стучка П.И. Курс советского гражданского права. – Т. 2. – М.: , 1929. – 376 с.

580. Суворов Н.С. Лекции по энциклопедии права. – М.: , 1907. – 129 с.

581. Судариков С.А. Право интеллектуальной собственности: учебное пособие. – М.: Проспект, 2013. – 365 с.

582. Судебная практика в современной правовой системе России: монография / Т.Я. Хабриева, В.В. Лазарев, А.В. Габов и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой, В.В. Лазарева. М.: ИЗиСП; НОРМА; ИНФРА-М, 2017. – 432 с.

583. Суханов Е. А. Российское гражданское право. Общая часть. – 4-е изд. – М.: Статут, 2015. – 958 с.

584. Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. – М.: Статут, 2017. – 560 с.

585. Суханов Е.А. Гражданское право России – частное право / отв. ред. В.С. – Ем. М.: Статут, 2008. – 588 с.

586. Суханов Е.А. Недвижимость в системе объектов гражданских прав // Журнал российского права. – 2021. – № 1. – С. 16–22.

587. Суханов Е.А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. – 2021. – № 6. – С. 7–29.

588. Суханов Е.А. О понятии недвижимости и его влиянии на иные гражданско-правовые категории // Вестник гражданского права. – 2008. – № 4. – С. 6–16.

589. Суханов Е.А. Социальное лицо гражданского права (к постановке вопроса) / Гражданское право социального государства: сборник статей,

посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930 – 2020). – М.: , – 2020. С. 27–28. – с.

590. Сыродоев Н.А. Регистрация прав на землю и другое недвижимое имущество // Государство и право. – 1998. – № 8. – С. 90–97.

591. Хабриева Т.Я., Ковлер А.И., Курбанов Р.А. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации. – М.: Норма, 2023. – 384 с.

592. Тагаева С.Н. Виртуальное игровое имущество – объект гражданских прав? // Юрист. – 2023. – № 9. – С. 11–16.

593. Тарановский Ф.В. Энциклопедия права. – 3-е изд. – СПб.: Лань, 2001. – 560 с.

594. Тархов В.А., Рыбаков В.А. Собственность и право собственности. – Уфа: , 2001. – 420 с.

595. Тебенькова С.А. Электрическая энергия как объект гражданских прав // Юрист. – 2015. – № 3. – С. 21–25.

596. Темникова Н.А. Реализация и защита личных неимущественных прав ребенка в семейном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2006. – 27 с.

597. Теория государства и права / С.А. Голунский, М.С. Строгович. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. – 304 с.

598. Терских Л.А. Подход Европейского Суда по правам человека к понятию права собственности // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 5. – С. 162–170.

599. Тимешов Р.П. Нематериальные блага в гражданском праве и их защита: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2010. – 25 с.

600. Тихомиров Ю.А. Право и саморегулирование // Журнал российского права. – 2005. – № 9. – С. 86–96.

601. Толстой В.С. Исполнение обязательств. – М.: Юридическая литература, 1973. – 206 с.

602. Толстой Ю.К. К теории правоотношения. – Л.: Изд. Ленинградского университета, 1959. – 88 с.

603. Трансформация права в цифровую эпоху: монография / Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет; под ред. А.А. Васильева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. – 432 с.

604. Трофимова Г.А. Правовая природа договора, посредством которого даритель освобождает одаряемого от имущественной обязанности // Цивилист. – 2013. – № 4. – С. 60–64.

605. Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права // Труды по философии права. – СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 2001. – 543 с.

606. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. – СПб.: Юрид. ин-т, 1998. – 183 с.

607. Трунцевский Ю.В., Ручкин О.Ю., Шумов А.А. Договор энергоснабжения на розничных рынках электрической энергии: научно-практическое пособие. – М.: Юрист, 2010. – 95 с.

608. Тужилова-Орданская Е.М. Понятие и особенности недвижимости как объекта прав по Гражданскому кодексу РФ // Журнал российского права. 2014. – № 6. – С. 12–14.

609. Туктаров Ю.Е. Имущественные права как объекты гражданско-правового оборота // Актуальные проблемы гражданского права: сборник статей / под ред. О.Ю. Шиловых. – М.: , 2003. – С. 101–136.

610. Тухватулина А.Г. Информация как объект гражданских прав // Вестник молодых ученых и специалистов Самарского университета. – 2020. – № 2 (17). – С. 245–250.

611. Ульбашев А.Х. Общее учение о личных правах. – М.: Статут, 2019. – 255 с.

612. Усачева К.А. О современных тенденциях в сфере гармонизации и унификации договорного права // Вестник гражданского права. – 2021. – № 2. – С. 134–148.

613. Ушаков О. Новые сферы применения ЦФА // Банковское обозрение. – 2023. – № 8. – С. 22.

614. Фаустов С.А. Правовое регулирование электро- и теплоснабжения в системе энергоснабжения в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 211 с.

615. Федоренко Н., Лапач Л. Особенности оборота имущественных прав // Хозяйство и право. – 2001. – № 11. – С. 12–17.

616. Филиппова С.Ю. Множественность лиц и гражданско-правовое сообщество: сходства и различия // Закон. – 2022. – № 6. – С. 30–41.

617. Филиппова С.Ю., Харитонов Ю.С. Имидж коммерсанта: правовое регулирование и способы охраны. – М.: , 2018. – 288 с.

618. Фишман Л.Г. Коммодификация как фактор морального и политического прогресса // Полития. – 2019. – № 2 (93). – С. 6–27.

619. Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран // Избранные труды по гражданскому праву. Серия «Классика российской цивилистики»: в 2 т. – М.: , 2015. – Т. 1. – 510 С.

620. Фомина О.Н. От вещных прав к правам на нематериальные и цифровые объекты // Гражданское право. – 2023. – № 2. – С. 42–45.

621. Хабриева Т.Я., Ковлер А.И., Курбанов Р.А. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М.: Норма, 2023. – 384 с.

622. Халагаева О.А. Виды цифровых прав // Гражданское право. – 2023. – № 5. С. 42–45.

623. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. – М.: Юридическая литература, 1974. – 351 с.

624. Харари Ю.Н. Номо Deus. Краткая история будущего. – М.: Синдбад, 2019. – 492 с.
625. Хвостов В.М. Система римского права: учебник. М.: Спарк, 1996. – 540 с.
626. Хлестова И.О. Международно-правовые договоры о защите иностранного инвестора // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 4. – С. 99–105.
627. Хорошева Н.В. Публичный договор энергоснабжения: проблемы при заключении путем присоединения // Гражданское право. – 2016. – № 3. – С. 17–20.
628. Цветаев Л.А. Основания права частного гражданского. – М.: Университетская типография, 1825. – 156 с.
629. Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права: монография / А.А. Богустов, В.Н. Глонина, М.А. Рожкова и др.; под общ. ред. М.А. Рожковой. – М.: Статут, 2018. – 271 с.
630. Цитович П.П. Русское гражданское право. Общая часть: конспект лекций. – Киев: Типография И.И. Чоколова, 1894. – 80 с.
631. Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: научно-практическое пособие / М.О. Дьяконова, А.А. Ефремов, О.А. Зайцев и др.; под ред. И.И. Кучерова, С.А. Сеницына. М.: ИЗиСП; НОРМА, 2022. – 376 с.
632. Цифровая экономика: концептуальные основы правового регулирования бизнеса в России: монография / отв. ред. В.А. Лаптев, О.А. Тарасенко. – М.: Проспект, 2021. – 488 с.
633. Чаплин Н.Ю. Концепция единого объекта недвижимости: к вопросу о целесообразности и возможности ее реализации в российском законодательстве // Журнал российского права. – 2019. – № 1. – С. 150–158.
634. Чаусская О.А. Гражданское право: учебник для студентов образовательных учреждений среднего профессионального образования. – М.: Дашков и К, 2007. – 480 с.

635. Чебаев В.Н. Соотношение понятий «объект права» и «объект правоотношения»: вопросы теории // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ) – 2015. – № 6 (15). – С. 50–52.

636. Чебаев В.Н. Статус объекта права: монография. – М.: ЧОУВО «МУ имени С.Ю. Витте», 2014. – с.

637. Чеговадзе Л.А. О возмещении вреда как предоставлении по деликтному обязательству // Гражданское право. – 2020. – № 6. – С. 7–11.

638. Чеговадзе Л.А. Объекты гражданских прав и новая редакция статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2014. – № 10. – С. 81–86.

639. Чеговадзе Л.А. Структура и состояние гражданского правоотношения. – М.: Статут, 2004. – 542 с.

640. Черданцев А.Ф. Теория государства и права. – М.: Юрайт-М, 2002. – 432 с.

641. Черниловский З.М. Всеобщая история государства и права. – М., 1996. – 312 с.

642. Черничкина Г.Н. К вопросу становления в российском законодательстве понятия «интеллектуальная собственность» // Современное право. – 2018. – № 1. С. 57–65.

643. Четвергов Д.С. Правовой режим виртуального имущества // Право и бизнес. – 2021. – № 3. – С. 33–39.

644. Чеховская С.А. Модель корпоративного права для цифровых корпораций // Коммерческое право. Научно-практический журнал. – 2019. – № 4. – С. 38–47.

645. Чупова М.Д. Забытые Судебники (1589 и 1606/07) // Lex russica. – 2017. – № 2. – С. 184–207.

646. Чурилов А.Ю. Правовое регулирование интеллектуальной собственности и новых технологий: вызовы XXI века: монография. – М.: Юстицинформ, 2020. – 224 с.

647. Шагиева Р.В. Концепция правовой деятельности в современном обществе. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2005. – 311 с.
648. Шамсумова Э. Ф. Правовые режимы (теоретический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2001. – 23 с.
649. Шахназаров Б.А. NFT как способ фиксации имущественных и личных неимущественных прав в условиях цифровизации общества // Право и цифровая экономика. – 2022. – № 3. – С. 12–21.
650. Шахназаров Б.А. Общая характеристика системы коллизионно-правового регулирования объектов промышленной собственности // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 2. – С. 144–155.
651. Шебанова Н.А. «Модное» право: монография. – М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2018 // СПС «КонсультантПлюс».
652. Шевцов О.С. Некоторые аспекты понятия имущества как объекта гражданских прав // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – № 4. – С. 121–128.
653. Шелютто М.Л. Гражданское право России / под ред. О.Н. Садикова. – М.: Юрист, 2001. – С. 261–267.
654. Шелютто М.Л. Гражданско-правовая защита деловой репутации юридических лиц // Журнал российского права. – 1997. – № 12. – С. 33–42.
655. Шершеневич Г.Ф. Авторское право на литературные произведения. – Казань: Типография Императорского университета, 1891. – 313 с.
656. Шершеневич Г.Ф. Избранное. Т. 5: Учебник русского гражданского права / вступ. слово, сост. П. Крашенинников. – М.: Статут, 2017. – 832 с.
657. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). – М.: Спарк, 1995. – 556 с.
658. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – М.: , 1914–1915. – Т. 2. – 896 с.

659. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 1 / Г.Ф. Шершеневич. – 11-е изд. – М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1914. – 483 с.

660. Шестакова М.П. О неформальных источниках регулирования внешнеэкономических отношений // Международное публичное и частное право. – 2019. – № 6. – С. 31–35.

661. Шешенин Е.Д. Общие проблемы обязательств по оказанию услуг // Антология уральской цивилистики, 1925 – 1989. – М.: Статут, 2001. – с.

662. Шешенин Е.Д. Предмет обязательства по оказанию услуг: сборник ученых трудов. – Свердловск, 1964. – Вып. 3. – С. 151–193.

663. Шмелева Д.Н. Правовой режим сооружений обустройства месторождений нефти и газа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2004. – 24 с.

664. Шопенгауэр А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1: Мир как воля и представление / пер. с нем.; под общ. ред. А. Чанышева. – М.: , 1999. – 496 с.

665. Щенникова Л.В. Вещные права в гражданском праве России. – М., – 1996. – 200 с.

666. Щенникова Л.В. Значение категории «объект гражданских прав» для практического гражданского законодательства // Законодательство. – 2004. – № 11. – С. 9–13.

667. Щербак Н.В. Эволюция структуры авторских прав в современном гражданском законодательстве // Вестник гражданского права. – 2020. – № 1. – С. 133–145.

668. Щербак Н.В. Экзистенциальные особенности гражданско-правового режима объектов авторского права и смежных прав // Вестник гражданского права. – 2021. – № 6. – С. 99–134.

669. Энтин М. Л., Энтина Е.Г. Влияние права прав человека на прогрессивное развитие современного международного права. Часть I // Московский журнал международного права. – 2017. – № 2(106). – С. 29-44.

670. Эрво Л. Влияние религии на гражданский процесс: восточно-скандинавская перспектива // Вестник гражданского процесса. – 2014. – № 4. – С. 34–48.

671. Эрделевский А. О правовой природе деловой репутации // СПС «КонсультантПлюс».

672. Эрделевский А.М. О цифровых правах // СПС «КонсультантПлюс».

673. Юзефович Ж.Ю., Хазова В.Е. Цифровые права как объекты гражданских прав // Гражданское право. – 2022. – № 5. – С. 15-18.

674. Юридическая концепция роботизации: монография / Н.В. Антонова, С.Б. Бальхаева, Ж.А. Гаунова и др.; отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба. – М.: Проспект, 2019. – 240 с.

675. Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б.Н. Топорнин. – М.: , 2001. – с.

676. Юрченко А.К. Объект изобретательского права. В кн.: Очерки по гражданскому праву. – Л.: , 1957. – с.

677. Юшков А. Залог денежных средств: проблемы и решения // Хозяйство и право. – 2006. – № 6. – С. 126–137.

678. Яковлев А.С. Имущественные права как объекты гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2003. – 216 с.

679. Ясперс К. Философия. Книга вторая: Просветление экзистенции / пер. с нем. А. К. Судакова. – М., –2012. – 448 с.

680. Ястребов С.В. Право как предмет залога: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – 24 с.

681. Яхонтов Р.Н. Соотношение объекта права и объекта правоотношения в гражданском праве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1 (93) – С. 82–88.

682. Яценко Т.С. Имя физического лица как предмет сделки: от критики до признания в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2022. – № 3. – С. 118–144.